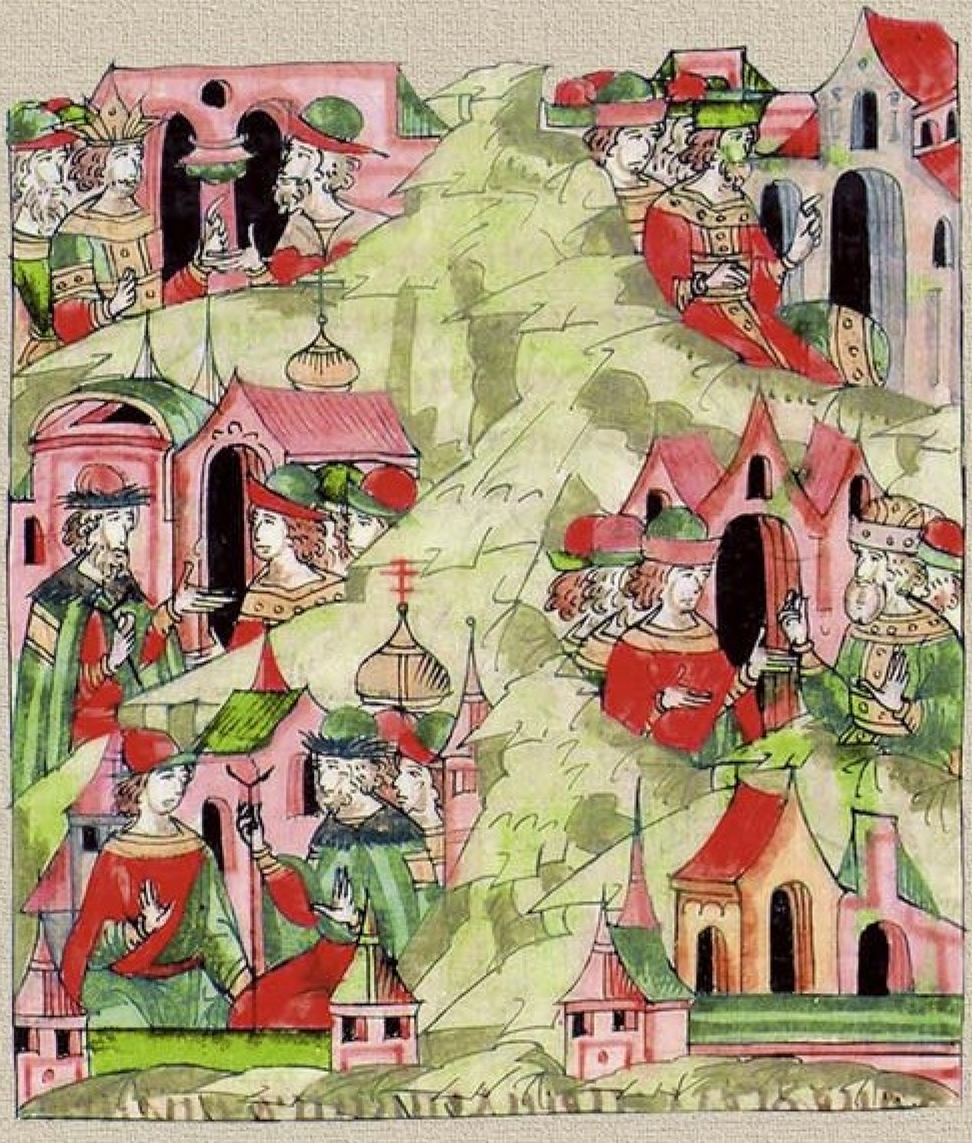
STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВЫПУСК 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»
Кафедра историко-культурного наследия Беларуси

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Научный сборник

Основан в 2008 году

Выпуск 1

Минск
«ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР БГУ»
2008

УДК 94(4-11)(082)

В научном сборнике представлены актуальные исследования белорусских и зарубежных ученых, посвященные широкому кругу проблем истории Восточной Европы на рубеже Средневековья и Нового времени. Издание подготовлено при поддержке Фонда «Русский мир» (Россия).

Адресуется студентам, аспирантам, преподавателям и научным работникам, а также всем, кто интересуется историей восточных славян.

Рекомендовано
Ученым советом Государственного учреждения образования
«Республиканский институт высшей школы»
25 ноября 2008 г., протокол № 33

Рецензенты:
д-р ист. наук, проф. ***В. С. Кошелев;***
д-р ист. наук, проф. ***Н. С. Сташкевич***

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научный сборник «Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы», первый выпуск которого вы держите в своих руках, стал результатом сотрудничества белорусских и российских историков. Цель настоящего издания – объединить усилия ученых-медиевистов, занимающихся исследованием истории восточноевропейского региона в Средние века и раннее Новое время.

В основу первого выпуска сборника легли материалы «Летней школы молодых историков Беларуси и России — 2008», которая прошла на базе кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск) при поддержке Фонда «Русский мир» (Москва). Работа летней школы была посвящена историческим событиям XVI века, что связано с переломным характером этой эпохи в истории восточных славян и отмечаемой в 2008 году 450-летней годовщиной начала Ливонской войны 1558—1583 гг. В докладах и выступлениях участников летней школы — из Минска и Полоцка, Москвы и Санкт-Петербурга — рассматривались проблемы политической и социально-экономической истории, пути этноконфессионального и культурного развития восточных славян, вопросы источниковедения и историографии, актуальные тенденции развития исторической науки. Итоги работы летней школы показали необходимость развития научных контактов между учеными Беларуси, России и других стран, которые работают над различными вопросами истории и культуры восточнославянских народов.

Мы надеемся, что традиция подобных научных мероприятий будет продолжена, а ежегодник «Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы» займет свое место среди изданий, посвященных истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время.

А.В. Мартынюк

СТАТЬИ

Галенчанка Г.Я.

ДА ПЫТАННЯ АБ ЭТНІЧНЫХ І ЭТНАКАНФЕСІЙНЫХ КАТЭГОРЫЯХ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА XIV–XVI ст.: «БЕЛАРУСЦЫ», «ЛІЦВІНЫ» І «РУСІНЫ» Ў ДЫСКУРСАХ СУЧАСНЫХ ДАСЛЕДЧЫКАЎ І ПІСЬМОВЫХ КРЫНІЦАХ

Беларуская і замежная гістарычная навука, рэтраспектыўная этнаграфія апошніх дзесяцігоддзяў, мае прыкметныя дасягненні ў даследаванні гістарычных асноў і самога працэса фарміравання беларускага этнаса (народа, народнасці, нацыі) на розных яго стадыях, у распрацоўцы складаных канцэптуальных праблем, але менавіта ў тэарэтычным кантэксце асабліва адчувальны значныя разыходжанні ў прынцыпах крытыкі дасягальных крыніц, іх селекцыі, разуменні шэрагу галоўных паняццяў[1].

---

[1] Можна назваць шэраг прац без іх канкрэтнай ацэнкі: Этнаграфія беларусаў: гістарыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя / В.К. Бандарчык, І.У. Чаквін, І.Г. Углік і інш. Мінск, 1985; Alexsandrowicz S. Ruska świadomość narodowa w średniowieczu / Państwo, naród, stany w świadomośći wieków średnich. Warszawa, 1990. S. 111—128; Пилипенко М.Ф. Возникновение Белоруссии: Новая концепция. Минск, 1991; Імя тваё «Белая Русь»/ Склад. Г. Сагановіч. Мінск, 1991; Фарміраванне і равіццё нацыянальнай самасвядомасці беларусаў: матэр. міжнар. навук. канф. (Маладзечна, 19—20 жніўня 1992 г.) // Беларусіка—Albaruthenica. Кн. 2, Мінск, 1992; Цітоў В.С. Народная спадчына: гістарычныя шляхі і этнакультурныя стасункі. Мінск, 1994; Анціпенка А. Этнас, нацыя, нацыянальная самасвядомасць (да вызначэння падставовых паняццаў) // Беларусіка—Albaruthenica. Кн. 3, Мінск, 1994; Чаквін І.У. Этнічная гісторыя беларусаў эпохі феадалізму (XIV — першая палова XVII ст.) / Аўтарэф. дыс. ... доктара гістар. навук. Мінск, 1995; Насевіч В.Л., Спірыдонаў М.Ф. «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. // Наш край. Вып. 1: З глыбі вякоў. 1996. С. 4–18; Чаквін І. Нацыя ліцвінаў у этнагенезе беларусаў: параўнальнатыпалагічны і гістарычны аспекты // Беларусіка–Albaruthenica. Мінск, 1997; Флоря Б.Н. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья – раннего Нового времени // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 14–24; Беларусы: гісторыя этналагічнага вывучэння. Т. 3. Мінск, 1999; Богданович А.Б. Формирование этнического самосознания белорусов (IX — первая половина XVII в.) / Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Минск, 1999; Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной

Развіццё этнічнай (нацыянальнай) свядомасці ў даследаваннях гістарычнай этнаграфіі звычайна напрамкі звязваецца з узнікненнем новага асобнага эндаэтноніма (саманазвы) насельніцтва[2].

У сучаснай гістарыяграфіі старажытнай Беларусі і Украіны (нярэдка ў сувязі з прагматычнымі палітычнымі мэтамі) выразна адчуваецца тэндэнцыя да выяўлення глыбіннай гістарычнай, палітычнай і этнічнай спадчыны беларускага і ўкраінскага народаў. Гэтыя відавочныя і ў цэлым заканамерныя пошукі ў працах некаторых даследчыкаў спалучаюцца з прыкметнай мадэрнізацыяй гістарычнага працэсу, а ў дачыненні да нашай тэмы — з фактычным атаясамленнем этнічнай і нацыянальнай свядомасці ў розныя гістарычныя перыяды, з непераканаўчымі спробамі досыць абстрактна абгрунтаваць гістарычную «заглыбленасць» узнікнення сучасных этнічных утварэнняў, асабліва так званых тытульных нацый, і адпаведна выкарыстанне шэрагу важных этнавызначальных тэрмінаў (эндаэтнонімаў — саманазваў насельніцтва) у вельмі далёкай сівой мінуўшчыне. Ва ўкраінскай гістарыяграфіі згаданая тэндэнцыя, напрыклад, адбілася ў абсалютна фантастычнай гіпотэзе аб паходжанні этноніма «украінцы» ад антаў, а ў беларускай — у распаўсю-

Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII в. СПб., 1999; Белы А. Хроніка «Белай Русі»: нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Мінск, 2000; Этнічныя супольнасці ў Беларусі. Гісторыя і сучаснасць: матэр. навук. канф. / Мінск, 6—7 снежня 2001 г. Мінск, 2001; Старостенко В.В. Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X—XVII вв.). Могилев, 2001; Беларусы: вытокі і этнічнае развіццё. Т. 4. Мінск, 2001; Чернявская Ю.В. Этнокультурная самоидентификация белорусского народа / Автореф. дис. ... канд. культурологии. Минск, 2002; Radzik R. Między zbiorowścią etniczną a wspólnotą narodową. Warszawa, 2002; Мельников А.П. Национальный менталитет белорусов. Минск, 2005; Tereskinas A. Imperfect communities: Identity, Discourse and Nation in the seventeenth-century Grand Duchy of Lithuania. Vilnius, 2005; Latyszonak O. Od rusinów białych do białorusinów. U źródeł białoruskiej idei narodowej. Białystok, 2006; Марзалюк І.А. Этнічны і канфесійны свет беларускага горада XVI—XVIII ст. Магілёў, 2007.

[2] Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. «Непременный внешний признак племен, народностей, наций заключается в том, — утверждает автор, — что каждое из этих образований имеет свое самоназвание — собственное имя» (С. 45). Можна пагадзіцца таксама з другой канстатацыяй даследчыка, што экзаэтнонімы (назвы з боку іншых народаў) нярэдка адрозніваюцца ад саманазваў (эндаэтнонімаў, якія адназначны і даволі ўстойлівы (С. 45—46).

джанні знешне, здаецца, даволі рэальных тэзісаў аб узнікненні ўласных эндаэтнонімаў беларусаў («літвіны» і «беларусцы») ужо ў XIII—XVI ст., ці нават раней. Не зусім карэктная крытыка гэтых пастулатаў і ідэалагізацыя супрацьлеглых доказаў (найбольш вядомы прыклад — тэзіс аб «рускай» народнасці, якая нібыта поўнасцю сфарміравалася яшчэ ў часы Кіеўскай Русі) толькі падмацоўвалі іншыя погляды. Між тым у старажытнай народнай лексіцы, а пазней і ў розных сферах пісьменнасці выразна адбіліся этнічныя і мэтаэтнічныя ўяўленні вельмі далёкіх продкаў сучасных тытульных нацый на пэўных этапах іх паступовага развіцця і кансалідацыі, даўнія гістарычныя сувязі, царкоўна-канфесійныя, моўныя і культурныя традыцыі. Ускладняюць навуковы аналіз таксама наіўныя або ідэалагізаваныя спробы атаясамлення ці падмены цэласных і дастаткова разгорнутых эндаэтнонімаў асноўных этнічных утварэнняў, характэрных для Сярэдніх вякоў і ранняга Новага часу, этнічнымі формамі рэгіянальнага ці лакальнага генезісу — крывічы, палачане, дрыгавічы, валашчане, месцічы пэўных населеных пунктаў і інш. Мноства падобных этнанімічных формаў былі ў значнай ступені абумоўлены складаным таксанімічным характарам этнічных, сацыяльных і іншых працэсаў і ўяўленняў на землях тагачаснага ВКЛ, у тым ліку на землях Беларусі. Асэнсаванне цэласнасці, жыццяздольнасць усяго этнасу, пры гэтым з прызнаннем яго сацыяльнай раздробленасці і пэўнай палітычна-дзяржаўнай арыентацыі, у той перыяд была найбольш характэрна для адукаваных і пісьмовых пластоў насельніцтва, а пераважная большасць простага паспалітага люду, ды і пануючыя сацыяльныя пласты і афіцыйныя структуры ўлады пераважна задавальняліся вузкай і адраснай канкрэтыкай. Дастаткова паглядзець масавыя гістарычныя крыніцы, скажам, судовыя і іншыя матэрыялы Метрыкі ВКЛ, дзе мясцовыя назвы і агульнадзяржаўныя катэгорыі вольнага, залежнага і службовага люду ледзве не поўнасцю выцясняюць агульнаэтнічныя вызначэнні. Тым не менш, з метадалагічнага і гістарычнага пункту гледжання было б значнай памылкай адмаўляць пэўнае суіснаванне агульных эндаэтнічных уяўленняў з іншымі формамі этнічнай, сацыяльнай, палітычнай свядомасці ў ментальнасці ўсіх пластоў насельніцтва. Згаданы тэзіс, здаецца, падзяляе большасць гісторыкаў. Значныя навуковыя праблемы фіксуюцца вакол пошукаў асноўнага этнаэтноніма продкаў сучасных беларусаў, характэрнага для адзначанага перыяду (хоць выключна і не замкнёнага у яго тэрытарыяльна-этнаграфічных межах). Распаўсюджаны

сцверджанні, што такімі галоўнымі вызначальнымі і аб'яднальнымі эндаэтнонімамі ў XIV—XVI ст. былі лексемы «беларусы», «беларусцы» і «літвіны» разам, ці паасобку. Тэрмін «русіны» ў значнай частцы галоўным чынам навукова-папулярнай публіцыстыцы адкідваўся як адлюстраванне вялікарускіх канцэпцый, характэрных для часоў «Масковіі» і Расійскай імперыі з іх «збіраннем» палітычнай спадчыны Кіеўскай Русі (тэрмін сапраўды эвфемістычны, бо пашырэнне тэрыторыі Рускай манархіі ажыццяўлялася пераважна ваенна-палітычнымі метадамі). Варта даць сціслую аб'ектыўную ацэнку згаданым этна-гістарычным катэгорыям у іх рэпрэзентатыўнай крыніцазнаўчай інтэрпрэтацыі.

I. «Белая Русь», «беларусы», «беларусцы»

Тэрмін «Белая Русь» і вытворныя катэгорыі да канца XVI ст. (фактычна даволі доўга і ў наступны перыяд) у этнічным кантэксце простага паспалітага люду не былі распаўсюджаным на землях усёй Усходняй Еўропы, у тым ліку і Беларусі. Асобныя згадванні пра выкарыстанне гэтага тэрміна асноўным насельніцтвам Беларусі ці іншых рэгіёнаў і замель Усходняй Еўропы яшчэ ў XII—XV ст. паходзяць з замежных тагачасных крыніц або народжаны некаторымі пазнейшымі расійскімі гісторыкамі, пачынаючы асабліва рэльефна з прац В.Н. Тацішчава, якія крытыкаваў яшчэ М.М. Карамзін. Усе летапісныя звесткі і іншыя наратыўныя і дакументальныя сцвярджэнні XII—XV ст., або адлюстраваны ў пазнейшых спісах, або міфалагічны ці маюць не этнічны, а тэрытарыяльны, а часам і дзяржаўна-рэгіянальны сэнс. Пад Белай Руссю да сярэдзіны XVI ст. замежныя і ўнутраныя сведчанні афіцыёзных і іншых асобаў Польшчы і радзей ВКЛ, пераважна таксама іншаземцаў, згадваюць разныя гістарычныя абшары, нярэдка акрэсліваюць землі усёй Усходняй Русі ці асобных яе арэалаў без устойлівай канстатацыі. З сярэдзіны XVI ст. тэрмін Белая Русь пачынае выкарыстоўвацца і ў дачыненні да ўсходніх рэгіёнаў ВКЛ, што ў значнай ступені было звязана, верагодна, не столькі з асэнсаваннем іх этнічнай і гістарычнай спецыфікі, сколькі выклікана абвастрэннем знешнепалітычных адносін і супроцьстаяннем Маскоўскай Русі. Падобным чынам апісваецца «Вялікая Белая Русь» у Масковіі і «Белая Русь» у ВКЛ ў хроніцы Мацея Стрыкоўскага. Працы іншага польскага гісторыка Марціна Кромера ўпершыню акрэсліваюць землі Белай Русі ВКЛ у параметрах тагачаснай тапаграфічнай картаграфіі. У беларуска-украінскай палемічнай літаратуры канца XVI —

пачатку XVII ст. тэрмін «Белая Русь» выкарыстоўваецца для вызначэння адпаведнага рэгіёна ВКЛ, дзе пражывала пераважна праваслаўнае насельніцтва, якое ў гэтых жа творах называецца «русінамі», «рускім людам» грэцкай канфесіі. Адсутнічаюць рэпрэзэнтатыўныя сведчанні аб выкарыстанні тэрміна «беларус» або «беларусец» насельніцтвам Беларусі як асноўнага тагачаснага эндаэтноніма. У гэтым жа тэрытарыяльна-зямельным вызначэнні часова ўключаны тэрмін «Белая Русь» у афіцыйную тытулатуру Івана IV пасля паспяховай полацкай кампаніі 1563 г. Магчыма, тым самым самадзержац імкнуўся падкрэсліць гістарычную слушнасць сваіх палітычных прэтэнзій і вяртанне яе да мацярызнай дынастыі і традыцыйнай праваслаўнай канфесіі. Прыдворныя песнапеўцы манарха у той час прабаўляліся баснямі пра злаўрэдную дзейнасць лютаран ў Полацку. Не выпадкова вялізнае рускае войска суправаджаў старадаўні полацкі крыж і іншыя знамянальныя святасці і рэліквіі.

II. «Літвіны», «літоўцы» і вытворныя ад ніх

У аснову другой версіі пакладзена гіпотэза аб «літвінах» як эндаэтноніме беларусаў так званай гістарычнай або «ўласнай Літвы», ці больш шырокага рэгіёну, у склад якога ўваходзілі пераважна заходнія і некаторыя цэнтральныя землі Беларусі. Насельніцтва іншых зямель Беларусі, на думку некаторых даследчыкаў, магло карыстацца пры гэтым эндаэтнонімамі «беларусцы» або «русіны». Відавочна, што ў такім кантэксце адмаўляецца наяўнасць адзінага пануючага эндаэтноніма для тагачаснага асноўнага насельніцтва Беларусі і нават узнікае пытанне аб яго існаванні.

Галоўнымі аргументамі на карысць згаданай версіі з'яўляюцца спасылкі на своеасаблівыя, палітычныя ўмовы развіцця Беларусі і ўсяго Вялікага княства Літоўскага, Рускага, Жамойцкага і іншых зямель у XIV—XVI ст., а таксама царкоўна-рэлігійныя фактары. Не адмаўляючы пэўных уплываў царкоўна-канфесійных адносін на этнічную самасвядомасць ўсіх тагачасных народаў і этнічных груп ВКЛ, прыхільнікі згаданай гіпотэзы сцвярджаюць, што беларускі этнас у XV—XVI ст. вылучаўся сваёй поліканфесійнай структурай (зразумела, што маюцца на ўвазе не асобныя выпадкі змены канфесіі з боку беларусаў, а масавая канверсія). Поліканфесіяналізм беларускага этнасу (аб чым ў пэўных маштабах можна весці гаворку з другой паловы XVI — пачатку XVII ст.) сапраўды перашкаджаў выспяванню агульнай этнічнай свядомасці і фарміраванню новага адзінага эндаэтноніма. Гэта асабліва сказалася пасля ўтвапрэння Рэчы Пас-

палітай, бо Люблінская, а пазней і Берасцейская уніі ўнеслі свае нюансы ў гэты працэс. Сцвярджэнні аб поліканфесіянальнай структуры беларускага этнасу нярэдка не маюць выразных храналгічных межаў, што недапушчальна для прафесійных гісторыкаў.

Паняцце «літвін» у многіх сучасных навукова-папулярных працах тлумачыцца як эндаэтнонім звычайна без уліку, або з частковым улікам, полісеміі гэтага тэрміну, які ў розным сэнсе сустракаецца ў пісьмовых помніках сярэдневяковай Беларусі, Літвы і іншых рэгіёнаў ВКЛ. Пераканаўчых фактаў выкарыстання назваў «літвін» або «беларусец» як асноўных эндаэтнонімаў беларускага насельніцтва (аб пэўнай яго часткі) у XIV—XVI ст. у навуковай літаратуры не маецца. У межах канкрэтнага гістарычнага этапу, ва ўсякім разе да ўзнікнення Рэчы Паспалітай у 1569 г., згаданыя гіпотэзы не маюць пад сабой цвёрдай асновы.

У гістарычных крыніцах XIV—XVI ст. можна адзначыць прынамсі 8 значэнняў паняцця «літвін», з якіх найбольш распаўсюджанымі былі: 1) вызначэнне абывацельскай (зараз бы мы сказалі грамадзянскай), дзяржаўнай прыналежнасці беларусаў, літоўцаў, украінцаў і прадстаўнікоў іншых народаў да ВКЛ; 2) жыхароў пэўнай заходняй часткі ВКЛ, якая ахоплівала галоўным чынам тэрыторыю Троцкага і Віленскага ваяодстваў, так званай «Літоўскай зямлі» (незалежна ад іх этнічнага аблічча, як гістарычна-тэрытарыяльны тэрмін); 3) уласна літоўскага этнасу, пераважна на тэрыторыі Аукштайціі (зрэдку і Жэмайціі, бо там доўга захоўваліся адміністрацыйная і этнічная адасобленасць і свой тэрмін для вызначэння мясцовага жыхарства — «жэмайты», або «жмудзіны» ў пазнейшай расійскай гістарыяграфіі); 4) прадстаўнікоў літоўскага этнасу у больш шырокіх тэрытарыяльных межах, у тым ліку літоўцаў, што пражывалі на Падляшшы, у заходніх паветах Беларусі і іншых яе землях; 5) літоўцаў у Польшчы, Прусіі і іншых замежных землях, у тым ліку ў Заходняй Еўропе, дзе яны часам выконвалі рыцарскія, дыпламатычныя і гандлёвыя функцыі; 6) літоўцаў (у поліэтнічным сэнсе) у войску Вялікага княства Маскоўскага, дзе яны стваралі асобныя ўтварэнні. У Маскоўскай Русі літвінамі маглі называць часам нават прадстаўнікоў іншых народаў, у тым ліку усходняга паходжання, якія былі дыпламатычнымі, гандлёвымі ці царкоўнымі прыхільнікамі ВКЛ. Літвінамі нярэдка акрэслівалі ва універсітэцкіх матрыкулах таксама новых схаляроў, што прыбылі з Віленскага біскупства ВКЛ, як гэта адбылося, напрыклад, пры паступленні ў Кракаўскую акадэмію выхадца з чыста

праваслаўнай сям'і — Францыска Скарыны. У 1512 г. на экзаменах у Падуе ён сам расказваў пра сваё рускае полацкае паходжанне. Палітонім (дзяржаўнасць) ці рэгіянальнае тэрытарыяльна-палітычнае вызначэнне беларусаў як «літвінаў» да канца XVI ст. яшчэ не пераўтварылася ў эндаэтнонім, паколькі апошнім для беларускага і ўкраінскага этнасу (у пэўнай ступені і пазней) заставаўся тэрмін «русь» з адпаведнымі варыяцыямі — «рускія людзі», «русіны».

III. «Русь», «русіны», «рускі народ»

Катэгорыі «Русь», «русь», «русіны», «рускі народ», «рускі люд» маюць свой генезіс, сваю гістарычную храналогію, сваю традыцыю.

Паходжанне тэрміна «Русь» (аўтахтонная, варажская ці іншыя канцэпцыі), яго першасны сэнс дагэтуль з'яуляюцца спрэчным дыскурсам, як і этапы адаптацыі згаданай катэгорыі насельніцтвам Усходняй і часткова Цэнтральнай Еўропы (Рускае ваяводства ў складзе Польскай кароны). Можна адзначыць некалькі верагодных высноў, якія ў значнай ступені характарызуюць напрамкі і інтэнсіўнасць згаданага працэса. Папершае, распаўсюджанне тэрміна «Русь» у яго этнічнай, дзяржаўнай і сацыяльнай афарбоўцы (у значным сужыцці з іншымі формамі этнічнага самавызначэння) было звязана з фарміраваннем і развіццём першых буйных цэнтраў і арэалаў славянскага рассялення (Кіеў, Вялікій Ноўгарад, Полацк, Галіцка-Валынскае і іншыя княствы), станаўленнем шырокіх дзяржаўных утварэнняў, у першую чаргу так званай Старажытнарускай дзяржавы ці Кіеўскай Русі, наступнай унутранай і знешняй каланізацыяй і абжываннем «сваіх» і суседніх арэалаў. Распаўсюджанню і замацаванню назвы Русь (спачатку пераважна ў асяроддзі адукаваных пластоў насельніцтва, свецкай і духоўнай эліты) вырашальным чынам садзейнічала адзіная хрысціянская царква і згаданая ўжо дзяржаўна-палітычная супольнасць. Верагодна, цэнтралізаванасць, адносная ўстойлівасць праваслаўнай мітраполіі (нават на этапах распаду палітычнай структуры Кіеўскай Русі і далейшых палітычных зрухаў і пераўтварэнняў ва ўсёй Усходняй Еўропе), і асабліва яе сталыя паўсядзённыя функцыянальныя і духоўныя сувязі з усімі пластамі насельніцтва адыгралі вырашальную ролю ў распаўсюджанні мэтаэтнічнай свядомасці сярод рускіх княстваў, блізкіх ці роднасных па паходжанню, культурных, моўных традыцыях. Засяленне паўночна-усходняй зямель, у тым ліку ўладзімірска-суздальскага арэалу, было адным з этапаў адзначанага працэ-

са. Гістарычная памяць, а таксама спецыфічнае становішча «рускіх зямель», «рускага» насельніцтва ў тэрытарыяльна-адміністрацыйных структурах ВКЛ, таксама як захаванне многіх этнічных, сацыяльных, гаспадарчых, палітычных, моўных і іншых традыцый і, зразумела, дзейнасць праваслаўнай царквы на землях Беларусі, Украіны, Паўночна-Усходняй і Паўночна-Заходняй Русі (адзіная мітраполія Кіеўская і ўсёй Русі канчаткова распалася толькі ў сярэдзіне XV ст.) дазваляюць зразумець, чаму старая назва Русь на землях Беларусі і Украіны ў XIII—XV ст. набыла выразныя рысы эндаэтноніма (а ў пэўная ступені таксама і мэтаэтноніма) у поліэтнічным Вялікім княстве Літоўскім і захоўвала іх на працягу многіх стагоддзяў. (За межамі дадзенай канстатацыі застаюцца многія іншыя фактары і падзеі, у тым ліку ўплывы і змены ўнутры і знешнепалітычных адносін).

Рознае значэнне тэрмінаў «Русь», «рускі народ», «рускі люд» (без патрэбных удакладненняў) нярэдка прыводзяць да спрошчванняў і памылак у асвятленні гісторыі ВКЛ і іншых суседніх княстваў. Варта нагадаць асноўныя з гэтых асаблівасцяў, якія няблага праследжваюцца па крыніцах.

1) У гістарычным кантэксце і свядомасці галоўным чынам адукаваных пластоў насельніцтва Беларусі і Украіны старажытная Русь нярэдка разумелася як палітонім былых дзяржаўных утварэнняў, у маштабах усяго кангламерата Русі ці асобных рускіх княстваў, і адначасова як супольнасць з пэўнымі агульнымі канфесійнымі, духоўнымі і этнічнымі рысамі.

2) У XIV—XVI ст. і пазней дадзены тэрмін ужываўся ва ўнутрыдзяржаўным ужытку афіцыйных колаў і самавызначэнні асноўнага насельніцтва Беларусі, Украіны (і тых паўночна-усходніх рускіх княстваў, якія падпадалі пад уладу вялікіх князёў літоўскіх). «Руссю» называлі пэўны гістарычны арэал ВКЛ, які не меў агульных адміністрацыйных межаў, але ў той час не выклікаў асаблівых цяжкасцяў у яго практычным тэрытарыяльным вызначэнні. Геаграфічныя каардынаты гэтага гістарычнага рэгіёна на аснове значнага корпуса дакументальных крыніц XV—XVI ст. былі нядаўна ўдакладнены беларускімі даследчкамі М.Ф.Спірыдонавым і В.Л. Насевічам.

3) У ВКЛ на той стадыі фарміравання этнічнай свядомасці асноўнага насельніцтва Беларусі і Украіны тэрмін «Русь» пераважна выкарыстоўваўся як агульны для ўсіх рускіх зямель ВКЛ. У канкрэтных абста-

вінах можна з пэўнымі допускамі меркаваць аб перавазе таго ці іншага этнаса ў больш вузкіх межах. Напрыклад, у пераліку старостаў і дзяржанняў Русі 1561 г., якія павінны былі «спусціць вадой да Кіева» патрэбныя для будавання замку лясныя прыпасы і драніцы пералічваюцца мозырская, магілёуская, рагачоўская, чачэрская, прапойская, любашанская валасці [РДАСА, Ф. 389, Метрыка ВКЛ, воп. 1, кн. 7(564), № 62].

4) У знешнепалітычным кантэксце той жа тэрмін выкарыстоўваўся для вызначэння суседніх і больш далёкіх княстваў Паўночна-Усходняй і Паўночна-Заходняй Русі, Наўгародскай і Пскоўскай рэспублік. У пэўным кантэксце — таксама для вызначэння некаторых асобных рэгіёнаў Валыні, Кіеўшчыны, Польшчы (Рускае ваяводства).

5) Тое ж паняцце выкарыстоўвалася для вызначэння праваслаўнага насельніцтва ВКЛ і замежных «рускіх» княстваў, «рускай старыны», мовы, звычаяў і культуры. Асноўная афіцыйная мова ВКЛ у Статутах і іншых прававых актах XV—XVI ст. таксама мянуецца «рускай».

6) Нарэшце, яно ўжывалася для вызначэння праваслаўнай царквы і канфесіі. Толькі праваслаўную царкву і канфесіі часам называлі «рускай» ці схізматычнай верай.

У сучаснай гістарыяграфіі працяглую палеміку выклікае кантамінацыя тэрмінаў Літва і Русь у іх палітычнай і этнічнай іпастасі і сувязях у XIV—XVI ст. Ёсць даволі ўстойлівы пункт гледжання (адноўлены нядаўна беластокскім гісторыкам О. Латышонкам), быццам у этнічным кантэксце тагачаснае насельніцтва Беларусі карысталася эндаэтнонімамі «літвін» і «русін». Захаваныя крыніцы XIV—XVI ст. не стыкуюцца з гэтай гіпотэзай, хоць больш позні перыяд у часы Рэчы Паспалітай і Расійскай імперыі ўнёс свае карэктывы ў дадзены дыскурс. Прывядзём некалькі аргументаў.

Гісторыка-тэрытарыяльнае паняцце «Русь» у XIV—XVI ст. (у межах ВКЛ пасля адміністрацыйных рэформаў 60-х гадоў XVI ст.) ахоплівала тэрыторыю на ўсход ад Мінска.

У XIV—XVI ст. тэрытарыяльны абсяг і колькасць «рускага» насельніцтва шматкротна пераўзыходзіла параметры іншых народаў і этнічных груп ВКЛ. Большасць гэтага насельніцтва, што пацвярджаецца многімі сведчаннямі замежных святароў, дыпламатаў, гандляроў, іншаземцаў, асеўшых на розных службах ВКЛ, захоўвалі грэка-візанційскае ці грэцкае або праваслаўнае веравызнанне.

Гэты тэрмін у больш шырокім кантэксце распаўсюджваўся на ўсю ўсходнеславянскую супольнасць ВКЛ, уключна з тым «рускім» (пера-

важна беларускім) насельніцтвам, што пражывала ў заходніх паветах княства і нават на Падляшшы (варта параўнаць тапонімы «Савічы Руске», «Кулеша Літва» і інш.).

«Русінаў» ці «рускі люд» як значную частку ўсяго насельніцтва ВКЛ згадваюць многія афіцыйныя акты, у тым ліку дакументы і матэрыялы палітычных і царкоўна-канфесійных уній, земскія прывілеі, судовыя акты, рэвізіі і вопісы паветаў, гарадоў, маёнткаў і інш. У XIV—XVI ст. на землях Беларусі па самых сціплых падлікаў дзейнічала больш тысячы цэркваў і парафій і толькі праваслаўная вера нават ў афіцыйных актах нярэдка называлася «рускай». Ні каталіцкая, ні рэфармацыйная цэрквы, не гаворачы ўжо пра канфесіі этнічных меньшасцяў, ніколі не менаваліся «рускімі».

Ніхто з найбольш знакамітых культурных дзеячоў, выдаўцаў і асветнікаў XVI ст., чыё прыроджанае беларускае паходжанне не выклікае ніякіх сумненняў, не выкарыстоўваюць тэрмін літвін для вызначэння свайго роднага народу. Як Скарына змог не заўважыць літвінаў у сваёй «Бівліі Рускай», «брацii сваёй паспалітаму люду языка рускага» услугуючы, хай адказваюць ягоныя апаненты. У прадмовах Скарыны тэма сваёй радзімы, уласнага бацькоўскага краю (Полаччыны), свайго народу з'яўляецца галоўным лейтматываў яго выдавецкай і асветніцкай дзейнасці. Другі выдатны апостал беларускай культуры, асветы, гуманізма і падвіжніцтва — дробны полацкі шляхціц Васіль Цяпінскі выразна падкрэслівае роднасць свайго «рускага народу» і яго традыцый з гістарычнай і духоўнай спадчынай славянскіх асветнікаў, бо «што можа быць больш роднасным» для русінаў, чым славяне.

У другой паловы XVI ст. у часы новых рэфармацыйных павеваў, узмацнення паланізацыйных тэндэнцый, умацавання каталіцкай царквы этнічнае самавызначэнне «русінаў» (беларусаў і украінцаў) набывае больш пластычны і разнабаковы характар. Пасля ўтварэння Рэчы Паспалітай і Берасцейскай уніі 1596 г. у пэўных колах праваслаўных і брацкіх палемістаў, выдаўцаў і педагогаў пачынаюць выкарыстоўвацца новыя этнавызначальныя крытэрыі. Тым не менш, сталая апеляцыя праваслаўных, уніяцкіх і каталіцкіх ідэолагаў і царкоўных дзеячоў да «рускага народа» ВКЛ у канцы XVI — пачаткау XVII ст. з'яўляецца адной з самых паказальных рысаў гэтай царкоўна-канфесійнай палемікі.

Некаторыя прывілеяваныя колы Беларусі і Украіны (незалежна ад іх этнічнага паходжання і канфесіі) былі ў другой палове XVI ст.

у пэўнай ступені інтэграваны ў «палітычны народ» — шляхту ВКЛ, што, аднак, выходзіць за межы непасрэднага этнаканфесійнага дыскурса.

Такім чынам, у XIV—XVI ст. большасць асноўнага насельніцтва Беларусі па розных прычынах захоўвала свой традыцыйный эндаэтнонім «русіны» для вызначэння свайго паходжання, сваёй бацькаўшчыны. «Рускі народ» ў свядомасці тагачасных русінаў ВКЛ звычайна ўспрымаўся ў межах адной аб'яднанай этнаканфесійнай супольнасці беларуска-украінскага арэала. Рэдкія канфесійныя канверсіі русінаў да апошняй трэці XVI ст. і ўтварэнне палітычнага народа-шляхты ВКЛ не вельмі адбіліся на этнічнай, канфесійнай, гістарычнай і рэлігійнай свядомасці паспалітага люду Беларусі і Украіны. Прыхільнікі літоўскага следа ў этнічнай свядомасці русінаў блытаюць этнічную ці тэрытарыяльную форму «літвіны» з асноўным эндаэтноімам беларусаў і украінцаў або палітычны народ шляхту ВКЛ з этнічнымі ўтварэннямі. Адчуйце розніцу.

У той жа час варта адзначыць, што ў свядомасці значнай часткі беларускай і украінскай інтэлектуальнай эліты, духавенства, дзеячоў буйных праваслаўных брацтв Беларусі і Украіны ў канцы XVI — пачатку XVII ст. пад уплывам інтэграцыйных працэсаў, ваенна-палітычнай канфрантацыі ВКЛ з Рускай дзяржавай, вопыта Лівонскай вайны і знаёмства з дзяржаўна-палітычным і сацыяльным ладам абсалютысцкай манархіі, у тым ліку апрычнінай, адчуваецца пэўнае разуменне асаблівых рысаў «рускай» супольнасці ВКЛ у параўнанні з усходняй манархіяй, імкненне прыстасавацца да новай палітычнай, гаспадарчай і этнаканфесійнай рэальнасці. Не выпадкова абсалютная большасць праваслаўных епіскапаў ВКЛ падтрымала Берасцейскую унію 1596 г.

Дернович О.И.

MOSCOWITICA—RUTHENICA: РИЖСКИЙ АРХИВНЫЙ КОМПЛЕКС ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ XIII—XVII вв.

В XIV—XV вв. Рига оказалась фактическою главою ливонских городов, а Рижский городской совет управлял полоцкой и новгородской конторами немецких купцов и сношениями с другими ганзейскими городами. Именно поэтому в Рижском магистратском архиве отложилось большое количество торговых и внешнеполитических документов.

Точное время возникновения архива Рижского магистрата неизвестно. Считается, что формирование архива началось вскоре после создания магистрата города Риги и его канцелярии (около 1226 г.) [1, с. 49]. Вначале делопроизводство находилось в компетенции городского нотариуса (городского писаря), завершение процесса формирования постоянной канцелярии магистрата произошло в XIV в. [2, с. 23—24]. Но сами собрания документов Рижского магистрата стали называться «архивом» только с 1598 г.

В 1282 г. Рига присоединилась к торговому и политическому союзу северо-немецких городов — Ганзе, и с этого момента важной функцией Рижского магистрата стало поддержание хозяйственных и политических связей с партнерами Ганзы на востоке Европы, в том числе и с двинскими городами уже в составе Великого княжества Литовского (ВКЛ). Документы по этим отношениям первоначально откладывались в различных структурных частях архива. Наиболее важные документы (пергаментные оригиналы договоров) сохранялись в специальном помещении казны Рижского магистрата — *Kämmerei*. Именно эта часть архива поздней, в XVII—XVIII вв., стала известной как Внутренний архив (*Inneres Ratsarchiv*). Актуальная делопроизводственная документация магистрата хранилась непосредственно в канцелярии, в том числе и переписка Риги с городами ВКЛ, отдельные договоры (оригиналы и копии), послания великих князей литовских и их наместников, копии важнейших документов, что сохранялись во Внутреннем архиве. Во второй половине XVIII в. эта часть архива стала называться Внешним архивом (*Ausseres Ratsarchiv*) [2, с. 61]. Исторически во Внешнем архиве образовался автономный отдел *Moscowitica—Ruthenica*, название которого впер-

вые зафиксировано в описи, составленной в XVII в. [3, капсула IV; 4, капсула M III; 1, с. 49].

В 1882 г. материалы Внешнего архива Рижского магистрата были включены в новосозданный Рижский городской исторический архив, который действовал как самостоятельное городское учреждение. Исторические названия отделов архива были сохранены. Уже после ликвидации Рижского магистрата, в 1890 г. в состав Рижского городского исторического архива были переданы также материалы Внутреннего архива. Во время Первой мировой войны в сентябре-октябре 1915 г. наиболее ценные материалы комплекса *Moscowitica—Ruthenica* (128 документов XIII—XVIII вв.) были вывезены (эвакуированы) из Риги в Петроград, где находились в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук. Эти документы были возвращены в Ригу в 1927 г. [5, с. 8.]. Материалы комплекса вывозились из Риги немецкими оккупационными властями в 1944 г. в Чехию, откуда они были возвращены в 1945 г.

Говоря о сегодняшнем месте сохранения материалов комплекса, следует указать, что в 1919 г. в независимой Латвийской Республике был основан Государственный архив Латвии. В 1962 г. на базе этого архива, который входил в систему Архивного управления при Совете Министров Латвийской ССР был создан Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР — с 1991 г. Государственный исторический архив Латвии (*Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs*, далее — LVVA). В том же 1962 г. в Центральный архив были переданы фонды ликвидированного Рижского городского исторического архива. При этом, как следует из сравнительного анализа описей, была сохранена внутренняя структура архива Рижского магистрата [6, с. 24]. Бывший Внутренний архив Рижского магистрата составляет Фонд 8 (1446 дел за период 1220—1878 гг.), Внешний архив — Фонд 673 (4059 дел за 1220—1867 гг.). Комплекс же *Moscowitica—Ruthenica* как самостоятельное структурное подразделение и единица учета документов больше не существует.

Следует отметить, что часть документов, относящихся к отношениям Риги, Ливонии и Ганзы с городами ВКЛ сохранялись во Внутреннем архиве и в комплекс *Moscowitica—Ruthenica* не входила. В последнее время среди архивистов распространяется мнение, что комплекс *Moscowitica—Ruthenica* следует рассматривать не только как автономный отдел бывшего Внешнего архива, но и шире — как исторический комплекс документов, объединенных тематически [1, с. 50]. В таком случае

реконструкция комплекса должна основываться на документах, которые теперь составляют два фонда — № 673 и № 8. Кроме того, отдельные документы комплекса могут быть выявлены и в других фондах LVVA. Например, материалы по отношениям Полоцка и Пскова с Ригой находятся в фонде «Коллегия ландратов Лифляндии» [7; 8; 9; 1, с. 50].

Наиболее многочисленными во Внешнем архиве Рижского магистрата являются материалы XV в. Представляется, что это связано не только с увеличением внешнеторговых и внешнеполитических контактов, но и с реорганизацией архивного дела в самой Риге [10, с. 8]. Уже в XVI в. были составлены первые описи документов Внутреннего архива (1507 г.) [11], а также материалов, которые позже образовали отдел *Moscowitica—Ruthenica* Внешнего архива (1599 г.) [12]. Сравнение описи 1599 г. с более поздними описями XVIII в. [13] позволяет сделать вывод, что на протяжении трех столетий этот отдел не имел значительных потерь [10, с. 8]. Можно сказать, что комплексу *Moscowitica—Ruthenica* повезло. Например, когда в 1674 г. в результате пожара в Рижской ратуше сгорели почти все средневековые документы, материалы комплекса *Moscowitica—Ruthenica* удалось спасти [14, с. 258; 1, с. 50].

С конца XVI — начала XVII вв. документы Внутреннего архива хранились в специальных ящиках (*capsula*), а в 1766 г. были изготовлены жестяные ящики и для материалов Внешнего архива. Соответственным образом и система учета этих материалов имела свою специфику: для внутреннего архива — *capsula A, B, C*; для Внешнего архива — *Kasten Nr. 18, 19, 20*. После неудачной перешифровки документов бывшего Внешнего архива в конце 50-х годов XX в. как Фонда № 2, архивисты вернулись к предыдущей системе учета документов по ящикам [1, с. 50].

Рассказывая об истории рижских архивных собраний, которые в своем систематизированном виде существуют скоро уже почти семь столетий, необходимо акцентировать внимание на происхождении отдельных составных частей отдела *Moscowitica—Ruthenica*. Латвийский исследователь Александр Иванов (Даугавпилский университет) особое значение придает при этом реестру Внешнего архива, составленному в XVII в. протонотариусам канцелярии магистрата Иоганном Флинтом [1, с. 50; 2, с. 27]. В этом реестре как раз и выделяются автономные отделы *Ruthenica* и *Moscowitica* [3; 4], в которых, в свою очередь, документы сгруппированы в соответствии с видовым и тематическим принципами. В отделе *Ruthenica* были представлены следующие группы документов:

древние договоры (с Полоцком, Смоленском, Витебском, великими князями литовскими, подтвердительные акты с 1229 по 1478 гг.); документы о купцах (1283—1636 гг.); документы о весовых мерах (1538—1614 гг.); акты привилегий Полоцку (1510—1606 гг.); документы о полоцкой (и витебской) торговле (1403—1615 гг.) и торговле через Полоцк (*Via Polocen*); жалобы купцов (1412—1614 гг.) и т. д. В отделе *Moscowitica* выделяются группы документов по торговле с Псковом и Новгородом, а так же по отношениям с Москвой. Таким образом, к отделу *Ruthenica* рижскими магистратскими архивистами были отнесены наиболее древние акты XIII—XIV вв., а также документы по сношениям с Великим княжеством Литовским (центральной администрацией и городами). В отделе *Moscowitica* были сконцентрированы материалы по связям Риги и Ливонии с Новгородом, Псковом и Российским государством. Соответственно другой является и хронология названного отдела: большинство документов относилось к периоду XVI в. — 30-м годам XVII в. Но уже в XVII в. отделы *Ruthenica* и *Moscowitica* практически слились в один и описи и реестры XVIII в. их больше не разделяют.

Следует отметить, что комплекс *Moscowitica—Ruthenica* преимущественно составляют входящие документы. Как правило, это оригиналы. Но сохранились так же и современные оригиналам копии важнейших актов, изготовленные в канцелярии Рижского магистрата. Некоторые древнерусские и древнебелорусские акты были переведены на немецкий или латинский языки. Исходящие документы представлены *концептами* (проектами) или записями об отправке.

Документы, которые вошли в состав комплекса *Moscowitica—Ruthenica*, были созданы на различных языках — древнерусском, древнебелорусском, немецком (нижненемецком, средненемецком и верхненемецком диалектах), латинском, польском, иногда на шведском. Прослеживается следующая закономерность использования языков — послания великих князей литовских в XIV—XV в. создавались на средненемецком; нижненемецкий диалект был средством сношений Рижского магистрата с другими учреждениями Ливонии, Ганзы, а так же с немецкими купцами в Полоцке, Витебске, Новгороде, Пскове. Документы на верхненемецком диалекте в составе комплекса *Moscowitica—Ruthenica* появились только во второй половине XVI в. Полоцкие и витебские городские власти использовали в сношениях с Ригой древнебелорусский язык.

Наиболее древние договоры Смоленска, Полоцка и Витебска с Ригой XIII — первой трети XIV вв. являются памятниками ранней редакции древнебелорусского языка с общим фоном древнерусского [15, с. 34—47]. Материалы на польском языке создавались на протяжении XVI — 80-х годов XVII вв. [16, с. 311—325]. Документы на шведском языке относятся к периоду господства Швеции в Лифляндии и Эстляндии (1621—1710 гг.).

Хронологическое разграничение немецкоязычных документов соответствует общей схеме развития немецкой письменности. Упадок ганзейской торговли с начала XVI в. привел к ликвидации хозяйственно-политической автономии нижненемецких городов, которая, в свою очередь, являлась условием временного расцвета средненижненемецкого литературного языка. В XVI в. и позже усиливаются торговые, политические и культурные связи, которые объединяли северонемецкие территории со Средней и Южной Германией. Уже в первой половине XVI в. отдельные канцелярии, особенно тех частей Северо-Восточной Германии, которые давно поддерживали торговые и культурные связи с Саксонией — Магдебург и Берлин, — перешли на верхненемецкий (ранний нововерхненемецкий) [17, с. 84—85]. В Рижской магистратской канцелярии отображены те же тенденции: доминирование в XIII — середине XVI в. языка Ганзы (нижненемецкого), распространение во второй половине XVI в. новой литературной нормы — верхненемецкой.

Но почему же тогда литовские великие князья в сношениях с Ригой пользовались средненемецким языком? Тут следует вспомнить особую роль в формировании немецкого национального литературного языка, которую выполняло Мейсенское (Саксонское) курфюршество. В период своего политического подъема в XV в. оно объединило под властью Веттинов основные территории среднего востока Германии — Верхнюю Саксонию (до границ Бранденбурга) с большей частью Тюрингии. В XV—XVI в. Саксония выделялась как один из наиболее развитых регионов Германии, в том числе в сферах культуры и образования. Но истории языка важно и то, что восточносредненемецкий диалект так называемых «саксонских земель» объединил в результате процесса колонизации ряд особенностей средненемецкого с южно(верхне)немецким и частично с северо(нижне)немецким. Таким образом, восточносредненемецкий диалект стал как бы посредником между диалектами Севера и Юга Германии уже с XIV в. [17, с. 70—71]. Если добавить еще тут вы-

сокую делопроизводственную традицию Мейсенского курфюршества, то становится понятным, почему в канцелярии ВКЛ ориентировались на средненемецкую норму — как на наиболее универсальную для политически пестрой Германии того времени, где функционировали многие диалекты немецкого языка.

Тут необходимо уточнить, что верхнесаксонские говоры Мейсенского курфюршества, которые в диалектическом смысле являются средненемецкими, следует отличать от нижнесаксонских, которые принадлежат нижненемецкому диалекту. Бывшая Мейсенская марка на колонизированной территории лужицких сорбов получила название Верхней Саксонии, в отличие от давних саксонских земель на северо-западе Германии (Нижняя Саксония).

Таким образом мы видим, что изучение происхождения и развития архивного комплекса *Moscowitica—Ruthenica* требует освещения целого ряда проблем политической истории Балтийского и Центрально-восточно-европейского регионов, а так же ставит разнообразные социокультурные вопросы.

Список литературы

1. Иванов, А.С. «Moscowitica—Ruthenica» в Латвийском Государственном Историческом архиве: история формирования комплекса, состав и введение в научный оборот / А.С. Иванов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2004. — № 3. — С. 47—54.
2. Енш, Г. Из истории архивного дела в Латвии / Г. Енш. — Рига: Авотс, 1981. — С. 212.
3. Государственный Исторический Архив Латвии (LVVA). — Фонд 673. — Оп. 1. — Д. 1482 (Капсула IV, 1228—1615, Ruthenica).
4. LVVA. — Фонд 673. — Оп. 1. — Д. 1483 (Капсула M III, Moscowitica).
5. Боголюбова, Н.Д., Таубенберг, Л.И. О древнерусских памятниках XIII—XIV вв. Рижского городского архива / Н.Д. Боголюбова, Л.И. Таубенберг // Ученые записки Латвийского государственного университета им. П. Стучки. — Т. 36. — Филологические науки. Сборник кафедры русского языка. — Вып. 6. — Рига, 1960. — С. 7—22.
6. Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР. Краткий справочник. — Рига: Архивное управление при Совете Министров Латвийской ССР, 1980. — Ч. 1 (1220—1918). — 172 с.
7. LVVA. — Фонд 214. — Оп. 6. — Д. 114.
8. LVVA. — Фонд 214. — Оп. 6. — Д. 115.

9. LVVA. — Фонд 214. — Оп. 6. — Д. 116.

10. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. / Сост. А.Л. Хорошкевич. — М.: Институт истории СССР АН СССР, 1977. — [Вып. I]. — 228 с.

11. LVVA. — Фонд 8. — Оп. 1. — Д. 59 (Register der Privilegien der Stadt Riga auf Befehl des Raths im J. 1507 angefertiegt).

12. LVVA. — Фонд 73. — Оп. 4. — К. 19. — № 258 (Verzeichnis vom Jahr 1599 über die im Rigaschen Archiv vorhandeden, auf den russische Verkehr und den Nowgorden Hof bezüglichen aelteren Dokumente).

13. Verzeichnis der in dem Rigischen inneren Raths-Archiv bewahrten alteren Urkunden / [J.C. Berens]. — Beilage zu: Blatt zur Chronik von Riga mit angezeigten Urkunden. An den Grafen von Falckenstein. — Riga, 1780.

14. Feuereisen, A. Über das baltische Archivwesen / A. Feuereisen // Arbeiten des Ersten Baltischen Historikertages zu Riga 1908. — Riga: Löffler, 1909. — 250–260 S.

15. Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы / Пад рэд. Р.Г. Аванэсава. — Мн.: Выдавецтва АН БССР, 1961. — Ч. 1. — 540 с.

16. Енш, Г. «Polonica» в Рижском городском государственном архиве / Г. Енш // Ученые записки Института славяноведения. — М.; Л., 1950. — Т. II. — 311–325 с.

17. Жирмунский, В.М. История немецкого языка / В.М. Жирмунский. — М.: Высшая школа, 1965. — 408 с.

Голубев О.Е.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЛИТОВСКИЙ ОЛЬГЕРД: КНЯЗЬ ИЛИ ЦАРЬ?

Вопрос о титулатуре средневековых правителей Восточной Европы, о соотношении титулов «великий князь» и «царь», давно находится в центре внимания исследователей. Следует назвать работы таких авторов как В. Водов, А.А. Горский, А.Л. Хорошкевич. В 2006 г. вышла в свет фундаментальная монография А.И. Филюшкина «Титулы русских государей», в ней детальным образом рассматривается история формирования и развития титулатуры власти на Руси, начиная с древнейших времен и до XVI века. Автор выстраивает схему эволюции титула правителей: сначала титул употреблялся в форме почетного определения, а только по прошествии определенного периода адаптации он становится наименованием, отражающим владельческий статус правителя: «князь» (до XII в.), «великий князь» (киевские, владимирские, московские, тверские, рязанские, литовские великие князья), «государь всея Руси» (XV в.), «царь» (XVI в.)

А.А. Горский установил, что титул царь употреблялся в Древней Руси, по крайней мере, 9 раз в отношении 6 лиц: Ярослава Мудрого, святых Бориса и Глеба, Мстислава Владимировича (сына Владимира Мономаха), его сына Изяслава и внука Романа Ростиславовича [1, с. 205]. Следует обратить внимание на еще один интересный факт, который пока не стал предметом специального исследования, а именно на употребление титула «царь» в отношении великого князя литовского Ольгерда, в переписке последнего с константинопольским патриархом Филофеем (1371 г.). Этот сюжет уже попадал в поле зрения исследователей [2, с. 47], но требует более подробного рассмотрения.

Кратко остановимся на истории переписки. В сфере церковной политики у Ольгерда был определенный план действий по соперничеству с Москвой: он хотел утвердить титул и власть митрополита Киевского и всея Руси (резиденция которого находилась в Москве) за одним из епископов ВКЛ. Для этого он установил дипломатические отношения с константинопольским патриархом и хотел, чтобы последний поставил для литовских земель особого митрополита после смерти митрополита Феогноста в 1353 г. В своих посланиях Ольгерд пытался отстоять право

ВКЛ на собственного митрополита и убедить константинопольского патриарха Филофея (Коккина), что восстановление литовской митрополичьей кафедры будет наиболее верным решением, поскольку московский святитель просто не в состоянии адекватно реагировать на то, что происходит на землях ВКЛ, и часто в его решениях прослеживаются действия твердой десницы великого князя московского.

Интересен сам факт возникновения переписки: князь-язычник (крещения Ольгерд, скорее всего, так и не принял) обращается к авторитетнейшему из иерархов Православного Востока с просьбой о поставлении митрополита, дерзая при этом возводить жалобы на посвященного патриархом «русского митрополита Алексия». При этом упоминание о «царе Ольгерде» князь ловко вкладывает в уста митрополита Алексия: «митрополит [Алексий] жалуется тебе на меня, говорит так: «царь Ольгерд напал на нас» [3, с. 580]. Может создаться впечатление, что сам патриарх не противился употреблению наименования «царь» в отношении правителя ВКЛ. Однако из материала других дошедших до нас памятников ясно видно, что патриарх Филофей отнюдь не был склонен признавать его царских притязаний. Константинопольский патриарх в своих посланиях к другим адресатам называет его «великим князем» или же просто «князем». В 1371 г. патриарх написал послание к митрополиту московскому Алексию с увещанием примириться с тверским князем Михаилом и не оставлять литовских епархий без пастырского посещения, в этой грамоте Ольгерд упоминается как «μεγας ριγας» (великий князь). Очевидно, что искушенный в тонкостях дипломатии патриарх не мог не заметить смелого политического хода литовского князя, он хорошо понимал, чего добивался Ольгерд, говоря о себе как о царе. В планы Ольгерда входило возвышение ВКЛ путем расширения его территории, в том числе и за счет русских земель, а царский статус мог сыграть роль удобного средства к достижению этой цели.

Это уникальный случай в истории Великого княжества Литовского, когда великий князь предпринимает попытку своеобразного «самовыдвижения на царство». В грамоте Ольгерд использует термин «βασιλεύς», а патриарх — «μεγας ριγας», таким образом как бы «водворяя его обратно» в ряды других великих князей — московского, тверского, рязанского. Для понимания исторического контекста необходимо сделать краткий обзор использования титула «βασιλεύς» в Древней Греции, Византии и на Руси.

В Греции монархические элементы власти существовали в архаические времена. На материале гомеровских поэм можно реконструировать образ царя-василевса — предводителя войска, стоявшего у истоков греческой монархии. Термин «βασιλεύς» (василевс) первоначально использовался применительно к вождю племени, возглавлявшему войско, ему можно противопоставить термин «вбнбо», использовавшийся в отношении владыки-царя [6]. Ко времени расцвета греческой науки и философии монархические традиции были практически полностью изжиты, но в IV. до н.э., в эпоху Александра Македонского, они снова возродились. Титулования «βασιλεύς» и «μεγας βασιλεύς» использовались Александром Великим после завоевания Египта и Передней Азии. Царица, единоличная правительница или супруга императора, носила титул «βασιλισσα».

В Византийской империи термин «василевс» первоначально неофициально использовался в отношении императора. Официальное использование титула началось во времена Константина Великого (ок. 272—337 гг.); с момента царствования Ираклия (610—641гг.) к титулу «βασιλεύς» было сделано прибавление «πιστος εν Χριστω τω Θεω» (т. е. «царь, верный Христу Богу»). Со временем титул был расширен и стал звучать как «πιστός εν Χριστώ τω Θεω Βασιλεύς Αυτοκράτωρ Ρωμαίων» («царь, верный Христу Богу, самодержец ромеев). Кроме того, в отношении императора употреблялись и другие наименования, отражавшие величие его власти: «Αυτοκρατωρ» («самодержец»), «Κοσμο–κρατωρ» («владыка Вселенной»), «Χρονοκρατωρ» («владыка времен»). В XV в., когда Византийская империя утратила былое могущество, императору остался титул «βασιλεύς των ελλινων» («царь эллинов»).

Византия унаследовала от Рима абсолютную монархию, которая получила окончательное развитие после преобразований Диоклетиана и Константина Великого. Византийскому императору воздавали великие почести, а о церемониях византийского двора ходили легенды. Царю принадлежала прерогатива раздачи чинов и должностей, осуществления правосудия и распределения доходов государственной казны. В IX в. в Византии окончательно сформировалось учение о царе как о мудреце и человеколюбце, хранителе и толкователе закона, справедливом судье и хранителе чистоты веры. Императоры принимали активное участие в церковной жизни: участвовали в богослужении, причем, их облачение напоминало по своему виду патриаршее, а со времен Константина Ве-

ликого они принимали участие в заседаниях церковных соборов, в решении административных вопросов и назначении духовенства. Часто императорская власть рассматривала патриарха как одного из сановников государства, которого император мог возвести на кафедру или низвести с нее по своему усмотрению.

Русское слово «царь» (слав. «цьсарь», «цесарь») происходит от латинского «caesar», греч. «καῖσαρ». В русском языке царь понимался как «государь, монарх, верховный правитель земли, народа и государства» [7, с. 926]. Титул «Caesar» использовался римскими и византийскими императорами, считавшими себя преемниками Юлия Цезаря. Первоначально в славянских языках термин использовался для обозначения римских и византийских императоров (отсюда происходит славянское название византийской столицы: Цесарьград, Царьград — как место пребывания царя). Термином «царь» на славянские языки переводился греческий термин «βασιλεύς». После татаро-монгольского нашествия на Руси этим словом стали обозначать также ханов Золотой Орды.

Титул «князь» ко второй половине XII в., по мнению А.И. Филюшкина, «все больше переставал соответствовать политическим реалиям и удовлетворять амбиции отдельных княжеских родов» [5, с. 29]. В результате этого появился титул «великий князь», первоначально он не всегда четко разграничивался с почетным определением, но со временем его употребление стало более систематичным. «В киевский период истории великий князь являлось почетным определением, прилагаемым к правителям в высоких контекстах и нарративных памятниках. Во второй половине XII в. начинаются попытки выстраивания титулатур по линии князь — великий князь. Этот процесс затронул Киев, Волынь, Владимир-на-Клязьме (или Суздаль), и в него были вовлечены Новгород, и, возможно, Чернигов. Монголо-татарское нашествие изменило пути генезиса великокняжеской титулатуры. Благодаря татарам титул великого князя владимирского приобрел официальный статус наименования верховного правителя...» [5, с. 47]. «Кроме Владимирского, появились в XIII в. великие князья Рязанские, Черниговские, Галицко-Волынские, возможно, Смоленские; в XIV в. — Тверские, Московские, Суздале-Нижегородские. Таким образом, монгольское завоевание активно повлияло на увеличение великокняжеских титулов на Руси...» [8, с. 14]. Таким образом, наметилась тенденция поиска новой политической титулатуры, княжеские роды пытались позиционировать себя

как «великие» для укрепления своей власти и достижения успехов на поприще соперничества с другими князьями. Спустя несколько веков подобная тенденция проявилась при возвышении Москвы, когда Иван IV прошел обряд венчания на царство и принял титул царя. Русская монархия унаследовала от восточных царей и византийской царской власти многие черты, однако при этом она выработала свою уникальную идентичность, что позволило ей войти в историю и просуществовать довольно долгое время до пришествия к власти большевиков в 1917 г.

Среди правителей «Византийского содружества наций» (термин введен Д. Оболенским [4]) мог быть только один единственный «василевс» — император Византийской империи [5, с. 75], как един Христос, мистический глава Церкви, которому он служит. Венчание на царство Ольгерда было делом невозможным, поскольку князь оставался язычником. Употребление царского титула в грамоте Ольгерда отражает скорее «эволюцию политической лексики» [5, с. 77], а не эволюцию политической системы, в данном случае — это только заветные мечты Ольгерда о распространении своей власти на всю Русь.

Для XIV века такое титулование было довольно смелой затеей, как и многие другие предприятия литовского князя. Известно, что размах его притязаний был обширен. И на пути к достижению преследуемых целей он пускал в ход все возможные средства. Довольно смелым поступком была попытка восстановления литовской митрополии и его неоднократные военные конфликты с Москвой. Царский статус в то время свидетельствовал о независимости государя, как было сказано выше, его обычно носили могущественные правители независимых держав. Более того, царь (император) в Византии на протяжении ее многовековой истории занимал положение выше патриарха, который вынужден был считаться с его властью и подчиняться его политической воле. Несмотря на то, что именно патриарх помазывал на царство императора, а светская и духовная власть должны были пребывать в гармоничной симфонии, взаимодополняя друг друга, на практике императорская власть зачастую превалировала над властью патриарха.

Все это должно было быть известно тем людям, которые могли выступать советниками Ольгерда в тяжбе с митрополитом Алексием. Сейчас довольно сложно говорить о том, кто были эти люди. По стилю грамоты хорошо заметно, что это переводной документ, а сам перевод не блещет витиеватостью греческого слога. Возможно, это следствие про-

стоты славянского текста источника или же небольшой искушенности переводчика славянина. Грамота датируется 1371 годом, ее условно можно разделить на 3 части: в первой великий князь говорит, в основном, о военных акциях москвичей в отношении Литвы, во второй — возводит обвинения на неканонические действия митрополита Алексия, третья — заключительная, совсем краткая, в ней изложено главное требование Ольгерда — «дай нам другого митрополита на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль и Нижний Новгород!»

В контексте московско-литовского противостояния притязания Ольгерда на «царство» становятся легко объяснимыми: в своем соперничестве с московскими князьями он использовал все удобные средства. Размах его планов был велик, для их исполнения он хотел придать своей власти некий исключительный статус, потому и встал прежде московских великих князей на путь поиска адекватной его целям политической терминологии, прибегая к использованию царского титула.

Великий князь литовский Ольгерд, безусловно, был просто князем, властным и амбициозным, но все-таки князем. Употребление царского титула свидетельствовало о существовании далеко идущих планов и серьезных намерений, которые не получили дальнейшего развития. Политические преемники Ольгерда — брат Кейстут и сын Ягайло — не были столь успешны в сфере политики утверждения «православного царства», и великокняжеская власть в итоге стала королевской лишь после заключения Кревской унии (1385 г.), когда Ягайло принял католичество, женился на королеве Ядвиге и стал польским королем. Царская православная власть снова приходит на земли ВКЛ значительно позже, после третьего раздела Речи Посполитой, когда его земли входят в состав Российской империи.

История с титулом «василевс» не получила продолжения в дипломатической практике ВКЛ. Однако она представляет большой интерес с точки зрения эволюции владельческой титулатуры правителей ВКЛ, поиске ими новой терминологии, новых титулов. Достаточно вспомнить наиболее известные этапы этого пути — королевскую коронацию Миндовга в середине XIII века, борьбу за королевский титул Витовта в начале XV века. История с Ольгердом находится посередине, являясь как бы «мостом» между двумя этими знаковыми для истории ВКЛ событиями. Для истории средневековых русских земель представляет интерес тот факт, что Ольгерд явно ориентировался на «русскую традицию вла-

сти», используя политическую терминологию, характерную для православных князей и понятную для русского населения ВКЛ.

Список литературы

1. Горский, А.А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) / А.А. Горский // Одиссей. Человек в истории. — М., 1996. — С. 205—212.
2. Варонін, В.А. Вялікія князі полацкія (канец XIV ст.) / В.А. Варонін // Полацк: карані нашага радаводу: матэрыялы міжнарод. навук. канф., Полацк / Полацкі дзярж. ун-т; рэдкал.: А.Мальдзіс. — Полацк, 1996. — С. 44—50.
3. Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV—MCCCCII e codicibus manu scriptis bibliothecae Palatinae vindobonensis: 2 vol. / F. Miklosich, I. Müller. — Wien, 1975. — Vol. 1 / F. Miklosich, I. Müller. — 1975. — 608 p.
4. Оболенский, Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов / Д. Оболенский. — М., 1998. — 655 с.
5. Филюшкин, А.И. Титулы русских государей / А.И. Филюшкин. — М., СПб.: Альянс-Архео, 2006. — 256 с.
6. Тураев, Б. Царь на древнем Востоке. / Б. Тураев // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. — М., 1993. — Т. 74. — С. 230—254.
7. Даль, В.И. Толковый словарь русского языка / В.И. Даль. — М.: Астель, 2004. — 984 с.
8. Селезнев, Ю.В. Социально-политическая иерархия Золотой Орды и система титулования на Руси в XIII—XIV вв. // А.О. Амелькин, Ю.В. Селезнев. Нашествие Батыя и становление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII—XIV веках. — Воронеж, 2005. — С. 45—57.

Полехов С.В.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В 1432 г.

Несмотря на длительную историю изучения событий, развернувшихся в Великом княжестве Литовском (далее — ВКЛ) после смерти Витовта, в них еще остается ряд спорных моментов. Одним из них является вопрос о причинах государственного переворота, который произошел в ночь с 31 августа на 1 сентября 1432 г. и положил начало гражданской войне в ВКЛ. В историографии господствует представление о том, что его организаторами были представители литовской (католической) знати, недовольные тем, что Свидригайло, будучи великим князем Литовским, оказывал покровительство православной знати и церкви, из-за чего в 1430—1432 гг. русины потеснили литовцев-католиков в великокняжеском окружении. Казалось бы, эта точка зрения не лишена оснований. Свидригайло был тесно связан с русскими землями ВКЛ, где он провел много лет до вступления на великокняжеский престол. Имеются и прямые свидетельства, которые, казалось бы, подтверждают эту точку зрения, — письмо краковского епископа Збигнева Олесницкого председателю Базельского собора, кардиналу Юлиану Цезарини, написанное в начале 1432 г., а также ряд указаний в знаменитом труде Яна Длугоша «Анналы или хроники славного Польского королевства» [6, № 290, p. 204; 9, p. 434, 461, 479]. Впрочем, можно сразу сказать, что первый из названных источников более важен для данной проблемы, чем второй. Во-первых, труд Длугоша создавался не в 30-е гг. XV в., когда разворачивались данные события, а несколько позже; во-вторых, хорошо известна его тенденциозность, доходившая до искажения фактов в угоду авторской концепции; в-третьих, Длугош был секретарем Олесницкого с 1431 г., а упомянутое письмо последнего было известно Длугошу и могло послужить одним из его источников (оно дошло до нас в рукописи, которой Длугош пользовался при написании «Анналов») [6, p. X—XI, 293]. Между тем само это письмо было написано непосредственно в период бурных событий 30-х гг. В нем краковский епископ утверждал, что Свидригайло допустил русских «схизматиков» в великокняжеский совет, в котором они теперь

заправляют всеми делами, и раздал им лучшие замки, а также женился на княжне «их обряда». По словам Олесницкого, «схизматики» в ВКЛ стали сильнее литовцев и не допускают их к власти, боясь, что это приведет к упадку «их обряда», т.е. православия. Олесницкий добавлял, что этого не было при Витовте, когда, по условиям польско-литовского соглашения, «русским схизматикам» запрещено было держать замки в Литве и участвовать в великокняжеском совете. В подтверждение этого Олесницкий высылал в Базель текст указанного соглашения (несомненно, имелся в виду Городельский привилей 1413 г.). Наконец, об упадке католицизма в ВКЛ при Свидригайле говорили и сами заговорщики, устроившие переворот. Они заявляли о несправедливостях со стороны великого князя, крупнейшей из которых было то, что он отдавал предпочтение «русской» вере, а не «христианской» (т.е. католической), в чем его поддерживала его жена — тверская княжна [41, с. 141—143; 32, S. 498; 9, p. 479]. В годы последовавшей гражданской войны Свидригайло боролся за возвращение на виленский престол, опираясь именно на русские земли ВКЛ. Данная трактовка событий в конце XIX в. воплотилась в капитальном труде А. Левицкого «Восстание Свидригайла» [16]. В наши дни ее разделяют такие крупные исследователи истории ВКЛ как Я. Никодем и Г. Блащик [23, s. 19; 2, s. 670—671]. С другой стороны, можно привести серьезные аргументы против такой трактовки переворота. Хорошо известно, в частности, что в начавшейся гражданской войне обе стороны пользовались поддержкой как литовцев-католиков, так и православных русинов.

Обоснованность традиционной точки зрения о «прорусинской» политике Свидригайла можно проверить, сопоставив все имеющиеся сведения о его окружении в 1430—1432 гг., если говорить шире — о правящей элите ВКЛ в указанный период. Ведь если обвинения польских политиков и литовских заговорщиков в адрес Свидригайла имеют под собой какую-то почву, то речь должна идти о достаточно масштабных изменениях в составе правящей элиты ВКЛ по сравнению со временами Витовта. Такие изменения неизбежно должны были отразиться в источниках, которые дают нам достаточно полное представление о событиях тех лет в ВКЛ. Это прежде всего источники, современные событиям: международные договоры, снабженные списками свидетелей, и дипломатическая переписка, значительная часть которой сохранилась в архиве великих магистров Тевтонского ордена (она, впрочем, опубликована

лишь частично)[1]. Многие подробности политической истории ВКЛ отмечены в труде Яна Длугоша. Если же источники не подтвердят традиционной точки зрения на причины переворота 1432 г., его объяснение придется искать в иной плоскости.

Термин «правящая элита», который использован в данной работе, получил широкое распространение в трудах современных литуанистов[2]. В наиболее общем смысле этим термином обозначается группа лиц, участвующих в процессе формирования и принятия государственных решений. Польская исследовательница Л. Корчак выделяет следующие критерии принадлежности к правящей элите:

1. Упоминание в списках свидетелей (гарантов) великокняжеских документов (пожалований, подтверждений, актов польско-литовской унии, договоров с иностранными государствами).
2. Политическая активность того или иного лица, которая устанавливается по числу его упоминаний.
3. Занятие тех или иных должностей (должностной или институциональный критерий).
4. Принадлежность к определенной семье или роду[3].
5. Доверие со стороны великого князя литовского, участие в дипломатических миссиях по его поручению (критерий доверия, польск. *kryterium powiernicze*).

Последний из названных критериев был предложен Яном Пакульским при изучении состава правящей элиты Великой Польши в первой

---

[1] Автор выражает искреннюю благодарность сотрудникам Секретного государственного архива Фонда «Прусское культурное наследие» в Берлине (*Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz*, далее — GStAPK) и д-ру Р. Петраускасу (Вильнюс) за предоставленную возможность ознакомиться с содержанием ряда неопубликованных документов.

[2] В польской историографии используется термин *elita władzy*, однако представляется целесообразным для его перевода использовать устойчивое словосочетание «правящая элита», тем более что смысл последнего полностью соответствует тому определению, которое приводится ниже.

[3] Л. Корчак высказывает сомнения в правомерности применения этого критерия при изучении правящей элиты ВКЛ в XV в., ссылаясь на дискуссию о существовании родовой структуры в ВКЛ. Между тем ее существование подтверждают недавние исследования Р. Петраускаса, а это позволяет использовать указанный критерий в данном случае.

половине XIV в. [26, s. 86—88]. Добавлю, что этот критерий следует по мере возможности сочетать с другими, в частности, с частотой упоминаний того или иного порученца. В противном случае в реконструированный состав правящей элиты могут попасть лица, упоминаемые один или два раза, члены окружения монарха, которые выполняют его поручения, но в процессе принятия политических решений не участвуют. За рамками настоящей статьи я оставляю такой критерий, как размеры собственности и получаемых пожалований, что объясняется отрывочным характером сведений, сохранившихся для данного периода [15, s. 37—40]. Таким образом, понятие правящей элиты ВКЛ шире, чем понятие окружение великого князя.

До наших дней дошло 5 документов Свидригайла, которые относятся к 1430—1432 гг. и снабжены списком свидетелей:

1. Соглашение с Ягайлом от 29 ноября 1430 г. о судьбе Западного Подолья [14, s. 161; 2, s. 627].
2. Первый Христмемельский договор с Орденом (датирован 19 июня 1431 г.) [17, № 462].
3. Документ Чарторыйского перемирия с Польшей (1 сентября 1431 г.) [38, № II].
4. Поручительство вельмож ВКЛ за подданных Свидригайла, попавших в польский плен (6 сентября 1431 г.) [5, № 73].
5. Второй Христмемельский договор с Орденом (датирован 15 мая 1432 г.) [48, № 231b].

Имеет смысл сопоставить эти списки с перечнем гарантов Мельненского договора Польши и Литвы с Орденом, который был ратифицирован в 1423 г. (но датирован предыдущим, 1422 г.) [10].

Рассматривая первые три из указанных источников, можно заключить, что состав гарантов великокняжеских документов в целом изменился незначительно. Первые места среди них занимают католические епископы ВКЛ (в литовско-орденском договоре 1431 г. — епископы виленский, жемайтийский и луцкий, последний из которых отсутствует в Мельненском трактате). За ними следуют князья — представители правящей династии Гедиминовичей, а также Гольшанские и Друцкие. Завершают список литовские бояре, в первую очередь те из них, кто занимал высокие посты в системе управления ВКЛ. Разумеется, состав гарантов великокняжеских документов в этот период претерпевал определённые изменения. Кто-то из них умирал, а если он занимал ту

или иную должность, то она переходила к другому представителю правящей элиты. Список свидетелей мог быть более или менее представительным в зависимости от того, при каких обстоятельствах он утверждался. Так, на подготовку и ратификацию договора с Орденом 1431 г. ушло достаточно много времени, поэтому к нему были привешены печати трех католических епископов ВКЛ, а также всех вельмож, участвовавших в центральном управлении. Чарторыйское перемирие с Польшей было заключено вдали от столицы ВКЛ, в нем отсутствуют подписи епископов (справедливости ради стоит заметить, что луцкий епископ Андрей после начала войны перешел на сторону поляков [9, p. 449]), а также тех вельмож, которые попали в польский плен или остались в Литве, зато хорошо представлено литовское боярство, которое принимало активное участие в Луцкой войне. К тому же жизнь литовских бояр, по выражению Р. Петраускаса, проходила «между великокняжеским двором и вотчиной» (что, впрочем, справедливо и в отношении князей).

Следует специально остановиться на двух документах 1431—1432 гг., которые, на первый взгляд, говорят о значительных изменениях в составе великокняжеского окружения. Первый из них — это поручительство девяти князей и бояр ВКЛ за знатных подданных Свидригайла, попавших в польский плен в ходе Луцкой войны (датировано 6 сентября 1431 г.). Лишь двое из свидетелей этого документа выступали в таком качестве в более ранних актах Свидригайла (князь Иван Корибутович — 29 ноября 1430 г., боярин Андрей Немирович — 1 сентября 1431 г.). Как минимум четверо из его гарантов (князь Андрей Федорович Острожский, луцкий наместник Юрша, бояре Гринко Клюкович и Боговитин) представляли волынскую знать [13, s. 48, 119—123]. Есть основания полагать, что на состав поручителей повлияло сближение Свидригайла со знатью этой земли во время Луцкой войны. Оно основывалось на общих интересах (совместной борьбе великого князя литовского и местных князей и бояр против включения Волыни в состав Польского королевства). Это сближение никак не повлияло на состав посольств, которые одновременно с этим вели переговоры с польским королём Ягайлом (подробнее о них будет сказано ниже).

Второй аналогичный эпизод связан с заключением союзного оборонительно-наступательного договора между ВКЛ и Тевтонским орденом. Обстоятельства его подготовки и заключения стали известны благодаря труду немецкого историка К. Найтмана [21, S. 193—201, 276—

278]. Ученые уже давно обратили внимание на то, что среди гарантов второго литовско-орденского договора, датированного 15 мая 1432 г., фигурирует множество русских князей и бояр из разных земель ВКЛ, а также ряд русских городов ВКЛ. Даже такой историк, как О. Халецкий, не придававший значения этноконфессиональному фактору в событиях 30-х гг. XV в., видел в данном списке свидетельство новаторской политической программы Свидригайла. Тот якобы стремился уравнять в правах русские и литовские земли ВКЛ, допустив представителей русской знати к участию в общегосударственных делах (что исключалось условиями Городельского привилея 1413 г.) [12, s. 292—293]. В действительности неожиданное появление новых гарантов договора ВКЛ с Орденом было связано с процедурой заключения этого договора. Его первоначальный документ, датированный 19 июня 1431 г., был ратифицирован лишь 25 декабря того же года. Примерно в это же время в Ордене сочли необходимым расширить список гарантов договора, включив в их число представителей прусских сословий, которые начинали участвовать в управлении Орденом. Великий магистр Пауль фон Руссдорф пошел на этот шаг, поскольку ему было важно заручиться поддержкой сословий в преддверии намечавшейся войны с Польшей. Поэтому он попросил Свидригайла расширить список свидетелей литовского документа аналогичным образом, и тот пошел навстречу просьбе союзника, расположением которого очень дорожил [21, S. 16, 197]. Следовательно, и в этом эпизоде нет оснований видеть часть политической программы Свидригайла в отношении русских земель ВКЛ.

Как уже говорилось, состав правящей элиты ВКЛ в 1430—1432 гг. не исчерпывался теми вельможами, которые заверяли великокняжеские документы. Дополнительные сведения на этот счет можно получить, рассмотрев упоминания отдельных вельмож, среди которых большое место занимают данные об их участии в посольствах и переговорах по поручению великого князя. Большинство таких миссий было связано с установлением союзных отношений между ВКЛ и Тевтонским орденом (а также его Ливонской ветвью), за спиной которых стоял римский король (т.е. глава Священной Римской империи) Сигизмунд Люксембургский. Уже 8 ноября 1430 г. Свидригайло отправил к римскому королю посла Сигизмунда Рота с верительной грамотой и предложением союза. Примерно тогда же к Сигизмунду Люксембургскому прибыл некий Мартинко, ранее находившийся при дворе великого князя литовского (по-видимому, Мар-

тин из Баворова, который в 1439 г. упоминается как секретарь римского короля Альбрехта II, ездивший по его поручению к великому князю Литовскому Сигизмунду Кейстутовичу) [8, № 1464; 6, № 261, p. 402]. В конце 1430 г. у ливонского ландмаршала побывал литовский боярин Шедибор из знатного рода Валимонтовичей [17, № 366, S. 212]. В феврале 1431 г. Свидригайло направил к орденскому маршалу Генриху Хольту некоего Смольну, который в верительной грамоте назван «любимцем Витовта» [31, № 5579; 41, с. 90]. 1 апреля 1431 г. великий магистр Ордена сообщал комтуру Бальги об участии в переговорах знатного литовского боярина Юрия Бутрима [31, № 5606; 29, p. 220—221]. В начале мая переговоры с главой Ордена в Мариенбурге от имени великого князя вели виленский каштелян Остик и ковенский воевода Судивой [31, № 5636]. Месяц спустя Свидригайло отправил к великому магистру новое посольство. Интересы великого князя литовского представляли его «верный слуга» Рагоза и писец по имени Саул (Saulus) [6, № 190; 41, с. 94—95]. Первый из этих послов, судя по всему, происходил из Новгород-Северской земли («род з Новагородка Северскаго Рагозин» записан в помянник Киево-Печерской лавры [39, с. 64]), второй был поляком из Силезии [3, s. 498]. В середине июня 1431 г. в Литву направились высшие сановники Ордена (в том числе великий магистр Пауль фон Руссдорф). Навстречу им Свидригайло выслал «старших из совета» — виленского каштеляна Остика и виленского воеводу Гедигольда [41, с. 95; 29, p. 53—54, 64]. Эти переговоры увенчались договоренностью о заключении оборонительно-наступательного союза между ВКЛ и Орденом.

Свидригайло стремился установить союзнические отношения не только с Орденом, но и с другими политическими силами Восточной Европы. Так, в апреле 1431 г. великий князь литовский откликнулся на предложение гуситов, выступивших с инициативой антипольского союза. Свой ответ Свидригайло направил им вместе с неким Мечко, «верным слугой» гуситского предводителя Сигизмунда Корибутовича [27, s. 282—283; 22, s. 378]. Примерно тогда же к татарскому хану Улу-Мухаммеду ездил новогрудский наместник Петраш Монтигирдович, которому удалось договориться с ним о литовско-ордынской «дружбе» и добиться освобождения мценского воеводы Григория Протасьева, взятого в плен незадолго до этого [50, с. 175].

Литовско-польские взаимоотношения с самого начала правления Свидригайла развивались под знаком конфликта из-за земель Южной

Руси. Получив известие о смерти Витовта, польские паны обманом захватили замки Западного Подолья и арестовали его воеводу Довгирда. Узнав об этом, Свидригайло посадил под домашний арест польского короля Владислава Ягайла, который тогда находился в Литве[4]. В конце ноября 1430 г. тот пообещал вернуть замки ВКЛ, и с этой целью на Подолье было отправлено польско-литовское посольство. Литовскую сторону в нем представлял князь Иван Баба Друцкий [9, p. 424—425]. Несмотря на королевские обещания, замки так и не были возвращены ВКЛ. В феврале 1431 г. поляки пошли еще дальше, потребовав от Свидригайла передать Польше не только подольские замки, но и Луцкую землю [9, p. 435]. В ответ на это (а также, может быть, в связи с новым обострением ситуации на Подолье) в конце апреля 1431 г. у Ягайла побывало литовское посольство, которое выдвинуло ответное требование: вернуть Свидригайлу Каменец. Это посольство возглавлял витебский воевода князь Василий Красный (Друцкий); кроме того, в его состав входили бояре Кезгайло (в то время — жемайтийский наместник), Ходко и Судимонт [9, p. 442; 31, № 5633; 41, с. 92—93].

В конце июня 1431 г. напряженность в польско-литовских взаимоотношениях перешла в стадию крупного вооружённого конфликта, который разворачивался главным образом на Волыни и получил название Луцкой войны. Впрочем, еще до начала боевых действий на Волыни произошла литовско-мазовецкая пограничная стычка (Мазовия выступила на стороне Польши). С литовской стороны мазовшанам противодействовал Юшка (Ежи) Струмило, староста Бельска Подляшского, поляк по происхождению, начавший свою политическую карьеру при дворе Витовта [31, № 5658; 29, p. 294—295]. О размахе дальнейших боевых действий на Волыни говорит количество защитников Луцкого замка, где, по сведениям немецкого рыцаря Генриха фон Мальтица, было сосредоточено более 30 князей и 4 тысячи «rither unnd knechtin» [7, dod. № 8]. О размерах литовского войска говорит участие в войне мценского воеводы Григория Протасьева, который попал в плен к полякам в результате неудачной битвы под Луцком 31 июля 1431 г. Вместе с ним в плен попали земский маршалок Румбольд и дворный маршалок Ян Гаштольд, а также, по-видимому, брат последнего, по имени Петр, и еще

[4] Этим событиям автор этих строк намерен посвятить отдельную статью.

несколько вельмож-литовцев (судя по их именам и названиям имений) [5, № 73, 75, p. 70, 72]. В боевых действиях также принимали участие друцкие князья: Длугош упоминает князя Михаила Семеновича Лобана (Болобана) и некоего князя Василия (Красного?) [9, p. 453]. Активное противодействие польским войскам оказывали представители местной знати, в частности, князь Роман Федорович Кобринский и его сын Семен [9, p. 444; 34, s. 62], луцкий староста Юрша. Сторону Свидригайла заняло население Олесского замка во главе с его державцей Иваном (Богданом) Рогатинским [9, p. 447—454, 481, 484—485].

С началом военных действий на Волыни Свидригайло обратился за помощью к союзникам из Тевтонского ордена [31, № 5665, 5666; 41, с. 96—97]. Эту просьбу повторили три литовских князя (в сохранившейся копии письма они не названы поименно). Их послание было доставлено в Орден Сигизмундом Ротом [11, OF 14, S. 620—621].

В конце июля 1431 г. польская сторона начала переговоры со Свидригайлом. В состав первой литовской делегации, отправленной в польский военный лагерь, входили уже упоминавшийся Шедибор и некий князь Константин [9, p. 447]. Последний традиционно отождествляется с родоначальником князей Буремских, хотя не исключено, что это был Константин Бабич, сын Ивана Бабы Друцкого [36, s. 13—14, 60]. В начале августа великий князь литовский прислал к польскому королю некоего «русина Чату» («nuntium suum Czatam», далее Длугош уточняет: «Czatam Ruthenum») с ярлыком Улу-Мухаммеда, в котором тот требовал передать Подолье Свидригайлу [9, p. 452; 50, с. 181]. 14 августа Ягайло принял великокняжеских послов — знатного литовца Андрюшку Немировича и северского боярина Рагозу, которые предложили организовать мирные переговоры [9, p. 451; 4, p. 353]. Они открылись 18 августа, когда к Ягайлу прибыли литовские послы — князья Олелько и Василий Семенович Красный (Друцкий), а также виленский воевода Георгий Гедигольд и еще 5 литовских панов. Эти переговоры продолжались до 20 августа и на первых порах не увенчались успехом. 24 августа к польскому королю прибыли князья Юрий Лугвеневич, Семен Иванович Гольшанский и Василий Семенович Красный (Друцкий) с пятью литовскими панами [9, p. 452; 38, № II, с. 135—136]. В свою очередь, этот этап переговоров завершился подписанием Чарторыйского перемирия, куда Свидригайло включил Тевтонский орден без ведома его сановников. В начале сентября в Орден с сообщением о перемирии отправилось

польско-литовское посольство, в котором участвовал уже упоминавшийся «русин Чата» [9, p. 459].

Чарторыйское перемирие не остановило польско-литовский конфликт из-за южнорусских земель, а лишь перевело его в «тлеющую» фазу. В октябре 1431 г. Ягайло писал Свидригайлу о том, что великокняжеский наместник Подолья, князь Федько Несвижский, отказывается передать полякам владения, тянущие к Каменецкому замку, которые должны были перейти к Польше по условиям перемирия. Федько Несвижский ссылался на то, что Свидригайло ему об этом якобы не сообщил. При этом противодействие полякам оказывал не только литовский наместник Подолья, но и местное население, явно не желавшее переходить под власть Польши [6, № 197, 198, 202].

После Луцкой войны продолжались контакты между Свидригайлом и руководством Тевтонского ордена, связанные с ратификацией союзного договора и расширением состава его участников. В конце сентября — октябре 1431 г. у великого князя побывало орденское посольство во главе с комтуром Христбурга. По сообщению последнего, он был принят великим князем, его многочисленными князьями и боярами, а также виленским епископом Матвеем [17, № 511, 512, S. 305—306; 11, OBA 5822; 31, № 5804, 5832]. И комтур Христбурга, и другие орденские сановники, бывавшие в Литве, ограничиваются самыми общими словами о том, что великий князь вместе «со (всеми) своими» дружелюбно настроен по отношению к Ордену [17, № 541, S. 323; 7, dod. № 10, s. 515]. Единственное конкретное указание можно найти в письме знатного прусского рыцаря Габриэля фон Байзена. В письме от 22 ноября 1431 г. он писал великому магистру об отправке кушаний великому князю и его советнику Ивашке Монивидовичу (в письме он назван «Minbithe») [31, № 5859]. Несколько загадочно выглядит «русский писец» Свидригайла, который в феврале 1432 г. доставил ливонскому магистру письма великого князя, адресованные рижскому архиепископу и дерптскому епископу [17, № 551, S. 327]. Следует, однако, учитывать, что в феврале 1432 г., когда «русский писец» Свидригайла ездил в Ригу, внимание знатнейших литовских вельмож было сосредоточено на польско-литовском съезде.

Этот съезд, согласно условиям Чарторыйского перемирия, должен был состояться 2 февраля 1432 г. в Полюбичах — между литовским Брестом и польским Парчовом, согласно практике, установившейся в годы правления Ягайла. Предусматривалось, что в съезде примут участие по

12 представителей от каждой из сторон — «прелаты, князья, бароны и советники» Польши и Великого княжества Литовского. Их задачей было подписание «вечного мира» и окончательное определение судьбы Подолья [38, № II, с. 133—134]. В январе 1432 г. Ягайло выдал проезжую грамоту на имя великого князя литовского и членов его ближайшего окружения: виленского епископа Матвея, князей Семена Ивановича Гольшанского и Василия Семеновича Друцкого, виленского воеводы Гедигольда, трокского воеводы Явна, Ходко Юрьевича, новогрудского наместника Петраша Монтигирдовича, Шедибора Валимунтовича «et aliis» [11, OBA 5941]. Очевидно, тогда же в окружении Свидригайла находился Андрюшка Немирович, упоминаемый в одном из писем (в искаженной форме «Andrusch Symorowitcz») [31, № 5942]. Целый ряд источников (донесение комтуров Меве и Бальги, письмо Свидригайла великому магистру, труд Яна Длугоша) говорят о «литовских и русских» вельможах, сопровождавших Свидригайла, но, возможно, под последними подразумеваются князья русского происхождения (Друцкие) или обрусевшие (Гедиминовичи и Гольшанские), которые традиционно входили в окружение великого князя [9, p. 469—470; 7, dod. № 10, s. 516; 41, с. 140—141; о происхождении друцких князей см.: 42]. Несмотря на долгие приготовления, польско-литовский съезд так и не состоялся: Свидригайло настаивал на участии в нем представителей Тевтонского ордена, на что Ягайло ответил категорическим отказом. Впрочем, поведение Свидригайла заставляет думать, что он и не собирался вести переговоры с поляками [9, p. 470].

После провала съезда в Полюбичах оживленные контакты Свидригайла с Орденом продолжились, но на этот раз, как видно из состава посольств, инициатива исходила от великого князя литовского. В феврале 1432 г. в Ордене, по-видимому, побывал виленский воевода Гедигольд [31, № 5959]. Очевидно, примерно в это же время великий князь по совету вельмож отправил посольство к Сигизмунду Люксембургскому [41, с. 120 — 122]. 27 марта Свидригайло сообщал великому магистру, что в ближайшее время намерен посовещаться в Троках со своей радой, которая соберется там в полном составе, после чего собирается отправить к нему того же Гедигольда, а вскоре рассчитывает встретиться лично [1, № 363, S. 404—405; 31, № 6030].

Большое посольство во главе с Гедигольдом в апреле 1432 г. прибыло в Кенигсберг (к орденскому маршалу), а оттуда — в Мариенбург. Ви-

ленского воеводу сопровождали 60 человек, в их числе — не названный по имени писец, советник Свидригайла и великого магистра Ганс Фокс и молдавский посол Богуш [46, л. 1об.; 17, № 581, S. 344—345]. 13 мая 1432 г. великий магистр Тевтонского ордена Пауль фон Руссдорф встретился с великим князем литовским Свидригайлом в Христмемеле, где все было готово к переговорам (обоих правителей сопровождали их советники) [17, № 591; 32, S. 497]. Наконец, 15 мая 1432 г. была достигнута договоренность о подтверждении литовско-орденского союза.

Эта договоренность сама по себе (т.е. даже до ратификации договора) означала новый шаг в сближении ВКЛ с Тевтонским орденом. Отныне при великом магистре Тевтонского ордена постоянно должен был постоянно находиться литовский представитель, а при великом князе литовском — орденский (это было уникальным фактом в истории орденской дипломатии, поскольку до этого постоянный представитель Ордена находился лишь при папской курии) [21, S. 16—17]. С особенным рвением это условие выполнял Свидригайло, который таким образом пытался засвидетельствовать верность союзу с Орденом (в противовес польским попыткам ликвидировать этот союз). Теперь великий князь вел переговоры с польскими послами только в присутствии братьев Ордена, которых Руссдорф оставил при нем [17, № 591, 606; 41, с. 131]. 2 июня 1432 г. знатные подданные Свидригайла клялись соблюдать новый договор в присутствии Генриха Хольта, фогта Братиана, а 10 августа сам великий князь советовался с ним относительно взаимоотношений с Польшей [21, S. 278; 41, с. 140—141].

Поиски союзников весной и летом 1432 г. не ограничивалась Орденом. Летом 1432 г. Свидригайло пошел навстречу просьбам новгородцев и отправил к ним князя Юрия Лугвеневича (Семеновича). С аналогичной просьбой к Свидригайлу вскоре обратились псковичи, которые до этого подтвердили мир с Литвой (но эта просьба осталась тогда без ответа из-за произошедшего в ВКЛ переворота) [17, № 596; 41, с. 140—141]. В 1432 г. происходили активные переговоры Мазовии с Орденом, и включение Мазовии в круг союзников ВКЛ было предотвращено только переворотом, состоявшимся в ночь с 31 августа на 1 сентября 1432 г. [33, s. 44—45].

Летом 1432 г. во взаимоотношениях Польши с ВКЛ и Тевтонским орденом, казалось бы, обозначился путь к примирению. 10 августа 1432 г. состоялся трехсторонний съезд для урегулирования пограничных кон-

фликтов. Со стороны ВКЛ в нем приняли участие литовские бояре Судивой и Юрий Бутрим [35, S. 597; 4, p. 371—373]. Было решено, что новый такой съезд (только более представительный, с участием Свидригайла, Ягайла и Пауля фон Руссдорфа) состоится 15 сентября 1432 г. в «Русском Бресте». Однако это намерение не было претворено в жизнь, поскольку в ночь с 31 августа на 1 сентября 1432 г. Свидригайло был свергнут с литовского великокняжеского престола.

В архиве великих магистров Тевтонского ордена сохранилась информация о ряде послов Свидригайла, которые ездили не только в Орден, но и в сопредельные государства [28, p. 25—33]. Большинство этих послов были немцами или поляками (из Мазовии, Силезии и т.д.), жившими при дворе Свидригайла. Двое из этих придворных, однако, происходили из ВКЛ: литовский боярин Юрий Бутрим и некий Ностевич [Nost(e)wicz], который упоминается в окружении Свидригайла ещё в 1420 г. [41, с. 131; 28, p. 30; 31, № 5875; 8, № 883, p. 484]

Гораздо меньше известно о дипломатических сношениях ВКЛ с Польшей после Луцкой войны. В октябре 1431 г. в Польше побывал маршалок великокняжеского двора по имени Михаил, который узнавал новости при дворе Ягайла [6, № 197, 198; 1, № 308; 28, p. 25]. В конце 1431 — начале 1432 гг. у Ягайла побывали не названный по имени писец Свидригайла, некий «Persznicz», а также Немира Рязанович, представитель южнорусского рода Корчаков, упоминаемый в окружении Свидригайла ещё в 1424 г. [17, № 530; 20, dod. № 2, s. 112; 13, s. 120, 301—302; 29, p. 276, n. 55] В августе 1432 г. послом в Польшу был приближенный великого князя по имени Андрей (видимо, Андрей Мзус, который уже после свержения Свидригайла упоминается как маршалок его двора) [41, с. 140—141; 28, p. 30].

Сопоставляя упоминания князей и бояр ВКЛ, можно проследить, какие изменения произошли в системе управления государством после того, как великим князем стал Свидригайло. Свои посты сохранили виленский воевода Георгий Гедигольд и каштелян Кристин Остик, трокский воевода Явн Валимонтович и каштелян Ян Сунгайло, жемайтийский староста Михаил Кезгайло, земский маршалок Румбольд Валимонтович и дворный (господарский) маршалок Ян Гаштольд, мценский воевода Григорий Протасьев. Сюда же, вопреки распространенным утверждениям, относится луцкий староста Юрша, происходивший из числа волынских бояр (впервые в этой должности он упоминается

в 1429 г.) [29, p. 248, 316]. С конца 1432 г. на этом посту выступает князь Александр Нос. Киев сохранили за собой Гольшанские князья, которых мы видим здесь на протяжении практически всей первой трети XV в.[5] По-видимому, в конце 1430 г. наместником литовской (восточной) части Подолья с центром в Браславе стал князь Федор (Федько) Несвижский (после того как поляки арестовали прежнего наместника — литовца Довгирда) [9, p. 487—490; 17, № 651, S. 383; 41, с. 157; ср.: 30, s. 196]. С апреля 1431 г. в качестве витебского воеводы упоминается Василий Семенович Красный (Друцкий) [9, p. 442; 43, с. 34, 57, 76, 141, 163, 189, 210; 17, № 645, 649]. Его предшественник на этом посту, Румбольд Валимонтович, первый и последний раз упоминается в этой должности в Мельненском трактате 1422/23 г., поэтому нельзя точно сказать, кто сделал друцкого князя витебским воеводой — Свидригайло или Витовт. В этой связи уместно напомнить, что наместниками в соседнем Полоцке при Витовте некоторое время были представители местной знати: князь Григорий Семенович Друцкий — в начале XV в. (до 1409 г.)[6], Иван Семенович Друцкий — в 1409 г., боярин Федор Корсак — между 1409 и 1412 гг. [44, № 49, 39, 40, 43; 45, с. 202, 204]. Ничего определенного, к сожалению, нельзя сказать о статусе некоего Корибутовича, князя из «Русского Бреста» («herczoge vom Reuschen Briske, des koniges von Polan brudir sone herczoge Carwaten», 1431 г.), и князя Василия Ивановича (Друцкого?) из Полоцка (упоминается в конце 1432 г.) [29, p. 311; 17, № 632, S. 470].

Как показывают все эти данные, у нас нет оснований говорить о существенных изменениях в составе правящей элиты ВКЛ в 1430—1432 гг. Представители знатных литовских боярских родов по-прежнему занимали высшие должности и выполняли дипломатические поручения великого князя. Некоторые русские (или, по крайней мере, обрусевшие) бояре принадлежали к правящей элите ВКЛ еще со времен Витовта, играя важ-

---

[5] Правда, до 1411 г. киевским воеводой был литовский боярин Георгий Гедигольд, который в списке свидетелей первого Торуньского мира назван «pridem (т.е. некогда, ранее — *С.П.*) voievoda Kyoviensis», но из него неясно, когда именно он занимал этот пост. Е.В. Русина предполагает, что это было в конце XIV в. [47, с. 84—88].

[6] Грамоту, отправленную рижскому городскому совету от его имени, А.Л. Хорошкевич датирует 20-ми гг. XV в., основываясь на палеографических признаках, хотя ее отнесение к началу XV в. (до 1409 г.) выглядит более убедительным [45, с. 204; 19, s. 415—416].

ную роль в политической жизни «своих» земель (Григорий Протасьев, Юрша) или участвуя в общегосударственных делах, правда, в гораздо более скромном масштабе (Ходко Юрьевич, члены полоцкого рода Корсаков). Состав великокняжеского окружения пополнили имена всего нескольких русских бояр, с которыми Свидригайла связывала предшествующая политическая деятельность в русских землях ВКЛ. Это некий Рагоза (предположительно, из Новгород-Северской земли), Немира Рязанович из южнорусского рода Корсаков и некий Ностевич [Nost(e)wicz]. Из них к правящей элите можно отнести разве что Рагозу, который упоминается чаще всех (4 раза), участвует в дипломатических миссиях и поручается за литовских пленных. Но роль этих лиц в политической жизни ВКЛ, конечно, несопоставима с влиянием таких литовских бояр, как виленский воевода Георгий Гедигольд. Скорее место этих «новых людей» в правящей элите ВКЛ было примерно таким же, как и у поляков (которые занимали немногочисленные должности) и немцев (которые от случая к случаю выполняли дипломатические поручения Свидригайла).

Изменения в положении литовско-русских князей в этот период также нельзя назвать значительными. В рядах правящей элиты, как и при Витовте, оставалось немало православных князей — Гедиминовичей, Гольшанских, Друцких. Что же касается обвинений в адрес Свидригайла, высказанных в письме Збигнева Олесницкого Юлиану Цезарини, то их следует рассматривать сквозь призму личности автора этого письма. Как справедливо отмечает Я. Никодем, Олесницкому важно было использовать все международные возможности, чтобы не допустить разрыва польско-литовской унии. По логике Олесницкого, раз литовцы склоняются к унии, то она выгодна обеим сторонам; Свидригайло же представляет угрозу не только для унии, но и для всего католического мира (в письме говорится также о возможности подключения гуситов к союзу Свидригайла со «схизматиками»). Для риторики Олесницкого, по словам Я. Никодема, была характерна религиозная форма, сквозь которую проступало политическое содержание [24, s. 136—137]. Поэтому неудивительно, что он уделяет «схизматикам» такое внимание.

Итак, Свидригайло, как и другие великие князья литовские конца XIV—XV вв., не ставил перед собой задачу изменения состава правящей элиты. И его предшественник Витовт, и его соперник Сигизмунд Кейстутович ограничивались незначительными изменениями, схожими по масштабам [29, p. 97—102, 173]. Их, конечно, нельзя называть причиной

такого отчаянного шага части князей и бояр ВКЛ, как государственный переворот. Что же было его причиной?

Сами заговорщики, как уже говорилось, указывали на конфессиональную политику Свидригайла как на причину переворота. Это мнение разделял и Сигизмунд Кейстутович, судя по следующим его заявлениям и мероприятиям. В 1432 г. он инспирировал ряд уступок православному населению ВКЛ (расширил права виленских мещан и предложил уравнять в правах русскую и литовскую знать Великого княжества, пытаясь привлечь на свою сторону тех, кто поддержал Свидригайла) [49, № 2—4]. Он последовательно придерживался этой версии событий на всем протяжении своего правления. В конце 1430-х гг. Сигизмунд писал римскому королю Альбрехту II об упадке католической веры в ВКЛ при Свидригайле [6, № 261, p. 403; 37, с. 44—45]. Может быть, переворот 1432 г. действительно в какой-то мере был связан с религиозной политикой Свидригайла — нам неизвестны какие-либо его пожалования католической церкви, относящиеся к 1430—1432 гг. Это помогает понять позицию виленского епископа Матвея, который поддержал нового великого князя [25, s. 60; 2, s. 671], но нисколько не объясняет, почему часть правящей элиты ВКЛ выступила против Свидригайла. Сам Сигизмунд Кейстутович, судя по всему, не играл активной роли в заговоре, а о потворстве Свидригайла «схизматикам» узнал от организаторов переворота [41, с. 142; 40, с. 203; 37, с. 26]. Другое дело, что его уверенность подкреплялась тем, что русские земли ВКЛ заняли сторону свергнутого великого князя.

Очевидно, заговорщики должны были располагать очень вескими основаниями для того, чтобы отважиться на свержение великого князя литовского. Иными словами, в основе заговора лежало недовольство принципиальными моментами политики великого князя, на которые нельзя было повлиять мирным путем. Каковы могли быть эти моменты? Не вызывает сомнений, что сферой наиболее активной деятельности Свидригайла в 1430—1432 гг. была внешняя политика. В этот период происходило отдаление ВКЛ от Польши. С самого начала своего правления Свидригайло, судя по всему, не собирался подтверждать унию с Польшей. Кроме того, он выступил против посягательств поляков на Западное Подолье, а позже — на Луцкую землю. Обратной стороной этого процесса был активный поиск союзников, из которых максимальное сближение было достигнуто с Тевтонским орденом.

Имеет смысл сравнить эту политику с теми действиями, которые предпринял Сигизмунд Кейстутович сразу после прихода к власти. В первые же дни своего правления он заявил о желании возобновить унию с Польшей (что и было сделано в середине октября 1432 г.) и сохранить союз с Орденом. Сигизмунд Кейстутович даже пытался способствовать примирению Ордена и Польши [41, с. 143; 32, S. 498]. Попытки сохранить литовско-орденский союз, продолжавшиеся до начала 1433 г., одобрялись какой-то частью окружения Сигизмунда (в частности, литовским боярином Юрием Бутримом) [35, S. 599; 9, p. 482]. Поскольку речь не шла о секретном союзе, а большинство участников переворота не высказывало резкого недовольства, надо полагать, что они в большинстве своем одобряли эту идею (исключением являются бояре из рода Валимонтовичей, заговор которых против Сигизмунда был раскрыт в конце 1432 г.). Следовательно, сближение Свидригайла с Орденом нельзя считать решающей причиной его свержения.

Ряд сведений наводит на мысль о том, что главным предметом разногласий между Свидригайлом и частью его окружения были взаимоотношения ВКЛ с Польшей. В 1436 г. в одном из своих писем великий магистр Тевтонского ордена Пауль фон Руссдорф заявлял, что в свое время он устно (при личной встрече) и в письмах предупреждал Свидригайла об опасности заговора [18, № 97, S. 59]. Упоминание об устных предупреждениях отсылает нас к последней встрече великого магистра со Свидригайлом перед переворотом в ВКЛ. Эта встреча состоялась в середине мая 1432 г. в Христмемеле, когда два правителя договорились о подтверждении союзного договора с расширенным списком свидетелей[7]. Следовательно, к этому времени Руссдорф уже располагал информацией о недовольстве приближенных Свидригайла его политикой (или, по крайней мере, о расхождении взглядов Свидригайла и его вельмож). Этот вывод подтверждается при обращении к другим источникам. По словам Яна Длугоша, заговор против Свидригайла уже существовал к моменту первого приезда в ВКЛ серадзского каштеляна Лаврентия Зарембы, который выступил посредником между заговорщиками

[7] В том же письме великий магистр сообщает о своей поездке в Литву, предпринятой специально для того, чтобы заручиться поддержкой Свидригайла на случай войны с Польшей. Из орденской переписки известно, что такая беседа состоялась как раз во время встречи двух правителей в мае 1432 г.

и польскими правящими кругами. Из дипломатической переписки известно, что в 1432 г. Заремба побывал в Литве два раза: первый раз в мае — июне, второй — в конце августа [9, p. 479; 16, s. 144, 327—328; 37, с. 24—25].

Разногласия между Свидригайлом и какой-то частью его окружения можно заметить уже в феврале 1432 г., при обсуждении перспектив «вечного мира» с Польшей. Как писал комтур Меве великому магистру 26 января 1432 г., представители правящих кругов ВКЛ (не названные, впрочем, по именам) стремились к заключению «вечного мира» с Польшей: «Vornemen wir eigendlich von dem hern und den synen, das dy Polan gancz gerne frede macheten und hetten... dergleich wir och vornemen von den Ruwsschen und Littauwschen hern, mochten sie es mit gelympe und beqwemlikeit beleiten» [7, dod. № 10, p. 516]. Эту информацию, кстати, подтверждает и Збигнев Олесницкий в письме Юлиану Цезарини, уточняя, что великого князя к соглашению с Польшей хотят склонить литовцы-католики [6, № 204, p. 290]. Свидригайло же всячески затягивал переговоры, что привело к их срыву. Очевидно, заговорщиков не устраивали перспективы дальнейшей конфронтации с Польшей: ни она, ни ВКЛ не собирались сдавать своих позиций и идти на какие-либо уступки. В будущем это могло привести к эскалации конфликта или его переводу в «тлеющую» фазу, чреватую новыми вспышками (наподобие Луцкой войны). При этом знатные подданные Свидригайла, не связанные происхождением или владениями со спорными русскими землями, рисковали жизнью и безопасностью, но взамен ничего не получали.

Сразу же после прихода к власти Сигизмунда Кейстутовича польско-литовские взаимоотношение подверглись радикальным изменениям. Была обновлена польско-литовская уния, сопровождавшаяся существенными уступками в пользу Польши (опять-таки при поддержке окружения Сигизмунда). Думается, что это может отчасти объяснить поддержку, оказанную свергнутому великому князю знатью русских земель ВКЛ. Она поддерживала Свидригайла не только в 1432 г., но и в течение нескольких последующих лет, значит, была заинтересована в продолжении его политики. Знать Южной Руси, надо полагать, не устраивали планы непосредственного включения этих земель в состав Польши, которые вынашивались польскими правящими кругами. Это хорошо показали события Луцкой войны. Подобные намерения польские политики сохранили и в дальнейшем, о чем свидетельствует план разде-

ла ВКЛ между Свидригайлом и Сигизмундом, возникший в Польше в 1432 г. Предполагалась, что Свидригайло получит русские земли ВКЛ от польского короля, т.е. станет его вассалом. Таким образом, у польских правящих кругов появлялась возможность после смерти Свидригайла включить его владения непосредственно в состав Польского королевства, не прибегая к тактике постепенного отрыва отдельных территорий от ВКЛ, которая приносила весьма скромные плоды [41, с. 149—150].

На эти аргументы можно возразить отсылкой к событиям октября 1432 г., когда Луцкая земля по собственной инициативе перешла под власть Польши, а взамен ее жители получили привилей. Согласно этому документу, князья, шляхта и духовенство получали права по образцу польских; православные жители Луцкой земли уравнивались в правах с католиками; одновременно Ягайло обещал не разрушать православных храмов и не передавать их для нужд католической церкви, а также не обращать православных в католицизм силой [38, № III, с. 137—139]. Однако следует учитывать, что переход Луцкой земли под власть Польши произошел при приближении польских войск (т.е. под определенным давлением), а всего через несколько месяцев Волынь вновь перешла на сторону Свидригайла [40, с. 211—212]. Впрочем, предложенные объяснения можно рассматривать лишь в качестве предварительных соображений. Ведь одно дело — причины недовольства части князей и бояр ВКЛ политикой Свидригайла, и совсем другое — причины, по которым после переворота его поддержала часть знати ВКЛ (прежде всего русских земель этого государства) и которые могли лежать в совершенно иной плоскости. Более или менее уверенно решить эту проблему можно, лишь тщательно проанализировав события последующей гражданской войны в ВКЛ.

Список литературы

1. Die Berichte der Generalprokuratoren des Deutschen Ordens an der Kurie. — Bd. 4 (1429—1436). — Hbd. 1 (1429—1432) / Bearb. von K. Forstreuter. — Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1973. — 488 S.

2. Błaszczyk, G. Dzieje stosunków polsko-litewskich / G. Błaszczyk. — T. II: Od Krewa do Lublina. — Cz. I. — Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2007. — 936 s.

3. Błaszczyk, G. Świdrygiełło a Polska i Polacy / G. Błaszczyk // Z dziejów kultury prawnej. Studia ofiarowane Prof. J. Bardachowi w dziewięćdziesięciolecie urodzin. — Warszawa: Liber, 2004. — S. 487—504.

4. Codex diplomaticus Lithuaniae / Ed. E. Raczyński. — Vratislaviae: Sumptibus Sigismundi Schletter, 1845. — XV, 391 p.

5. Codex epistolaris saeculi XV. — T. 1 (1384—1492) / Ed. A. Sokołowski, J. Szujski. — Cracoviae: Sumptibus Acad. Litterarum, 1876. — LXX, 1, 158, 1, 368, 2 s.

6. Codex epistolaris saeculi XV. — T. 2 (1382—1445) / Ed. A. Lewicki. — Cracoviae: Sumptibus Acad. Litterarum, 1891. — 3, LXXVII, 1, 531, 1 s.

7. Codex epistolaris saeculi XV. — T. 3 (1392—1501) / Ed. A. Lewicki. — Cracoviae: Sumptibus Acad. Litterarum, 1894. — 3, LXXX, 1, 665, 1 s.

8. Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae. 1376—1430 / Ed. A. Prochaska. — Cracoviae: Sumptibus Acad. Litterarum, 1882.

9. Joannis Długosz Senioris canonici Cracoviensis Opera omnia. — T. 13: Historiae Polonicae libri XII. — T. IV / Ed. I. Żegota Pauli, cura A. Przezdziecki. — Cracoviae: Ex typographio ephemeridum "Czas", 1877. — 4, 733, 3 s.

10. Dokumenty strony polsko-litewskiej pokoju mełneńskiego z 1422 roku / Wyd. P. Nowak i P. Pokora. — Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2004. — XVII, 99, 1 s.

11. Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz, Berlin-Dahlem (GStAPK).
    a. Ordensbriefarchiv (OBA). — № 5822, 5859, 5941.
    b. Ordensfoliant 14 (OF 14).

12. Halecki, O. Dzieje unii Jagiellońskiej / O. Halecki. — T. 1: W wiekach średnich. — Kraków: Nakł. Akademii Umiejętności, 1919. — IX, 482 s.

13. Halecki, O. Ostatnie lata Świdrgiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka / O. Halecki. — Kraków: Nakł. Akademii Umiejętności, 1915. — VIII, 316 s.

14. Halecki, O. Z Jana Zamoyskiego inwentarza archiwum koronnego. Materyały do dziejów Rusi i Litwy w XV wieku / O. Halecki // Archiwum Komisji Historycznej. — T. 12. — Cz. 1. Kraków: Akademia Umiejętności, 1919. — S. 146—218.

15. Korczak, L. Kształtowanie elity władzy w Wielkim Księstwie Litewskim (zagadnienie kryteriów kwalifikacyjnych) / L. Korczak // Prace historyczne. — 2003. — Zesz. 130. — S. 35—40.

16. Lewicki, A. Powstanie Świdrygiełły. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną / A. Lewicki. Kraków: Nakł. Akademii Umiejętności, 1892. — 389 s.

17. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. — Bd. 8. (1429 Mai — 1435) / Hrsg. von H. Hildebrand. — Riga; Moskau: Verlag von J. Deubner, 1884. — XXVIII, 688 c.

18. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. — Bd. 9. (1436—1443) / Hrsg. von H. Hildebrand. — Riga; Moskau: Verlag von J. Deubner, 1889. — XXVI, 722 c.

19. Łowmiański, H. Uwagi w sprawie podłoża społecznego i gospodarczego unii Jagiellońskiej / H. Łowmiański // Łowmiański, H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. — Poznań: Wydawnictwo UAM, 1983. — S. 365—454.

20. Maleczyńska, E. Rola polityczna królowej Zofii Holszańskiej na tle walki stronnictw w Polsce w latach 1422—1434 / E. Maleczyńska. — Lwów: Nakł. Towarzystwa Naukowego, 1936. — 1, 119 s.

21. Neitmann, K. Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen 1230—1449. Studien zur Diplomatie eines spätmittelalterlichen Territorialstaates / K. Neitmann. — Köln; Wien: Böhlau, 1986. — XIII, 692 S.

22. Nikodem, J. Polska i Litwa wobec husyckich Czech w latach 1420—1433. Studium o polityce dynastycznej Władysława Jagiełło i Witolda Kiejstutowicza / J. Nikodem. — Poznań: Instytut Historii UAM, 2004. — 442, 2 s.

23. Nikodem, J. Wyniesienie Świdrygiełły na Wielkie Księstwo Litewskie / J. Nikodem // Białoruskie Zeszyty Historyczne. — 2003. — № 19. — S. 5—32.

24. Nikodem, J. Zbigniew Oleśnicki wobec unii polsko-litewskiej do śmierci Jagiełły / J. Nikodem // Nasza Przeszłość. — 1999. — T. 91. — S. 101—151.

25. Ochmański, J. Powstanie i rozwój latyfundium biskupstwa Wileńskiego (1387—1550) / J. Ochmański. — Poznań: Wydawnictwo UAM, 1963. — 224, 2 s.

26. Pakulski, J. Wielkopolska elita władzy politycznej w I połowie XIV w. Kryteria kwalifikacyjne / J. Pakulski // Genealogia. Polska elita polityczna w wiekach średnich na tle porównawczym. — Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1993. — S. 61—91.

27. [Palacký, F.] Jazyk český na dwoře Litewském w XV. stoleti / F. Palacký // Časopis Českého Muzeum. — 1831. — Sw. 3. — S. 280—283.

28. Petrauskas, R. Didžiojo kunigaikščio institucinio dvaro susiformavimas Lietuvoje (XIV a. pabaigoje — XV a. viduryje) / R. Petrauskas // Lietuvos istorijos metraštis. — 2005. — T. 1. — P. 5—38.

29. Petrauskas, R. Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje — XV a.: Sudėtis — struktūra — valdția / R. Petrauskas. — Vilnius: Aidai, 2003. — 380 p.

30. Radzimiński, Z.L. Itinerarze kn. Fedora Korybutowicza i kn. Fedka Nieświzkiego / Z.L. Radzimiński // Miesięcznik Heraldyczny. — 1913. — № 11—12. — S. 194—200.

31. Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum, 1198—1525 Pars I: Index Tabularii Ordinis S. Mariae Theutonicorum. Regesten zum Ordensbriefarchiv. Vol. 1: 1198—1454. Hbd. 1 (1198—1432) / Bearb. von E. Joachim. Hrsg. von W. Hubatsch. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1948. — XVI, 392 S.

32. Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft / Herausgegeben von Dr. T. Hirsch, Dr. Max Töppen und Dr. E. Strehlke. — Bd. 3. — Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1866. — 730 S.

33. Sieradzan, W. Sąsiedstwo mazowiecko-krzyżackie w okresie przemian politycznych w Europie Środkowo-Wschodniej w latach 1411—1466 / W. Sieradzan. — Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu M. Kopernika, 1999. — 274 s.

34. Tęgowski, J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań; Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 1999. — 2, 322 s.

35. Voigt, J. Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. — Bd. 7. — Königsberg: Im Verlage der Gebrüder Bornträger, 1836. — XVI, 787 S.

36. Wolff, J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku / J. Wolff. — Warszawa: Gebethner i Wolff, 1895. — XXV, 698 s.

37. Барвіньский, Б. Жиґимонт Кейстутович Великий князь Литовско-руский (1432—1440). Історична монографія / Б. Барвіньский. — Жовква: Печатня оо. Василиян, 1905. — XIV, 170 с.

38. Бучинський, Б. Кілька причинків до часів вел. князя Свитригайла (1430—1433) / Б. Бучинський // Записки наукового товариства ім. Шевченка. — 1907. — Т. LXXXVI, Кн. 2. — С. 117—147.

39. Голубев, С.Т. Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI ст.) / С.Т. Голубев // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. — Киев, 1892. — Кн. 6. — Приложение. — С. I—XIV, 1—88.

40. Грушевський, М.С. Історія України-Руси / М.С. Грушевський. — Т. 4: XIV—XVI віки — відносини політичні. — Київ: Наукова думка, 1993. — 535, 3 с.

41. Коцебу, А. Свитригайло, великий князь Литовский, или Дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской / А. Коцебу. — СПб.: Тип. Медицинского Департамента МВД, 1835. — 12, 236, 44, 30 с.

42. Кузьмин, А.В. Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII — начала XV в. (Окончание) / А.В. Кузьмин // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2007. — № 4 (30). — С. 50—68.

43. Полное собрание русских летописей. — Т. 35: Летописи белорусско-литовские. — М.: Наука, 1980. — 308 с.

44. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. / Сост. д.и.н. А.Л. Хорошкевич; отв. ред. д.и.н. А.А. Зимин. — М., 1977. — Вып. 1. — 228 с.

45. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. / Сост. д.и.н. А.Л. Хорошкевич; отв. ред. д.и.н. А.А. Зимин. — М., 1980. — Вып. 3. — 212, 2 с.

46. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 147 (Ливонский орден и Лифляндия с Эстляндией). — Оп. 1. — Ч. 1. — Д. 187.

47. Русина, О.В. Контроверзи історії київської княжої традиції XIII—XVI ст. / О.В. Русина // Русина, О.В. Студії з історії Києва та Київської землі. — Київ: Інститут Історії України НАНУ, 2005. — 347 с.

48. Русско-ливонские акты / Изд. К.Е. Напьерский. — СПб.: В тип. Императорской Академии наук, 1868. — XXIV, 462 с.

49. Собрание древних грамот и актов городов: Вильны, Ковна, Трок, православных монастырей, церквей, и по разным предметам. — Ч. 1. — Вильно: В тип. А. Марциновского, 1843. — XCIV, 194 с.

50. Флоря, Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430—1460) / Б.Н. Флоря // Славяне и их соседи. — М.: Наука, 2001. — Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001. — С. 172—196.

Темушев В.Н.

ФОРМИРОВАНИЕ МОСКОВСКО-ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЫ В XV– НАЧАЛЕ XVI в.

Московско-литовская граница сложилась в начале XV в. (точнее между 1403–1408 гг., когда к ВКЛ были присоединены Вяземское, Смоленское и некоторые Верхнеокские княжества, непосредственно соседствовавшие с московскими владениями). Но и до этого времени между двумя государствами, проводившими активную политику собирания русских земель, возникали территориальные контакты. В то время интересы обеих сторон пересекались в Ржевской земле и на некоторых территориях в районе Верхней Оки (Серенск – совместное московско-литовское владение [15, с. 120], Любутск и Козельск – кратковременные московские держания), шла борьба за влияние на разделявшие оба государства княжества (Смоленское и Брянское). Еще в середине XIV в. между московскими князьями Семеном Ивановичем, а затем Иваном Ивановичем с одной стороны и литовским князем Ольгердом с другой стороны были заключены соглашения, основным содержанием которых, очевидно, было распределение сфер влияния в русских землях [11, с. 33; 8, с. 119–120; 23, с. 65–67]. Уже тогда, как утверждал князь Семен Иванович Ряполовский в конце XV в., было решено, «что при них прислухало к нашему государьству, к великому княжству (Московскому – *В.Т.*), и к их государьству, к великому княжству Литовскому» [15, с. 114–115]. Литовской стороне предлагалось вернуться к ситуации полуторавековой давности и на тех условиях заключить соглашение («по тому с ним (великим князем литовским Александром – *В.Т.*) хотим любви и докончанья и доброго пожитья») [15, с. 115]. Конечно, для московской стороны было весьма заманчиво возвратиться к тому положению, при котором Смоленск и Брянск находились в сфере ее влияния [23, с. 61–65]. Воспоминание о уже существовавшем некогда разграничении сфер влияния между Москвой и Вильно служило обоснованием московских претензий на многие земли ВКЛ. Характерно, что эти претензии действительно имели свое основание, опору на традицию, историческую реальность XIV в., и литовская сторона не могла их отрицать.

Во второй половине XIV в. при литовских правителях Ольгерде Гедиминовиче и Ягайло Ольгердовиче был составлен ряд договоров с мос-

ковским великим князем Дмитрием Ивановичем, действовавшим совместно с удельным серпуховским князем Владимиром Андреевичем Храбрым [5, с. 21—22; 8, с. 119—120; 11, с. 34—35]. Однако в единственном дошедшем до нас договоре (1372 г.) совсем ничего не сказано о территориальных контактах между двумя великими княжествами. В районах верховий Волги и Оки литовские и московские владения время от времени уже приходили в соприкосновение (Ржева, Серенск), существовали также определенные претензии обеих сторон на влияние в разделявших их русских княжествах и землях, однако как таковая московско-литовская граница в то время еще не сформировалась [16, с. 82—109].

Известно о существовании договора Витовта с Василием I, заключенного 4 сентября 1407 г. [24, с. 47, 51] Содержание его сохранилось лишь в фрагментах [24, с. 39—47], но сложилось ошибочное убеждение, которое шло, вероятно, от Н.М. Карамзина, о прохождении с того времени московско-литовской границы вдоль р. Угры [6, с. 106]. На самом деле, ничто не свидетельствует о такого рода территориальном размежевании между Москвой и Вильней в начале XV в., тем более что даже во второй половине XV в. московские владения занимали только низовья р. Угры [16, с. 96; 20, с. 306—307].

Со второй половины XV ст. известны два московско-литовских договора, которые, по мысли исследователей, должны были определить пограничную линию между двумя крупнейшими государствами Восточной Европы. Но, к сожалению, за малым исключением, свидетельства о московско-литовском порубежье, как в соглашении от 31 августа 1449 г., так и в грамоте от 5 февраля 1494 г., практически отсутствуют. В свое время данное обстоятельство явилось предлогом для отказа от реконструкции московско-литовской границы второй половины XV в.

Так, замечательная исследовательница западной границы России XVI в. Нина Борисовна Шеламанова в предисловии к своему диссертационному исследованию писала: «Безусловно, отправной датой исследования следовало бы взять 1494 г. — год первого договора единого Российского государства с Литвой — «вечного мира» 1494 г. Однако источники не позволяют в настоящее время с необходимой точностью установить территорию западных российских областей в конце XV в. Но достаточно определенной западная граница России вырисовывается уже для начала XVI в. — по перемирию 1503 г.» [27, с. 6] Также и исследователи территории и границ ВКЛ второй половины XV в. (на это об-

ратила внимание Н.Б. Шеламанова) не смогли обозначить его восточные рубежи более или менее определенно [27, с. 9]. М.К. Любавский вообще не отобразил московско-литовскую границу середины и конца XV в. на своей карте к работе о территориальном устройстве и управлении ВКЛ [10, вкладыш], Я. Натансон-Лески — польский исследователь московско-литовской границы — считал, что «в настоящее время тяжело точно разграничить ее на карте» [31, s. 81].

Таким образом, уже несколько поколений историков считали неразрешимой проблему реконструкции московско-литовской границы второй половины XV в. Исследователи, которые пытались очертить границу, исходили из единого подхода — найти все необходимые данные в тексте самих договоров. Но указанные документы в этом плане явились малополезными. В них, за малым исключением, не сыскать необходимых ориентиров для точного фиксирования линии московско-литовской границы. Отсутствие подробной информации служило предлогом для отказа от дальнейшего исследования.

Чем же было вызвано, на первый взгляд, необоснованное молчание документов, из которых впервые можно узнать о существовании московско-литовской границы? Обычно межгосударственные соглашения богаты географической номенклатурой. В отношениях между двумя договаривающимися сторонами требовалась точность в определении общей границы. Неопределенность, двусмысленность того или иного пункта договора могла создать в дальнейшем предлоги к территориальным претензиям, привести к захватам, конфронтации и, наконец, войне. В этой связи содержание обоих договоров (1449 и 1494 гг.) может вызвать удивление. Присоединение к Москве в 1494 г. из состава ВКЛ Вяземского княжества должно было сопровождаться точным определением состава волостей последнего, перечислением вяземских князей, которые перешли вместе со своими вотчинами на сторону Москвы и т.д. Но этого мы не наблюдаем. Формулировка грамоты «Так же мне, великому кн(я)зю Алеександру, не вступатис(я) в тебе і в твоих детеи у вашу отчину, в город у Вязму, і в городы, і в волости, во вси земли і воды Вяземские, что к Вязме потягло, ни кн(я)зеи мне вяземских к себе не приимати» [5, с. 330] выглядит чрезвычайно недостаточной. Это сильно контрастирует с выше приведенной в документе делимитацией участка ржевской границы [5, с. 329]. Но так кажется только на первый взгляд. Крайняя бедность основного источника по изучению московско-литов-

ской границы второй половины XV в. в некоторых случаях была полностью обоснованной и свидетельствовала об отсутствии необходимости в обозначении точной протяженности той или иной территории, которая присоединялась к Москве или оставалась у Вильно. В случае с Вязьмой все объясняется просто: весь массив Вяземского княжества, целиком, без исключений перешел к Москве. Этот факт, между прочим, подтверждается в посольских речах такой фразой московских бояр, которые обращались к литовским послам: «ино Вязме всей пригож быти за нашим государем» [15, с. 119]. Очевидно, что описание в договоре вяземской территории было излишним.

Таким образом, если есть убежденность в определенной компактности присоединенной к Москве территории, мы можем привлечь к изучению московско-литовской границы значительно большее количество источников, чем только две договорные грамоты. Целью становится определение территории и границ отдельных территориальных формирований в составе ВКЛ или Великого княжества Московского. Возможности реконструкции московско-литовской границы второй половины XV в. значительно расширяются.

Кроме того, помня о целостности московских территориальных приобретений, по грамоте 1494 г. мы можем рассуждать не только о границе, которая была установлена во время заключения договора, но и о ней же на более ранний период. Необходимо только отнять от московских владений ее новые приобретения. Определение западных и восточных границ одного Вяземского княжества позволяет проследить московско-литовскую границу на некотором протяжении до и после 1494 г. Однако нужно твердо знать о том, какие территории в конкретное время принадлежали Москве, а какие являлись новыми приобретениями, так как в тексте договора 1494 г. представлен сплошной перечень владений, признанных московскими.

Незнание географии региона может также привести к ошибочным выводам. Например, довольно легко можно отождествить такие рязанские населенные пункты грамоты 1494 г., как Рославль и Мстиславль с городами с соответствующими названиями в глубине ВКЛ.

Вернемся к договору 1449 г. Первым договором, который определил существование московско-литовской границы и сферы влияния в восточноевропейском регионе двух крупнейших государств, было «перемирье вечное» от 31 августа 1449 г., которое было заключено между

великим князем московским Василием II Васильевичем и великим князем литовским и королем польским Казимиром Ягайловичем [5, с. 160–163; 30, с. 131–133, 251–254]. Оба великих княжества (Московское и Литовское) только-только избавились от внутренних неурядиц, утвердили единодержавие и начали укреплять свое положение на международной арене. Безусловно, одним из главных мероприятий двух государств стало установление общей границы, с одновременной попыткой определения зависимых территорий.

Договор 1449 г. можно оценивать как своеобразный рубеж, после которого экспансия двух государств на восточнославянские земли приостановилась. Однако значение договора глубже. В нем декларировалось распределение сфер влияния между двумя крупнейшими государствами Восточной Европы. Приближалось завершение процесса объединения русских земель двумя центрами. В полной мере два лидера решали судьбу еще не присоединенных к их владениям независимых государств, которым было суждено стать добычей более мощных соседей.

В 1449 г. происходил определенный перелом в отношениях между двумя крупнейшими государствами Восточной Европы, когда стремление к дальнейшему увеличению территории на запад (для Великого княжества Московского) и восток (для ВКЛ) неизбежно вело к военному конфликту. До конца XV в. полномасштабных войн между Великим княжеством Московским и ВКЛ, по существу, не велось. Локальные столкновения территориальных интересов (из-за Ржевской земли, верхнеокских земель и др.), естественно, возникали. Существовали и определенные, обоснованные традицией, претензии на некоторые русские княжества и земли. Однако долгое время между Москвой и Вильней существовал значительный буфер еще не распределенных территорий. Потом в отношениях между ними господствовало стремление к союзу перед лицом общего врага — Орды. Союзные отношения были закреплены династическими браками. Некоторое время Великое княжество Московское находилось в русле политики великого князя литовского Витовта. Именно тогда Москва сдала свои позиции в Смоленске, Вязьме, Верхнеокских княжествах, фактически не вмешивалась в действия войск ВКЛ против Новгорода и Пскова. Наконец, во второй четверти XV в. внимание обоих государств было отвлечено внутренними проблемами. И вот, в 1449 г. произошли серьезные изменения политической ситуации в Восточной Европе. Два крупнейших государства упорядо-

чили свои отношения и распределили сферы господства. В дальнейшем, как выяснилось, далеко не все условия «вечного» мира исполнялись, и прежде всего, московской стороной. Связано это с многочисленными причинами, одна из которых — недостаточное внимание центральной литовской власти к своим восточным рубежам, пренебрежение Казимиром IV интересами ВКЛ.

Распределение зон московского и литовского влияния в Восточной Европе, в некотором смысле, остановило и завершило процесс объединения русских земель Москвой и Вильней. По-существу, договор 1449 г. не вызвал значительных изменений московско-литовской границы, он только очертил границу, которая существовала до этого. Точно описывался только небольшой неразграниченный до того момента участок Ржевской земли.

Необходимость твердого определения границ Ржевской земли стала актуальной, вероятно, только в середине XV в. До этого времени Ржева часто переходила из рук в руки между Москвой, Вильней и Тверью [4, с. 138—143; 9, с. 149—162; 19, с. 71—80]. Кроме того, внутренние непорядки в Великих княжествах Московском и Литовском во второй четверти XV в. долго не позволяли обратить внимание на возможные пограничные вопросы. Неуверенность владения Ржевой не способствовала стремлению к заботе о ее территориальном устройстве и границах.

Как выясняется, для реконструкции всего ржевского участка московско-литовской границы фрагмент грамоты 1449 г., повторенный в 1494 г., является недостаточным. Начальный и конечный отрезки этой границы отсутствуют. Их помогают уточнить, казалось бы, второстепенные данные из посольских речей князя Тимофея Владимировича Мосальского (подробное описание захваченной вселукским наместником части соседней торопецкой волости Буец) [15, с. 34], разводной грамоты великого князя Ивана III удельному Волоцкому князю Борису Васильевичу (описание рубежа ржевской волости Вселук с новгородской волостью Лопастица) [5, с. 290—293]. Таким образом, определяется место стыка литовской, московской и новгородской границ на северо-западе московских владений, доказывается обособленность (до 1478 г.) Ржевской земли от основной территории Великого княжества Московского, выявляется специфика ржевской границы, которая проходила по заболоченной и лесистой местности, из-за чего даже в актах очерчивается только условно [21, с. 241—250].

Вероятно, до 1449 г. западная ржевская граница не была установлена на уровне межгосударственных соглашений. Тем не менее, уже до середины XV в. сложились «старые рубежи» Ржевской земли. Очевидно, официальное размежевание основывалось на традиционно существовавших представлениях о границах волостей Торопецкого повета, Бельского княжества с одной стороны и Ржевской земли (уезда) — с другой стороны. Поэтому, с некоторыми оговорками обозначенную для второй половины XV в. границу можно перенести и на более раннее время. Спецификой Ржевской границы оставалась ее неопределенность в связи с особенностями местности, которая не позволяла точно размежевать неосвоенные и никем не занятые земли.

Московско-литовская граница к 1494 г. получила изменения только в двух направлениях: в результате присоединения к Москве Вяземского княжества и по причине перехода на московскую службу со своими вотчинами ряда так называемых «верховских» князей (Новосильские, Одоевские и Воротынские, Перемышльские, Белевские, часть Мезецких). Больше территориальных изменений не произошло, однако также существенным было признание некоторых территорий за московским или литовским великими князьями. Отказ от претензий на влияние в Великом Новгороде, Великом Пскове, Твери, Переяславле Рязанском, уступка ряда волостей совместного литовско-новгородского управления [28, с. 57] литовским правителем Москве, безусловно, имели большое значение. Сами же территориальные потери ВКЛ в первую войну с Великим княжеством Московским не были значительными, хотя бы в сравнении со следующей войной 1500—1503 гг., когда была потеряна огромная территория, в которой некоторые исследователи видят треть территории всего государства.

Территория, которую приобрела Москва, имела важное стратегическое значение. Занятие верховья р. Днепр, продвижение к верховьям рек Оки и Угры создавали плацдармы для дальнейшего наступления на земли ВКЛ. Была разрушена первая линия обороны ВКЛ, сметены со своих владений пограничные князья, которые были ориентированы на противостояние возможному московскому наступлению. Надежда на активное сопротивление вяземских и верхнеокских князей не оправдалась, и новая граница после 1494 г. оказалась под сильной угрозой. Оборонительный рубеж вдоль р. Угры в основном сохранялся, но уже не было лиц, которые были бы способны обеспечить его целостность.

Наиболее крупным и территориально целостным приобретением Москвы в 1494 г. стало Вяземское княжество, которое с 1403 г. находилось в составе ВКЛ.

Вяземское княжество почти столетие определяло восточную границу ВКЛ, причем граница эта была, вероятно, очень стабильной, так как до момента захвата московскими войсками воеводы Данилы Щени (зима 1493 г.) на вяземском ее участке не известно никаких изменений. Между тем не сохранилось ни одного документа, который очерчивал окраины Вяземского княжества. Договор о «вечном» мире 1494 г., в соответствии с которым Вяземское княжество отходило к Москве не дает представления о границах территории, которая отрывалась от ВКЛ. В этой связи интересна параллель с присоединением к Москве Смоленска. Границы его территории определялись в перемирной грамоте очень точно. И связано это с тем, что Смоленская земля не вся полностью переходила под московскую власть. Вяземское же княжество, как было сказано выше, единым массивом было присоединено к Москве.

Таким образом, несмотря на целостность вяземских земель и долговременную устойчивость вяземских границ, определение последних — дело довольно сложное. При выявлении вяземских границ необходимо прежде всего обратиться к исследованию размещения вотчин многочисленных местных землевладельцев (собственно Вяземских, Крошинских, Бывалицких, Козловских, Жилинских, Глинских). Затем нужно уточнить границы вяземских земель путем определения соседних с вяземскими территорий княжеств и земель.

Можно высказать предположение, что наделение вяземскими землями верных великому князю литовскому людей осуществлялось целенаправленно с рассчетом обеспечить оборону крайних восточных пределов государства. Поэтому мы и видим вотчины пана Ивана Ходкевича (волость Рогачев), князей Крошинских (волости Тешинов, Сукрумна, Ольховец, Надславль, Лела, Отъезд) [15, с. 6], Глинских (волости Турье, Судилов, Шательша) [5, с. 355; 10, с. 283], на самой границе с московскими Ржевской, Тверской и Можайской землями [17, с. 102—103; 25, с. 95—102].

Вероятно, к 1486/87 г. (началу первой московско-литовской войны) на можайско-вяземском участке московско-литовской границы не было никаких контактов. Если между литовскими (смоленскими) и тверскими владениями шло активное взаимодействие (что отразилось в договорных

грамотах) [5, с. 62—63; 30, с. 257; 5, с. 329; 30, с. 257; 18, с. 135—142], то между московскими (можайскими) и литовскими землями долгое время, вероятно, попросту не было соприкосновения. Посол германского императора в Москву Сигизмунд Герберштейн утверждал, что «во времена Витольда владения государей московских простирались на пять-шесть миль за Можайск» («... на шесть миль не доходили до Можайска») [3, с. 144]. В то же время известные литовские владения в этом регионе (волости в районе р. Гжать, принадлежавшие князьям Крошинским) размещались на значительно более дальнем расстоянии от Можайска.

Ситуация, возможно, изменилась в 1473 г., когда Можайск неожиданно получил в удел московский князь Андрей Васильевич [5, с. 248]. Он (а, может быть, и до него удельные князья Андрей Дмитриевич Можайский (1389—1432 гг.), Иван Андреевич (1432—1454 гг.), Юрий Васильевич Дмитровский (1462—1471 гг.)) проводил активную колонизационную политику и довольно быстро продвинулся к литовским владениям. Вероятно, вплоть до территории, непосредственно занятой подданными ВКЛ, князь Андрей не нашел сколько-нибудь полезных в хозяйственном плане земель. Здесь господствовали леса и болота [22, с. 106, 121, 346]. Непосредственный контакт с территорией ВКЛ князя Андрея Васильевича не только не остановил, а наоборот, придал энергии, так как теперь появилась возможность заселять и присоединять к своим владениям уже освоенные земли. Очевидно, в других частях своего удела (Углич, Бежецкий Верх, Звенигород и др.) князь не мог так активно увеличивать свои владения. Здесь же вмешательство в дела соседнего государства могло быть, во-первых, согласовано с центральными властями, а, во-вторых, остаться безнаказанным со стороны администрации ВКЛ. Все, что смогли сделать князья Крошинские, на вотчину которых и был направлен интерес московского удельного князя — это жалобы в посольских речах [15, с. 3, 6, 74]. Наступление Великого княжества Московского развивалось так быстро, что князья Крошинские, после того как потеряли одни свои владения, успели приобрести другие (в районе р. Угры) и вскоре лишились и их.

Характерно, что только продвинувшись к вяземским землям, московская сторона начала предъявлять на них претензии, как на исконные можайские земли [15, с. 6]. Ряд волостей был объявлен тянущим к Можайску и, тем самым, планы захватов приобретали легитимный характер с опорой на традицию, старину. Вскоре в составе можайских мы ви-

дим волости, которые еще совсем недавно составляли массивы владений князей Крошинских, Глинских, Вяземских [25, с. 95–102].

По-другому объясняется отсутствие в грамоте 1494 г. точного определения вотчин многочисленных верхнеокских князей, которые служили московскому или литовскому великим князьям. Каждый землевладелец хорошо знал границы своих владений, при этом центральная власть имела к ним разное отношение: от пожалования «до господарской воли» до только номинального контроля. Как бы то ни было, обозначение в договорной грамоте только имен самих князей, а то и просто перечисление титулов князей было достаточным.

Характерно, что все спорные владения, а также различные наезды, захваты, грабежи вотчин верхнеокских, вяземских и других князей были зафиксированы в посольских речах, которые дошли до нашего времени. Владения князей Мезецких, Воротынских, Вяземских и т.д. по данным из них представляются довольно подробно. Однако, к сожалению, распределить владения, например, между князьями Мезецкими, практически невозможно. А это важно для определения московско-литовской границы 1494 г. Дело в том, что Мезецкие разделились, и часть их продолжала служить великому князю литовскому, а часть – великому князю московскому. При этом сам центр их владений г. Мезецк (Мезческ, Мещовск) управлялся совместно. Очевидно, что участок границы, который проходил через мезецкие земли, не мог быть стабильным. Положение в среде Мезецких князей усложнялось тем, что часть из них находилась в московском плену (князья Семен Романович и Петр Федорович). В соответствии с договором 1494 г. московский великий князь обязался отпустить в Мезецк «на их отчину» упомянутых князей, а сами они получили право решать, кому будут служить [5, с. 330].

Таким образом, весь массив вотчин Мезецких князей необходимо обозначать на карте в качестве совместных владений Великих княжеств Московского и Литовского. Граница в районе Мезецка самим договором не была определена.

Распространение московской власти на верховья Оки во многом зависело от позиции местных землевладельцев [7, с. 91–92]. Даже военный захват не гарантировал присоединения территории к Москве. Так, московские походы 1492–1493 гг. затронули такие города, как Любутск, Мценск, Мезецк, Серпейск, Мосальск, Опаков. Большинство из них, за исключением Мезецка и Серпейска, было сожжено. Однако ни один из

князей Мосальска не перешел на службу к великому князю московскому [2, с. 47, 50; 7, с. 18, 50—53, 54, 84], а три других сожженных города (Любутск, Мценск, Опаков) не принадлежали удельным князьям, а управлялись великокняжескими наместниками или частными владельцами. Присоединения их к Москве в 1494 г. не произошло. У Опакова была занята только часть территории его волости, которая заходила на левый берег р. Угры. (В грамоте 1494 г. говорится о том, что за Великим княжеством Литовским остался Опаков по Угру [5, с. 330]. Значит, можно сделать вывод о том, что у города была территория и за Угрой, которая теперь отходила к Москве). Таким образом, выравнивался участок границы, естественным обозначением которой именно теперь на более значительном расстоянии служила р. Угра.

Как видим, те территории, в которых московская власть не имела достаточно твердой опоры, оставлялись, возможно временно, с дальнейшим рассчетом, за ВКЛ. Так, даже Любутск, окруженный теперь со всех сторон московскими владениями и оказавшийся, таким образом, эксклавом (владением одного государства, со всех сторон окруженным территорией другого государства), был признан отчиной великого князя литовского Александра [5, с. 330].

С другой стороны, переход на московскую службу того или иного пограничного князя не гарантировал распространения новой власти на все его владения. Воротынские князья, которые владели огромным массивом земель вдоль течения р. Угры, после перехода на сторону Москвы, практически все потеряли, даже несмотря на то, что эти земли являлись их вотчинными владениями. Вообще же в обороне границ государства на князей Воротынских правительство ВКЛ, очевидно, делало определенную ставку, которая в итоге не оправдалась.

Новосильские князья (а прежде всех Воротынские князья, как старшие в роде) заняли среди литовской аристократии привилегированное положение. Об этом свидетельствуют их участие в Луцком и Трокском съездах, намечавших коронацию Витовта, династические связи со значительнейшими литовскими княжескими родами. Литовские правители стремились превратить Воротынских князей в своих надежных вассалов. Не случайными, поэтому, выглядят многочисленные земельные пожалования князьям Воротынским, которые давали Казимир IV и Александр Казимирович, «чинячи их собе слугами» [15, с. 115]. Характерна география этих пожалований — территории, примыкающие к рекам Оке

и Угре и смоленские земли. Владения князей Воротынских заняли практически все течение реки Угры (не только напротив московской территории). Лишь в нескольких местах (в районе Лучина-городка, Нижней Волсты, Опакова) эти владения переходили на левую сторону Угры. Вообще, новая отчина князей Воротынских была значительно большей, чем их старое родовое владение вокруг города Воротынска.

Наиболее интегрирован во внутреннюю жизнь ВКЛ был князь Федор Львович Новосильский и Одоевский. Он был женат на дочери литовского князя Корибута (Дмитрия) Ольгердовича Марии, внучке Ольгерда. 20 февраля 1442 г. заключил договор с великим князем литовским Казимиром от имени всех князей Новосильских, являясь старшим в роде Новосильских князей [1, с. 55—56]. С 1448 г. именовался по своему владению князем Воротынским [1, с. 61]. В 1448 г. князь Федор явился посредником своего зятя можайского князя Ивана Андреевича в обращении последнего к великому князю литовскому Казимиру с просьбой способствовать занятию московского престола [5, с. 149—150]. В феврале 1447 г. кн. Ф.Л. Воротынскому было пожаловано несколько волостей «у Смоленскои державе» (Городечна, Сколуговичи, Ужеперед, Ковылна, Демена с Снопотцом), а также Немчиновский двор в Смоленске в отчину [29, р. 37]. Демена князю Федору Воротынскому подтверждалась в 1448 г. [29, с. 37] В том же году князь Федор стал наместником в Козельске [1, с. 61]. 28 марта 1455 г. отчинные владения князя Федора Воротынского становились таковыми и для его детей («дали есмо ему у вотчину и его детемъ») [1, с. 70; 29, р. 39]. К уже упоминавшимся волостям добавились Краишина («по обе стороне Высы реки»), Кцинь, Озереск, Перемышль, Логинеск [1, с. 70; 29, р. 39]. Последним пожалованием князю Федору стала волость Лучин, полученная, «коли царь былъ на Угре», т.е. в 1480 г. [15, с. 136] Волости первого пожалования (1447 г.) с Лучиным и появившиеся позже вместе с подтверждаемыми (1455 г.) разбиваются на два довольно далеко отстоящих друг от друга массива земель. Волости Городечна, Ужеперед, Ковылна, Демяна, Снопот, Лучин располагались у самого верховья реки Угры, в то время как Крайшина, Кцинь, Озереск, Перемышль и, вероятно, Логинеск примыкали непосредственно к Воротынску и, вместе с находившимся южнее их Козельском (в котором наместником был также князь Воротынский), составляли единое целое в низовьях Угры. Очевидно, добавление к владениям Воротынских князей смежных с ними, только в 1455 г. захвачен-

ных земель, свидетельствовало в достаточной мере о доверии со стороны великокняжеской власти в отношении к своему вассалу, о чем и было заявлено жалованной подтвердительной грамоте: «а узревши его верную службу к нам то учинили» [1, с. 70; 29, p. 39].

Постепенно пространство между верховьем и устьем реки Угры заполнялось новыми владениями князей Воротынских. После смерти князя Федора Воротынского (между 1480—1492 гг.) его сын Семен получил от Казимира IV волость Мощин в среднем течении реки Угры [15, с. 136]. Всего же до отъезда в Москву (1492 г.) князь Семен Федорович в своих руках сконцентрировал практически все течение реки Угры (в основном ее правобережную сторону). Ему принадлежали города Мосальск с волостями Путогиным и Недоходовым, Серпейск с волостями, Бышковичи с волостями по Угру, Залидов с волостями по Угру, Опаков с волостями по Угру, Городечна с волостями, Лучин с волостями [26, с. 41—42, 46]. Кроме того князь Семен держал волости смоленского владыки (Любунь, Ближевичи, Печки) [15, с. 136]. Мосальск с волостями незадолго до того был отчиной князя Тимофея Владимировича Мосальского [15, с. 3, 20, 36].

Владения других Воротынских князей были поскромнее. Дмитрий Федорович держал волости Фоминичи, Погостищи, Лугань, Местилов, Куинь (Кцинь?), Хостци, Орень, Борятин [15, с. 136, 137]. Эти волости были разбросаны между реками Болвой (приток Десны) и Окой и тянули к Смоленску, Мезецку и Козельску. Последний был дан в держание князю Дмитрию Воротынскому 12 марта 1488 г. [7, с. 78—79] Князю Ивану Михайловичу Воротынскому (еще в 1487 г. перешедшему на сторону Москвы) принадлежали волости Тарбеев, Олопов и Озереск [15, с. 136]. Все три волости считались перемышльскими и находились юго-западнее Перемышля. Очевидно, всеми ими владел еще князь Федор Львович Воротынский.

Длинная полоса владений Воротынских князей, протянувшаяся вдоль правого берега реки Угры, представляла собой первую линию обороны ВКЛ против Российского государства. Правительство ВКЛ сделало ставку в данном регионе именно на князей Воротынских, хотя уже до них территории, примыкающие к реке Угре, отдавались во владение литовского князя Михаила Евнутьевича Жеславского (Опаков, Бышковичи и др.) [14, с. 107]. Примерно только на четверть течения реки Угры распространялась московско-литовская граница, однако все течение реки Угры превращалось в оборонительный рубеж ВКЛ. Таким образом, даже после потери части владений (например, Вяземского кня-

жества), река Угра могла продолжать выполнять функцию оборонительной линии на подступах к центральным землям ВКЛ.

События войны 1487—1494 гг. показали, что расчет на укрепление границы в районе реки Угры был правильным. Походы с московской стороны на Мезецк, Недоходов, Меск, Бышковичи, Лычино (1487 г.) следовали, очевидно, через реку Угру. Воротынск в 1489 г. выдержал осаду 11 московских воевод [15, с. 35], пересекших, вероятнеее всего, реку Угру, а не два раза Оку. Сами Воротынские князья из-за Угры совершали нападения на соседние медынские волости [15, с. 39]. На втором этапе войны (1492—1494 гг.), когда в боевых действиях наряду с войсками местных князей были использованы великокняжеские силы, борьба шла за основные центры, укреплявшие литовскую границу в районе Угры (Серпейск, Мезецк, Опаков, Мосальск). В итоге территория правобережья Угры на участке московско-литовской границы контролировалась войсками Ивана III, но по условиям договора 1494 г. все пункты в этом регионе возвращались ВКЛ [5, с. 330]. Московская сторона не могла быть уверена в прочности своих позиций в правобережье Угры, тем более что многие местные князья остались верны великому князю литовскому [7, с. 91—92]. Таким образом, московско-литовская граница по реке Угре почти на всем своем протяжении (кроме маленького района, принадлежавшего Воротынску) сохранялась. Более того, она продлевалась за счет вяземских земель и левобережной части волости Опаков, отошедших к Москве. Московско-литовская граница по реке Угре после 1494 г. выросла вдвое.

Создание заслона из владений Воротынских князей стояло в одном ряду с целым рядом мероприятий по укреплению восточной границы ВКЛ. Учреждение ряда наместничеств в центре владений верховских князей (Мценск, Любутск и др.), в качестве своеобразных форпостов литовской власти, преследовало цель своеобразного цементирования территорий не всегда надежных вассалов. По словам М.К. Любавского: «Литовское правительство держало свои гарнизоны в этих городах частью для более успешной обороны границ, частью для удержания в повиновении подручных «верховских» князей» [10, с. 51—52]. Сохранение в некоторой степени самостоятельных, по сути буферных, территориальных образований, позволяло без вмешательства центральных властей, местными силами решать пограничные конфликты. Наконец, все пограничные княжества и земли были подчинены в военно-административном отношении Смоленску, образуя отдельный военный округ, во главе со смоленским намест-

ником [10, с. 286—287]. Все местные князья со своими людьми составляли смоленское ополчение. И, что характерно, даже города, до этого не относившиеся к Смоленскому княжеству (ликвидированному в 1404 г.), стали называться смоленскими «пригородами». В числе таких пригородов стали фигурировать и города, расположенные вдоль реки Угры (Бышковичи, Залидов, Опаков, Городечна, Лучин) [10, с. 280; 15, с. 118].

Но, в общем, отношения центральной власти ВКЛ с периферией были построены на довольно непрочной основе. Ряд привилегий, сохранявшихся и вновь появлявшихся у пограничных князей, оставлял возможность отказа от службы великому князю литовскому (послать великому князю литовскому «отказ» или «целование королю с себя сложить») и перехода на службу к соседнему государю вместе со своими вотчинными владениями. Князья Одоевские, Воротынские, Мезецкие и др. беспрепятственно перешли на московскую сторону вместе со своими владениями. Более того, уходившие князья оказывали давление на своих родственников и, бывало, занимали их и чужие владения. Так, в декабре 1489 г. князь Дмитрий Федорович Воротынский «бил челом» в службу великому князю московскому со своей и своего брата Семена отчинами (города Серенск, Бышковичи, волости Лычино и Недоходов) [15, с. 47—48]. В 1492 г. князь Семен Федорович Воротынский по пути в Москву, захватил города Серпейск и Мезецк, занял волости Великое поле (принадлежала Яну Гаштольду и тянула к Дорогобужу, а не Вязьме, как указал М.К. Любавский [10, с. 283]), Верхнюю Волсту (вотчину князя Василия Дерличина), Слободку и Мощиновичи (князей Афанасьевичей, но известно, что «селцо Мошенское» принадлежало князю Сеньку Глинскому [29, p. 47]), Середее (отчина князей Жолтых [13, с. 157; 15, с. 137]). Вяземские волости Верхняя Волста, Слободка, Мощиновичи и, вероятно, Середее, находились поблизости друг от друга в среднем течении реки Угры и составляли, видимо, единый массив земель. Огромные пространства с обеих сторон реки Угры, таким образом, были отданы под власть великого князя московского.

Однако, несмотря на то, что земли вдоль реки Угры были пожалованы Воротынским князьям в вотчину, они, как и захваченные территории с левой стороны Угры (кроме входящих в состав Вяземского княжества), не были закреплены за Москвой по мирному договору Ивана III с Александром Казимировичем от 5 февраля 1494 г. Князья Новосильские, Одоевские, Воротынские, Перемышльские, Белевские объявлялись в стороне Ивана III и его детей «и з своими отчизнами, к вашему велико-

му княжству» [5, с. 330], но «...ни в Лучин, ни в Масалескъ, ни в Дмитровъ, ни в Жулин, ни в Лычино, так жо і в Залидов, і в Бышковичи, і во Іваков по Вгруни» Иван III обязался «не вступатися ничим, і блюсти, и не обидети, ни под(ъ)искивати подо мною всее моеи отчины, великих княжствъ» [5, с. 330]. Таким образом, князья Воротынские лишались всех своих владений и захватов вдоль реки Угры. Московско-литовская граница по реке Угре оставалась незыблемой. Но защищать ее было практически некому. Литовское правительство не рискнуло раздавать земли вдоль реки Угры, потерянные Воротынскими, снова в вотчину. Вдоль новой московско-литовской границы появились наместники: Ивашка Сопежич (с 1495 г. держал Дмитров «до живота»), Василий Сопежич (в 1494 г. — владел Опаковом, в 1496 г. получил два села пустых в Мощине). «До воли» великого князя литовского держал волость Городечну князь Федор Федорович Мезецкий [10, с. 278]. В то же время бывшие хозяева волостей за р. Угрой, вероятно, стремились возвратить свои былые владения. Так, князь Семен Воротынский «засел» Бышковичи, Лычино, Вежичну, «взял» к Воротынску четыре залидовских села [15, с. 152].

Таким образом, границы, которые были определены договором 1494 г., не приобрели стабильный характер, они только закрепили промежуточные результаты продвижения московской власти, которая почти беспрепятственно распространялась на земли ВКЛ. По мысли Н.Б. Шеламановой, опиравшейся на мнения Я. Натансона-Леского и К.В. Базилевича: «"Вечный мир" 1494 г. не только не разрешил территориального спора России и Литвы, но ... еще более его обострил, так как к стремлениям России объединить земли Древней Руси прибавились еще обострившиеся споры верховских князей за свои вотчины, разделенные между Россией и Литвой. Иван III воспользовался и дальше этими спорами в своей объединительной политике» [27, с. 4—10].

И вот, в 1500 г. московско-литовская граница на всем своем протяжении попросту исчезла. На службу в Москву со своими вотчинами (хоть это и было запрещено договором 1494 г.) потянулись бельский князь Семен Иванович, оставшиеся верховские князья (Мосальские, Мезецкие), северские князья (Семен Иванович Можайский и Василий Иванович Шемячич и др.) [12, с. 252]. Возможно, не все делали это добровольно. Но в условиях войны 1500—1503 гг. московская сторона, безусловно, доминировала.

Масштаб боевых действий в московско-литовской войне 1500—1503 гг. был настолько велик, что затронул все протяжение границы меж-

ду двумя государствами. В результате войны вся восточная граница ВКЛ испытала изменения. Великий князь литовский Александр вынужден был уступить значительные территории, которые более чем полтора столетия входили в состав ВКЛ. Московско-литовская граница по договору о шестилетнем перемирии 1503 г. приобрела на всем протяжении новые черты, причем не всегда твердо установленные. Уже в ходе переговоров перед заключением перемирия, в процессе делимитации границы, происходила передача с московской стороны ряда волостей ВКЛ; граница выравнивалась и приобретала более стабильный характер. Через некоторое время, в 1508 г., снова произошло усовершенствование границы, в результате чего был не только ликвидирован выступ в глубину Смоленской земли со стороны новых московских владений, но и были переданы литовской стороне очень важные для нее в стратегическом плане территории (по обеим сторонам р. Днепр в районе Любеча).

Вопрос о площади потерянной в результате войны 1500—1503 гг. ВКЛ территории нужно считать дискуссионным. Эта территория складывалась из следующих частей: 1) неразделенных между Москвой и Вильно владений Мезецких князей; 2) территорий, лишь номинально принадлежавших ВКЛ, а фактически являвшихся владениями Большой Орды и Крымского ханства, периодически использовавшиеся в качестве кочевий (Поле); 3) земель, захваченных Москвой еще до начала войны (Пуповичи и др.). Таким образом, не следует преувеличивать масштаб территориальных потерь ВКЛ, как минимум треть которых к началу 1500 г. ему фактически не принадлежала. Кроме того, несмотря на значительность площади, потерянные территории представляли собой регион с низкой плотностью населения, по экономическому развитию отстававший от центральных областей ВКЛ и, к тому же, находившийся частично во владении удельных князей. Однако следует признать, что стратегически потери ВКЛ были весьма ощутимы. Для Великого княжества Московского открывались широкие возможности военных действий непосредственно на основной территории ВКЛ, нависла угроза над основным стратегическим, военным и экономическим центром региона — Смоленском. Кроме того, на короткое время Москва захватила ключевые пункты на реках Сож и Днепр (соответственно, Гомель и Любеч), позволявшие контролировать жизнедеятельность ВКЛ на значительном пространстве и открывавших перспективу для укрепления московского господства на территории не только к востоку, но и к западу от Днепра.

Территории, захваченные московскими войсками в 1500—1503 гг., были значительно больше тех, которые в итоге были признаны за Москвой по договору 1503 г. В силу определенных причин в два этапа (в ходе переговоров 1503 г. и по договору 1508 г.) некоторые земли вернулись в состав ВКЛ. Прежде всего, на смоленском направлении выравнивалась граница путем уступок Литве тех волостей, в которых московская власть не могла на тот момент закрепиться. Официально московский великий князь «поступался» рядом волостей «для первого свойства со государемъ съ вашимъ» [15, с. 396]. Были возвращены (или, по крайней мере, заявлены как возвращенные) ВКЛ такие древние смоленские волости, как Ельна, Руда, Щучья, Ветлица, а также чрезвычайно важные в стратегическом плане витебские волости Свято и Озерище.

Договорная грамота 1503 г. о шестилетнем перемирии имеет как будто совсем иной характер, чем договор 1494 г. В ней точно и последовательно обозначаются пограничные пункты с обеих сторон. При перечислении, например, полоцких волостей, называются только те из них, которые находились на пограничье и на которые могла претендовать противоположная сторона. Таким образом, реконструкция московско-литовской границы 1503 г. не представляется сложной. Большинство волостей было локализировано исследователями, граница более-менее точно нанесена на карту. Однако наблюдений за динамикой территориальных присоединений к Москве не было сделано, также как не была рассмотрена эволюция административно-территориального деления в Великом княжестве Московском в связи с новыми земельными приобретениями.

Для договора 1503 г. также, отчасти, присущи определенная неразбериха и умолчания. Так, ряд волостей князей Крошинских (Залоконье, Волста [Нижняя], Клыпино, Нездилово, Чарпа, Головичи), очевидно, был присоединен к Москве в ходе военных действий 1500—1503 гг. Однако в договоре ни одна из волостей князей Крошинских не была упомянута. Причиной этому являлся, видимо, тот факт, что указанные волости уже не являлись пограничными (находились в верховье и среднем течении р. Угры), а грамота преимущественно фиксировала волости, которые маркировали новую московско-литовскую границу в рамках процесса делимитации. Кроме того, некоторые пограничные волости попросту выпали из внимания составителей договора, что в дальнейшем стало предлогом для новых территориальных претензий со стороны Москвы.

Тем не менее, в договоре 1503 г. впервые с большой точностью была обозначена московско-литовская граница. Однако сам текст грамоты 1503 г. не нужно воспринимать как новое явление. Так, в грамотах 1449 и 1494 гг. тоже был обозначен участок границы, который до этого времени попросту не существовал, не был определен (район Ржевской земли). А к 1503 г. сложилась новая граница почти на всем протяжении соприкосновения московских и литовских владений. Ни одна территориальная единица, оказавшаяся на пограничье, не была целиком присоединена к Москве. Отсюда необходимость подробного обозначения новой границы, которая прошла сквозь исстари существовавшие, исторически сформировавшиеся устойчивые регионы.

Правда, один, и довольно значительный, отрезок новой московско-литовской границы в грамоте 1503 г. остался фактически без освещения. Территория на восток от Днепра, между городами Киев, Черкассы с литовской стороны и Чернигов, Новгород-Северский, Путивль с московской стороны, осталась неразграниченной. В дальнейшем обозначенный регион стал местом длительного пограничного конфликта, и в результате именно там сформировалась этническая граница между русским и украинским народами. На момент же составления грамоты большая часть региона только формально входила в состав ВКЛ, а потом Великого княжества Московского, и являлась частью Поля — слабо освоенного и невозделанного людьми пространства, места татарских кочевий.

В 1514 г., со взятием Смоленска, московско-литовская граница отодвинулась дальше на запад, что вынудило власти ВКЛ искать новые возможности для создания линии обороны, которая была бы противопоставлена мощному соседу. В результате перемирия 1522 г. московско-литовская граница приобрела стабильный характер, а с 1537 г. (после возвращения великому князю литовскому Гомеля и передачи Москве Себежа) законченный вид.

Список литературы

1. Акты, относящиеся к истории Западной России. — Т. I: 1340—1506. — СПб., 1846. — 375 с.

2. Бычкова, М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. / М.Е. Бычкова. — М.: Наука, 1986. — 221 с.

3. Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — 430 с.

4. Горский, А.А. Московские «примыслы» конца XIII—XV в. вне Северо-Восточной Руси / А.А. Горский // Средневековая Русь. — Вып. 5. — М.: Изд-во «Индрик», 2004. — С. 114—190.

5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 586 с.

6. Карамзин, Н.М. История государства Российского: в 12 т. / Н.М. Карамзин. — Т. V. — М.: Наука, 1993. — 560 с.

7. Кром, М.М. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. / М.М. Кром. — М.: Археографический центр, 1995. — 304 с.

8. Кучкин, В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры / В.А Кучкин. — М.: Древлехранилище, 2003. — 367 с.

9. Кучкин, В.А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV—XV вв.) / В.А Кучкин // История СССР. — 1984. — № 6. — С. 149—162.

10. Любавский, М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. / М.К. Любавский. — М., 1892. — 884 с.

11. Опись архива Посольского приказа 1626 года / Под ред. С.О. Шмидта. — Ч. 1. — М.: Полиграфист, 1977. — 416 с.

12. Полное собрание русских летописей. — Т. XII: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 266 с.

13. Полное собрание русских летописей. — Т. XXVIII: Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). — М.; Л.: Наука, 1963. — 412 с.

14. Русина, О.В. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. / О.В. Русина. — Київ, 1998. — 243 с.

15. Сборник Императорского Русского Исторического общества. — Т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. — Т. I. — СПб., 1882. — 869 с.

16. Темушев, В.Н. Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г. / В.Н. Темушев // Куликовская битва в истории России. — Тула: ГУП—Изд-во «Левша», 2006. — С. 82—109.

17. Темушев, В.Н. К вопросу о московско-литовской границе XV в. (Владения князей Крошинских) / В.Н. Темушев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2005. — № 3 (21). — С. 102-103.

18. Темушев, В.Н. Литовско-тверская граница (проблемы интерпретации источников) / В.Н. Темушев // Российские и славянские исследования. — Вып. 2. — Минск: БГУ, 2007. — С. 135—142.

19. Темушев, В.Н. Начало складывания московско-литовской границы. Борьба за Ржевскую землю / В.Н. Темушев // Российские и славянские исследования. — Вып. 1. — Минск, 2004. — С. 71—80.

20. Темушев, В.Н. Река Угра — вековой страж московско-литовской границы / В.Н. Темушев // Новая локальная история — Вып. 2: Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов: Материалы второй Международной Интернет-конференции. Ставрополь, 20 мая 2004 г. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. — С. 305—318.

21. Темушев, В.Н. Ржевский участок литовско-московской границы в конце XIV — начале XVI в. / В.Н. Темушев // Материалы по археологии Беларуси. — № 14: Памятники эпохи железа и средневековья Беларуси. — Минск: ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», 2007. — С. 241—250.

22. Тихомиров, М.Н. Россия в XVI столетии / М.Н. Тихомиров. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. — 583 с.

23. Флоря, Б.Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. / Б.Н. Флоря // Проблемы исторической географии России. — Вып. 1: Формирование государственной территории России. — М.: Институт истории СССР АН СССР, 1982. — С. 58—80.

24. Хорошкевич, А.Л. Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях / А.Л. Хорошкевич // Культурные связи России и Польши XI—XX вв. — М.: УРСС, 1998. — С. 39—57.

25. Цемушаў, В.М. Перыферыйныя княствы ў сістэме абароны ВКЛ (Вяземскае княства ў 15 ст.) / В.М. Цемушаў // Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага: матэрыялы міжнар. навук. канф., Гродна, 23—25 крас. 2004 г. — Мінск: “Лімарыус”, 2007. — С. 95—102.

26. Шеков, А.В. Верховские княжества (Краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI вв.) / А.В. Шеков. — Тула, 1993. — 96 с.

27. Шеламанова, Н.Б. Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Н.Б. Шеламанова; Моск. гос. ун-т. — М, 1970. — 693 с.

28. Янин, В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII—XV веков / В.Л. Янин. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. — 216 с.

29. Lietuvos Metrika — Lithuanian Metrica — Литовская Метрика. — Kn. 3: (1440—1498): Užrašymų knyga 3 / Parengė L. Anužutė ir A. Baliulis. — V.: Žara, 1998. — 163 p.

30. Lietuvos Metrika — Lithuanian Metrica — Литовская Метрика. — Kn. 5: (1427—1506): Užrašymų knyga 3 / Parengė E. Banionis. V.: Mokslo ir enciklopedijų l-kla, 1994. — 402 p.

31. Natanson-Leski, J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. — Cz. 1: Granica Moskiewska w epoce Jagiellonskiej / J. Natanson-Leski. — Lwów; Warszawa: Książnica polska towarzystwa nsuczyceli szkół wyszych, 1922. — 196 s.

Казакоў А.У.

КНЯЗЬ МАЦВЕЙ МІКІЦІНІЧ: ПАХОДЖАННЕ І ЭМІГРАЦЫЯ

У апошні час у расійскай і беларускай гістарычнай навуцы назіраецца павышэнне інтарэсу да такой малараспрацаванай праблемы як эміграцыя з Маскоўскай дзяржавы ў Вялікае княства Літоўскае. Аб гэтым сведчаць працы расійскіх даследчыкаў К.Ю. Ерусалімскага, М.М. Крома, А.І. Філюшкіна, невялікі нарыс айчыннага гісторыка Б.І. Сідарэнкі. Пазітыўным з'яўляецца тое, што ўвага надаецца не толькі традыцыйна папулярным сюжэтам і постацям (напрыклад, жыццё і дзейнасць князя А.М. Курбскага), але і менш вядомым у гістарыяграфіі асобам, такім як С.Ф. Бельскі, У.С. Забалоцкі і інш.

Сярод маскоўскіх выхадцаў, жыўшых у ВКЛ у першай палове XVI стст., нашу ўвагу прыцягнула асоба князя Мацвея Мікіцініча (? — каля 1539 г.). Ніхто з яго сучаснікаў-эмігрантаў не атрымаў настолькі буйных уладанняў на Беларусі і ў Літве, як ён. Нават С.Ф. Бельскі і І.В. Лядскі — найбольш вядомыя з эмігрантаў таго часу — значна саступаюць яму па заможнасці. Сярод маёнткаў Мікіцініча — Княжычы і Водва на Магілёўшчыне, Бірштаны і Езна ў Ковенскім і шэраг двароў у Віленскім паветах, дом у сталіцы [1, с. 40, 82; 2, с. 113; 3, с. 50—51; 4, с. 177—179, 180—183]. Паводле перапісу войска ВКЛ 1528 г. ён мусіў узбройваць і ўтрымліваць почат у 79 вершнікаў, саступаючы па колькасці камбатантаў толькі найбуйнейшым магнатам краіны: А.М. Гаштольду, К.І. Астрожскаму, Ю.С. Слуцкаму, С.С. Кезгайлу, Я.Я. Забярэзінскаму, Радзівілам і інш. [5, с. 50, 54].

Князь Мацвей Мікіцініч служыў вялікай княгіні літоўскай Алене, быў намеснікам у шэрагу яе ўладанняў — у Бірштанах, Анікштах, Княжычах, Цяцерыне і Магілёве. Набліжанасцю да вялікакняскай сям'і, якой ён быў абавязаны большасцю сваіх зямельных набыткаў, і тлумачыцца яго трывалае становішча як землеўладальніка і дзяржаўцы. У рамках гэтага сціслага нарыса мы звернем увагу на паходжанне М. Мікіцініча, а таксама паспрабуем высветліць абставіны і час яго эміграцыі ў ВКЛ.

Дык адкуль жа паходзіў гэты фаварыт Алены Іванаўны? Да апошняга часу не рабілася спроб высветліць яго радавод. Вядома, што нашчадкі М. Мікіцініча ў другой палове XVI ст. сталі ўжываць найменне

Галоўчынскіх (ад назвы аднаго з належыўшых ім маёнткаў — Галоўчын), а ў XVII ст. пачалі выкарыстоўваць імя Рапалоўскіх [6, с. 116]. Рапалоўскія былі адным з адгалінаванняў Старадубскіх князёў, добра вядомым у Маскоўскай дзяржаве ў XV—XVI стст. [7, с. 40—42]. Гэта дазволіла К. Нясецкаму выводзіць род Мікіцінічаў з Севершчыны. Ад князя Івана Фёдаравіча (незразумела, хто менавіта маецца на ўвазе) пайшлі Мікіцінічы і Рапалоўскія, лічыць аўтар [8, с. 364]. У вядомых радаводных запісах Рапалоўскіх, аднак, аб Мікіцінічах няма ніводнай згадкі. Ю. Вольф асцярожна дапускае існаванне сувязі Мікіцінічаў з Рапалоўскімі, але не робіць больш канкрэтных высноў [6, с. 116].

Спробу праліць святло на паходжанне Мацвея Мікіцініча (у сувязі з радаводам князёў Пуцяціных), зрабіў у рамках невялікага даследавання генеолаг У. Бязроднаў [9]. Ён звярнуў увагу на сінодзік Мікіцінічаў, які ўтрымліваецца ў памяніку Кіева-Пячэрскай лаўры [10, с. 54]. Сярод продкаў Мацвея там пералічаны пяць імёнаў: Фёдар, Дзмітры, Фёдар, Іван, Мікіта. Атаясаміўшы двух першых з асобамі, вядомымі па іншых крыніцах, даследчык вывеў род Пуцяціных ад Дзмітрыя Фёдаравіча Старадубскага (1329—1354), які раней лічыўся бяздзетным. На думку Бязроднага, Мацвей Мікіціні — прадстаўнік старэйшай галіны роду Старадубскіх, адзін з шасці сыноў Мікіты Іванавіча, брат Івана, Фёдара, Васіля, Давіда і Пятра. Ад двух апошніх і павінны былі паходзіць Пуцяціны, ад Мацвея — Мікіцінічы-Галоўчынскія-Рапалоўскія (гл. схему 1).

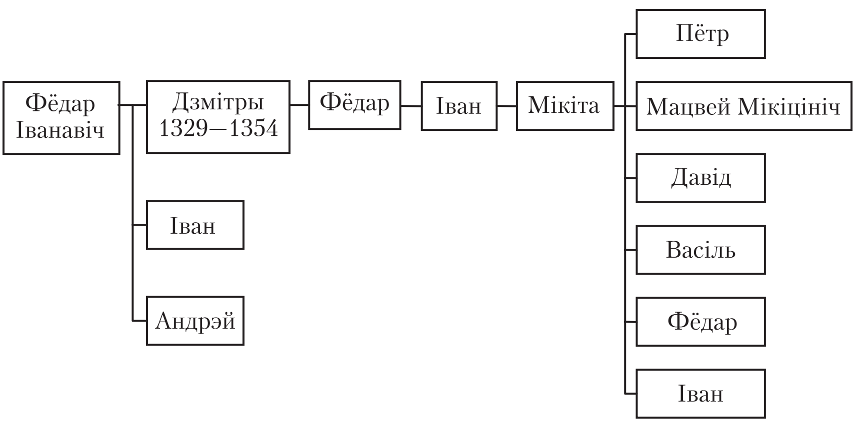

Схема 1. Паходжанне Мікіцінічаў-Галоўчынскіх паводле У. Бязроднага

Версія У. Бязроднага аб паходжанні Мікіцінічаў і Пуцяціных грунтуецца на трох асноўных тэзісах. 1. Мікіцінічы былі звязаны з Рапалоўскімі і, адпаведна, са Старадубскімі, таму менавіта сярод апошніх трэба шукаць іх карані. 2. Фёдар і Дзмітрый, пералічаныя ў памяніку Кіева-Пячэрскай лаўры сярод продкаў князя Мацвея на першай і другой пазіцыях адпаведна, — гэта Фёдар Іванавіч (памёр у 1329 г.) і ўжо згаданы намі Дзмітрый Фёдаравіч, яго сын, а названыя ў той жа крыніцы Васіль і Пётр — браты М. Мікіцініча, вядомыя па радаводзе Пуцяціных. 3. Бацькам М. Мікіцініча з'яўляўся Мікіта Іванавіч Рапалоўскі, які ў 1495 г. суправаджаў нявесту вялікага князя Аляксандра Алену Іванаўну ў Вільню. Усе яго сыны, акрамя Мацвея, пазней вярнуліся ў Маскву і далі пачатак роду Пуцяціных.

З першым тэзісам можна пагадзіцца. Сапраўды, прысваенне Мікіцінічамі-Галоўчынскімі ў XVII ст. наймення Рапалоўскія наўрад ці было выпадковым незалежна ад таго, наколькі было абгрунтаваным. Відаць, паміж іх родамі сапраўды існавала сувязь.

Што ж тычыцца другога сцвярджэння, то яго трэба прызнаць недастаткова аргументаваным. Па-першае, імёны Фёдар і Дзмітрый былі даволі распаўсюджанымі, і тут гаворка можа ісці аб простым супадзенні. Па-другое, аўтар ніяк не тлумачыць наяўнасць у сінодзіку імёнаў іншых асоб, якія названы перад братамі М. Мікіцініча, а, значыць, з'яўляюцца яго продкамі — Сямёна і Дзмітрыя. Застаецца незразумелым, хто крыецца за імем Міхаіл, якое памясцілі паміж Васілём і Пятром — імёнамі нібыта братоў князя Мацвея. Па-трэцяе, аўтар не дае адказ на важнае пытанне (нават і не ставіць яго): чаму ў сінодзіку няма імёнаў трох астатніх братоў М. Мікіцініча — Івана, Фёдара і Давіда? Прычым адсутнасць апошняга — слабае месца ва ўсёй гіпотэзе У. Бязроднага, бо менавіта ад яго бяруць пачатак князі Пуцяціны. Па-чацвертае, даследчык не звяртае ўвагі на пералік нашчадкаў М. Мікіцініча. Сярод іх няма імёнаў яго сыноў — Яраслава і Астафія, добра вядомых па дакументах метрыкі ВКЛ. Таксама незразумела, хто такія Якаў, Сямён, Аляксей, Фацей, Філіп і іншыя. Улічваючы вышэйсказанае, трэба паставіць пад вялікае сумненне саму магчымасць выкарыстання гэтага сінодзіка ў якасці гістарычнай крыніцы для рэканструкцыі радаводу Мікіцінічаў.

Трэцяе ж сцвярджэнне зусім не вытрымлівае крытыкі. Алену Іванаўну суправаджаў у Вільню не Мікіта Іванавіч, а Сямён Іванавіч Рапалоўскі, аб чым сведчаць матэрыялы пасольскіх кніг [11, с. 163]. Гэта асо-

ба добра вядома па крыніцах; дзяцей у С.І. Рапалоўскага не было [7, с. 41]. Аб існаванні ў канцы XV ст. князя пад імем Мікіты Іванавіча Рапалоўскага нам нічога не вядома.

Неабходна адзначыць, што па-за ўвагай У. Бязроднага засталася крыніца, якая ўтрымлівае ўскосныя сведчанні на карысць яго гіпотэзы — спісы палонных масквічоў у ВКЛ. Аднаго з двух патрпіўшых у палон у 1514 г. Пуцяціных, Сямёна Іванавіча, Мацвей Мікіціціч узяў да сябе «на поруки», што можа навесці на думку аб існаванні сувязі паміж імі [12, с. 163].

Нягледзячы на гэта, вышэйпрыведзеныя аргументы не дазваляюць прыняць версію паходжання Мікіцінічаў ад князёў Старадубскіх як пераканаўчую. Зыходзячы з даступных нам крыніц, мы можам зрабіць наступныя высновы аб паходжанні князя Мацвея Мікіцініча. 1. М. Мікіцініч паходзіў з Маскоўскай дзяржавы; 2. Род Мікіцінічаў меў пэўную сувязь з родам Рапалоўскіх; 3. Мацвей Мікіцініч быў прадстаўніком дробнага княскага рода. Аб гэтым, акрамя іншага, красамоўна сведчыць тое, што ні ў адным са шматлікіх дакументаў метрыкі ВКЛ не згадваецца яго родавае імя. Відаць, яно было канчаткова згублена. 4. «Мікіцініч» — гэта, безумоўна, патронім. Адсюль можна заключыць, што хтосьці з яго бліжэйшых продкаў, хутчэй за ўсё, бацька, насіў імя Мікіта.

Якім чынам князь Мацвей апынуўся ў ВКЛ? Аб гэтым нам паведамляе вялікі князь Аляксандр у сваім прывілеі эмігранту на пляц у Вільні ад 11 красавіка 1499 г.: «Бил намъ чоломъ княз Матфеи Микитиничъ, которыи же з нашою великою кнегинею Аленою з Москвы приехалъ...» [4, с. 185]. Адсюль мы можам меркаваць, што князь Мацвей знаходзіўся ў свіце Алены Іванаўны, якая прыбыла ў ВКЛ у пачатку 1495 г.

Гэту версія, аднак, не прымае Ю. Вольф, аргументуючы сваю пазіцыю наступным чынам. Калі Мікіцініч сапраўды знаходзіўся пры Алене, то яго імя павінна было трапіць у спіс суправаджаўшых князёўну асоб, але ён сярод яе світы не згадваецца [11, с. 163—164]. Паводле Ю. Вольфа, Мікіцініч з'явіўся ў ВКЛ пазней. Ён мог мець дачыненне да падзей пачатку 1499 г. у Маскве, калі князь Сямён Іванавіч Рапалоўскі разам з шэрагам іншых асоб быў пакараны смерцю. Ратуючыся ад расправы, Мікіцініч збег у ВКЛ [6, с. 116].

А. Банецкі бачыць Мікіцініча ў свіце Алены Іванаўны, але працытаваны вышэй прывілей Аляксандра застаўся для даследчыка невядомым. Сваю выснову ён робіць на падставе шчодрых пажалаванняў вялікай княгіні на карысць Мікіцініча [13, с. 181].

На наш погляд, няма падстаў не давяраць словам Аляксандра аб тым, што князь Мацвей прыехаў разам з Аленай Іванаўнай: наўрад ці гаспадар мог так памыляцца адносна набліжаных да сваёй жонкі асоб. З іншага боку, дата прывілея на віленскі пляц — 11 красавіка 1499 г. — быццам кажа на карысць версіі Ю. Вольфа. Пакаранне смерцю С.І. Рапалоўскага адбылося ў пачатку лютага таго ж года [14, с. 163—164], а прывілей утрымлівае самую першую згадку аб Мікіцінічы як абывацелю ВКЛ. Але гэта ж храналагічнае супадзенне робіць яшчэ больш неверагодным дапушчэнне кепскай інфармаванасці Аляксандра аб эмігранце. Хіба мог ён у красавіку 1499 г. памылкова аднесці з'яўленне ў ВКЛ Мікіцініча да 1495 г., калі той прыбыў толькі што? Больш за тое, пераканацца ў памылковасці дапушчэння Ю. Вольфа можна пры больш падрабязным разглядзе зместу прывілея. Ён носіць пацвярджальны характар, г. зн., віленскі пляц быў атрыманы Мікіцінічам раней за красавік 1499 г., аб чым кажа сам Аляксандр: «...*перво сего* (выдзелена намі — *А.К.*) дали есмо ему местъцо городское в месте Виленьскомъ...» Акрамя таго, вялікі князь адзначае, што гэта пажалаванне стала заахвочваннем Мікіцініча «за его служъбу», г. зн., ён павінен быў паспець выслужыць падараванне Аляксандра [4, с. 185].

Засталося адказаць на яшчэ адно пытанне: чаму імя Мікіцініча не згадваецца сярод суправаджаўшых Алену Іванаўну асоб? Спіс гэтых асоб, які змяшчаецца сярод матэрыялаў пасольстваў, пачынаецца так: «А се список, которые бояре и дети боярьские поехали княжны провожати в Литву...» [11, с. 163]. Перад намі світа Алены Іванаўны, прызначаная на перыяд яе падарожжа ў ВКЛ. Наўрад ці варта сумнявацца ў тым, што яе падборам займаўся, ці, прынамсі, кантраляваў яго, сам Іван III, які надаваў вялікую ўвагу ад'езду дачкі, як і наогул яе шлюбу з Аляксандрам. Пад самой фармулёўкай «поехали княжны провожати» павінна было разумецца вяртанне назад. Вядома, што праз пэўны час суправаджаўшыя Алену Іванаўну «бояре» сапраўды вярнуліся ў Маскву. Але хтосьці павінен быў застацца пры княгіні — яе слугі, яе непасрэднае атачэнне, якое, натуральна, не згадваецца сярод разглядаемай намі світы, прызначанай маскоўскімі ўладамі толькі на час падарожжа Алены ў Вільню. Гэта пацвярджаецца назіраннямі Тураевай-Цэрэтэлі, якая пасля высылкі назад світы знаходзіць вакол жонкі Аляксандра «немало москвичей» [15, с. 161].

Нягледзячы на малады ўзрост (на момант ад'езду з Масквы княжне не споўнілася і 19 год) яна магла мець свой уласны, хай і невялікі, няпоўны па наборы пасад, двор, сваіх уласных служэбнікаў. Прыналежнасць Мікіцініча

да гэтага кола ускосна пацвярджаецца словамі самой Алены, ужо вялікай княгіні літоўскай. У 1507 г., даючы яму прывілей на шэраг двароў, яна адзначыла яго добрую службу вялікаму князю Аляксандру, кажучы, што князь Мацвей «былъ его милости во всякихъ служъбах поволныи а верныи слуга». Далей Алена робіць такія ж кампліменты Мікіціначу ўжо як свайму ўласнаму слузе, дадаючы, аднак, вельмі істотную дэталь. У адрозненне ад Аляксандра, ёй Мікіцініч «*з молодыхъ своихъ летъ* (выдзелена намі — *А.К.*) в доброи а верной ся служъбе заховалъ» [4, с. 180]. А гэта значыць, што паслужыць Алене Іванаўне князь паспеў яшчэ да яе шлюбу і разам з ёй прыехаў у ВКЛ, аб чым і прыгадаў Аляксандр у 1499 г.

Акрамя князя М. Мікіцініча, мы маем звесткі яшчэ аб некалькіх набліжаных да Алены асобах, імёны якіх не фігуруюць сярод яе світы. У лютым 1495 г. Іван III пасылае князя В.В. Рамаданоўскага з жонкай да сваёй дачкі «на пожитье». Той павінен быў перадаць Алене, каб для напісання таемных лістоў да бацькі яна выбрала аднаго «из своих людей»: Фёдарава сына Глотава, Якуця (Якава?) Семічава, Федку Дзямідава сына Балабанава, Сенку Аўрамава [11, с. 172—173]. У 1497 г. з лістом ад Аляксандра, а таксама з вусным паведамленнем ад сябе Алена пасылала да Івана III Аляксея Семічава — «своего» чалавека [11, с. 226, 227, 254]. Пад 1528 г. сярод абываценляў ВКЛ прыгадваецца Фёдар Семічаў, а ў 1530-х гг. — Міхайла Фёдаравіч Семічаў, верагодна, яго сын [5, с. 61; 16, с. 157]. Як відаць, побач з Аленай знаходзілася коля яе ўласных слуг, прыбыўшых разам з ёй з Масквы, і М. Мікіцініч мусіў у гэта кола ўваходзіць.

Такім чынам, Мацвей Мікіцініч паходзіў з дробнага княскага рода Маскоўскай дзяржавы, які, верагодна, быў звязаны з Рапалоўскімі. Ён належыў да бліжэйшага атачэння княжны Алены, дачкі вялікага князя маскоўскага Івана III, і разам з ёй прыехаў у ВКЛ у пачатку 1495 г.

Спіс літаратуры

1. Lietuvos Metrika. Kn. 1 (1380—1584): Užrašymų knyga 1 / Lietuvos istorijos institutas; parengė A. Baliulis, R. Firkovičius. — Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos inst., 1998. — 207 p.

2. Lietuvos Metrika. Kn. 10 (1440—1523): Užrašymų knyga 10 / Lietuvos istorijos institutas; parengė A. Banionis ir A. Baliulis. — Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1997. — 178 p.

3. Lietuvos Metrika. Kn. 11 (1518—1523): Užrašymų knyga 11 / Lietuvos istorijos institutas; parengė A. Dubonis — Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1997. — 228 p.

4. Lietuvos Metrika. Kn. 25 (1387—1546): Užrašymų knyga 25 / Lietuvos istorijos institutas; parengė D. Antanavičius ir A. Baliulis. — Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos inst., 1998. — 460 p.

5. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 г. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523. Кн. Публічных спраў 1 / Падрыхт. А.І. Груша, М.Ф. Спірыдонаў, М.А. Вайтовіч; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. — Мінск: Бел. Навука, 2003. — 444 с.

6. Wolff, J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku / J. Wolff. — Warszawa: Gebethner i Wolff, 1895. — XXV, 698 s.

7. Зимин, А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. / А.А. Зимин. — М.: Наука, 1988. — 350 с.

8. Herbarz polski Kaspra Niesieckiego S.J.; powiekszony dodatkami z póznejszych autorów, rękopismów i dowodów urzędowych i wydany przez Jana Nep. Bobrowicza: w 10 t. — W Lipsku [Leipzig]: nakładem i drukiem Breitkopfa Haertela, 1839—1845. — T. VII. — 1841. — 652 S.

9. Безроднов В. Родословие князей Стародубских и происхождение князей Путятиных (по материалам синодика князей Микитиничей-Головчинских) / В. Безроднов // Генеалогический вестник. — СПб., 2001. — Вып. 3. — С. 31—34.

10. Голубев, С.Т. Древний помянник Киево-Печерской Лавры (конца XV и начала XVI столетия) / С.Т. Голубев // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. — Киев, 1892. — Кн. 6. — Приложение. — С. I—XIV, 1—88.

11. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, 1487—1533 / под ред. Г. Ф. Карпова. — 2-е изд. // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 35 (1). — СПб.: Университетская типография, 1882. — 872 с.

12. Антонов А.В. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века / А.В. Антонов, М.М. Кром // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 149—196

13. Boniecki, A. Poczet rodów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV i XVI w. / A. Boniecki. — Warszawa: Druk J. Bergera, 1887. — XVI, 426, L s.

14. Зимин, А.А. Россия на рубеже XV—XVI столетий: очерки социально-политической истории / А.А. Зимин. — М.: Мысль, 1982. — 333 с.

15. Тураева-Церетели, Е.Ф. Елена Иоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. Биографический очерк в связи с историей того времени / Е.Ф. Тураева-Церетели. — СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1898. — 356 с.

16. Lietuvos Metrika. Kn. 15 (1528—1538): Užrašymų knyga 15 / Lietuvos istorijos institutas; parengė A. Dubonis. — Vilnius: Žara, 2002. — 446 p.

Падалінскі У.А.

СТАЎЛЕННЕ ДА ВАЙНЫ Ў ГРАМАДСКАЙ ДУМЦЫ ШЛЯХТЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў 1570—1580-я гг.

У 1570—1580-я гг. вайна, перадусім вайна з Маскоўскай дзяржавай, была адным з важнейшых фактараў грамадскага жыцця Вялікага княства Літоўскага (ВКЛ), якія ўплывалі на ўнутрыпалітычныя працэсы ў краіне, на яго знешнюю палітыку ды, нават, на культурнае жыццё. Паспрабуем акрэсліць стаўленне шляхты ВКЛ да вайны і ў час перамір'я, і пад час яе актыўнай фазы, і пасля яе завяршэння. Вызначым чыннікі, што фарміравалі стаўленне розных пластоў шляхецтва да такой з'явы,

На грамадскую думку шляхты Вялікага княства ў пытанні вайны значны ўплыў аказваў папярэдні досвед баявых дзеянняў з Маскоўскай дзяржавай. Інфлянцкая вайна 1558—1570 гг. прынесла ВКЛ шмат негатыўных наступстваў: пастаянны цяжар шматлікіх падаткаў, спусташальныя пастоі жаўнераў, гаспадарчы крызіс і, нарэшце, тэрытарыяльныя ды людскія страты [1, с. 333—337]. У такіх варунках, адносіны «палітычнага народа» да вайны сталі даволі прагматычнымі. На першы план выходзіла свайго роду эфектыўнасць ваенных кампаній, г.зн. суадносіны выдаткаў, панесеных на іх правядзенне, і магчымых станоўчых ці адмоўных вынікаў. Калі ж не было ўпэўненасці, што вайна прынясе безумоўны поспех, то для большасці шляхты лепшым выйсцем бачыўся трывалы мір з праціўнікам.

На Люблінскім сойме 1569 г. аб гатоўнасці працягваць вайну заяўлялі прадстаўнікі і ўладнай эліты, і павятовага шляхецтва Вялікага княства: жамойцкі біскуп Юры Пяткевіч, жамойцкі староста і земскі маршалак Ян Хадкевіч, ваявода брацлаўскі і палявы гетман ВКЛ Раман Сангушка, паслы Віленскага і Трокскага ваяводстваў, Жамойцкага староства [2, с. 496, 499—500, 608—609]. Прычым, сенатары выказваліся менавіта за наступальную вайну. Віленскі павятовы соймік, перад вальным соймам Рэчы Паспалітай 1570 г., заяўляў аб сваёй гатоўнасці выйсці на вайну *«пры Пане нашым»*, а таксама заклікаў праводзіць баявыя дзеянні на тэрыторыі ворага [3.1, арк. 60, 62 адв.; 4, с. 178, 180]. Праўда, зважаючы на цяжкае сацыяльна-эканамічнае становішча краіны, частка вышэйшых кіроўных колаў ВКЛ сумнявалася ў магчымасці хуткага аднаўлен-

ня баявых дзеянняў. Яшчэ ў сакавіку 1569 г. віленскі ваявода і канцлер Мікалай Радзівіл Руды выступаў за заключэнне міру з Маскоўскай дзяржавай, які *«естъ велми потребный под тым часом, трудностей и недостатку нашого»* [5, с. 322]. А ў лютым 1572 г. перад вальным соймам Рэчы Паспалітай ён адзначаў, што не трэба *«ў той час аб вайне радзіць, калі ніякім чынам быць не можа»* [6, с. 49].

Разам з тым, сваю гатоўнасць ваяваць шляхта ВКЛ абумоўлівала шэрагам патрабаванняў. Абцяжараная шматлікімі паборамі, яна адмаўлялася ўхваляць нейкія падаткі і згаджалася толькі на паспалітае рушанне, напрыклад, на соймах Рэчы Паспалітай 1570 і 1576 гг. Прычым, у 1570 г. літвіны гатовы былі выйсці ў паспалітае рушанне самі, без палякаў, толькі са шляхтай Валыні і Падляшша, якая мела ўладанні ў ВКЛ, а ў 1576 г. хацелі вызначыць адмысловыя варункі ўдзелу польскай шляхты ў супольным рушанні [7, с. 154—156; 8, арк. 35—36 адв., 96 адв. — 99 адв.; 9, с. 121; 10, с. 577; 11, с. 62, 297—299; 12, с. 62—64]. Забараніла сваім паслам зацвярджаць любыя пабора на сойме 1572 г. шляхта Гарадзенскага павета, матывуючы гэта частымі падаткамі, знішчэннем сваіх маёнткаў ад жаўнераў, неўраджаямі, моравай пошасцю [3.2, арк. 65 адв. — 66]. Незгаджаючыся ўхваляць падаткі, шляхта, адпаведна, імкнулася часткова перакласці фінансаванне баявых дзеянняў на каралеўскую ўладу [2, с. 603—604, 607—608; 9, с. 121].

Аднымі з важнейшых фактараў, якія ўплывалі на стаўленне шляхты да вайны, былі дапамога (або яе адсутнасць) з боку Польшчы і непасрэдны ўдзел у арганізацыі ваенных кампаній караля польскага і вялікага князя літоўскага.

Патрабаваць дапамогі ад палякаў у справе арганізацыі абароны ВКЛ літвіны пачалі яшчэ на Люблінскім сойме 1569 г. [2, с. 601, 608] На нашу думку, патрэба ў надзейным і магутным саюзніку ў вайне з Маскоўскай дзяржавай і была галоўнай прычынай заключэння Люблінскай уніі з боку Вялікага княства. Патрабавалі літвіны польскай дапамогі і на апошніх соймах панавання Жыгімонта Аўгуста, і ў часы першых двух бескаралеўяў у Рэчы Паспалітай (1572—1576 гг.), і ў пачатку панавання Стэфана Баторыя [3.1, арк. 60, 62 адв.; 3.2, арк. 65 адв.; 4, с. 178, 180; 7, с. 155; 9, с. 119; 11, с. 86—90, 125, 131, 141—143, 153—158, 163—164, 168—171, 208, 226, 278, 282, 298; 13, с. 79]. Праўда, рэальна да 1579 г. так гэтай дапамогі і не дачакаліся.

Для грамадскай свядомасці шляхты ВКЛ ролю караля і вялікага князя ў правядзенні вайны цяжка перабольшыць. *«Калі кароль Я[го]*

М[іл]асць хоча ваяваць, радуемся таму і гатовы рушыць,» — заяўлялі на Люблінскім сойме паслы Віленскага ваяводства [2, с. 608]. *«У нас без Пана ў зямлі абарона цяжкая,»* — адзначаў дворны маршалак ВКЛ Мікалай Крыштоф Радзівіл Сіротка ў верасні 1574 г. [14, т. 1, с. 70]. Як паведамляў венецыянскі пасол Еранім Ліпамана, шляхта спадзявалася, што абраны ў 1573 г. новы кароль і вялікі князь Генрых Валуа захоча вярнуць страчаныя яго папярэднікамі землі, і пачала сур'ёзна рыхтавацца да вайны. На яго думку, справа магла дайсці да вайны, калі б Генрых Валуа не з'ехаў у Францыю [15, с. 260]. Е. Ліпамана гаварыў пра «польскую» шляхту, але, падобна, меў на ўвазе шляхецтва ўсёй Рэчы Паспалітай. Верагодна, для шляхты, асабліва сярэдняй і дробнай, асабісты ўдзел караля і вялікага князя ў арганізацыі ваеннай кампаніі быў гарантыяй эфектыўнага і паспяховага правядзення баявых дзеянняў.

Не дзіва, што ў сітуацыі бескаралеўя літвіны рабілі ўсё магчымае, каб забяспечыць мір са сваімі суседзямі, найперш з Маскоўскай дзяржавай. У сувязі з гэтым, зразумелым становіцца і пэўная папулярнасць «маскоўскай» кандыдатуры ў шляхецкім асяроддзі Вялікага княства. Меркавалася, што абранне вялікага князя маскоўскага Івана IV або яго сына Фёдара каралём Рэчы Паспалітай, па-першае, спыніць войны паміж краінамі, па-другое, дазволіць вярнуць у склад ВКЛ страчаныя землі [11, с. 102—103, 109, 195—196, 228—229; 12, с. 24; 15, с. 280; 16, с. 192, 199; 17, с. 147, 149, 152—157; 18, с. 457; 19, с. 30—31; 20, с. 58—64].

Калі сярэдняй і дробнай шляхце перспектыва абрання Івана IV, вядомага сваімі дэспатычнымі метадамі кіравання, ці аб'яднанне такіх розных па дзяржаўным ладзе дзяржаў і магла бачыцца рэальнай, то для больш дасведчаных кіроўных колаў ВКЛ, хутчэй за ўсё, гэта было проста дыпламатычнай гульнёй з Маскоўскай дзяржавай. Перамовы з вялікім князем маскоўскім аб будучай элекцыі, распачатыя літвінамі на з'ездзе ў Рудніках у верасні 1572 г., пазней вельмі трапна ахарактарызаваў аршанскі староста Філон Кміта-Чарнабыльскі: *«Чым бы было лихого збыть? Коли топили — топор давали, а выплывшы ни топорыща. Солгавшы спаслися. Бо без напасти от него б не быть... Да только то мне росказывано от всех, хто был на зъезде Рудницком и хто не был, звлаща иж о Литву шло. А теж и тогды тая баба на двое ворожила. Был бы паном, был а не был. Ино от него бог збавил»* [19, с. 22—37; 21, с. 69—70]. Заўважым, што ў перамовах з прадстаўнікамі іншых кандыдатаў на ўладу ў Рэчы Паспалітай палітычная эліта ВКЛ пастаянна вылучала пастулат

аб аднаўленні былых межаў Вялікага княства, а значыць фактычна аб працягу вайны з Масквой [20, с. 223—224; 22, с. 418, 438]. Гаворка ішла менавіта аб вяртанні тэрыторый, страчаных у Інфлянцкай вайне, бо патрабаванне рэстытуцыі адарваных у 1569 г. ад ВКЛ на карысць Польшчы зямель вылучалася асобным пунктам.

Падобна, у 1570-я гг. шляхта ВКЛ даволі рэалістычна разумела гаспадарчы і ваенны патэнцыял сваёй краіны, унутрыпалітычную сітуацыю, таму ў яе асяроддзі пераважалі пацыфісцкія настроі. Не адразу яны змяніліся і пасля абрання каралём і вялікім князем Стэфана Баторыя. Нават ваенная катастрофа ў Інфлянтах, якая напаткала Рэч Паспалітую ўлетку 1577 г., не ўзняла ваяўнічых настрояў сярод літвінаў. У грамадстве было таксама пашырана перакананне ў надзвычайнай магутнасці Маскоўскай дзяржавы, а значыць і няўпэўненасць у магчымасці яе перамагчы [23, с. 135].

Галоўны з'езд ВКЛ у Ваўкавыску ў ліпені 1577 г., назваўшы вялікага князя маскоўскага сваім *«головнымъ а дедичнымъ неприятелемъ»*, ухваліў пабор на абарону краіны, а ўжо ў жніўні кароль і вялікі князь абвясціў у Вялікім княстве паспалітае рушанне [7, с. 164—167; 24, т. 3, с. 271—277; 25, с. 214—216]. Аднак шляхта не спяшалася ні выдаваць грошы, ні выходзіць асабіста на вайну. Не дапамагалі і заклікі да патрыятызму шляхты, яе *«милости»* і *«хути»* да *«речи посполитой, отчизны своее»*, яе абавязку бараніць *«отчизны и славы народу своего»* і *«славы нашое королевской»* [25, с. 192, 195, 238]. Ваўкавыскі з'езд 1577 г. *«пилне»* прасіў Стэфана Баторыя асабіста прыбыць у ВКЛ *«ку отъпору и постраху непрыятелей посторонъныхъ»* [13, с. 78]. У жніўні 1577 г. палявы гетман Крыштоф Радзівіл Пярун асабліва адзначаў, што ніхто ў Вялікім княстве выходзіць у рушанне не жадае, калі яго не ўзначаліць сам Стэфан Баторый, і выказваў перакананне, што каралю і вялікаму князю неабходна або як мага хутчэй прыбыць у ВКЛ, або даслаць вайсковую дапамогу, каб абывацелі *«ў абароне не аслаблі»* [12, с. 93; 14, т. 1, с. 166]. Дарэчы, К. Радзівіл даволі крытычна ацаніў стаўленне некаторых літвінаў да абароны сваёй краіны: *«Некаторыя Панове нашыя, як лянівыя да работы, так і да таго рушання лянiва збіраюцца»* [12, с. 93].

Новы вальны сойм Рэчы Паспалітай, скліканы на студзень 1578 г., павінен быў стаць вызначальным у далейшым развіцці адносінаў з Маскоўскай дзяржавай. Ва ўмовах, калі Іван IV па-сутнасці аднавіў вайну ў Інфлянтах, Стэфан Баторый прапаноўваў распачаць не пасіўныя,

абарончыя баявыя дзеянні, а актыўныя, наступальныя, з мэтай вярнуць землі, якія былі захоплены маскоўцамі [13, с. 108—111]. У соймавых лістах у паветы і ваяводствы ВКЛ каралеўская ўлада выказвала надзею, што шляхта на сойміках і сойме *«вси однакою милостью ку речы посполитой, отъчызне своей милой, и славе нашой будучы порушени, то все, што бы было ку лепъшому, объмышлевати не опустите»* [13, с. 98—99]. Важную ролю ва ўплыве на грамадскую думку шляхты мелі і аргументы аб справядлівасці вайны з боку Рэчы Паспалітай [13, с. 97—100, 108—110; 25, с. 210]. Найбольш разгорнута думку аб справядлівым характары вайны супраць Івана IV Стэфан Баторый выказаў у т.зв. Свірскім эдыкце 12 ліпеня 1579 г. [26, с. 140—150].

Падобна, такі заклік меў свой плён. Акрамя таго, імкненне Стэфана Баторыя вырашыць канфлікт вакол Інфлянтаў і вызваліць захопленыя беларускія землі адпавядала інтарэсам «палітычнага народа» ВКЛ. Літвіны падтрымалі пачатак новай вайны. Сенатары і земскія паслы актыўна ўключыліся ў абмеркаванне стратэгіі і тактыкі магчымых ваенных дзеянняў, быў ухвалены двухгадовы падатак на вядзенне вайны з Масквой [11, с. 314—317; 27, с. 420—430]. Звернем увагу, што ў адрозненні ад прускай і часткі польскай шляхты, ухваленне падатку сярод літвінаў ніякіх пярэчанняў не выклікала.

Аднак соймавыя рашэнні доўгі час заставаліся на паперы. Баявыя дзеянні ў Інфлянтах працягваліся з пераменным поспехам, а шляхта ВКЛ выплочваць падаткі не спяшалася. У кастрычніку 1578 г. Стэфан Баторый разаслаў універсалы, якія заклікалі літвінаў асабіста выходзіць у войска пад камандаваннем вялікага гетмана М. Радзівіла Рудога, з-за таго, што *«ижъ не только поборы зъ ухвалы соймовое постановленые, але и съ постановенья Волковыйского податокъ еще не есть выданъ»* [13, с. 119—120; 25, с. 238]. Тлумачэнне такой маруднасці, на нашу думку, можа быць толькі адно. Шляхта ВКЛ сумнявалася ў рэальнасці заяўленых намераў караля і вялікага князя рашуча весці вайну з Маскоўскай дзяржавай і чакала яго асабістага з’яўлення ў Вялікім княстве, што той, дарэчы, абяцаў яшчэ з 1576 г. [13, с. 49]. Цікава, што на сойме 1578 г. літвіны абяцалі Стэфану Баторыю актыўна падтрымаюць яго палітыку, калі ўбачаць рашучы пачатак вайны: *«прычынит се тым хутливей до всего»* [28, с. 6].

Пазіцыя магнатэрыі і сярэдняй ды дробнай шляхты ў пытанні вайны кардынальна змянілася пасля прыезду караля і вялікага князя ў лютым 1579 г. у ВКЛ. Паводле слоў канцлера Кароны Яна Замойскага, *«до-*

сыць нямала добрай волі Я[го] К[аралеўская] М[іласць] ад людзей той краіны ў такой патрэбе Рэчы Паспалітай пазнаў і ўжо ўвесь ad belli cogitationes [да ваенных планаў] звярнуўся» [14, т. 1, с. 307]. Сапраўды, на з'ездзе ў Гародні магнаты паабяцалі выставіць на вайну за ўласны кошт почты жаўнераў (колькасцю ў 8—10 тысяч чалавек), сялянаў з рыштункам для прац у войску, пэўную колькасць збожжа і валоў, быў працягнуты на два гады тэрмін збірання мыта, таксама дзяржаўцы даменіяльных уладанняў, а гэта былі ў асноўным прадстаўнікі магнатэрыі, абяцалі выплаціць на ваенныя патрэбы 100 000 польскіх злотых [7, с. 170—171, 178; 14, т. 1, с. 307; 29, с. 126]. Падобны патрыятызм выказала і шляхта, якая на сойміках, скліканых у паветах і ваяводствах Вялікага Княства адразу пасля гарадзенскага з'езда, згадзілася выйсці ў паспалітае рушанне [13, с. 129; 14, т. 1, с. 307]. У сакавіку 1579 г. і сам Стэфан Баторый адзначаў, што бачыць вялікую прыхільнасць абывацеляў ВКЛ да пільных спраў Рэчы Паспалітай і дагаджае просьбам рашуча пачаць вайну [26, с. 251—253]. Ускосна пра значную падтрымку шляхты ваенных планаў караля і вялікага князя сведчыць факт, што, рушанне было пастаноўлена на павятовых сойміках, а не на вальным сойме, як таго патрабавалі Генрыкавы артыкулы 1573 г. [27, с. 327, 356]. Стэфан Баторый, каб заахвоціць шляхту да ўдзелу ў вайне, заяўляў, што ваенная дзейнасць будзе адной з важнейшых пляцовак для палітычнага і матэрыяльнага авансу: *«И каждый таковый — хто ся съ почтомъ своимъ намъ господару у войско окажеть — близший будеть ласки нашое и опатренья водлугъ службы и стану своего»* [26, с. 254]. Дарэчы, вайна давала магчымасць і людзям простага стану за свае заслугі атрымаць шляхецтва. Так, на сойме 1581 г. быў набілітаваны Стэфан Машальскі з Полацка [27, с. 445].

Ваенная кампанія 1579 г. была надзвычай паспяховай для войскаў Рэчы Паспалітай. Яе кульмінацыяй стала вызваленне 30 жніўня 1579 г. Полацка, што значна суцішыла галасы праціўнікаў вайны [26, с. 135; 30, с. 481—484]. Актыўны ўдзел у баявых дзеяннях узяла полацкая шляхта, адна з найбольш пацярпелых у Інфлянцкай вайне. Па прызнанні Стэфана Баторыя шляхціцы Полаччыны: *«з милости своее ку намъ господару и речи посполитое ... пры добываню того замъку Полоцького з рукъ неприятельских Московъскихъ ... з нелитованемъ горла и маетъностей своих, яко добрые а верные рыцерские люди служили»* [7, с. 176—177].

Тым не менш, мэта вайны яшчэ не была дасягнута, патрабаваліся новыя сродкі на яе правядзенне. У сувязі з гэтым, каралеўская ўлада

імкнулася актыўна ўплываць на грамадскую думку ВКЛ у пытанні працягу вайны. Перад чарговым вальным соймам у гаспадарскіх інструкцыях на павятовыя соймікі шляхецтва запэўнівалася ў тым, што далейшае пераможнае вядзенне баявых дзеянняў прынясе ім *«і імя, і павагу, і славу»* сярод іншых краін, і ніводзін праціўнік не будзе сумнявацца ў сіле Рэчы Паспалітай. Адпаведна, працяг вайны забяспечыць шляхце і іх нашчадкам не толькі славу, але і бяспеку ды мір у будучым. З іншага боку, калі б поспех не быў развіты далей, то гэта магло б паказаць слабасць Рэчы Паспалітай і ў далейшым пагражаць небяспекай у будучым [28, с. 5—6]. Апеляваў Стэфан Баторый і да патрыятычных пачуццяў шляхты, калі заяўляў аб сваёй упэўненасці, што яна не пакіне сваю краіну без ратунку, *«з милости противо своей отчизны, которая завжды великая и в продках в[аших] м[илостей] и в самых в[аших] м[илостях] была и которою тая Речпосполитая стояла и стоит»*, тым больш, калі *«о в[аших] м[илостях] самых, о свеводы и маетности ваши болш идеть ближей непрыятеля седечы»* [28, с. 6—7]. Побач з тым, шляхце прадстаўлялі і даволі канкрэтныя выгоды ад працягу вайны ў выглядзе пашырэння межаў дзяржавы, павелічэння даходаў, узбагачэння ад далучэння правінцый і партоў [28, с. 9]. Соймавая кампанія 1579/80 г. паказала, што ацэнка вайны, тым больш такой удалай, у грамадскай свядомасці шляхты ВКЛ была надзвычай станоўчая.

На сойме 1579/80 г. літвіны зноў падтрымалі планы *«далей войну противъ тому неприятелю попирати»*: быў ухвалены пабор на адзін год, было пацверджана рашэнне з'езда ў Гародні аб зборы мыта [25, с. 253; 27, с. 432—443]. Галоўны з'езд ВКЛ у красавіку 1580 г. у Вільні, на якім Стэфан Баторый прысутнічаў асабіста, пацвердзіў прыхільнасць літвінаў да каралеўскай палітыкі ў адносінах з Масквой. На з'ездзе сенатары і паслы ад шляхты ў другі раз *«хутливе»* згадзіліся выйсці ў паспалітае рушанне. У сваю чаргу, кароль і вялікі князь прызнаваў, што поспехі папярэдняй ваеннай кампаніі шмат у чым былі дасягнуты *«за вашимъ рыцерства нашого мужнымъ звытязствомъ»*, і асабліва адзначаў: *«Которую жъ то хуть, милость и веру, значне и з великимъ накладомъ ихъ показаную, мы обачивши, кгды жехмы по нихъ таковое вери и милости дознали, якое подобно, жаденъ иньший народъ противо паномъ своимъ тымъ ровно не показовалъ а не показуетъ надъ повинность свою»* [7, с. 174—181; 11, с. 329—330; 12, с. 341—343; 13, с. 123—125, 128—132; 25, с. 253—254]. Праўда, з'езд ужо прасіў Стэфана Баторыя спецыяльным актам зацвердзіць,

што літвіны выходзяць у рушанне добраахвотна, і яго скліканне без ухвалы сойма не можа на будучае стаць прэцэдэнтам ды абмяжоўваць правы і вольнасці шляхты ВКЛ. Кароль і вялікі князь задаволіў гэтую просьбу і запэўніў, што той, хто не будзе браць удзел у выправе, не панясе аніякай адказнасці [13, с. 130—131]. Таксама у Вільні гучалі і скаргі на вялікія шкоды шляхецкім маёнткам ад пастояў там жаўнераў [11, с. 333].

Ваенная кампанія 1580 г. таксама была даволі ўдалая. Вызваліўшы Усвяты, Веліж і Азярышча, войскі Рэчы Паспалітай перанеслі баявыя дзеянні на тэрыторыю Маскоўскай дзяржавы. Там былі захоплены Невель, Завалочча, а таксама адзін з галоўных апорных пунктаў маскоўскага войска на гэтым тэатры баявых дзеянняў — Вялікія Лукі, што адрэзала Маскоўскую дзяржаву ад Інфлянтаў [30, с. 485—487]. Як адзначаў Р. Гейдэнштэйн, колькасць наёмнага войска і паспалітага рушання ВКЛ ды якасць яго ўзбраення ў 1580 г. была такой, што ніхто не мог бы здагадацца аб стратах літвінаў у мінулай ваеннай кампаніі [23, с. 158].

На чарговы вальны сойм Рэчы Паспалітай, які распачаў сваю працу ў студзені 1581 г., было вынесена пытанне, ці працягваць вайну або заключыць з Маскоўскай дзяржавай мір. Каралеўская ўлада настойвала на працягу вайны, таму шляхце даводзілі эканамічную карысць ад папярэдніх баявых дзеяннняў (адваяваныя землі з'яўляліся багатай крыніцай збожжа і лясных тавараў, былі дасягнуты свабодная навігацыя па Дзвіне і выхад да порта Рыгі) і небяспеку згубіць гэта, калі не перамагчы ворага канчаткова, упэўнівалі ў справядлівасці вайны (*«сваё вяртаем»*), заклікалі шляхту дзейнічаць *«дзеля славы Айчыны»* [12, с. 288—290]. Напэўна, вялікі эмацыйны ўплыў на паслоў, асабліва, літвінаў, павінна была аказаць і згадка аб выкрытай у чэрвені 1580 г. здрадзе Рыгора Осціка [12, с. 290; 23, с. 148—150].

Пад час вальнага сойма 1581 г. прадстаўніцтва ВКЛ зноў падтрымала Стэфана Баторыя і выказалася за працяг баявых дзеянняў супраць Маскоўскай дзяржавы. Адзін з найбольш уплывовых палітычных дзеячоў Вялікага княства таго часу, віленскі кашталян, канцлер Астафей Валовіч, дзякаваў каралю і вялікаму князю, што той пільна заняўся справай абароны ВКЛ, і заклікаў ухваліць падатак на ваенныя патрэбы ўвогуле на 5 гадоў. На думку віленскага кашталяна, толькі моцнае войска магло б прымусіць Маскву заключыць мір на выгодных для Рэчы Паспалітай умовах. У якасці абгрунтавання сваёй пазіцыі, ён звяртаўся і да гісторыі. А. Валовіч нагадваў, што пакуль кароль і вялікі князь Казімір

Ягайлавіч займаўся толькі вайной у Прусіі, Маскоўская дзяржава захапіла Пскоў і Ноўгарад ды з таго часу ўсё больш і больш пашырала свае межы за кошт зямель ВКЛ [12, с. 291—292]. У сваю чаргу, земскія паслы Вялікага Княства Літоўскага без пярэчанняў ухвалілі двухгадовы падатак і працягнулі тэрмін збірання мыта яшчэ на два гады. Верагодна, у значнай ступені на пазіцыю паслоў паўплывалі правал мірных перамоў з пасольствам Маскоўскай дзяржавы, якія праводзіліся ў Варшаве ў час сойма пад кіраўніцтвам А. Валовіча [12, с. 294, 297—299, 319—321; 27, с. 455—463].

Разам з тым, гаспадарчы і ваенны патэнцыял ВКЛ быў значна вычарпаны. Паводле слоў Стэфана Баторыя, арганізаваць новую кампанію будзе цяжэй за кампанію 1579 г. *«з-за таго, што паны Літоўцы ўжо з такім дастаткам дапамагаць не могуць, як раней»* [12, с. 301—302]. Надзвычайны цяжар вайны, які несла Вялікае Княства разумела і частка палітычнай эліты Польшчы. Так, на сойме 1581 г. Я. Замойскі сам згаджаўся, што літвіны *«не толькі роўна з намі, але значна большыя ваенныя кошты панасілі»* [12, с. 309—313]. На тым жа сойме земскія паслы ВКЛ зноў скардзіліся на вялікія шкоды, якія наносілі пастоі жаўнераў, і прасілі размяшчаць войска *«ў зямлі непрыяцельскай»* [12, с. 300—301]. Стэфан Баторый абяцаў перавесці жаўнераў за межы ВКЛ, але ў выпадку ўхвалення новага пабору. Ускосна пра знясіленасць шляхты Вялікага княства ад вайны сведчыць і тое, што ў 1581 г. кароль і вялікі князь ужо не звяртаўся да яе аб выхадзе ў паспалітае рушанне, як гэта было ў 1579 і 1580 гг.

Трэцяя ваенная кампанія для войскаў Рэчы Паспалітай была не такой паспяховай, як дзве папярэднія. Дасягненне яе асноўнай мэты — захоп Пскова, галоўнай і мацнейшай маскоўскай фартэцыі ў рэгіёне — відавочна зацягвалася. Патрыятычны ўздым шляхты Вялікага княства 1579 — пачатку 1581 гг. паступова знікаў. Ухваленыя падаткі выплочваліся вельмі марудна, усё гучней раздаваліся галасы аб неабходнасці хутчэйшага міру з Маскоўскай дзяржавай, магнатэрыя ВКЛ актыўна пакідала вайсковы стан Рэчы Паспалітай пад Псковам [11, с. 334; 23, с. 244—245; 24, т. 7, с. 181]. Як паведамляў у канцы снежня 1581 г. Стэфан Баторый з Вільні Я. Замойскаму, у краіне ёсць вельмі шмат праціўнікаў працягу вайны, а мір з Масквой, з увагі на грамадскую думку ў Вялікім княстве, заключаць неабходна [14, т. 2, с. 186—187, 200—202].

Можна меркаваць, што значная частка «палітычнага народа» ВКЛ лічыла важнейшыя мэты вайны дасягнутымі: захопленыя ў 1560-х гг.

беларускія землі былі вызвалены, Інфлянты фактычна кантраляваліся войскамі Рэчы Паспалітай. А цярпець спусташальныя пастоі жаўнераў і выдаваць шматлікія паборы дзеля працягу баявых дзеянняў на чужых землях падавалася непатрэбным і немэтазгодным. Лепшым выйсцем для літвінаў бачыўся мір. Сенатары ВКЛ актыўна ўплывалі на Стэфана Баторыя ў гэтым плане. Дзеля хутчэйшага заключэння міру яны прапаноўвалі саступіць Маскоўскай дзяржаве Вялікія Лукі, а невядомы сенатар гатовы быў аддаць Івану IV і Веліж, вызвалены ў 1580 г. [23, с. 250—251; 29, с. 103—104]. Дарэчы, маскоўская дыпламатыя яшчэ ў 1580 г. спрабавала праз сенатараў ВКЛ схіліць Стэфана Баторыя да спынення баявых дзеянняў і пачатку мірных перамоў. У прыватнасці, лісты ад маскоўскіх баяр былі адрасаваны М. Радзівілу Рудому і А. Валовічу: [23, с. 145—148, 171—172; 26, с. 176—177]. У выніку, нават з'явіліся чуткі аб таемных сувязях вышэйшых палітычных колаў ВКЛ з Іванам IV [26, с. 137—138]. Такія падазрэнні маглі толькі ўзмацніцца ў сувязі са справай Р. Осціка [11, с. 332]. Праўда, усе гэтыя захады збольшага былі беспаспяховымі. У рэшце рэшт, мірныя перамовы распачаліся толькі ў снежні 1581 г.

Нягледзячы на знясіленасць ад доўгай вайны, павятовыя соймікі і Галоўны соймік ВКЛ, скліканы ў Ваўкавыску на 19 студзеня 1582 г., згадзіліся ўхваліць яшчэ адзін падатак: *«мы тежъ згодне, яко въ речи-посполитой одное позволяемъ на тотъ одинъ часъ, ровно съ паны поляки таковый же податокъ ку потребомъ речи-посполитое, яко въ Польши намовленъ будетъ, на попиранье войны дати»* [14, т. 2, с. 306—308; 24, т. 7, с. 180—181]. Аднак літаральна за некалькі дзён да гэтага, 15 студзеня 1582 г., у Яме Запольскім быў падпісаны мір паміж Рэччу Паспалітай і Маскоўскай дзяржавай тэрмінам на 10 гадоў [30, с. 489—490].

Сітуацыя істотна змянілася ў 1584 г. пасля смерці ў сакавіку таго года Івана IV. У Стэфана Баторыя і яго атачэння з'явіліся планы новай вайны з Масквой. Аб магчымасці падпарадкаваць сабе Маскоўскую дзяржаву паведамлялі і дыпламаты Рэчы Паспалітай (у прыватнасці, пісар ВКЛ Леў Сапега), і знатныя беглыя маскоўцы [31, с. 8—14, 321, 351—352]. Аднак на гэты раз «палітычны народ» Вялікага княства не так адназначна паставіўся да такіх намераў.

На сойме 1585 г. адбыліся перамовы маскоўскага пасольства з камісіяй, складзенай з сенатараў Рэчы Паспалітай, вынікам якіх стала згода аб заключэнні перамір'я паміж дзяржавамі на 2 гады. Аднак Стэфан Баторый адмовіўся зацвярджаць гэтае перамір'е, як і не згадзіўся ён на пе-

рамір’е тэрмінам да 7 гадоў, прапанаванае маскоўскім бокам. Прычына адмовы асабліва не хавалася: кароль і вялікі князь не жадаў, каб пэрамір’е «звязвала яму рукі», калі на наступным сойме ён уздыме пытанне аб вайне з Маскоўскай дзяржавай [31, с. 254—257]. Маскоўскія паслы ў адказ на такія чуткі заявілі: *«Ведаем, што хоча Кароль вайну весці, але грошай няма, і зямля не хоча даваць»* [31, с. 256—257]. Сапраўды, распычынаць новую вайну, прычым, агрэсіўную, беларускай і літоўскай шляхце, якая зусім нядаўна перанесла ўсе цяжары Інфлянцкай вайны, было непатрэбна. На сойме 1585 г. земскія паслы Кароны і Вялікага княства прынцыпова выступілі за захаванне міру з Масквой, а аднымі з прычын, якія не дазвалялі распачаць вайну, яны называлі адсутнасць поваду і кепскі ўраджай у ВКЛ [31, с. 265]. Паслы некаторых ваяводстваў Рэчы Паспалітай, на жаль, не вядома якіх, увогуле не дапусцілі абмеркавання на сойме магчымасці вайны.

І калі Стэфан Баторый з часткай сената па-ранейшаму трымаўся ідэі новай вайны з Маскоўскай дзяржавай, то частка палітычнай эліты ВКЛ выступала адназначна супраць. Паказальнай у гэтым плане была пазіцыя трокскага кашталяна М.К. Радзівіла Сіроткі, які не бачыў ніякіх прававых падстаў для пачатку вайны, лічыў, што яна не прынясе Вялікаму княству ніякай карысці, а толькі шкоду, і наступным чынам перафразаваў слыннага польскага паэта XVI ст. Яна Каханоўскага: *«Лепей ляжаць упітым, чым забітым»* [32, с. 21, 26—27].

На 2 лютага 1587 г. было прымеркавана скліканне вальнага сойма Рэчы Паспалітай, на якім, сярод асноўных, павінна было разглядацца і пытанне магчымай вайны з Масквой. Па некаторых звестках, каралеўскай уладзе ўсё ж удалося дабіцца прыхільнасці павятовых соймікаў ВКЛ да сваіх ваяўнічых планаў [33, с. 161]. Аднак гэтыя намеры так і засталіся нерэалізаванымі з прычыны смерці 12 снежня 1586 г. у Гародні Стэфана Баторыя.

Новае бескаралеўе прадэманстравала, што ў грамадскай думцы шляхты ВКЛ абсалютна пераважае адмоўнае стаўленне да новай вайны. Пастановы разнастайных соймікаў і з’ездаў у Вялікім княстве ў гэты час яскрава дэманструюць, што «палітычны народ» адназначна выступаў за заключэнне вечнага міру або нават уніі з Маскоўскай дзяржавай [34, с. 236, 238, 239—241, 268, 271, 275—276, 289, 309, 312]. Больш таго, на элекцыйным сойме ўлетку 1587 г. сярод шляхты ВКЛ надзвычайнай папулярнасцю карысталася менавіта кандыдатура вялікага маскоўскага

князя Фёдара Іванавіча [34, с. 259, 264; 35, с. 131—132, 144, 154]. Як прапагандавалася, яго абранне магло ўзмацніць ваенны патэнцыял дзяржавы, прынесці карысць усім хрысціянскім краінам, асабліва, у выпадку магчымай вайны з Турцыяй, узбагаціць шляхту праз новыя зямельныя наданні ў Маскоўскай дзяржаве і вольны доступ да гандлю ў Казані, Астрахані, Бухары, Грузіі, Сібіры і нават Кітаі [36.1, с. 2—4]. На элекцыі ў жніўні 1587 г. сенатары ВКЛ нават самастойна заключылі перамір'е на 15 гадоў з пасламі Маскоўскай дзяржавы [37, с. 83—88].

У выніку працяглай палітычнай і нават ваеннай барацьбы, новым каралем і вялікім князем быў абраны шведскі каралевіч Жыгімонт Ваза, які доўга ўхіляўся ад ратыфікацыі гэтага перамір'я, бо не выключаў ваеннага ўмяшання Рэчы Паспалітай у канфлікт паміж Маскоўскай дзяржавай і Швецыяй [36.2, с. 275, 281—285; 38, с. 39—40]. На кранацыйным сойме 1587/88 г. літвіны выказалі цэлых шэсць аргументаў на карысць міру з Масквой. Сярод іншага, дэлегацыя ВКЛ спасылалася на спусташэнне *«зямлі літоўскай»* (тыя вёскі, у якіх у час мінулай вайны размяшчаліся жаўнеры, прыходзілася вызваляць ад падаткаў на 10 і нават 15 гадоў) і на ўмову ад шляхты, што яна прызнае Жыгімонта вялікім князем літоўскім толькі тады, калі той пацвердзіць перамір'е з Маскоўскай дзяржавай, заключанае пад час элекцыйнага сойма 1587 г. [36.2, с. 282—282а][1] Жыгімонт Ваза ўсё ж саступіў патрабаванням і падпісаў перамір'е [11, с. 413—415; 36.2, с. 290]. Аднак яго ратыфікацыя павінна была адбыцца на будучым сойме Рэчы Паспалітай. Напярэдадні сойма, у лютым 1589 г., Галоўны соймік ВКЛ настойліва нагадваў каралю і вялікаму князю аб гэтым. Другім пунктам інструкцыі, прынятай на сойміку, ішло патрабаванне ратыфікаваць перамір'е з Маскоўскай дзяржавай, а соймавым паслам даручалася прасіць Жыгімонта Вазу ўсялякім чынам прыйсці да вечнага міру з Масквой [36.3, с. 1—2].

Такім чынам, пазіцыю шляхты ВКЛ у пытанні вайны, на нашу думку, нельга назваць эгаістычнай або пацыфісцкай, хутчэй трэба казаць аб прагматычным стаўленні да вайны. Шляхта гатова была ваяваць, але толькі пры выкананні важнейшых умоў: асабісты ўдзел караля і вялікага князя ў арганізацыі ваенных кампаній, дапамога польскага боку і мэтазгоднасць вайны (шляхта не збіралася ваяваць за чужыя інтарэсы або за землі, якія

[1] Таксама важнейшымі ўмовамі для дэлегацыі ВКЛ былі зацвярджэнне новага Статута і далучэнне да Вялікага княства Інфлянтаў.

яна не лічыла сваімі). Таксама фактарамі, якія ўплывалі на стаўленне шляхты да вайны, былі патрыятычныя пачуцці, справядлівасць вайны і яе доўгатэрміновыя вынікі, мінімум негатыўных наступстваў (пастоі жаўнераў, частыя паборы), матэрыяльны інтарэс, як для ўсёй краіны, так і для асобнага шляхціца, а таксама магчымасць зрабіць палітычную кар’еру.

Спіс літаратуры

1. Янушкевіч, А.М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558—1570 гг. / А.М. Янушкевіч. — Мінск: Медисонт, 2007. — 356 с.

2. Дневник Люблинского сейма 1569 года: Соединение Великого княжества Литовского с Королевством Польским / Изд. М. Коялович. — СПб.: Печатня В. Головина, 1869. — XVII, 786 с.

3. Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге (РНБ).
   1. Фонд 971. — Собрание автографов П.П. Дубровского. — Авт. 152. — Puncta Sejmowe.
   2. Фонд 971. — Собрание автографов П.П. Дубровского. — Авт. 133.

4. Lulewicz, H. Najstarsza znana instrukcja sejmikowa z Wielkiego Księstwa Litewskiego. Sejmik wileński przed sejmem warszawskim 1570 roku / H. Lulewicz // Studia historyczno-prawne. Prace dedykowane Profesorowi Janowi Seredyce w siedemdziesiątą piątą rocznicę urodzin i czterdziestopięciolecie pracy naukowej / pod red. J. Dorobisza, W. Kaczorowskiego. — Opole, 2004. — S. 171—180.

5. Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie. — Lwów: Nakł. ks. R. Sanguszka, 1910. — T. 7: 1554—1572. — 1910. — XXVI, 435 s.

6. Floria, B. Wschodnia polityka magnatów litewskich w okresie pierwszego bezkrólewia / B. Floria // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. — 1975. — № 20. — S. 45—67.

7. Лаппо, И.И. Великое княжество Литовское от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586). Опыт исследования политического и общественного строя / И.И. Лаппо. — СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. — Т. 1. — XVI, 780 с.

8. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску (НГАБ). — Фонд КМФ-18. — Воп. 1. — Спр. 56. — Метрыка ВКЛ. Кніга запісаў 56/132 (1571, 1576—1578).

9. Dyaryusze sejmów Koronnych 1548, 1553 i 1570 r. / Wyd. J. Szujski. — Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagellońskiego, 1872. — XVI, 311 s.

10. Listy króla Zygmunta Augusta do Radziwiłłów / Oprac. I. Kaniewska. — Kraków: Wyd-wo Literackie, 1999. — 648 s.

11. Lulewicz, H. Gniewów o unię ciąg dalszy (Stosunki polsko-litewskie w latach 1569—1588) / H. Lulewicz. — Warszawa: Neriton, 2002. — 457 s.

12. Sprawy wojenne króla Stefana Batorego. Dyjaryjusze, relacyje, listy i akta z lat 1576—1586 / Zebrał i wydał I. Polkowski. — Kraków: Nakł. Akademii Umiejętności, 1887. — XXXI, 430 s.

13. Лаппо, И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик / И.И. Лаппо. — Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1911. — XIV, 624, 192 с.

14. Archiwum Jana Zamoyskiego, kanclerza i hetmana wielkiego Koronnego: w 4 t. — Warszawa—Kraków: P. Laskauer, Nakł. Akademii Umiejętności, 1904—1948. — T. 1: 1553—1579 / Wyd. W. Sobieski. — 1904. — LIII, 530 s.; — T. 2: 1580—1582 / Wyd. J. Siemieński. — 1909. — XXXI, 445 s.

15. Relacje nuncjuszów apostolskich i innych osób o Polsce od r. 1548 do 1690. — Berlin—Poznań: Księg. B. Behra, 1864. — T. 1. — VIII, 475 s.

16. Дербов, Л.А. К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572—1576) / Л.А. Дербов // Ученые записки Саратовского гос. ун-та. — 1954. — Т. 39. Выпуск исторический. — С. 176—217.

17. Floria, B. Magnateria litewska a Rosja w czasie drugiego bezkrólewia / B. Floria // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. — 1977. — № 22. — S. 143—158.

18. Postanowienia na sejmiku wilkijskim w ziemi żmudzkiej roku 1576 marca 28 dnia // Kwartalnik Historyczny. — 1902. — R. 16, z. 3. — S. 457—458.

19. Tyla, A. The Formation of Lithuanian Eastern Policy: the Dietine of Rûdninkai. September 24—27, 1572 / A. Tyla // Lithuanian Historical Studies. — 1996. — № 1. — S. 22—37.

20. Zbiór pamiętników do dziejów polskich: W 4 t. / Wyd. W. de Broel-Plater. — Warszawa: Drukarnia Gazety Codziennej, 1858—1859. — T. 3. — 1858. — 238 s.

21. Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці / Рэд. Ю.С. Пшыркоў. — Мінск: Навука і тэхніка, 1975. — 248 с.

22. Wierzbowski, T. Zabiegi cesarza Maksymiliana II o koronę polską 1565—1576 / T. Wierzbowski // Ateneum. Pismo naukowe i literackie. — 1879. — R. 4. — T. 3, z. 3. — S. 407—446.

23. Гейденштейн, Р. Записки о Московской войне (1578—1582) / Р. Гейденштейн // Рейнгольд Гейденштейн. Записки о Московской войне (1578—1582). Альберт Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного / Подгот. к изд. Цепковым А.И. — Рязань: Александрия, 2005. — 608 с.

24. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией: В 39 т. — Вильна: Тип. Губ. Правления, Тип. А.Г. Сыркина, 1865—1915. — Т. 3: Акты брестского гродского суда (1401—1699). — 1870. — XX, 416 с.; Т. 7: Акты гродненского гродского суда (1510—1784). — 1874. — XVI, 614, 80 с.

25. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею: В 5 т. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1846—1853. — Т. 3: 1544—1587 гг. — 1848. — VIII, VI, 317, [31] с.

26. Витебская старина. — Т. IV, ч. 1: Полоцкое воеводство под властью царя Иоанна Васильевича Грозного / Сост. А. Сапунов. — Витебск: Типо-литография Г.А. Малкина, 1885. — 768 с.

27. Volumina Constitutionum. — T. II (1550—1609), vol. 1 (1550—1585). — Warszawa: Wyd-wo Sejmowe, 2005. — 516 s.

28. Księga Batoriańska. Zbiór dokumentów ku uczczeniu 350-letniej rocznicy zgonu króla Stefana Batorego / Oprac. R. Mienicki. — Wilno: Nakł. Uniwersytetu Stefana Batorego, 1939. — IX, 55 s.

29. Kieniewicz, L. Senat za Stefana Batorego / L. Kieniewicz. — Warszawa: Wyd-wo Sejmowe, 2000. — 328 s.

30. Сагановіч, Г.М. Працяг і завяршэнне Інфлянцкай вайны / Г.М. Сагановіч // Гісторыя Беларусі: У 6 т. / рэд. кал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.] — Мінск: Экоперспектива, 2000—2008. — Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш.]. — 2008. — С. 479—490.

31. Dyaryusze sejmowe roku 1585. W dodatkach: Ułamki dyaryusza sejmowego roku 1582, akta sejmikowe i inne akta odnoszące się do sejmu 1585 r. / Wyd. A. Czyczyński. — Kraków: Nakł. Akademii Umiejętności, 1901. — XXVIII, 475 s.

32. Archiwum Domu Radziwiłłów. Listy ks. M.K. Radziwiłła Sierotki—Jana Zamoyskiego—Lwa Sapiehy. — Kraków: Nakł. A. Radziwiłła, 1885. — XXIV, 295 s.

33. Dubas-Urwanowicz, E. Król i szlachta na sejmach batoriańskich. Konflikty i kompromisy / E. Dubas-Urwanowicz // Między monarchią a demokracją. Studia z dziejów Polski XV—XVIII wieku / Red. nauk. A. Sucheni-Grabowska, M. Żaryn. — Warszawa: Wyd-wo Sejmowe, 1994. — S. 143—169.

34. Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. — T. 1: Okresy bezkrólewi / Oprac. H. Lulewicz. — Warszawa: Neriton, Instytut Historii PAN, 2006. — 437 s.

35. Dyjaryjusze sejmowe r. 1587: sejmy konwokacyjny i elekcyjny / Wyd. A. Sokołowski. — Kraków: Czcionkami drukarni Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1887. — XIII, 269 s.

36. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD).

1. Archiwum Radziwiłłów. — Dz. II. — Nr. 210. — Opowiadanie o korzyści unii z Moskwą.
2. Archiwum Publiczne Potockich. — Zbior Dyaryuszów seymowych za panowania Zygmunta III. — T. 1 (1585—1607). — Dyaryusz Seymu 1588.
3. Archiwum Radziwiłłów. — Dz. II. — Nr. 224.

37. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. — Kn. 594: (1585—1600) / Lietuvos istorijos institutas; parengė A. Baliulis. — Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2006. — 300 p.: iliustr.

38. Wisner, H. Unia Lubelska i III Statut Litewski z roku 1588 / H. Wisner // Zapiski Historyczne. — 1986. — T. LI, z.1. — S. 23—43.

Шимак Е.К.

ПОСРЕДНИЧЕСТВО РИМСКОЙ КУРИИ ВО ВРЕМЯ ЗАВЕРШЕНИЯ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

Временное перемирие между Речью Посполитой и Российским царством в 1579 г. сменилось активными военными действиями. На этот раз успех был на стороне Стефана Батория. В августе 1579 г. был взят Полоцк, затем — Сокол [1, s. 356—360]. Россия постепенно, один за другим, теряла важные стратегические пункты [2, с. 118—119]. Непростая ситуация на западных рубежах Российского государства осложнялась и тем, что в новгородские земли вторглась Швеция. Войска Речи Посполитой заняли Великие Луки, Невель, Заволочье, в мае 1581 г. шведы захватили Нарву. Критическое положение в войне заставляло Ивана IV искать перемирия. Однако все предложения Москвы Баторием были отвергнуты.

В июне 1579 г. Римская курия выступила с очередной инициативой организации антиосманской лиги. Папа Григорий XIII стремился привести противоборствующие стороны к заключению мира в Восточной Европе, подталкивая к переговорам Стефана Батория. По отношению к королю Речи Посполитой были выдвинуты пожелания прекратить военные действия с Москвой и, пользуясь временным ослаблением Османской империи, направить свое оружие против «неверных» [3, s. 33]. Такая позиция курии объяснялась все тем же стремлением привлечь Москву к антиосманской лиге. Обеспечив мир на западной границе Российского царства, папа надеялся направить Ивана IV на борьбу против Крыма и перекопских татар [4, s. 35]. Согласно инструкции, которую получил нунций Калигари, мир с Москвой — главное условие, лига — следствие [5, s. 177—178].

В августе 1580 г. в Москве на заседании Боярской думы было решено послать «наскоро» гонца в Рим к папе и в Прагу к императору Рудольфу II: «Лета 7088 августа в 25 день по литовским вестям как литовский Стефан король перемирье поруша и пришел к государеву городу к Лукам, приговорил государь, царь и великий князь с сыном своим с царевичем князем Иваном Ивановичем и с бояры послати наскоро в Рим а папе и Рудольфу цесарю от себя с грамотами в гонцах Истому Шевригина» [6; 7, с. 12—16]. В своей грамоте Иван IV выражал жела-

ние, чтобы между Москвой и Римом «продолжалось доброе согласие»: «... чтоб между нас с тобою, пастырем и учителем Римкой церкви, и с братом нашим дражайшим Рудольфом цесарем любовь, и соединение, и докончанье утвердилось на всякого недруга заодин, чтоб меж нас христьянство в тишине и в покое было, и высвобождено из рук мусульманских, и вперед бы мусульманская рука над христианы не высилась, и кровь хресьянская не разливалась» [8, с. 352—353, 768]. Он вспоминал об отношениях, которые сложились у Курии с его отцом Василием III. Но главной его целью было прекращение военных действий с Речью Посполитой. Опираясь на посредничество папы, увеличивалась вероятность более выгодных условий перемирия. На это указывал и польский нунций Калигари: «...пожелай великий князь московский переговариваться о мире при посредстве папы, король польский отнесся бы с полным уважением к посредничеству Святого отца» [9, с. 210]. Иван Грозный подчеркивал, что он всегда служил исключительно христианскому делу, в отличие от Батория, который поддерживал дружественные отношения с султаном и являлся помехой для единения государств в борьбе с турками. Иван просил помощи у папы для прекращения войны с Речью Посполитой [8, с. 17—30]. В это время курия находилась в сложнейшей ситуации. С одной стороны быстрое продвижение Османской империи на европейском кантиненте требовало скорейшей организации лиги, что было невозможным без надежных союзников. Курия придерживалась старого курса и ориентировалась на Корону Польскую как на наиболее верного партнера. Однако османский вектор внешней политики Речи Посполитой подрывал всякую уверенность Рима. Переговоры короля с султаном подтверждали данные опасения. С другой стороны — надеяться только на эфемерный союз с Иваном IV тоже не было оснований.

Во время подготовки посольства к отправлению и по мере его продвижения Посольский приказ вел служебную переписку с различными административными учреждениями и должностными лицами посредством так называемых «памятей», где содержались распоряжения относительно обеспечения послов продовольствием, фуражом и транспортом. В конце XV — начале XVI в. памяти послам исполняли функции наказов для реализации каких-либо поручений за рубежом. В это же время появляются первые предполагаемые вопросы и высказывания иностранных правителей московским послам и возможные ответы последних. В наказах подробно описывались все возложенные на посла по-

ручения. Эти документы не только указывали на задачи посольства, но давали также детальную информацию о том, как должен вести себя посол. Наказы — это важнейшая составная часть почти всех посольств. Они являются ценным источником данных о внутренней и внешней политике, экономическом положении Российского государства, степени информативности Посольского приказа [10]. В отношениях Российского государства с Римской курией также были разработаны гипотетические вопросы. Но они не приобрели определенного шаблона, как это было, например, с ВКЛ, Польшей Крымом, Империей. Со стороны Римской курии ожидали вопросов касающихся взаимоотношений с Польшей и ВКЛ, Крымом, вопросов о вере: «...как ныне царь и великий князь с литовским Стефаном королем, или про Полоцк спросят, коим обычаем король Полоцк взял, или про Крымского, как ныне царь и великий князь с крымским царем, или про Лифляскую землю, за что их государь воюет, или про Казань, или про Астрахань, или про Нагай, как ныне государь их держит?» (1580 г.) [8, с. 15]; «а нечто учнет задирать и говорить о вере греческой или о римской?» (1581 г.) [8, с. 43]; «И нечто вспросит про Свейского короля, как ныне свейский король с царем и великим князем...про Ливонскую землю» (1581 г.) [8, с. 67—68]. В наказе послам, отправляющимся в Рим, традиционно писался полный титул великого князя, давалось указание вести переговоры лично с папой: «Истоме к думным папиным людям еднолично не ходити и грамоты и поминков мимо папы не делати ни которыми обычеи, ни кому». В случае присутствия посла из Орды, Империи, Речи Посполитой или «иного которого государя» «не посадит выше их, и мне за стол не идти» [8, с. 14—15]. Одной из обязанностей дипломата был сбор информации. Так, Истоме Шевригину поручили узнать, «как ныне Папа с турским и с Цесарем и с Литовским, и на Турского Папа вместе с Цесарем совокупляются ли, и будет на него совокупляться, и с которыми с иными государи на Турского соединачатца, и как зотят делати, и Салтан Турской на них наряжаетца ли, и будет нарежатца? И как с Турским Угорский король и Литовский, как Цесарь с Француским и с иными тамошними государи меж себя, с кем или валка, и меж себя кому валки нет, и с кем кто во единачестве, и всех ему о тамошних делах разведывати себе подлинно. А что проведает, и ему то записывати, а о даст Бог приехав сказывати Государю» [8, с. 15—16]. Соблюдая основные нормы посольского обычая во внешней форме наказа, эти документы отражали особенности взаимо-

отношений двух стран. Для того, чтобы посольство прошло успешно, необходимо было учитывать все предыдущие дипломатические контакты межу странами. В грамоте Ивана IV к папе Григорию XIII отмечалось: «В прежних летах меж отца нашего блаженные памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Василия Ивановича всея Руси прежние Папы Римские о любви и соединении ссылалися» [8, с. 6]. Преследуя свои интересы, Российское государство всегда заявляло о своей расположенности к дружественным отношениям с Римской курией. Например, Константину Тимофеевичу Замыцкому, послу Василия III к прусскому магистру Альбрехту Бранденбургскому, был дан наказ относительно дружбы и союза с папой говорить, что «великий князь этого желает» [11, с. 103—112].

В феврале 1581 г. Шевригин был принят в папских апартаментах. Подробное изложение аудиенции московских послов у папы Григория XIII можно найти в публикациях документов XIX ст. [12, р. 237; 13, с. 6]. Московский посол преклонил колени и поцеловал ноги папы, что было «добрым знаком» для курии! Из посольских отчетов о дипломатических контактах Российского государства и Апостольского престола статейный список посольства Истомы Шевригина к папе Григорию XIII (1580—1581 гг.) красочно иллюстрирует, какого рода информацию представители Москвы могли собрать при папском дворе. Посол должен был обратиться к папе с просьбой воздейстовать на Стефана Батория, чтобы тот не вступал в союз с Турцией и прекратил войну с Москвой. Помимо того, И. Шевригин предоставил довольно подробный анализ международной обстановки: рассмотрел взаимоотношения императора Рудольфа II и папы с другими европейскими государствами, остановился на турецкой проблеме, отметил англо-испанский конфликт, подчеркнул могущество испанского короля Филиппа II, коснулся присоединения Португалии к Испании [8, с. 17—30]. Статейный список включал материал буквально обо всех крупных событиях международной политической жизни. Представляют интерес путевые сообщения И. Шевригина из Италии. В Риме он посетил костелы Петра и Павла, Иоанна Предтечи, несколько монастырей [8, с. 26, 30—35].

По поводу прибытия московского гонца была составлена комиссия кардиналов (Фарнезе — протектор Польши; Мадруцци — Германии, Птолимей Галли, известный как кардинал Комо (di Como) — государственный секретарь, Коммендони) [13, с. 8; 14, s. 250]. Однако в Риме пре-

красно осознавали, что действия Ивана IV вызваны исключительно войной с Речью Посполитой, но не могли не воспользоваться этим случаем для возобновления отношений с Москвой, тем более что с инициативой выступил сам Иван IV [12, p. 237]. Польский дипломат, находящийся в это время в Риме при папском дворе, Ежи из Тычина, с уверенностью писал Мартину Кромеру, что посланник из Москвы как с ничем приехал, так с ничем и уедет [14, s. 187]. Папа Григорий XIII в консистории кардиналов объявил, что в Москву будет отправлен посол, уполномоченный вести переговоры о перемирии и, прежде всего, на почве религиозных вопросов [15, с. 16]. Тема церковной унии должна была стать не только гарантом искренности Ивана IV, но и «ширмой» для Стефана Батория, который как и все его предшественники опасался тесного сближения Рима с Москвой.

Речь Посполитая оставалась единственным препятствием для проведения успешных переговоров с Москвой. Стефан Баторий, который сразу после своего избрания не пользовался в полной мере доверием Римской курии, был поставлен перед необходимостью вести осторожную политику, отстаивая свои интересы [16, s. 11]. Он ненавязчиво пытался предостеречь папу, указывая на то, что московский посол будет клеветать на него. Нунций Калигари старался его уверить в том, что папа достаточно хорошо его знает и уважает, и что только от короля Речи Посполитой может ожидать добра [17, с. 289—299]. В марте 1581 г. кардинал Комо писал нунцию в Польше Калигари, чтобы тот убедил короля в пользе запланированных переговоров. Нунций должен был уверить Стефана Батория в том, что Апостольский престол займется посредничеством в урегулировании конфликта только в том случае, если царь поддержит идею церковной унии, а этот вопрос должен быть «по сердцу» королю, который беспокоится о добре Церкви. При заключении мира папский посредник будет в первую очередь заботиться об интересах Стефана Батория, и избранный легат понравится королю. В связи с этим, нунций должен был добиться свободного проезда для папского посланника и возвращающегося с ним московского посла, чтобы они могли по суше, а не морским путем доехать до Москвы [12, p. 237].

Для проведения этой миссии был выбран иезуит Антонио Поссевино [5, s. 178—184; 18, с. 563—564; 15, с. III, № 3]. Выбор был неслучайным. А. Поссевно был опытным дипломатом. В 25-летнем возрасте он вступил в орден иезуитов, причем испытательный срок прошел не за два года, а за

шесть месяцев. Почти сразу ему давались ответственные поручения. С 1572 г. по 1578 г. А. Поссевино — секретарь генерала ордена. С 1578 г. начинается его дипломатическая деятельность. Согласно папскому бреве от 1 декабря 1578 г., иезуит Антонио Поссевино был назначен папским викарием для Скандинавии, Моравии, Литвы, Руси, Венгрии, Поморья, Саксонии и был наделен исключительными полномочиями в области борьбы с ересью [19, s. 104]. В июне 1579 г. А. Поссевино уже был в Вильно, где активно занимался организацией иезуицкого коллегиума.

Польский историк В. Закжевский обратил внимание на то, что, согласно письму кардинала Комо к нунцию Калигари от 4 марта 1581 г., посредника курия еще не избрала. Но Шевригин в своем донесении утверждал, что его уведомили еще в конце февраля, что в Москву будет направлен Антонио Поссевино [20, s. 101]. На наш взгляд, неразбериха с датой назначения связана с тем, что в курии не желали заранее сообщать Стефану Баторию о назначении А. Поссевино, несмотря на все заверения в верном выборе легата. А. Поссевино был очень опытным дипломатом, при этом он был волевым человеком и мог отстаивать интересы Апостольского престола, невзирая на позицию короля Речи Посполитой. Само собой разумеется, что такая кандидатура могла вызвать опасения в Кракове.

В конце марта 1581 г. Истома Шевригин совместно с чрезвычайным папским легатом покинули Рим [21, с. 10]. А. Поссевино получил подробную инструкцию, которая шаг за шагом регламентировала его действия [17, с. 299—305]. В Венеции следовало начать переговоры о торговых отношениях с Москвой и подчеркнуть, что это принесет много пользы для сеньории. Императору надлежало указать, чтобы он приложил со своей стороны усилия для поддержания стараний Рима, направленных на союз с Иваном IV. Легат должен был показать великому князю необходимость воспользоваться моментом и соединиться с Римской церковью, так как этот союз повлияет на установление дружественных отношений с христианскими монархами Запада. Что касается короля Речи Посполитой, инструкция предписывала папскому послу сделать все возможное, чтобы заверить его в том, что папа во всем содействует королю и желает его величия. Значительная часть этой директивы была отдана указаниям относительно непосредственных переговоров с Иваном IV. Как и ранее основанием всему должна быть организация антиосманской лиги. А. Поссевино должен был пояснить великому князю, что стабильность на западных

рубежах возможна только на основе единой религии и признания верховенства папы римского. Если деятельность легата принесет плоды и московский великий князь согласится принять все условия, Рим был готов направить торжественное посольство, для уточнения всех подробностей. В случае провала — А. Поссевино должен постараться извлечь хотя бы минимальную пользу из этого посольств: оставить кого-либо из своих людей в Москве, чтобы они доносили информацию в Рим; постараться добиться разрешения на строительства католического храма, при этом подчеркнуть, что это необходимо для установления прочных отношений с Венецией. Вслед уже уехавшему нунцию кардинал Комо отправил письмо А. Поссевино, к которому прилагалось папское бреве для Ивана IV [19, s. 288; 22, л. 123]. Путь из Рима проходил через Венецию, Веден, Вроцлав, Вильно, Варшаву.

В июне 1581 г. А. Поссевино прибыл в Вильно, где состоялись непростые переговоры со Стефаном Баторием [23, с. 162]. На встрече с А. Поссевино король высказал свою точку зрения на место Москвы в лиге. Единственную пользу, на его взгляд, которую могла принести Москва — выступление против крымских татар. Король польский и великий князь литовский не желал посредничества Апостольской столицы, к этому времени он имел необходимые средства на проведение очередной военной кампании [24, с. 129—139, 173—174; 25, с. 66]. В это же время произошла встреча А. Поссевино с 78-летним итальянским купцом из Флоренции Дж. Тедальди, который посетил Московское государство не менее десяти раз. Еще в 1564 г. папский нунций при польском дворе, Коммендоне, рекомендовал его венецианскому правительству. Тедальди давал папскому легату практические указания, предложил свое видение приоритетов внешней политики Ивана IV. Тедальди считал, что многое из того, что распространяют про «Московита» в Польше и Ливонии было несправедливым [26].

С середины XVI в., когда нунциатура в Польше постепенно становиться связующим звеном в отношениях Рима и Москвы, возрастает и роль личности нунция. Эта тенденция достигла своего апогея именно в период посредничества Римской курии в Ливонской войне. Нунций стал не просто доверенным лицом курии, от него зависели, в первую очередь отношения с королем Речи Посполитой. В то же время, папский дипломат должен был обладать несомненной преданностью Апостольскому престолу, умением сглаживать все острые углы между курией,

Речью Посполитой и Российским государством. В апреле 1581 г. новым нунцием в Польшу был назначен Альберто Бологнетти [27, p. 225]. При выборе кандидата на эту должность подходили очень скрупулезно — он должен был обладать незаурядным талантом дипломата, быть терпеливым, хладнокровным, при этом педантично следовать букве инструкции [28, с. 45]. Папа отозвал в Рим нунция Калигари, который пользовался доверием у Стефана Батория и в равной степени отвечал взаимностью королю. Еще в 1579 г. после начала активных военных действий нунций Калигари обратился ко всем польским епископам: «Король начинает войну; его победа принесет благо не только государству, но и церкви, а потому желательно, чтобы за время войны в храмах каждой епархии возсылались непрерывные молитвы о даровании победы польским войскам» [9, с. 40; 29, s. 24]. Нунций Калигари, поздравляя Стефана Батория со взятием Полоцка, писал: «Григорий Великий восхвалил испанского короля Рекардо, вернувшего готов в лоно католической церкви, восхвалит и Григорий XIII короля польского за то, что он не только очистил Польшу и Литву и Трансильванию от ереси и заразы, но и привел народ московский в общение с римской церковью». Папа регулярно поздравлял короля с его военными успехами и даже прислал Баторию «в воздояние военных подвигов, благочестия и содействия в распространения веры, освещенные меч и копье» [9, с. 71].

Смена нунциев еще сильнее вызвала подозрение и беспокойство в Кракове. Необходимо отметить, что нунций Калигари не всегда следовал данной ему инструкции. Дело в том, что между ним и А. Поссевино возникли разногласия на почве разделения их полномочий. Чрезвычайный папский легат очень часто действовал самостоятельно, без согласования с нунцием. Чтобы исправить положение, Калигари предложил свой план перемирия между Стефаном Баторием и Иваном IV: брак Гризельды, дочери семиградского воеводы, с одним из сыновей московского царя [30, № 385]. Деятельность А. Поссевино, по мнению Батория, могла вызвать излишнее упорство московского великого князя. Но, благодаря настойчивости и своему таланту дипломата, папский легат сумел добиться согласия Стефана Батория на его проезд в Москву. Противиться деятельности Римской курии было опасным: дело в том, что в Риме были известны переговоры, которые король вел с турецким султаном [23, № 1].

В начале августа А. Поссевино был уже в Смоленске, а в середине августа — в Старице. Здесь через 5 дней после его приезда состоялся пер-

вый торжественный прием у Ивана IV. Дипломатические контакты Великого княжества Московского с Римской курией всегда проходили с соблюдением основных норм и обычаев посольского церемониала. Большое количество исключений из правил дипломатического этикета наблюдалось именно во время приема Антония Поссевино. В августе, когда А. Поссевино въезжал в Смоленск, воеводе было приказано салютовать выстрелами изо всей крепостной артиллерии. При встрече же других иностранных посольств пушечных салютов никогда не было. Папскому посланнику предписывалось выдавать продовольствие как литовским большим послам, но помимо этого он получал еще и пряности, что также можно считать проявлением особой милости великого князя. А. Поссевина встречал воевода Смоленска за десять верст от города, вместе с ним были еще 600—700 человек. И по приказу Ивана IV все они должны были быть «и людны, и коны, и нарядны» [8, с. 39]. Характерным только для этого посольства было то обстоятельство, что Иван IV во время обеда сел за один стол с несколькими боярами. Во время приезда А. Поссевино был поднят вопрос о возможности посещения им православных церквей. Иван IV писал к митрополиту, спрашивая указаний, «како ему папина посланника принятии и церкви его и по монастырем пускати ли ево или не пускати» [31, с. 4—5]. Было решено разрешить посещать церкви, но в алтарную часть не заходить. Митрополит не должен был благословлять папского посла [15, с. VII, № 10]. Курьезный случай произошел в Москве, когда А. Поссевино захотел посетить церковь. Он получил разрешение, но должен был дожидаться у входа в церковь, чтобы увидеть, как митрополит будет встречать великого князя. Папский посланник воспротивился этому и хотел ехать на постоялый двор. В целом же, принимали папского посла так же торжественно, как и других иностранных послов, стремясь показать дружелюбие, гостеприимство, щедрость великого князя. Однако за нехарактерным для московской дипломатии приемом скрывалась главная цель — добиться наиболее благосклонной для интересов Российского царства позиции папского посредника в процессе мирных переговоров с представителями короля Стефана Батория.

В грамоте к Ивану IV папа Григорий XIII сообщал о своей готовности содействовать царю во всех его делах, о необходимости союза между христианскими государствами для успешного ведения войны против турок, о пользе соединения церквей [8, с. 80—85]. Обратившись за помощью к святому престолу, Иван Грозный надеялся таким образом зару-

читься поддержкой курии. Москва также ходатайствовала перед папой об установлении прочных торговых отношений с Венецией [8, с. 100—110]. На замечания Ивана Грозного об «антихристианских действиях» Батория, папа отвечал: «мы того дела не слыхали николи и о том нам известно не бывало».

Во время встреч с Иваном IV поднималась и важная для Курии тема веры. «Беседы о религии» из исторического трактата А Посевина о России (первое издание осуществилось в 1586 г.) представляют своего рода отчет о состоявшихся беседах с Иваном IV. Во время разговора с А. Поссевином Иван Грозный заявил, что «Римская церковь не держится правильного христианского учения», и такой папа «волк есть». При сравнении этих записей А. Поссевина с московскими источниками очевидны некоторые отличия. Так, папский легат представил эти беседы как свое выступление, прерываемое изредка возражениями царя. Противоположная сторона отметила, что инициатива в диспутах принадлежала Ивану IV [8, с. 303].

А. Поссевино покинул Старицу 14 сентября. Надежды на церковный союз после переговоров в Москве развеялись. В своем мемориале от 29 сентября 1581 г. А. Поссевино подчеркнул, что самый надежный способ достигнуть желаемого — основать католическую семинарию для «русинов» в Вильно [23, с. 35—36]. Вопрос о распространение католичества на Востоке никогда не оставался в стороне [32, s. 9—28]. В 1578 г. при отправке нунция Калигари в Краков было отмечено, что новый представитель Римской курии должен особое внимание уделить возможности возрождения Флорентийской унии среди православного населения ВКЛ. На своей первой аудиенции у короля, говоря о проблеме организации антиосманской лиги, нунций поднял вопрос унии с восточной церковью [30, s. XXIV—LXXI, 68]. Идея унии, столь важная для Римской курии, осуществлялась на практике не только в виде переговоров с королем Речи Посполитой и великими князьями московскими [28, s. 206]. В 1578 г. иезуицкий коллегиум в Вильно был возведен в ранг академии, которая должна была стать основой для распространения католичества прямо до Москвы [33, s. 13—14]. Необходимо отметить, что папский легат А. Поссевино приобрел огромный опыт в вопросе основания католических учебных заведений, открыв в различных странах около 23 коллегий [34, с. 10; 35, s. 25]. Однако он осознавал, что Иван IV по политическим соображениям не даст своего разрешения для обучения молодых

людей в ВКЛ, поэтому предполагалось, что основание семинарии, помимо уже существующей академии, будет необходимым, в первую очередь, для пленных. Польский историк Л. Боратыньский считает, что сам А. Поссевино не верил в искренность Ивана Грозного и в реальную возможность его участия в антиосманской войне. Содействовал же торговым соглашениям Российского царства с Венецией исключительно ради распространения с итальянскими купцами католичества [36, s. 55]. Придерживаясь инструкции, А. Поссевино после прибытия под Псков, старался всячески оправдывать Ивана Грозного, вследствие чего вызвал по отношению к себе подозрения со стороны представителей Речи Посполитой [13, с. 119—120, 157—158, 168].

В декабре 1581 г. начались переговоры в Киверовой Горке. В ходе переговоров А. Поссевино вел подробный дневник происходивших событий, при этом постоянно общался со Стефаном Баторием, с канцлером Замойским, королевскими комиссарами, с секретарем государственного секретариата Римской курии кардиналом Комо. Кроме записок А. Поссевино, обращает на себя внимание корреспонденция постоянных нунциев, которые подробно описывали события Ливонской войны. Практически ежедневно в Рим отправлялись депеши, где, помимо описания хода военных действий, сражений, фортификационных укреплений, предоставлялась информация о процессе переговоров уполномоченных Ивана Грозного и Стефана Батория.

Папский легат заботился, в первую очередь, о перемирии между Иваном IV и Стефаном Баторием. При этом курия стремилась к тому, чтобы значительная часть Ливонии отошла к Речи Посполитой. А. Поссевино оказался в сложной ситуации: он был вынужден настолько незаметно лавировать между Речью Посполитой и Россией, чтобы ни одна из сторон не могла его обвинить в ущемлении своих интересов [15, с. 39—40]. Кроме того, на дипломата возлагалась обязанность показать огромное значение посредничества Апостольской столицы. В январе 1582 г. кардинал Коме писал Поссевино, что папа Григорий XIII весьма обрадовался тому, что великий князь принял его с такой гуманностью и проявлением уважения и любви к Его Святейшеству и к Апостольской столице [19, s. 290].

Переговоры продолжались более месяца и завершились заключением 10-летнего перемирия, условия которого не удовлетворяли ни одну из сторон. Выполняя миссию посредника между Россией и Речью По-

сполитой, курия, в конечном счете, достигла лишь установления мира. Папа Григорий XIII надеялся, что события в Киверовой Горке станут надежной основой дальнейших дипломатических контактов с Москвой вплоть до религиозной унии. Обращает на себя внимание тот факт, что после подписания Ям-Запольского мира отношение Ивана IV к посреднику от святого престола изменилось. В посольской книге при описании разговора о значении папы ничего не говориться о том, что великий князь пригласил посла «сесть близко», как это было ранее. При отпуске также Иван IV «велел послу сести», но не более. После диспута о вере А. Поссевино не был допущен к царской руке. Прием послов Римской курии происходил согласно сложившемуся дипломатическому этикету. Разумеется, некоторые особенности проистекали из того, что не было устоявшейся традиции в отношениях с Апостольской столицей. Однако немаловажен и тот факт, что в Москве на папу всегда смотрели как на покровителя Великого княжества Литовского и Короны Польской. Особая благосклонность великого князя к представителям Римской курии зависела от интересов государства в данный момент.

Из всей деятельности А. Поссевина успешной можно считать лишь заключения мира в Киверовой Горке. Последующие его предложения не привлекали Ивана Грозного. Он отказался от церковной унии, прекратились разговоры о совместной борьбе с Османской империей. Впоследствии представитель Римской курии в своем труде о «Московии» отметил, что не только препятствия религиозного характера стоят на пути сближения Москвы и Рима. Титулатурные споры и территориальные противоречия Российского государства и Речи Посполитой — едва ли не главные препоны на пути к церковной унии. Автор советовал не обольщаться надеждой привлечь Ивана IV королевским титулом: «что касается королевского или цезарского титула, тот, кто сам себе их присвоил, ничего не хочет получать из другого места» [37, с. 32]. Для въезда католиков в страну А. Поссевино предлагал использовать венецианских купцов, так как московский государь обещал им не препятствовать. Интересен тот факт, что А. Поссевино обращал внимание папы на те области «Московии», которые находились под властью польского короля. В целом, результаты своей деятельности в России А. Поссевино подвел в своем трактате. Его сочинение отличает от других сообщений иностранцев не только многосторонняя характеристика Московского государства, но и владение политической ситуацией. Автор отметил два век-

тора российской внешней политики: укрепление позиций на востоке (взятие Казани и Астрахани) и стремление обеспечить выход к Балтийскому морю. А. Поссевино дал и свое видение причин неудач Ивана IV в Ливонской войне. Обратил он внимание и на состояние экономики государства, на положение крестьянства, описал ближайших советников князя и характер наместничества в городах и крепостях. Действуя соответственно инструкциям Римской курии, которую интересовала организация антиосманской коалиции, А. Поссевино достаточно внимания уделил взаимоотношениям Москвы с крымскими татарами и турками. «Московский царь и турецкий султан — достойные соперники, так как это единственные правители в мире, которые держат своих людей в прямом повиновении, и поэтому они самые могущественные» [37, с. 65]. Как и А. Кампенезе, А. Поссевино предлагал свой план строительства взаимоотношений с Москвой: нужны католические коллегии, типографии, распространение книг (даже дал перечень необходимых).

10-летнее перемирие было пописано 15 января 1582 г. и только в феврале 1582 г. в Риме были получены письма Ивана IV и его сына к папе и к венецианским сенаторам, где царь «давал посулы» Риму. Иван IV направил письма к папе и императору, а также в Венецию, уверяя в безопасном проезде и пребывании венецианских купцов в своем государстве. Кроме этого он обещал всем католикам свободу в вероисповедании, но без строительства церквей и кладбищ. Папским послам, направлявшимся в Персию и к татарам, обещал свободу в перемещении через Москву, Казань, Астрахань, к тому же брал на себя обязательства оплатить их проезд. Обо всех этих обещаниях в Риме было известно из донесений Поссевино задолго до отправки самих писем Ивана IV.

Иван IV проявил себя искусным дипломатом: перемирие подписано, желаемый результат достигнут и теперь Римская курия могла спокойно рассматривать документы, по сути дела, ни к чему не обязывающие царя. Интересен и тот факт, что Истома Шевригин был в ранге гонца, а не посла: то есть была исключена всякая возможность реальных переговоров [7, с. 816].

А. Поссевино в сопровождении Якова Молвянинова и Тишки Васильева выехал из Москвы 14 марта 1582 г. [38]. В Рим он въехал во второй половине сентября. Период ожидания приезда новых представителей Москвы был волнительным для польской дипломатии, которая не знала, чего можно ожидать от Ивана IV [39, s. 188]. Однако все страхи,

как показало время, были преждевременны. Яков Молвянинов ограничился общими фразами почтения и уважения, готовности вести войну с турками, но никаких конкретных предложений понтифику не сделал [38; 8, с. 374–382].

Из Рима московские послы выехали 6 октября 1582 г. и вместе с Поссевино в конце ноября этого же года были уже в Варшаве, 8 января 1583 г. — в Москве. 15 января 1583 г. кардинал Коме отметил, в своем письме к А. Поссевино, что очень рад его приезду в Польшу, и что он, «отправивши с миром московских послов, освободился от них, оказывая им еще вежливость и щедрость» [40, s. 97].

Ям-Запольский мир (1582 г.), заключенный с помощью посредника от святого престола Антонию Поссевино, не оправдал надежды ни одной из сторон. Иван IV очень искусно сыграл на интересах курии, добившись, в конечном счете, необходимого ему перемирия с Речью Посполитой. Посредничество Апостольского престола способствовало наиболее благоприятному разрешению конфликта. Однако царь не мог не понимать, что поддержка Курии укрепляла позиции Батория, и он не мог допустить, чтобы эта война расценивалась в Риме как битва с «неверными» за распространение христианства. Иван IV ударил в самое слабое место Римской курии, попросив о посредничестве в войне, ссылаясь на необходимость мира с соседями ради совместной борьбы с «неверными». Во время правления Ивана Грозного, как никогда раньше, стало очевидным, что характер отношений Москвы с ее западными соседями оказывает непосредственное влияние на контакты с Римом. После Ям-Запольского мира (1582 г.) отношение с Римом на непродолжительное время сворачиваются.

Западное направление внешней политики Ивана IV (новая волна титулатурных противоречий с великим князем литовским и королем польским, обострение территориальных споров и конфликта из-за Прибалтики, вылившиеся в продолжительную Ливонскую войну) по-прежнему развивалось с учетом позиции Апостольского престола. Османская угроза для Западной Европы и идея распространения католичества на основе постановлений Тридентского собора заставляли римских понтификов искать союзников на востоке. В 1547 г. Великое княжество Московское «всея Руси» стало Российским царством, но преемственность внешнеполитической концепции сохранилась, в том числе и в характере взаимоотношений с Римской курией. Иван IV продолжил «по-

литику заигрывания» с Римом, начатую его дедом и отцом, и сумел не допустить доминирования религиозно-идеологической подоплеки в войне с Речью Посполитой.

Список литературы

1. Archiwum Jana Zamoyskiego, kanclerza i hetmana wielkiego koronnego / wyd. W. Sobieski. — Warszawa: Wyd.dr. P. Laskauera i S-ki, 1904. — T. 1: 1553—1579. — 530 s.

2. Хроника Литовская и Жмойтская // Полное собрание русских летописей; сост. Н.Н. Улащик. — М.: Наука, 1975. — Т. 32. — С. 128—179.

3. Chynczewska-Hennel T. Stolica Apostolska i Rzeczpospolita w czasach nowożytnych // Polska i Stolica Apostolska X—XXI wiek / red. D. Gales. — Warszawa: ARGRAF, 2006. — S. 32—42.

4. Boratyński, L. Stefan Batory i plan ligi przeciw Turkom (1576—1584) / L. Boratyński // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. — Kraków, 1903. — S. 1—151.

5. Fabisz, P.W. Wiadomość o legatach i nuncyuszach apostolskich w dawnej Polsce (1075—1863) / P.W. Fabisz. — Ostrów: Nakł.księgarni J. Priebatscha, 1864. — 374.

6. Отправление гонца И. Шевригина к Папе Григорию XIII. Приезд легата А. Поссевино. Отправление гонца Я. Молвянинова и подьячего Т. Васильева // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Фонд 78. — Оп. 1. — Д. 1.

7. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. — Т. I: С 1488 по 1594 г. — СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1851. — 1620 с.

8. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. — Т. X. — СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1871. — 1850 с.

9. Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией / АН СССР. — Т. 1, вып. 1. — Л.: АН СССР, 1925. — 579 с.

10. Рогожин, Н.М. Наказы русским послам XVI в. как исторический источник / Н.М. Рогожин // Исследования по источниковедению истории России (до 1917): сб. ст. / Ин-т российской истории РАН; отв. ред. В.А. Кучкин. — М., 1993. — С. 44—70.

11. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии (1516—1520) // Сб. Императорского русского исторического общества. — 1887. — Т. 53. — 252 с.

12. Ciampi, S. Bibliografia critica / S. Ciampi. — Firenze: Per Leapoldo Alegtini e Ciev. Mazzandi. — T. I. — 364 p.

13. Коялович, М.О. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию и дипломатическая переписка того времени / М.О. Коялович. — СПб., 1867. — 756 с.

14. Polski dyplomata na papieskim dworze. Wybór listów Jerzego z Tyczyna do Marcina Kromera (1554—1585) / Przełożył, wstępem i komentarzem opatrzuł J. Axer. — Warszawa: Państw. Instytut Wydawniczy, 1982. — 300 s.

15. Лихачев, Н.П. Дело о приезде в Москву А. Поссевино / Н.П. Лихачев. — СПб.: Унив. тип., 1903. — 149 с.

16. Boratyński, L. J.A. Caligari, nuncyusz Ap. w Polsce (1578—1581) / L. Boratński // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-pilozoficzny. Serya II. — Kraków, 1916. — T. XXXIV. — S.1—52.

17. Акты исторические, относящиеся к истории России: в 2 т. / Изд. А.И.Тургенев. — СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1841. — Т. 1: Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов с 1075 по 1584 г. — 401 с.

18. Пирлинг, П. Восточная идея Поссевина / П. Пирлинг // Русская старина. — 1908. — № 12. — С. 563—573.

19. Listy kardynala de Come do O. Antoniego Possewina T.J. wyjęte z Archiwum watykańskiego przez O. Pawla Pierlinga // Przegląd Powczechny. — Kraków, 1884. — T. 1., z. 1—3. — S. 103—105, 288—296, 443—450.

20. Zakrzewski, W. Stosunki stolicy apostolskiej z Iwanem Groznym / W. Zakrzewski. — Krakow: Wyd. Akad. Umiejętności,1872. — 146 s.

21. Лихачев, Н.П. Антоний Поссевино и Истома Шевригин / Н.П. Лихачев. — СПб.: Типог. А. Порховщикова, 1900. — 22 с.

22. Опись архива Посольского приказа 1626 г.: в 2 ч. / подг. В.И. Гальцов; под ред. С.О. Шмидта. — М.: ЦГАДА: Археографическая комиссия, 1977. — Ч. 1. — 416 с.

23. Дополенения к Актам историческим / Археографическая комисия. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. — 542 с.

24. Книга Посольской метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Стефана Батория с 1576 по 1583 гг. / М. Погодин, Д. Дубенский. — М.: Университетская типография, 1843. — Т. 2. — 285 с.

25. Бобышев, В.И. Международные отношения в Восточной Европе в 30—80-е гг. XVI ст.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03; 07.00.15 / В.И. Бобышев. — Минск, 2001. — 139 с.

26. Известия Джовании Тедальди о России времен Ивана Грозного // Журнал министерства народного просвещения. — 1891. — № 5—6. — С. 121—146.

27. Acta Nuntiaturae Polonae. — Roma: Institutum Historicum Polonicum, 1990. — T.I. / auctore H.D. Wojtyska. — 477 p.

28. Chodynicki, K. Kościoł prawosławny a Rzeczpospolita Polska 1370—1632 / K. Chodynicki. — Warszawa: Kasa im. Mianowskiego—Inst. Popierania Nauki, 1934. — 632 s.

29. Archiwum Jana Zamoyskiego, kanclerza i hetmana wielkiego koronnego / wyd. W. Sobieski. — Warszawa: Wyd.dr. J. Siemieński, 1909. — T. 2: 1580—1582. — 445 s.

30. Monumenta Poloniae Vaticana / ed. L. Boratński. — Cracoviae: Sumptibus Academiae Litterarum Cracovensis, 1915. — T. IV: J.A. Caligarii nuntii Apostolici in Polonia. Epistolae et Acta. 1578—1581. — 920 s.

31. Лихачев, Н.П. Библиотека и Архив Московских государей в XVI столетии / Н.П. Лихачев. — СПб.: Унив. тип., 1894. — 240 с.

32. Halecki, O. Od unii Florenckiej do unii Brzeskiej: w 2 t. / O. Halecki. — Lublin: Inst. Europy Środkowo-Wschodniej, 1997. — T. 2. — 344 s.

33. Bednarski, S. Geneza Akademii Wileńskiej / S. Bednarski // Księga pamiątkowa ku uczczeniu 350 rocznicy założenia i 10 wskrzenia Uniwersytetu Wileńskiego. — Wilno: Uniwersytet Stefana Batorego, 1929. — S. 1—22.

34. Pastor, L. Geschichte der Päpste / L. Pastor. — T. 4, cz. 1. — Freiburg im Breisgau, 1906. — 231 S.

35. Monumenta Ucrainae Historica / Зібрав митрополит Андрей Шептыцький. — Рим: Universitatis Catolicae Ucrainorum, 1964. — T. I. — 350 s.

36. Boratyński, L. Studya nad nuncyaturą polską Bollognetego (1581—1585) / L. Boratyński // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. — Kraków, 1907. — T. 49. — S. 53—106.

37. Поссевино, А. Исторические сочинения о России XVI в. / А. Поссевино; перев., вступ. ст. и комм. Л.Н. Годовиковой. — М.: Изд. МГУ, 1983. — 271 с.

38. Отправление посланника Я. С. Молвянинова и подьячего Т. Васильева к императору Рудольфу II и к папе Григорию XIII. Переводы грамот императора Рудольфа II, папы Григория XIII и венецианского дожа Н. де-Понте // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Фонд 32. — Оп. 1. — Д. 4.

39. Polski dyplomata na papieskim dworze. Wybór listów Jerzego z Tyczyna do Marcina Kromera (1554—1585) / Przełożył, wstępem i komentarzem opatrzuł J. Axer. — Warszawa: Państw. Instytut Wydawniczy, 1982. — 300 s.

40. Listy kardynala de Come do O. Antoniego Possewina T.J. wyjęte z Archiwum watykańskiego przez O. Pawla Pierlinga // Przegląd Powczechny. — Kraków, 1884. — T. 2., z. 4—5. — S. 95—100.

Якубаў В.У.

УЗАЕМААДНОСІНЫ ВКЛ І ПОЛЬСКАГА КАРАЛЕЎСТВА Ў ДАЧЫНЕННІ ДА ІНФЛЯНТАЎ У 1582—1621 гг.

На сённяшні дзень адзной з найменш даследваных тэмаў у гісторыі Усходняй Еўропы з'яўляюцца ўзаемадачыненні паміж Польскім каралеўствам і Вялікім княствам Літоўскім, якія ўзнікалі ў дачыненні да тэрыторыі Інфлянтаў. З гісторыяграфіі вядома, што існавала альтэрната і кандамініум паміж ВКЛ і Польшчай у правінцыі, але чаму яны былі усталяваны і як сапраўды дзейнічалі — заставалася на ўзбоччы даследванняў. Лічыцца, што Польскае каралеўства праводзіла ў Інфлянтах мэтанакіраваную каталізацыю і каланізацыю тэрыторыі. Узгадваецца, што у асобных выпадках ВКЛ была незадаволена, але няма ніводнага спецыяльнага даследвання абагульнаўшага звесткі па дадзеных праблемах за 1582—1621 г.

Падзвінскія, Падняпроўскія і Паўночналітоўскія землі ВКЛ традыцыйна былі звязаны з Еўрапейскімі рынкамі праз Рыжскі гандлёвы порт. Крызіс Ордэнскай дзяржаўнасці ў XVI ст. прывеў да вайнаў ВКЛ, Польшчы, Даніі, Швецыі з Маскоўскай дзяржавай за Інфлянты (1558—1583 гг.). Дыпламатычная актыўнасць ВКЛ стала прычынай пераходу тэрыторыі ўсёй Лівонскай канфедэрацыі пад пратэктарат (1559 г.), а затым у васальную залежнасць ад ВКЛ (1561 г.). Пасля падзеяў Люблінскай ўніі 1569 г., страты тэрыторыі Падляшша, Валыні, Падолля, Кіеўшчыны на карысць Польскага каралеўства, пытанне прыналежнасці Інфлянтаў стала для ВКЛ прынцыповым, паколькі за іх кошт ВКЛ імкнулася ўраўнаць свае пазіцыі з Польскім каралеўствам ў складзе Рэчы Паспалітай. У 1575—1577 гг. большая частка Інфлянтаў была занята войскамі Маскоўскай дзяржавы. Ужо на Ваўкавыскім з'ездзе шляхты ВКЛ (ліпень 1577 г.) адразу пры абмеркаванні супрацьдзеяння ворагу было падкрэслена, што Інфлянты належаць выключна ВКЛ [1, с. 357]. Тым не меньш, па ўмовах Ям — Запольскага замірэння 1583 г. Іван IV прызнаў ўсе землі былой Лівонскай канфедырацыі ўласнасцю агульнай Рэчы Паспалітай. Большая частка Лівонскай канфедэрацыі па правым беразе Дзвіны апынулася ў непасрэдным кіраванні манархаў Рэчы Паспалітай склала Інфлянты, а левабярэжжа — Курляндыя стала васальным герцагствам.

У адносінах да мясцовага насельніцтва і ўладаў Рэчы Паспалітай выразна назіраецца некалькі перыядаў: з 1582 па 1588 гг. (аспрэчванне правоў немцаў на ўласнасць на тэрыторыі Інфлянтаў, насаджэнне каланістаў з Польшчы і ВКЛ), з 1598 па 1607 гг. (дапушчэнне мясцовых немцаў да пасадаў і маёмасці у Інфлянтах), з 1607 па 1621 гг. (дапушчэнне немцаў да пасадаў і маёмасці на тэрыторыі ВКЛ і Польскага каралеўства) [2]. Адзначым, што пры фарміраванні палітыкі адносна мясцовых немцаў польская шляхта выступіла з адкрыта асіміляцыйнымі прапановамі. Фармальна прычынай каланізатарскіх крокаў стала сумненне адносна лаяльнасці большасці інфлянцкіх феадалаў да ўладаў Рэчы Паспалітай падчас Інфлянцкіх войнаў 1558—1583 гг. Пачаткам іх стала «змягчэнне» каралём С. Баторыям 4 студзеня 1582 г. прапановы польскага канцлера Я. Замойскага, (заключалася ў канфіскацыі накарысць дзяржавы ўсіх інфлянтскіх замкаў і іх ваколіц як меўшых вайсковае значэнне) на правядзенне рэвізіі дакументацыі на права імі валодаць [3, с. 37]. Выконваючы пажаданні шляхты ВКЛ і Польскай Кароны, С. Баторый не прызнаў за ўсімі феадальнымі ўладаннямі ў правабярэжнай Лівоніі, як за заваяванымі сілай зброі, ніякіх ранейшых правоў і надаваў маёмасць і пасады выключна як асабістую міласць, што пазначалася ў ленных граматах. Рэвізія пачалася ў 1583 г. Узначалілі яе 5 галоўных камісараў, у тым ліку Л. Сапега і вендэнскі біскуп (пазней Львоўскі арцыбіскуп) Ян Дзмітры Сулікоўскі. На месцах, у кожным прэзідэнцыяце, працавалі камісіі з чатырох чалавек (1 «літвін», 1 «паляк» і 2 — ад мясцовых немцаў). Пачалося стварэнне сістэмы адносна «роўнага» прадстаўніцтва паміж «народамі» ў справах правінцыі. Рэвізія дакументаў і апісанне маёнткаў працягвалася да 1590 г., а затым узнавілася ў 1599 г.

Рэвізія праводзілася ў інтарэсах дзяржавы. Па падліках Э. Тарвела ў Гельмецкім старостве пасля рэвізіі доля дзяржаўных земляў вырасла з 5 да 50 % усяго зямельнага фонду, а ў Парнаўскім старостве з 18 былых землеўласнікаў правы захавалі толькі тры. Землі Дэрптскага староства, як «заваяваныя» (у 1561 г. іх займалі маскоўскія войскі), цалкам перайшлі ў дзяржаўны фонд. Такім чынам, у дзяржаўных уладаннях было акумулявана $^{2}/_{3}$ земляў паўднёвай Эстоніі [4, с. 41]. Былыя гаспадары павінны былі іх пакінуць. Вынікі палітыкі кіруючых колаў Рэчы Паспалітай, накіраванай на інкарпарацыю і каланізацыю Інфлянтаў, сталі відавочнымі пад час рэвізіі 1599 г. — па дадзеных камісараў, на 13 600 служб нямецкай шляхты ў Інфлянтах прыпадала 6000 належаўшых грамадзя-

нам ВКЛ і Польшчы [5, с. 25]. Так, у Люцынскім дыстрыкце прапорцыя ўласнікаў зямлі з Рэчы Паспалітай да мясцовых немцаў была 9 на 8 адпаведна. Рэвізоры асобна адзначылі, што ўсё маёнткі там атрымалі гаспадароў пасля Інфлянцкіх вайнаў 1558—1583 г., ці былі набытыя ў жаўнераў [6, с. 15—16]. Такім чынам, больш за палову земляў правінцыі патрапіла ў ненямецкія рукі. Быў створаны слой землеўласнікаў славянскага паходжання, які падтрымліваў кіраўніцтва Рэчы Паспалітай. Найбольш частай прычынай атрымання маёмасці і пасад у Інфлянтах 1582—1621 гг. паводле «Лівонскіх кніг» Метрыкі ВКЛ (кнігі запісаў 79—90 дзе фіксаваліся ўсе маёмасныя акты праінцыі) былі ваенныя заслугі ўдзельнікаў вайны з Маскоўскай дзяржавай (1558—1582 гг.) К. Сакалоўскага [7], Я. Замойскага [8], Л. Куклінскага [9], барацьбы з казакамі Я. Раецкага [10] і баёў са шведамі (1598—1609 гг.) У. Бекеша [11], Я. К. Хадкевіча [12], Ф. Невяроўскага [13]. Наданні польскім феадалам запісваліся польскімі пісарамі і канцлерамі, а шляхце ВКЛ — сваімі ўраднікамі. Па матэрыялах Лівонскіх кнігах Метрыкі ВКЛ, у канцы XVI — пачатку XVII стст. можна прасачыць прырост феадальных уладанняў, якія былі зафіксаваныя пісарамі і канцлерам ВКЛ, што сведчыць аб росце палітычнай і эканамічнай прысутнасці прадстаўнікоў ВКЛ ў Інфлянтах.

На канфіскаваных у выніку рэвізій землях былі ўтвораны каралеўскія староствы якія да 1598 г. надаваліся выключна прадстаўнікам ВКЛ і Польскага каралеўства. Староствы складалі большасць тэрыторыі Інфлянтаў: самае вялікае староства Рэчы Паспалітай — Дэрптскае (6372 км^2, 412 вескі, 14 фальваркаў) трымаў Я. Замойскі (пасля яго смерці ў 1605 г. яно перайшло Я.К. Хадкевічу), Парнаўскае — Л. Сапега, Фелін і Адзель — Марцін Курч, Нідэрполь — Лаўрэн Рудаміна, Дынамюнд — маршалка ВКЛ Крыштоф Дарагастайскі (кіраваў Я. Астроўскі), Кірхгольм — Мацей Ленэк (жанаты на Тэадоры Сапезе, сястры Л. Сапегі), Леннэвадэн, Аіскраўкль, Какенгаўз — Крыштоф Радзівіл «Перун», Дынабург — Адам Талваш; Люцынам паслядоўна валодалі В. Скарбак у 1589—1599 гг., у 1599—1607 гг. — трокскі харужы К. Дзежак, з 1607 па 1620 г. — ротмістр Т. Дуброва [14]. Па нізоўях рэк Гаўі і Салаца былі сканцэнтраваны ўладанні дробнай шляхты. Але не толькі шляхта завалодвала маёмасцю ў Інфлянтах, у ваколіцах Лаюса зямельныя надзелы былі перададзены дзяржавай значнай групе пахолкаў, якія служылі ў войску С. Баторыя [6, с. 131—140]. Калі прааналізаваць грамадскія пазіцыі землеўласнікаў ад ВКЛ і Польскага каралеўства

ў Інфлянтах, улічыць эканамічны, палітычны, геаграфічны фактары, то становіцца відавочным, што за выключэннем Я. Замойскага (але той больш быў заняты, каронымі справамі), ніхто з палякаў не мог эфектыўна супрацьстаяць нарастанню зямельнай ўласнасці і кліентальнай сеткі Радзівілаў, Сапегаў, Дарагастайскіх і іншых прадстаўнікоў ВКЛ у правінцыі.

Акрамя зямельных уладанняў, Інфлянты прываблівалі шляхту ВКЛ і Польшчы вялікай колькасцю ганаровых пасад. Спецыфіка ў прававым статусе і пастаяннае змаганне за першынства на гэтых землях паміж ВКЛ і Польшчай прывялі да дуалізму ў структуры кіравання (існаванне паралельна пасад адміністратара і генеральнага камісара), унікальнага для Рэчы Паспалітай. Функцыі кіраўніка мясцовай шляхты і адміністрацыі ажыццяўляў Лівонскі намеснік (губернатар ці адміністратар). Пасаду лівонскага намесніка паслядоўна займалі прадстаўнікі ВКЛ Я. Хадкевіч (1566—1578 гг.), М. Радзівіл »Руды» сумяшчаў з пасадай гетмана ВКЛ (1578—1582 гг.), віленскі біскуп Ю. Радзівіл (з 14 мая 1582 г. да моманту прызначэння яго кракаўскім кардыналам, калі пакінуў Рыгу (1586 г.), аднак фармальна ён працягваў выконваць абавязкі пад час «каляндарных хваляванняў» у Рызе (1585—1589 гг.). Генеральным камісарам, якому падначальваліся ўсе трымальнікі замкаў і ў абавязкі якога ўваходзіла правядзенне праверкі тытулаў і правоў уласнасці ў Інфлянтах, быў прызначаны ветэран кампаніі С. Баторыя пад Псковам (1581 г.) паляк Станіслаў Пенькаслаўскі, а пасля яго смерці ў 1588 г. пасада была вакантнай да 1598 г., калі Жыгімонт Ваза прызначыў для новай рэвізіі ў Інфлянтах двух генеральных камісараў: Л. Сапегу і Я.Д. Салікоўскага [14, с. 13]. Пад час вайны са Швецыяй 27 красавіка 1601 г. Ян Кароль Хадкевіч стаў «галоўным правадыром войска ў Інфлянтах», а з 1603 па 1621 гг. сумяшчаў у сваіх руках абавязкі адміністратара і генеральнага камісара, валодаў ўсёй паўнатой ўлады на гэтых тэрыторыях. Пасаду інфлянтскага польнага пісара (адказнгага за за попісы мясцовага войска) таксама займалі прадстаўнікі ВКЛ: Вацлаў Агрыпа ў 1569—1570 гг., пасля яго — Войцэх Стаброўскі, з 1579 г. намінаваны на літоўскага польнага пісара, пры захаванні пасад рускага і інфлянтскага польнага пісара [15, с. 38], затым Юры Зяновіч і Тэадор Ляцкі. У адпаведнасці са сваім ўдзелам у ваенных кантынгентах ВКЛ, Польшчы і Інфлянцкай земскай службе падчас вайны са Швецыяй у 1600—1611 г. ўраднікі ВКЛ замацаваліся на вядучых пазіцыях ў адміністрацыі Інфлянтаў.

Апорай нямецкіх феадалаў у структуры ўлады ў Інфлянтах былі: Інфлянтскі сойм (створаны па ўзоры соймікаў Рэчы Паспалітай, але $^2/_3$ з паслоў да 1607 г. былі феадалы ВКЛ і Польскага каралеўства), пасады земскіх сакратароў, земскі суд і ваенная служба ў мясцовым земскім апалчэнні. Кіраўніком Інфлянтскай земскай службы быў Ян Тызенгаўз (1578—1583 гг), затым, з 5 сакавіка 1585 г. Георгі (Юрген) Фарэнсбах. Негледзячы на сімпатыю Жыгімонта Вазы да Ю. Фарэнсбаха (ён быў кіраўнікам каралеўскага войска падчас экспедыцыі супраць Карла Сундэрманланскага ў Швецыю ў 1598 г. і ўваходзіў ў кола сенатараў дапушчаных да абмяркавання з каралем важнейшых пытанняў знешняй палітыкі) пасля яго прызначэння 1600 г. кіраўніком кантынгентаў Рэчы Паспалітай ў Інфлянтах, на сойміках ВКЛ паднялася хваля рэзкіх пратэстаў супраць гэтага акта. Наваградская шляхта ў сваей адозве 4 разы сцвердзіла «недазваляем чужой нацыі на шыі нашыя ўсядаць» [16, с. 84], [17]. Пасля гібелі Я. Фарэнсбаха ў 1601 г. пасада была скасавана і інфлянтскія вайсковыя кантынгенты былі перападначалены непасрэдна Я.К. Хадкевічу.

У часы С. Баторыя дзяржаўная палітыка была накіравана на адсоўванне інфлянтскай нямецкай шляхты ад пасад і маёмасці ў Інфлянтах. Немцы для грамадзян Рэчы Паспалітай заставаліся «чужаземцамі». Разам з тым, паміж польскай і літвінскай шляхтай разгарнулася барацьба за ўласнасць у Інфлянтах. Вастрыні сітуацыі дадавала тое, што ў часы адміністрацыі Яна Хадкевіча (1566—1578 гг.) большасць Інфлянтскіх пасад займалі прадстаўнікі ВКЛ, але паколькі завяршаючая фаза Лівонскай вайны праводзілася з перавагай войска Польскага каралеўства і наёмнікаў, менавіта палякі пераважалі ў пасляваенных мясцовых уладах. Больш таго, Я. Замойскі скарыстаўся з гневу С. Баторыя на прадстаўнікоў ВКЛ, якія з'ехалі з-пад Пскова (1581 г.) і патрабавалі заключэння міра з Маскоўскай дзяржавай, абвінаваціў іх у баязлівасці і адсунуў іх ад размяркавання пасад у Інфлянтах [18, с. 140]. На 1582 г. у большасці інфлянтскіх замкаў былі польскія гарнізоны на чале з ротмістрамі, якія мелі ўсю паўнату ўлады, у тым ліку і над мясцовым насельніцтвам. Польская палітычная эліта імкнулася недапусціць літвінаў да размеркавання пасад і маёмасці ў Інфлянтах [19]. На Варшаўскім сойме 4 кастрычніка — 25 лістапада 1582 г. паслы ад ВКЛ (А. Валовіч, К. Радзівіл, Я. Кішка, М. Дарагастайскі, Ф. Кміта-Чарнабыльскі, Л. Сапега, М. Талваш, Я. Глябовіч) спрабавалі дамагчыся далучэння Інфлянтаў да ВКЛ, але сойм быў зацягнуты і разышоўся без ухвал. Толькі пасля завяршэння сойму С. Баторы зацвердзіў

«Інфлянцкую канстытуцыю» [1, с. 360]. Сітуацыя паўтарылася на вальным сойме 15 студзеня — 28 лютага 1585 г. Паслы ад ВКЛ адмаўляліся прыступаць да працы пакуль не будзе вырашана пытанне аб пераходзе Інфлянтаў пад ўладу ВКЛ, палякі настойвалі на падзеле правінцыі на польскую і літвінскую паловы. У апошні дзень паслы ВКЛ пачалі згаджацца на падзел Інфлянтаў, але час адведзены на абрады скончыўся. Сойм раз'ехаўся без ухвал [1, с. 360].

Абвастрэнне спрэчкі за «лівонскую спадчыну» адбылося пасля смерці С. Баторыя (1586 г.). У інструкцыі адстаны ВКЛ пасольству ВКЛ на канвакацыйны сойм было пазначана, што ВКЛ несла цяжкія матэрыяльныя страты падчас Інфлянскай вайны, а палякі несправядліва скарысталіся з плёну перамогі, таму паслы могуць прыступіць да элекцыі толькі пасля вяртання Інфлянтаў пад кіраўніцтва ВКЛ [20]. Паводле інструкцыі прадэлекцыйнага з'ездза паслоў ВКЛ у Ваўкавыску ў маі 1587 г., чарговы раз была акцэнтавана ўвага на злаўжыванні палякаў, а ў выпадку чарговай спробы парушэння правоў ВКЛ, паслы павінны былі ад'язджаць у Берасце [21, с. 242—247.]. Пад час выступлення на элекцыйным вальным сойме 1587 г. трокскага ваяводы Яна Глябовіча палякам ад імя шляхты ВКЛ быў прапанаваны кампраміс: прабачэнне за крыўды, панесеныя ад Кароны (неправамоцнае далучэнне да Польшчы Валыні, Падолля, Падляшша і абранне былога караля без згоды ВКЛ) у абмен на Інфлянты. У выпадку адмоўнага адказу было заяўлена: «разарвем унію, бо так пастанавілі на Ваўкавыскім сойміку» [22, с. 64]. Выканаўшы абяцанне, 30 чэрвеня 1587 г. паслы ВКЛ адмовіліся прыступаць да выбараў новага караля і з'ехалі з паседжання, а назаўтра адмовіліся ад удзелу ў працы сойму пакуль не будуць кампенсаваныя тэрытарыяльныя страты ВКЛ [22, с. 175]. Пад час штодзенных спрэчак абмяркоўваўся праект падзелу Інфлянтаў на польскую і літоўскую часткі. 18 палякаў, якія мелі пасады, ці староствы ў вялікакняскай частцы, павінны былі быць пераведзены ў каронную палову, атрымаўшы там кампенсацыю. Саступкі паслоў ВКЛ адносна першапачатковых патрабаванняў былі відавочнымі, а ў выпадку поспеху праекту паслы абяцалі прыступіць да выбараў караля. Аднак на змяненне пасляваеннага ўкладу не пагадзіліся палякі і сабатавалі працэс перамоваў. Прадстаўнікі ВКЛ у адказ 3 жніўня 1587 г. ужо адкрыта пагражалі, што калі ў двухтыднёвы тэрмін пасля каранацыі пытанне падзелу не будзе разгледжана, то яны вырашаць яго пры дапамозе зброі [22, с. 71]. Але ў абстаноўцы барацьбы

паміж прыхільнікамі абрання ў якасці манарха Жыгімонта Вазы і партыяй Максіміліяна Габсбурга справу размежавання Інфлянтаў адклалі на наступны вальны сойм [23, с. 190]. У канчатковым рашэнні сойму было адзначана, што станы пагадзіліся на пасылку ў Інфлянты камісараў для вырашэння праблем падзелу маёмасці і пасад. Аднак, пакуль шляхта чакала прызначэння камісараў, Жыгімонт Ваза адразу пасля замацавання на троне надаў Дэрптскае староства, як падзяку за перамогу ў барацьбе з прагабсбургскай партый, польскаму канцлеру Я. Замойскаму (канкурэнцыю пры замяшчэнні, гэтай вакансіі паспрабаваў скласці ротмістр ВКЛ Гільяш Пельгрымоўскі).

Аб настроях у саміх Інфлянтах можна сцвярджджаць паводле ўніверсала земскага сойміку ў Кесі (Вэндэн) 1588 г. Польскія ўлададальнікі маёмасці ў Інфлянтах дакладна ведалі аб супраціўленні спробам паслоў ВКЛ на сойме з боку Я. Замойскага, але не мелі інфармацыі аб пазіцыі ўсей эліты Рэчы Паспалітай адносна падзела правінцыі на польскую і літоўскую часткі, а таму заявілі: «калі б паны ВКЛ да Рыгі прыехалі і аб падзеле ўпаміналі, пры адсутнасці палякаў, пратэстуем, бо без нас на нас нічога чыніць нельга. «Такім чынам, на сярэдзіну 1588 г. падзел выглядаў цалкам рэальным варыянтам развіцця падзей, супраць якога палякі прадпрыймалі актыўныя дзеянні [24]

Пошук палітычных саюзнікаў у ВКЛ і патрэба замацаваць сваю перамогу ў барацьбе за карону прывялі Жыгімонта Вазу і яго атачэнне да асэнсавання неабходнасці змен ва ўладкаванні Інфлянтаў. Напружанне папярэдняга вальнага сойму было знята на сойме 1589 г. Паводле інфлянтскай канстытуцыі 1589 г. [25, с. 278—280] было абвешчана раўнапраўе Літвы і Кароны ў Інфлянтах (кандамініум). Паколькі палякі займалі да таго часу больш пасад у Інфлянтах, прадстаўнікі ВКЛ павінны былі атрымліваць прызначэнні, пакуль не параўнаюцца ў колькасці з палякамі, пасля чаго ўсталёўвалася паслядоўнасць у заняцці пасад у Інфлянтах: «за літоўцам паляк і наадварот» — так званая *альтэрната*. Меншыя замкі і ўладанні маглі атрымліваць інфлянтцы, але толькі палякі і жыхары ВКЛ маглі валодаць староствамі.

Прынцып роўнай кампетэнцыі ВКЛ і Польскай Кароны ў Інфлянтах стаў заканадаўча замацаваным. Усе акты на гэтых землях павінны былі выдавацца і зацвяржацца абодвума вялікімі канцлерамі Рэчы Паспалітай. Калі ў Інфлянтах кароль прысутнічаў з абодвума маршалкамі, то свае абавязкі яны выконвалі разам, калі быў толькі літоўскі — ён працаваў асобна

і для ўсіх «народаў». Прынцып падзелу на ВКЛ і Карону ўтрымліваўся і ў кіраванні войскам — гетманы мелі вяршэнства над прадстаўнікамі «сваіх народаў» і паловай «інфлянтцаў» і маглі перадаваць адзін аднаму войскі ў кіраванне. Геаграфічнае размяшчэнне і вялікая верагоднасць узнікнення патрэбы ў тэрміновай абароне прывялі да пашырэння кампетэнцыі мясцовай шляхты ў пытаннях вайсковай самаарганізацыі. Паспалітае рушанне (земскую службу) краю склікаў мясцовы сойм, не зважаючы на тое, ці ёсць адпаведная ўхвала вальнага сойму ВКЛ і Польскай Кароны. Ротмістры; жаўнеры і старосты прыносілі прысягу разам каралю Рэчы Паспалітай, ВКЛ і Польшчы. Прыбыткі ад Інфлянтаў былі падзелены паміж ВКЛ і Каронай і, у сваю чаргу, па ўзгадненні з двума падскарбіямі, на 3 часткі: у скарб, на абарону края, старастам на ахову і ўтрыманне замкаў у прыдатным стане. Новыя падаткі ўводзіліся толькі ўхваламі сойму. У выпадку згасання роду Кетлераў Курляндыя павінна была быць далучана да кандамініума Рэчы Паспалітай [25, с. 278—280].

Змагаючыся за пашырэнне сваіх правоў, нямецкая шляхта пры падтрымцы рыжскіх мяшчан, святарства і паслоў ад князёў Свяшчэннай Рымскай імперыі [26, с. 101] высылала на вальныя соймы дэлегацыі. Аднак у канстытуцыях соймаў 1591, 1593, 1595 і 1596 гг. нічога не ўзгадвалася аб Інфлянтах. Толькі ў 1597 г. паслы ад ВКЛ і Кароны запатрабавалі перагляду ўхваленых раней канстытуцый, надання ўладанняў «чужаземцам» і дазволу на продаж пажыццёвых пасад немцам [3, с. 35]. Прычым у падтрымку прадстаўнікоў ад Інфлянтаў: рыжскага сіндыка Д. Хільхена (зяця Я. Замойскага) і вендэнскага біскупа О. Шэнкінга [27, с. 17] на сойме найбольш актыўна выступіў пасол ад ашмянскага павету Гіліяш Пельгрымоўскі (адзін з інфлянтскіх рэвізораў 1591 г.) які вылучыў «8 пастулатаў», паводле якіх былі павінны будавацца адносіны адміністрацыі з мясцовым насельніцтвам. Аднак з-за зрыву сойму «пастулаты» не былі разгледжаны і прыняты.

Частка палітычнай эліты ВКЛ паспрабавала выкарыстаць палітычныя праблемы Жыгімонта Вазы для ўмацавання сваіх пазіцый у Інфлянтах і на Радзіме. Так, Трокскі і Вількамірскі павет даручылі сваім паслам дабівацца на вальным сойме 1598 г. таго, каб альтэрната ў замяшчэнні інфлянтскіх пасад трымалася больш жорстка. У яе парушэнні (перадачы пасад і маёмасці немцам) абвінавачваліся палякі, якіх нават прапаноўвалі за гэта караць насмерць, а ўласнасць перадаваць скарбу [28; 29]. Навагародскі ваяводскі соймік патрабаваў ад сваіх паслоў на сойм 1598 г.

каб ні палякі, ні прадстаўнікі ВКЛ не перадавалі іншаземцам маёмасць [30]. Так сама, па просьбах рыжан і дынаменцкага старасты Я. Астроўскага паслы павінны былі звярнуць увагу вальнага сойму на кепскі стан умацаванняў у Рызе і Дынаменце, акрамя таго прасіць кампенсаваць 2000 коп, патрачаных люцынскім старстам В. Скарбкам на рамонт мясцовага замка і ўзнагародзіць за заслугі былога ротмістра, інфлянтскага камісара — Г. Пельгрымоўскага [31], а Браслаўскі павет прасіў кампенсаваць Барысу (?) Жабе яго выдаткі на набыццё артылерыі для Дынабурга [32]. Шляхта Ашмянскага павета вясной 1598 г. запатрабавала ад кіраўніцтва Рэчы Паспалітай правесці новую люстрацыю і рэвізію маёмасці ў Інфлянтах (як у 1590 г.) і больш уважліва сачыць за размеркаваннем сродкаў з Рыжскага і Парнаўскага парторыя [33]. Сітуацыя ў Інфлянтах заставалася адной з вастрэйшых палітычных праблем для ВКЛ.

Соймавая пастанова 1598 г. пад назвай «Інфлянтская канстытуцыя» яшчэ больш наблізіла адміністратыўна-тэрытарыяльнае ўладкаванне Інфлянтаў да дзяржаўнай сістэмы Рэчы Паспалітай: «тры народы» былі ўраўнаны ў правах, рыжскі арцыбіскуп быў уведзены ў склад сената Рэчы Паспалітай [34, с. 172] Аднак да маёмасных аперацый на тэрыторыі Рэчы Паспалітай і альтэрнаты інфлянтцы не былі дапушчаны. Галоўнай прычынай пашырэння правоў інфлянтскіх феадалаў стала няўдалая барацьба Жыгімонта Вазы з лютэранскай апазіцый у Швецыі (1592—1600 гг.). Экспансіянісцкія планы шляхты Рэчы Паспалітай сутыкаліся з супраціўленнем мясцовага іншавернага і іншаэтнічнага насельніцтва, што стварала пагрозу ўнутранай стабільнасці на гэтых памежных землях.

Пад час вайны са Швецыяй (1600—1611 гг.) адбылася чарговае абвастрэнне канкурэнцыі паміж ВКЛ і Польшчай за прыярытэт у Інфлянтах. Геаграфічнае распалажэнне, палітычныя і эканамічныя сувязі спрыялі таму, што ВКЛ актыўна падтрымала барацьбу Жыгімонта Вазы супраць Карал Сундэрманландскага ў Інфлянтах. На працягу ўсяго канфлікта 1600—1609 гг. грамадзяне ВКЛ прызначалі свае падаткі на патрэбы правядзення баявых дзеянняў, што цалкам вычэрпвала дзяржаўны скарб ВКЛ і прымушала браць пазыкі у прыватных асоб [35].

Паколькі за увесь перыяд вайны 1600—1609 гг. у Рэчы Паспалітай не было ўхвалена ніводнага паспалітага рушання аснову асабовага складу ўзброеных сілаў, якія супрацьстаялі шведам у Інфлянтах складалі прыватныя почты феадалаў ВКЛ: Радзівілаў, Хадкевічаў, Кішкаў, Сапегаў, Зяновічаў, Ляцкіх і інш. [36; 37; 38]. Залогі (гарнізоны) замкаў складалі

прафесійныя драбы — наёмнікі з Шатландыі, Англіі, Польшчы, якіх аплочваў спачатку вялікакняскі, а затым каралеўскі скарб. Пры найме на службу ў Інфлянтах супраць Карла Сундэрманландскага ў 1600 г. польскія ротмістры гусарскіх і пешых рот атрымалі прыпаведныя лісты напісаныя у Варшаве па польску ад імя караля пісарамі ВКЛ Мацеем Войнам і Ярашам Валовічам запечатаныя вялікай пячаткай ВКЛ (для гусараў) і малой вялікакняскай пячаткай Жыгімонта Вазы (для пяхоты). Сам гэты факт, а так сама тое, што войскі атрымоўвалі аванс і амуніцыю ў віленскім скарбе, перапісваліся польным пісарам ВКЛ Юрыем Зяновічам і падпарадкоўваліся вялікаму гетману ВКЛ Крыштофу Радзівілу «Перуну» — сведчанне перавагі ВКЛ ў справах правінцыі, якое выразілася ва ўспрыняцці і дакументальным афармленні ўдзелу ў гэтай вайне як службу ВКЛ [39; 40; 41].

Для палітычнай эліты ВКЛ прынцыповым было самастойнае адстойванне Інфлянт. Так, Л. Сапега пасля перамогі пад Какенгаўзенам 23.06.1601 г. войска складзенага галоўным чынам з кліентаў і за кошт сродкаў «біржанскіх» Радзівілаў, раіў вялікаму гетману ВКЛ К. Радзівілу, каб той заняў як мага больш тэрыторыі Інфлянтаў да падыходу кароннага войска. Гэта дазволіла б пазбегнуць абвінавачванняў ад палякаў у слабасці, страце правінцыі, і забяспечала б прыярытэт ВКЛ пры пасляваенным уладкаванні Інфлянт [42]. Ураднікі ВКЛ памяталі сітуацыю ў канцы Інфлянцкай вайны 1577—1583 г. і імкнуліся пазбегнуць яе паўтарэння

Унікальнай з’явай, якая сведчыць аб высокай ступені закікаўленасці насельніцтва ВКЛ у вырашэнні канфлікта ў Інфлянтах сталі: дабраахвотнае выпраўленне вількамірскага і браслаўскага павятовых шляхецкіх апаўчэнняў 1600 і 1604 г., а так сама стварэнне, узбраенне і адпраўленне на тэатр баявых дзеянняў полацкіх і віцебскіх гараджан 1600—1603 гг. [43]. Акрамя таго, з Полацка, Вільні і Дзісны па Дзвіне даставілі пад Кокенгаўз артылерыю і «порахі» [44]. Увесну 1604 г. купцы «з Русі» здолелі сабраць дастатковую колькасць харчавання для забеспячэння дзеючай у Інфлянтах групоўкі войскаў. Тавар коштам каля 10000 злотых быў дастаўлены стругамі па Дзвіне да Рыгі ў памеры і своечасова, цалкам задаволіўшы патрэбы войска. [45]. У якасці разліку за пастаўку купцы атрымалі абяцанне пагасіць кошты ад дзяржаўнага скарба ВКЛ. [46]. Акрамя таго, на землях ВКЛ адбываліся зімовыя пастоі войска, якія забяспечвала харчаваннем і сродкамі насельніцтва мясцовых каралеўшчын, а таксама дзейнічалі Мінская, Гродзенская і Берасцейская канфе-

дэрацыя [47]. Практычна ўсе слаі насельніцтва ВКЛ закранула барацьба са шведамі за Інфлянты.

Польскае каралеўства толькі аднойчы восенню 1601—1602 гг. выставіла ў Інфлянты войска больш за ВКЛ (да 13000 разам з запарожскімі казакамі). Для забеспячэння зацікаўленнасці ўдзельнікам пахода на Інфлянты паабяцалі: казакам дараванне за Налівайкаўскі рэйд 1596 г., а шляхце ў Інфлянтах выплаціць грошы за вайну супраць Міхаіла Харобрага ў Валахіі 1600 г. Але гэтае войска, не здолела канчаткова перамагчы ворага. Ужо зімой 1601—1602 г. пачалося масавае дэзертырства, прымусовыя пастоі ў дзяржаўных і прыватных маёнтках, рабаўніцтва мірнага насельніцтва ВКЛ [48]. Спробы станаў ВКЛ дабіцца ад варшаўскага вальнага сойму 1603 г. выводу польскіх войскаў з пастояў на тэрыторыі ВКЛ, пакараць злачынцаў і атрымаць кампенсацыі стратаў панесеных ад палякаў і казакаў — прывялі да таго што гэты сойм быў сарваны і разышоўся без ухвал [49].

Землеўладанне прадстаўнікоў ВКЛ у Інфлянтах пастаянна павялічвалася. Гэтаму спрыялі не толькі соймавыя рашэнні аб пачарговасці замяшчэння вакансій і ўраўнанні ва ўласнасці з палякамі, але і большы ўдзел шляхты ВКЛ у вайне са Швецыяй (1600—1611 гг.). У пачатку 1602 г. інфлянцкія «здраднікі» былі аб'яўлены па-за законам, іх маёмасць перадавалася лаяльным мясцовым жыхарам і жаўнерам Рэчы Паспалітай як узнагарода за службу. Былі створаны адпаведныя праскрыпцыйныя спісы, у якія аказалася ўключана 2/3 нямецкіх інфлянтскіх феадалаў [5, с. 191] Заангажаванасць шляхты ВКЛ у ажыццяўленні знешняй палітыкі Рэчы Паспалітай спрыяла павелічэнню яе зямельнай уласнасці не толькі ў Інфлянтах, але і на тэрыторыі ВКЛ. Больш таго, яна атрымлівала рэгулярныя грашовыя выплаты (юргельды) з мясцовых прыбыткаў і падатковыя ільготы на Радзіме. Больш таго, працяглы ўдзел у палітычных, ваенных, эканамічных справах на тэрыторыі Інфлянтаў быў адным з фактараў перахода польскіх шляхцічаў у «грамадзянства»ВКЛ [50, с. 285, 563].

Пастаянная мэтанакіраваная цікаўнасць палітычнай эліты ВКЛ пытаннямі Інфлянтаў прывяла да таго, што з 90-х гадоў XVI ст. па 1621 г. Радзівілы, Сапегі, Хадкевічы, Войны, Тышкевічы ці асобы з імі звязаныя кліентальнымі, альбо сваяцкімі сувязямі (М. Ленек, П. Стаброўскі, М. Курч і інш.) замацаваліся ў найбольш важных гарадах і староствах (Рыга, Парнава, Дынабург, Дэрпт). Большасць новых уладальнікаў у Інфлянтах належала да сярэдняй і дробнай «служылай» шляхты [2]. Такім чынам, для

ВКЛ адначасова вырашаліся пытанні паляпшэння маёмаснага становішча феадалаў Рэчы Паспалітай, а насельніцтва Інфлянтаў уключалася ў сацыяльна-палітычную структуру і эканамічную сістэму ВКЛ.

Па канстытуцыі 1607 г. інфлянтская шляхта была нарэшце дапушчана да ўладанняў і пасад у сваім краі «як агульнай Рэчы Паспалітай грамадзяне», ім было дазволена карыстацца правамі і ажыццяўляць аперацыі з маемасцю на тэрыторыях ВКЛ і Польскай Кароны на тых жа правах, што і мясцовым жыхарам. Але становішча нямецкіх феадалаў у ВКЛ яшчэ заставалася хісткім. Напрыклад, ветэран войнаў С. Баторыя і Жыгімонта Вазы Петр Нонхарт атрымаў маёнтак Гасцінішкі [51, с. 168], Лаварышкі і Раконцішкі ў ВКЛ [52], але пасля «абвяшчэння дэкрэту на чужаземцаў» сандамірскімі ракашанамі ў ліпені 1607 г. быў вымушаны звярнуцца па абарону свайго жыцця і маёмасці да Крыштофа і Мікалая Крыштофа Радзівілаў [53]. Трэба адзначыць, што інфлянцкія немцы у XVII—XVIII ст. менавіта праз структуры ВКЛ, найбольш актыўна і паспяхова інтэграваліся у структуры Рэчы Паспалітай (Тызенгаўзы, Корфы, Плятэры).

Такім чынам, працэс інкарпарацыі Інфлянтаў у склад Рэчы Паспалітай праходзіў разам з барацьбой паміж ВКЛ і Польскім каралеўства за прыярытэтэтныя пазіцыі ў правінцыі. Увесь перыяд можна ўмоўна падзяліць на два перыяды: першы — з 1582 г. па 1598 г., другі — з 1598 па 1621 г. У час першага перыяду большасць тэрыторыі Інфлянтаў знаходзілася пад уладай прадстаўнікоў вайсковай адміністрацыі (складзенай галоўным чынам з польскіх кіраўнікоў гарнізонаў). Увесь гэты перыяд палітычныя эліты ВКЛ імкнуліся далучыць правінцыю, ці цалкам, ці хаця б частку, цалкам інтэграваўшы яе ў склад сваіх земляў. Пасля таго, як актыўнасць ВКЛ, на працягу амаль дзесяцігоддзя, сутыкалася з супраціўленнем польскіх ўраднікаў начале з Я. Замойскім, якія зрабілі немэтазгоднымі далейшыя парламенскія формы спрэчак, паслы ад ВКЛ перайшлі да пагрозаў разрыву уніі і вайны супраць Польскага каралеўства. Толькі гэта і падзейнічала, але замест інтэграцыі новых земляў ў ВКЛ, быў зроблены кампраміс — альтэрната літвінаў з палякамі і кандамініум. Фармальна атрымаўшыя роўныя правы з канкурэнтамі, у перыяд з 1598 г. па 1621 г. прадстаўнікі ВКЛ хуткімі тэмпамі нарошчвалі свае ўплывы і маёмасць у Інфлянтах. Тым больш, што пасля масавых канфіскацый маемасці інфлянтскіх «здраднікаў» у 1601—1603 гг. і 1605—1609 гг. была дасягнута колькасная перавага лаяльнай Рэчы Паспалітай

шляхты сярод землеўласнікаў у Інфлянтах. Больш таго, паколькі менавіта шляхта ВКЛ і лаяльныя немцы былі асноўнымі ўдзельнікамі вайны супраць шведскіх войскаў у 1600—1609 г. менавіта ім перайшла большая частка тэрыторыі правінцыі пасля яе заваршэння.

Калі рабіць папраўку на кароткатэрміновасць знаходжання Інфлянтаў у складзе Рэчы Паспалітай і залежнасць мясцовай сітуацыі ад знешнепалітычных, эканамічных і геаграфічных фактараў, выразна прасочваецца пастаянны інтарэс і паступовае нарастанне рэальнага ўплыву палітычнай эліты ВКЛ у Інфлянтах. Кандамініум і альтэрната на практыцы аказаўся фікцыяй. Не гледзячы на супраціўленне палітычнай эліты Польскага каралеўства, магнатэрыя ВКЛ правяла цьвердую, разнабаковую і паспяховую палітыка- эканамічную кампанію па падначаленні правінцыі.

Спіс літаратуры

1. Падалінскі, У. Праблема статусу Інфлянтаў у дачыненнях палітычных элітаў ВКЛ і Польшчы (1582—1586 гг.) / У. Падалінскі // Acta Albaruthenica. — t. 7: Literatura, język, Kultura / Red. naukowa M. Timoszuk i M. Chaustowicz. — Warszawa, 2007. — С. 356—365.

2. Якубаў, В.У. Палітыка Вялікага княства Літоўскага і Польскага каралеўства адносна тэрыторыі Інфлянтаў у 1582—1621 гадах / В.У. Якубаў // Веснік Полацкага дзяржаўнага універсітэта. Серыя А. Гуманітарныя навукі. — Полацк, 2007. — №7 — С. 21—31.

3. Kuntze, E. Organizacja Inflant w czasach polskich / E. Kuntze. — Gdynia: Wydawnictwo instytutu Bałtyckiego, 1939. — 53 s.

4. Тарвел, Э. Фолварок, пан и подданый: аграрные отношения в польских владениях на территории южной Эстонии в конце XVI — начале XVII вв. / Э. Тарвел. — Таллин: издательство АН ЭССР, 1964. — 350 с.

5. Herbst, S. Wojna inflancka 1600—1602 / S. Herbst. — Zabrze: Interfort, 2006. — 253 s.

6. Żródła dziejowe t. XXIV Część 1-sza. Polska XVI wieku pod wzgędem geograficzno-statystycznym / wydali J. Jakubowski, J. Kordzikowski. — Warszawa: skład głόwny w ksęgarni Gebethnera i Wolffa 1915. — T. XIII „Inflanty“— 360 s.

7. Нацыянальны Гістарычны Архіў Беларусі (НГАБ). КМФ — 18. — воп. 1. — адз. зах. 80. арк. 7. Прывілей Каспару Сакалоўскаму на трыманне Рэжыцы за ўдзел у вайне супраць Маскоўскай дзяржавы, 1589 г.

8. НГАБ. КМФ — 18. — Воп. 1. — адз. зах. 80. арк. 22. Прывілей Яну Замойскаму на трыманне Дэрптскай эканоміі, 1589 г.

9. НГАБ. КМФ – 18. – Воп. 1. – адз.зах. 80, арк. 74. Прывілей Лаўрэнцію Куклінскаму на ўладанні ў Ранебургскім дыстрыкце, 1590 г.

10. НГАБ. КМФ — 18. — Воп. 1. — адз.зах. 85, арк. 228. Прывілей Яну Раецкаму на тры вёскі ў Віленскм ваяводстве пажыццёва, 04.03.1603 г.

11. НГАБ. КМФ — 18. — Воп. 1. — адз.зах. 85, арк. 16, аб. — 17 аб. Прывілей Уладыславу Бекешу на староства Веліжскае па прадстаўленню Мікалая Сапегі за вайну ў дзедзічным каралеўстве Шведскім супроць Карлюса ад 19.11.1599 г.

12. НГАБ. КМФ — 18. — Воп. 1. — адз.зах. 85, арк. 251—253. Прывілей Яну Каралю Хадкевічу на дзяржаву Сейвы двор у Гарадзенскім павеце, дзяржавы Дуды і Лотва ў Ашмянскім павеце і Серуцкае каля Віцебска ад 12.12.1603 г.

13. НГАБ. КМФ — 18. — Воп. 1. — адз. зах. 85, арк. 426. Прывілей Шчаснаму (Феліксу) Невяроўскаму на трыманне Мерацкага, Лодзейскага, Сейсвейскага лесніцтваў за ўдзел у вайне проці непрыяцеля нашага Княжаці Судэрманскага, 20.04.1606 г.

14. Urzędnicy inflanccy XVI—XVII wieku. Spisy / Opracowali K. Mikulski, A. Rachuba. — Kórnik: Biblioteka Kórnicka, 1994. — 292 s.

15. Urżędnicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI—XVIIw. Spisy / Opracowali H. Lulewicz, A. Rachuba; pod red. A. Gąsiorowskiego. — Kórnik: Biblioteka Kórnicka, 1994. — 255 s.

16. Радаман, А. Соймікавая ўхвала шляхты браслаўскага павета ад 19 снежня 1600 г. у кантэксце вайны Рэчы Паспалітай Абодвух народаў са Швецыяй (1600—1629 гг.) / А. Радаман // Матэрыялы IV навукова-краязнаўчай канферэнцыі, прысвечанай 150 гадавіне з дня нараджэння браслаўскага лекара, грамадскага дзеяча Станіслава Нарбута (1853—2003 гг.) 7—8 мая 2003 г. Браслаў: 2003. — С. 80—88.

17. Российская Национальная библиотека ў Санкт Пецярбургу (РНБ). Фонд 974. — вопіс 2. — аўтограф 126. лісты 1—2. Інструкцыя Навагародскага ваяводства на сойм, 1601 г.

18. Natanson-Leski, J. Epoka Stefana Batorego w dziejach granicy wschodniej Rzeczypospolitej / J. Natanson-Leski // Rozprawy chistoryczne towarzystwa naukowego warszawskiego. — Warszawa: nakładem towarzystwa naukowego warszawskiego, 1930. — T. IX, Z. 2. — 166 s.

19. Ліст Я. Замойскага да А. Апалінскага жнівень 1582 // Archiwum Jana Zamojskiego, kanclerza i hetmana wielkiego Koronnego, T. 3, 1582—1584 // wydał J. Siemeński Warszawa, 1913. S. 472—473.

20. Архіў Галоўны Актаў Даўніх у Варшаве (AGAD). — AR (Архіў Радзівілаў) II. — № 167, s. 5. Інструкцыя дана пасольству літоўскаму на сойм канвакацыйны да Варшавы. Вільна, 31.01.1587 г.

21. Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego / opracował H. Lulewicz. — Warszawa: wydawnictwo Neriton. Instytut Historii, 2006. — t.1 — 437 s.

22. Scriptores Rerum Polonicarum / wyd. Dr. A. Sokołowski. — Kraków: członkami drukarni Uniwersytetu Jaggelońskiego, 1887. — T. XI: Dyaryusze Sejmowe roku 1587. Sejm konwakacyjny i elekcyjny. — 269 s.

23. Wisner, H. Żygimont III Waza / H. Wisner. — Wroclaw—Warszawa—Kraków: Zakład Narodowy imenia Ossolińskich, 1991. — 264 s.

24. РНБ. — Фонд 974. — вопіс 2. — Авт 321/1. № 15. Універсал аб пасылцы Яна Высоцкага ротмістра і Лаўрэнція Вянгерскага прадстаўнікамі ад Лівонскай зямлі ў Рыгу з пратэстацыяй супраць магчымага падзела Лівоніі, 8.06.1588 г., Вендэн.

25. Volumina legum: w 9 t. / przedruk zbioru praw staraniem xx. pijarow w Warszawe, od roku 1732 do roku 1782, wydanego. — St. Petersburg: Drukarnia J. Ohryzki, 1859. — T. II: Ab anno 1550 ad annum 1609. — 472 s.

26. Kronika Pawła Piasekiego biskupa przemyślskiego. — Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagełłońskiego, 1870. — 457 [86] s.

27. Летопись Ниенштедта / Ф. Ниенштедт //Сборникъ материалов и статей по истории Прибалтийского края. — Рига: Типография А. І. Липинского, 1883. — Т. IV. — С. 7—124.

28. AGAD. — Rkps. AR. Dz. V. — № 380. Інструкцыя Трокскага павету панам паслам нашым Б. Стравінскаму і Т. Ляцкаму, 02.03.1593 г.

29. AGAD. — Rkps. AR. Dz. V. — № 402. Намовы панам паслам сойміку Вількамірскага, 1598 г.

30. AGAD. — Rkps. AR. Dz. II. — № 373. Інструкцыя (даручэнне) паслам Наваградскага ваяводства, 21.01.1598 г.

31. AGAD. — Rkps. AR. Dz. V. — № 370. Інструкцыя Наваградскага ваяводства, 19.01.1598 г.

32. AGAD. — Rkps. AR. Dz. II. — № 400. Пункты Браслаўскага павета, снежань 1598 г.

33. AGAD. — Rkps. AR. Dz. II. — № 371. Інструкцыя Ашмянскага павета паслам Г. Пельгрымоўскаму і Я. Корсаку, 02.05.1598 г.

34. Kaczmarczyk, Z. Historia państwa i prawa Polski / Z. Kaczmarczyk, B. Liesnodorski. — Warszawa: Polskie Wydawnictwo Naukowe, 1966. — 820 s.

35. РНБ. — Фонд 974. — вопіс 2. — Авт. 63/2. № 38. Верыфікацыя лічбы каторыя чыніў Яраш Валовіч у Варшаве на сойме, 30.03.1613 г.

36. РНБ. — Фонд 974. — вопіс 2. — Авт. 321/1. № 95. Спіс войска пад Кагенгаўзам, 27 мая 1601 г.

37. РНБ. — Фонд 974. — вопіс 2. — Авт. 321/1. № 72. Спіс атрымаўшых грошы на службу ў Інфлянтах супраць Карла зроблены пісарам польным Юрыем Зяновічам для Крыштофа Радзівіла, 1600 г.

38. Архіў і збор рукапісаў (Biblioteka książąt Czartoryskich w Krakowie. Archiwum i Zbiór Rękopisów (BCz. Rkps.). — Фонд 103. — № 259, s. 1133. Лічба ЯМці пана падскарбія Я. Валовіча падаткаў ВКЛ 1607 г. рэштай па сойме Варшаўскім, 1606 г.

39. РНБ. — Фонд 974. — вопіс 2. — Авт. 63/1. № 6. Прыпаведны ліст п. Яну Гратусу графу з Тарнава на 100 коні гусарскіх, 20. 06.1600, Варшава.

40. РНБ. — Фонд 974. — вопіс 2. — Авт. 63/1. № 7. Прыпаведны ліст п. Яну Бучацкаму з Бучача на 100 коні гусарскіх, 20. 06.1600, Варшава.

41. РНБ. — Фонд 974. — вопіс 2. — Авт. 63/1. № 11. Прыпаведны ліст п. Андрэю Озмееўскаму на 100 пешых, 30. 04.1600, Варшава.

42. Ліст Л. Сапегі да К. Радзівіла ад 13.07.1601 г. Гародня // Archiwum domu Radzłwiłłów. — wyd. Sokolowski. — Kraków: drukarnia W. Anczyca i Spolki, 1885. — S. 228.

43. AGAD. — Rkps. AR Dz. IV. — sygn. 294, с. 34. Ліст К. Радзівіла да Я. Радзівіла ад 20.05.1601 з Ракішак.

44. Ліст Я. Замойскага да К. Радзівіла ад 25.05.1601 з Замойсця // Archiwum domu Radzłwiłłów. — wyd. Sokolowski. — Kraków: drukarnia W. Anczyca i Spolki, 1885. — S. 160.

45. BCz. — Rkps. 99. — № 213. Ліст Я. К. Хадкевіча да Жыгімонта Вазы ад 10.04.1604 з Рыгі.

46. BCz. — Rkps. 99. — № 216. Ліст Я. К. Хадкевіча да Жыгімонта Вазы ад 28.04.1604 з Рыгі.

47. Якубаў, В.У. Першыя канфедэрацыі войска Вялікага Княства Літоўскага і іх уплыў на сітуацыю ў Вялікім княстве Літоўскім у 1604—1608 гадах / В.У. Якубаў // Веснік Полацкага дзяржаўнага універсітэта. Серыя A. Гуманітарныя навукі. — Полацк, 2008. — № 7 — С. 34—44.

48. BCz. — Rkps. 99. — № 69. Інструкцыя дэпутатам Навагародска ваяводства ад 13.12.1602 г. // Архіў князёў Чартарыйскіх у Кракаве.

49. НГАБ. — КМФ — 18. — Воп. 1. — адз.зах. 288. ч. 8, арк. 389. Пратэстацыя паслоў ВКЛ проці постанаўлення сойма Кракаўскага, для не дання жаўнераў польскіх у крыўды і шкоды ў Літве пачынёныя, 06.03.1603 г., Кракаў.

50. Niesiecki, K. Herbarz polski: w IX t. / K. Niesiecki. — wydany przez J. Nep. Bobrowicza. — Lipsk: nakladem i drukem Breitkopfa i Haertela, 1841. — T. VI: L—N. — 588 s.

51. Uruski, S. Rodzina herbarz szliahty polskiej / S. Uruski, A. Kosiński, A. Włodarski. — Warszawa: skład główny Gebethnera i Wolffa, 1915. — T. XII. — 382.

52. НГАБ. — КМФ — 18. — Воп. 1. — адз.зах. 85. арк. 277 аб. Прывілей Пятру Нонхарту, старасце гельмецкаму на дзяржавы Раконцішкі і Лаварышкі пасля смерці К. Радзівіла, 1603 г.

53. AGAD. — Rkps.AR. Dz.IV. — 297, №57. Ліст К. Радзівіла да М.К. Радзівіла ад 08.06.1607 г., Вільня.

Дземідовіч А.В.

АДНОСІНЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА СА ШВЕДСКІМ КАРАЛЕЎСТВАМ У КАНЦЫ XVI – ПАЧАТКУ XVII ст. У СВЯТЛЕ РАШЭННЯЎ ЛЮБЛІНСКАГА СОЙМУ 1569 г.

XVI ст. сталася часам багатым на гістарычныя падзеі, якія мелі лёсавызначальнае значэнне для краін усходнееўрапейскага рэгіёну. Знамянальным у гэтым плане бачыцца заключэнне Люблінскай уніі паміж Вялікім княствам Літоўскім і Каралеўствам Польскім. Шэраг абставін (Лівонская вайна, змены ва ўнутрыпалітычным развіцці ВКЛ і інш.) садзейнічаў таму, каб у другой палове XVI ст. дзве дзяржавы, маючы амаль двухсотгадовы вопыт агульнага суіснавання на падставе персанальнай уніі, канчаткова зацвердзілі сваё аб’яднанне дзяржаўна-палітычнай уніяй.

Згодна Люблінскаму акту ўсе саюзы, пагадненні, мірныя дамовы з іншымі народамі, а таксама выпраўленне ўсялякіх пасольстваў у іншыя дзяржавы па важным справам, павінны былі ў наступным ажыццяўляцца не інакш як з ведама і па дазволу прадстаўнікоў абодвух народаў [1, с. 726—727]. Гэта значыць сфера знешняй палітыкі адыходзіла выключна да кампетэнцыі Рэчы Паспалітай.

Такім чынам, утварэннем Рэчы Паспалітай адкрыўся перыяд новых узаемаадносін ВКЛ і Польшчы. З гэтага часу, можна сцвярджаць, што любое дзеянне, любая з’ява ў гістарычным развіцці беларуска-літоўскай дзяржавы ў будучыя стагоддзі непазбежна ўспрымалася праз прызму Люблінскай уніі і яе наступстваў.

Але гістарычныя рэаліі, якія адлюстраваліся ва ўсіх аспектах дзяржаўна-палітычнага жыцця Рэчы Паспалітай даюць усе падставы зрабіць выснову, што фактычна, здаецца непазбежна рэалізуемы вынік, не быў цалкам, а часам і ў поўнай меры здзейснены.

Дастаткова выразна супярэчылі пастановам Люблінскай уніі адносіны паміж ВКЛ і Польшчай ужо ў перыяды бескаралеўяў. якія дэманстравалі імкненні частак федэрацыі забяспечыць уласныя інтарэсы, тым самым падкрэсліваючы іх рознасць.

Так падчас трэцяга бескаралеўя 1586—1587 шляхецтва Рэчы Паспалітай адносна выбара кандыдата на прастол падзялілася на тры партыі. Частка каронннай шляхты на чале з канцлерам Янам Замойскім высту-

пала за шведскага каралевіча Жыгімонта Вазу — адзінага нашчадка Ягайлавічаў па жаночай лініі. Партыі, якая групавалася вакол Збароўскіх, імпанавала кандыдатура аўстрыйскага эрцгерцага Максімільяна, брата імператара Рудольфа ІІ. Магнацтва ВКЛ, у сваёй большасці, арыентавалася на Расію і прытрымлівася жадання мець гаспадаром Фёдара Іванавіча. Зразумела, што такі расклад стварaў напружаную сітуацыю ў краіне, а ад выбару будучага манарха залежыла адпаведнае змяшчэнне акцэнтаў на міжнароднай арэне, што ў сваю чаргу абумоўлівала markлівала рознае стаўленне прадстаўнікоў Кароны і Княства да дадзенага пытання.

Абяцанне шведскіх паслоў, што ў выпадку выбрання іх кандыдата на прастол Рэчы Паспалітай да апошняй будзе далучана Паўночная Эстонія, а таксама ваяўнічая пазіцыя Швецыі ў адносінах да Масквы з'яўляліся дастаткова істотнымі фактарамі, якія абумоўлівалі актыўную падтрымку польскай шляхтай Жыгімонта Вазы.

Нежаданне ВКЛ быць уцягнутым у ваенны канфлікт у выпадку абрання Вазы, як прамым шляхам — бо, як меркавалі, «кароль Швецыі... спустошыць і разрабуе маскоўскія землі...» [2, с. 125], так і ўскосным — Масква не хавала свайго негатыўнага стаўлення да шведскай кандыдатуры на рэчпаспалітаўскі прастол, часткова абумоўлівала першапачатковыя негатыўныя адносіны ліцвінаў да шведскага каралевіча.

Увогуле, у гэты час Княства адчувала сябе як асобная дзяржава: не прымала ўдзелу ў супольных соймах, а вяло з польскім бокам перамовы праз сваіх прадстаўнікоў, утварала свае соймы і пагражала абвясціць унію разарванай і дзейнічаць зусім незалежна [3, с. 226].

Княства не прызнала выбараў ні Жыгімонта Вазы (19 жніўня 1587), ні Максімільяна (22 жніўня) і абвесціла аб гэтым асобным універсалам [3, с. 226]. Скліканы ў кастрычніку ў Вільні з'езд паноў-рады і шляхты прызнаў, што выбарамі двух каралёў парушана унія. У лістах да палякаў ВКЛ патрабавала захавання уніі, і калі яны карануюць новага караля без згоды Княства, «тогды бы то все противо звязку унии и присежене свое чинили, зачим бы ламане прав и вольностей наших было, до чого нижли быхмо мели дочекать, мели бысмо маентностей своих позбыть» [4, с. 371]. У лісце да абодвух каралёў было пастаўлена патрабаванне, каб ні адзін з іх не прыязджаў у Польшчу, а калі прыедзе, «то абы се короновать не дал без позволения обывателей ВКЛ» [4, с. 370]. З'езд у лістападзе 1587 г. абраў пасольства да прэтэндэнтаў на прастол з умовамі іх абрання (вяртанне ВКЛ Лівоніі, зацвярджэнне Статута) [5, с. 31].

28 студзеня 1588 г. Жыгімонт Ваза на нарадзе з каронньмі сенатарамі прыняў умовы ВКЛ і прынёс прысягу Княству.

«Шведскае пытанне», якое прыйшло ў Рэч Паспалітую разам з Жыгімонтам III, з'яўляецца выдатным прыкладам супярэчнасцей інтарэсаў ВКЛ і Польшчы ў сферы знешняй палітыкі .

Жыгімонт III, кароль польскі і вялікі князь літоўскі, у 1592 г. пасля смерці свайго бацькі шведскага караля Юхана III Вазы, згодна з Вестэроскім законам аб спадчынасці трона, становіцца каралём Швецыі. Такім чынам, узнікае персанальная унія паміж Рэччу Паспалітай і Швецыяй, якую ўзначаліў кароль-каталік. Заўважым, што на той час для Швецыі была дастаткова актуальнай рэлігійная праблема. Супярэчнасці, якія існавалі паміж рознымі рэлігійнымі плынямі — евангелістска-лютэранскаму пратэстантызму супрацьстаялі кальвінізм і каталіцызм — мелі перспектыву надзвычай абвастрыцца пасля таго, як на прастоле апынуўся манарх каталіцкага веравызнання, які да таго ж з'яўляўся галоўным прадстаўніком антырэфарматарскіх сіл у Паўночнай Еўропе.

Становішча новага караля ў Стакгольме, куды ён прыбыў у верасні 1593 г. ускладнялася прад'яўленым яму ультыматумам з боку вядучых царкоўных дзеячаў і палітыкаў на чале з Карлам Судэрманскім. Ад Жыгімонта патрабавалася прызнаць рашэнні Упсальскага сабору, на якім было прынята Аўгсбургскае веравызнанне, што азначала прызнанне евангелістска-лютэранскага вучэння дзяржаўнай рэлігіяй. Жыгімонт быў вымушаны згадзіцца з патрабаваннямі шведскіх станаў, абяцаючы, што не будзе прызначаць на дзяржаўныя пасады каталікоў, не будзе засноўваць езуіцкіх школ, парушаць законаў краіны і прывілеяў падданых [6, с. 121]. Толькі пасля гэтага шведы прысягнулі Жыгімонту III Вазу, і адбылася яго каранацыя.

Восенню 1593 г. Жыгімонт вярнуўся ў Рэч Паспалітую. У яго адсутнасць кіраванне Швецыяй ускладвалася на герцага Карла і савет. У хуткім часе Карл, насуперак забаронам Жыгімонта III склікае ў 1595 г. рэйхстаг, які надзяляе яго паўнамоцтвамі кіраваць дзяржавай.

У выніку барацьбы за ўладу Жыгімонт III быў дэтранізаваны ў 1599 г. Адзінаўладным кіраўніком краіны стаў Карл Судэрманскі, які ў 1604 г. быў абвешчаны каралём Швецыі.

Такое разгортванне падзей азначала, што Швецыя стала ворагам Рэчы Паспалітай. Жаданне Жыгімонта III вярнуць шведскую карону і кантраляваць Інфлянты паклалі пачатак доўгатэрміноваму ваеннаму

канфлікту паміж краінамі, які пачаўся ў 1600 г. Фармальнай падставай вайны стала ўключэнне Жыгімонтам III Паўночнай Эстоніі (Эстляндыі) ў склад Рэчы Паспалітай. Асноўны цяжар вайны давялося зведаць Вялікаму княству Літоўскаму — адной з частак федэратыўнай дзяржавы, бо для шляхты кароннай гэта праблема была аддаленай, якую яна з задавальненнем спіхвала на плечы ліцвінаў [7, s. 33—34].

Вайна 1600—1611 гг была паспяховай для ліцвінскага боку. 23 чэрвеня 1601 г. вялікі гетман Крыштоф Радзівіл нанёс паражэнне шведскаму войску пад Кокенгаўзенам, у ліпені таго ж году ім быў узяты Вендэн [8, с. 46].

Намер Карла IX авалодаць Рыгай у 1605 г. быў стрыманы дзеяннямі Яна Хадкевіча, які ў 1605 г. атрымаў гетманскую булаву. 27 верасня 1605 г. каля вёскі Кірхгольм, у 13 км ад Рыгі, адбылася бітва, у якой войскі Хадкевіча (прыкладна 4350 чалавек) разбілі амаль у тры разы большыя сілы ворага. У выніку бліскучай перамогі пад Кірхгольмам, шведская армія страціла агульнай колькасцю 9000 чалавек [9, s. 113].

У 1611 г. паміж Рэччу Паспалітай і Швецыяй быў падпісаны мірны дагавор, адпаведна якому спыняліся ваенныя дзеянні. Заўважым, што гэтаму спрыяў сам час: распачатая вайна Швецыі з Даніяй і смерць Карла IX паставілі скандынаўскаую краіну ў складанае становішча.

Карл IX пакінуў свайму сыну і пераемніку Густаву II Адольфу ў спадчыну шэраг войн. У адной з іх, у барацьбе за Балтыку з Рэччу Паспалітай, да развязкі было яшчэ далёка: Эстляндыя знаходзілася пад уладай шведаў, Рэч Паспалітая валодала Лівоніяй. Аднак, скончыўшы вайну з Даніяй, Густаў II Адольф у 1617 г. пачынае новае супрацьстаянне з Рэччу Паспалітай. Кульмінацыйным момантам тэрытарыяльнай шведскай экспансіі з'явіўся захоп г. Парнаў, а таксама замка Саліс. У хуткім часе ўзбярэжжа ад Саліса да Парнава апынулася ў руках Швецыі. Выключэннем з'явілася Рыга.

Заняцце Дыкемунту войскамі Рэчы Паспалітай завершыла вайну. Вынікам было не толькі вяртанне захопленых шведамі зямель і замкаў (за выключэннем Парнава), але таксама і апанаванне часткі Курляндыі.

Падчас вайны 1617—1618 гг. праявіліся супярэчнасці ў поглядах на знешнепалітычныя справы між цэнтральнай уладай і польным гетманам Вялікага княства Літоўскага Крыштофам Радзівілам. Увогуле, Жыгімонт III быў рашуча супраць паглынання Рэччу Паспалітай часткі

Курляндыі, у той жа час Радзівіл з'яўляўся прыхільнікам актыўных вайсковых дзеянняў з мэтай вяртання Парнава і заняцця Эстоніі. Хісткая пазіцыя Жыгімонта ў справе Парнава (спачатку жаданне вярнуць, потым адмова ад гэтага) часткова тлумачыцца складанай міжнароднай сітуацыяй: пагрозай Турцыі і Крымскага ханства.

Абвастрала сітуацыю між манархам і ўплывовым ліцвінскім магнатам прыватнае пытанне: забеспячэнне Біржаў — уладанняў Радзівілаў. «Радзівілы дастаткова заможныя людзі, каб здзейсніць гэта ўласным коштам», — лічыў Жыгімонт [10, s. 27].

У лістападзе 1618 г. было заключана перамір'е да 1620 г. з умовай двум бакам устрымацца ад усялякіх варожых крокаў і сумесна выступаць супраць таго, хто б хацеў гэтае перамір'е парушыць [10, s. 31]. К. Радзівіл выступіў супраць дагавора, так як апошні не вяртаў Рэчы Паспалітай Парнава (пытанне аб якім, дарэчы, так і засталося спрэчным), але быў вымушаны пагадзіцца з сітуацыяй.

«Двухгадовае перамір'е паміж Швецыяй і Польшчай не было ні мірам, ні вайной. Не спыняліся асобныя сутычкі, абодва бакі рыхтаваліся да новай вайны», — адзначае Форстен [8, с. 162].

У верасні 1621 г. Густаў II Адольф авалодаў Рыгай і вусцем Дзвіны, што мела негатыўныя наступствы непасрэдна для Вялікага княства Літоўскага. Мітава, сталіца Курляндыі, здалася ўвогуле без супраціву: яе аблога цягнулася толькі адзін дзень.

10 жніўня 1622 г. у Мітаве (якая, дарэчы, вясной 1622 была адваявана ў шведаў) Крыштоф Радзівіл падпісаў пагадненне аб перамір'і, згодна з якім Рыга і мытныя даходы ад гандлі ВКЛ з балтыйскімі краінамі і Еўропай дасталіся Швецыі [11, с. 71]. Варта адзначыць, што падчас перамоў шведы прапаноўвалі К. Радзівілу заключыць сепаратнае перамір'е толькі паміж Вялікім княствам Літоўскім і Швецыяй, аднак польны гетман рашуча адхіліў гэтую прапанову, падкрэсліўшы, што гэта супярэчыць пастановам Люблінскай уніі [12, s. 45]. Жыгімонтам III былі высланы ўпаўнаважаныя, якія павінны былі кантраляваць ход перамоў. Аднак Радзівіл самастойна заключыў перамір'е ад імя Рэчы Паспалітай, што выклікала абурэнне і гнеў Жыгімонта III. Кароль пісаў Радзівілу, што ён абражаны такім учынкам і перамір'я не прызнае. Апошняе падцвярджаецца лістом манарха да прымаса Гембіцкага датаванага 25 лістапада 1622 : «Мы да тых умоў праз гетмана польнага асабіста заключаных не ёсць абавязаны...» [13, s. 70]. Імкненне Радзівіла апраўдаць свае

дзеянні і даказаць, што перамір'е нічым не шкодзіць ні каралю, ні Рэчы Паспалітай былі безвыніковымі.

Напэўна мае рацыю Збігнеў Войцык, які разглядае канфлікт паміж каралём і гетманам польным літоўскім як сведчанне розных поглядаў Кароны і Вялікага княства Літоўскага адносна важнейшых пытанняў, якія ім даводзілася сумесна вырашаць [14, s. 59—60].

ВКЛ стамілася ад вайны. Радзівіл адкрыта заяўляў Жыгімонту Ш пра неабходнасць адмовіцца ад правоў на шведскую карону [15, s. 19]. Не падтрымалі планаў караля адносна вайны са Швецыяй і вальныя соймы 1624 і 1625 гг., на рашэнні якіх істотна паўплывала пазіцыя менавіта К. Радзівіла [16, s. 53].

У 1625 г. шведы аднавілі наступ на рэшткі Інфлянтаў і Жамойць. Быў абложаны Дэрпт, захоплены Какенгаўзен і Біржы. Падзеі сярэдзіны 20-х гг XVII ст. зноў абвастрылі адносіны паміж Каралеўствам Польскім і Вялікім княствам Літоўскім, стварылі глебу для палітычнага канфлікту двух частак Рэчы Паспалітай. У сакавіку 1626 г. Леў Сапега, без ведама і згоды Жыгімонта III, падпісаў перамір'е са шведамі аб спыненні ваенных дзеянняў тэрмінам ад 15 сакавіка 1626 г. да 15 чэрвеня таго ж года, гетман ВКЛ атрымаў папераджэнне ад манарха «... каб падобных дамоваў без выразнага дазволу нашага заключаць і вырашаць у далейшым не адважваўся» [12, s. 49].

Аднак, у наступным годзе 19 студзеня на Інфлянцкім памежжы, у Балдэнмойжа дэлегацыя ў складзе вендэнскага палкоўніка Мікалая Корфа, старасты наваградскага Вальтэра Плетэмберга, падкаморага дорпцкага Гедэона Раецкага, а таксама харунжага смаленскага Марціна Карлінскага заключыла дамову ад імя ВКЛ са шведскім бокам, прадстаўленым Якубам дэ ла Гардзі і Густавам Горнам [17, s. 271]. Умовы былі наступныя: спыняліся ваенныя дзеянні паміж Княствам і Швецыяй; шведскія войскі павінны былі вызваліць Біржы, а ліцвіны перадаць ім Ляўдану; прадугледжваўся вольны гандаль і абмен палоннымі [17, s. 271—272]. Істотным быў пункт аб тым, што абодва бакі павінны будуць старацца схіліць сваіх манархаў да канчатковага завяршэння вайны.

Учынак, здзейснены па ініцыятыве эліты ВКЛ выклікаў моцны рэзананс сярод шляхты каронnай, нехарактэрны дагэтуль (папярэднія аднаасобныя перамір'і інтэрпрэтаваліся як лакальнае заканчэнне вайны, Балдэнмойжскае ж пагадненне было ўспрынята як уласна дагавор паміж Вялікім княствам Літоўскім і Швецыяй). Агульны настрой выказаны

ў лісце кракаўскага кашталяна Ю. Збараскага да ліцвінскіх магнатаў ад 28 лютага 1627 г.: «Пахне гэта вельмі парушэннем саюзу, у якім знаходзіцца Карона з Княствам» [17, s. 273]. Польская шляхта звярнулася да Сапегі з пытаннем, «хто даў яму ўладу належную толькі Рэчы Паспалітай» [11, с. 73].

Рэакцыя Жыгімонта III была чаканай і прадказальнай. «Без волі і ведама нашага тая дамова здзейснена [12 s. 50]; такі ўчынак мае ў сабе пачаткі шкоднага падзелу; «дамова, падпісаная без ведама караля, ёсць нарушэнне яго ўлады» [17, s. 273]. Такія выказванні, аднак, не пазбаўлялі юрыдычнай моцы дамову і не адмаўлялі ліцвінскім сенатарам у праве выступіць толькі ад імя ВКЛ пры ажыццяўленні такой дыпламатычнай акцыі.

Але наўрадці можна расцэньваць дзеянні эліты ВКЛ як праявы выразнага сепаратызму ці партыкулярызму (маючы на ўвазе класічныя значэнні гэтых слоў) Княства. Адмова Радзівіла заключыць асобнае перамір'е ад імя ВКЛ у 1622 г., незасакрэчанасць вялікакняжацка-шведскай дыпламатычнай перапіскі на пачатку 20-х гг. [12, s. 118] здымаюць падобныя падазрэнні з ліцвінаў. Крокі па заключэнню сепаратных дамоваў са Швецыяй тлумачацца разуменнем элітай ВКЛ выключнай немэтазгоднасці працягу вайны. Ваенныя няўдачы, непасільныя падаткі, паралізаваны гандаль праз Рыгу — акалічнасці дастатковыя для таго каб у імя міру адмовіцца ад барацьбы, стаўка якой была дастаткова важнай — Dominium Maris Baltici.

26 верасня 1629 г. Жыгімонт III, не без націска палітычнай эліты ВКЛ, ідзе на пагадненне са Швецыяй. Адпаведна Альтмарскай дамове ўсе парты, за выключэннем Каралеўца, Гданьска і Пуцка, і ўсе Інфлянты да Заходняй Дзвіны адыходзілі да Швецыі. Дзяржаўная мяжа паміж Шведскім каралеўствам і ВКЛ прайшла па поўдні сучаснай Латвіі, пакідаючы ў складзе ВКЛ Латгалію.

Такім чынам, Люблінская унія не магла гарантаваць узгодненасці дзеянняў ВКЛ і Кароны Польскай. Калі справа датычылася ўласнай небяспекі і аховы сваіх інтарэсаў, кожная з дзяржаў прытрымлівалася пазіцыі, якая забяспечвала іх захаванне. Тым самым адзінства народаў, рашэнні, прынятыя агульным соймам, сумесная знешняя палітыка, прадугледжаныя уніяй, часта заставаліся не больш як пастановы на паперы, якім не суджана было ўвасобіцца ў дзяржаўна-палітычную практыку.

Спіс літаратуры

1. Дневник Люблинского сейма 1569 года: соединение Великого княжества Литовского с Королевством Польским / изд. М. Коялович. — СПб.: Печатня В. Головина, 1869. — 786 с.

2. Флоря, Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. / Б.Н. Флоря. — М: Издательство «Наука», 1973. — 221 с.

3. Дружчыц, В. Палажэнне Літоўска-Беларускай дзяржавы пасля Люблінскай вуніі / В. Дружчыц // Працы Беларускага дзяржаўнага універсітэту ў Менску. — 1925. — № 6—7. — С. 216—251.

4. Лаппо, И.И. Постановление трех виленских съездов 1587 года / И.И. Лаппо // Сборник статей, посвященных С.Ф. Платонову. — СПб.: Тип. Упр. уделов, 1911. — С. 361—374.

5. Лаппо, И.И. К вопросу об утверждении Литовского Статута / И.И. Лаппо. — Юрьев, 1914. — 43 с.

6. Жукович, П.Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.) / П.Н. Жукович. — СПб.: Тип. Гл. Управления уделов, 1901. — 608 с.

7. Wisner, H. Wojna Inflancka 1625—1629 / H. Wisner // Studia i materiały do historii wojskowości. — 1970. — T. 16, cz. I. — S. 27—94.

8. Форстен, Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648): в II т. / Г.В. Форстен. — СПб: Типография В.С. Балашева и К°, 1894. Т. II: Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом (30-летняя война). — 632 с.

9. Wisner, H. Kircholm 1605 / H. Wisner. — Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1987. — 150 s.

10. Wisner, H. Kampania Inflancka Krzysztofa Radziwiłła w latach 1617—1618 / H. Wisner // Zapiski historyczne poświęcone historii Pomorza i krajów Bałtyckich. — 1970. — T. XXXV, z. I. — S. 9—35.

11. Катлярчук, А. Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў / А. Катлярчук. — Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2007. — 328 с.

12. Historia dyplomacji polskiej (polowa X—XX w.): w V t. / pod red. G. Labudy. — Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1982—1999. — T. II: (1572—1795) / Z. Wojcik. — 1982. — 775 s.

13. Wisner, H. Król i książę. Konflikt między Zygmuntem III Wazą i Krzysztofem Radziwiłłem / H. Wisner // Rocznik Białostocki. — 1972. — T. 11. — S. 53—100.

14. Wojcik, Z. Tendencje separatystyczne w Wielkim Księstwie Litewskim w XVII wieku / Z. Wojcik // Belarus, Lithuania, Poland, Ukraine. The foundations of historical and cultural traditions in East Central Europe: international conference, Rome, 28 April — 6 May 1990 / Inst. of East Central Europe, Found John Paul II; ed.: S. Kloczowski, J. Pelenski, M. Radwan. — Lublin; Rome, 1994. — S. 58—68.

15. Augustyniak, U. Dwór i klientela Krzysztofa Radziwiłła (1585—1640). Mechanizmy patronaty / U. Augustyniak. — Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 2001. — 386 s.

16. Wisner, H. Najjaśniejsza Rzeczpospolita. Szkice z dziejow Polski szlacheckiej XVI—XVII wieku / H. Wisner. — Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1978. — 286 s.

17. Wisner, H. Rozejm w Baldenmojzie (1627) / H. Wisner // Lietuva ir jos Kaimynai. Nuo normanų iki Napoleono: straipsniu rinkinys / Vilniaus universitetas; vyr. red. I. Valikonyte. — Vilnius, 2001. — S. 266—277.

Казаков Л.Ю.

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ НА РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII в.

XVI – начало XVII века следует назвать поворотным временем в истории белорусской экономики. Именно в это время на территории Великого княжества Литовского сформировалась новая система организации сельского хозяйства – фольварково-панщинная система. Про ее эффективность свидетельствует тот факт, что она сохранилась в несколько видоизмененном виде в некоторых метах на территории Беларуси до конца XIX – начала XX века. Следует отметить, что процессы становления новой системы землепользования следует рассматривать в контексте общеевропейских экономических процессов. В данной работе хотелось бы рассмотреть влияние торговли земель Великого княжества Литовского со странами Европы на экономические процессы внутри государства, в частности состояние и динамику развития сельского хозяйства беларуских земель в контексте экономических процессов в странах Западной Европы.

XVI век стал периодом формирования европейского рынка. Это было обусловлено многими факторами. Среди них хотелось бы отметить фактор технического прогресса, который получил свое отражение в транспортной сфере. Новые разработки позволяли строить грузовые корабли грузоподъемностью до 1000 тонн. Это понижало расходы на транспортировку товаров, что в свою очередь благотворно влияло на развитие внешней торговли и формированию единого рынка стран Европы.

Не осталось в стороне от экономических процессов в странах Европы и Великое княжество Литовское. Следует отметить, что выход экономики Великого княжества на европейский рынок происходило в основном в области сельского хозяйства, в частности экспорта зерна. На западе беларуских земель находились развитые речные торговые пути: Неманский и Бугский, которые вели к Балтийскому морю, где, в свою очередь разместились основные торговые пункты: Рига, Крулевец (Калининград), Стокгольм и Гданьск. Именно эти речные пути к XVI веку стали торговыми магистралями первостепенной важности для экспорта

зерна в страны Европы. Перспективным торговым путем был путь по Западной Двине, который напрямую связывал северные и северо-восточные земли Великого княжества литовского с Ригой — известным центром международной торговли. Однако нестабильное политическое положение данных территорий во второй половине XVI века в том числе и начавшаяся Ливонская война затормозила развитие данного региона в целом и торгового пути в частности. Днепровский же водный путь служил в основном для импорта и транзита товаров с Востока.

Папский нунций Комендоне в своем письме свидетельствует про состояние торговли на землях Великого княжества Литовского и Речи Посполитой: «В последние годы хлеборобство развивается на берегах Вислы и других рек, которые впадают в Балтийское море, зерно спускают до Гданьска — порта польского короля, а дальше оно доходит до Голландии, а временами и до Португалии. В то же время вторая часть королевства, то есть Подолье, Русь, Волынь и часть Литвы, которые могли бы быть значительно более урожайными, остаются большей частью неиспользованными из-за того, что люди засевают их зерном ровно настолько, чтобы было достаточно для местных людей — поэтому на всех реках, которые текут к Черному морю нет торговли» [1, с. 199]. Далее Комендоне советует венецианцам наладить торговлю зерном на Черном море. Однако из этого проекта ничего не вышло.

Основным центром торговли для восточнославянских земель стал именно Гданьск. В 1466 году согласно II Торуньского мира после тринадцатилетней войны с крестоносцами Корона Польская получила Гданьское Поморье, тем самым получивши выход к Балтийскому морю и широкие возможности для внешней торговли. Гданьск получил широкие привилегии и стал основным экспортером польской продукции на европейский рынок. Следует привести цифры, которые иллюстрируют величину экспорта зерна через Гданьск за разные годы [2, с. 55], данные в таблице приводятся в тысячах лаштов (лашт — единица массы в системе европейских мер; гданьский (польский) лашт был равен 2124 кг.):

1470 г.	2,2	1583 г.	62,8
1490 г.	9,5	1608 г.	87,4
1530 г.	14,0	1619 г.	103,0
1557 г.	21,0	1634 г.	71,5
1575 г.	25,3	1649 г.	98,1

Как мы видим, объемы экспорта зерна начинают увеличиваться между 1575 и 1583 г. Исходя из этого можно сделать вывод, что именно в это время на территории Великого княжества Литовского происходит переориентация хозяйств на внешний рынок, а также зерновая специализация экономики, что лежало в корне новой — фольварково-панщинной системы.

Основными торговыми партнерами Гданьска были Голландия и Англия. Эти страны в то время переживали индустриальный бум, который в большей степени проявлялся в развитии текстильной промышленности. Также традиционно большое значение имела торговля со странами Скандинавии. В связи с этим цена на зерно стремительно поднималась, что давало мощные импульсы для экономического развития стран Восточной Европы, в частности Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, которые являлись преимущественно аграрными государствами.

Также про увеличение рентабельности экспорта зерна в страны Западной Европы свидетельствуют данные польского ученого А. Шеленговского [3, с. 155]. Так, в 1569 г. один лашт пшеницы стоил 21 злотый и 8 польских грошей, в 1592 — 45 злотых и 40 грошей, в 1616 г. — 54 злотых и 48 грошей. Менее чем за 50 лет цена зерна поднялась в два с половиной раза. Неудивительно, что параллельно наблюдается рост экспорта зерна. Безусловно, частично это было связано с процессом обесценивания денег. Однако нельзя не учитывать как заинтересованность Западной Европы в восточноевропейском зерне так про широкое распространение фольварково-панщинной системы в этом регионе, ведь получение доходов от экспорта зерна было возможным только при условии наличия зерновой специализации сельского хозяйства, что, в свою очередь, было неотъемлемой частью фольварково-панщинной системы.

Следует отметить, что в начале XVI века, основной формой функционирования сельского хозяйства на территории Великого княжества Литовского были так называемые шляхетские хозяйственные дворы. Под эти термином следует понимать имение землевладельца с комплексом жилых и хозяйственных построек, пахотных земель, лесами и другими угодьями. На первый взгляд подобное описание ничем не отличается от описания фольварка. Однако существенная разница заключается во-первых в том, что шляхетский хозяйственный двор был ориентирован прежде всего на самодостаточность — его продукция шла прежде всего на обеспечение

нужд землевладельца, содержание феодальной администрации, непосредственно имения. Поэтому налогообложение крестьян не было регламентировано. Преимущество отдавалось натуральным податям и чиншам. Пашня дворная была незначительна. Соответственно только малая часть продукции попадала на рынок. В то же время структура фольварка заключалась в жестко регламентированной организации налогообложения, перемере земли на волоки, ликвидации черезполосицы — создании монолитного массива земли — пашни фольварка. Повинности крестьян начинают носить преимущественно отработочный характер. Это дает возможность за счет специализации хозяйства определить наиболее рентабельный для конкретной местности вид производства, ориентировать хозяйство на рынок. Ориентация производства на рыночные нужды дает свободный денежный ресурс, который мог быть использован на дальнейшее развитие фольварка. Очевидно, что содержание фольварка было для землевладельца более выгодное нежели хозяйственного двора.

Интересная модель возникновения фольварковых хозяйств встречается в трудах знаменитого польского ученого Ежи Топольского [4, с. 137]. Вначале происходит процесс снижения доходов шляхты из-за несовершенной и устарелой системы землепользования. Это, в свою очередь, стимулирует поиск шляхтой новых форм хозяйствования с повышенной эффективностью. Происходит рост экономической активности шляхты. Все эти процессы идут на фоне зерновой горячки — повышенного спроса на зерно на рынках Западной Европы. Экспорт зерна становится наиболее выгодной статьей хозяйствования. Однако создание фольварков — хозяйств, деятельность которых основывалась на использовании панщиного труда тяглых крестьян и на специализации хозяйства, было невозможно без изменения правовой базы взаимоотношений между крестьянами и шляхтой в сторону увеличения объемов эксплуатации крестьян. Однако великий князь является главным землевладельцем в государстве. И он также заинтересован в повышении доходов со своего имущества. Поэтому он проводит политику, направленную на реформирование системы хозяйствования за счет большей эксплуатации крестьян. В итоге создание фольварков становится возможным, чем и пользуются представители шляхты, реформируя систему землепользования и налогообложения во своих владениях.

Именно перемер земли на волоки и введение фольварков составило костяк целого комплекса технических, экономических и социальных

изменений, которые получили в истории название аграрной реформы середины XVI в. в Великом княжестве Литовском, или волочной померы. Название это происходит от наиболее известного документа — «Уставы на волоки», которая датируется 1 апреля 1557 г. Однако нет причины говорить, что именно в этот день начался процесс реорганизации белорусской экономики.

В частных владениях фольварки начали появляться значительно раньше. Так, первые сведения про фольварок на территории Беларуси датируются 1450 годом. Это был фольварок Менедыковский в Новаградской земле. Также в документах присутствует информация о фольварках в 1481 году в имении Видзы, в 1499 г. в имениях Несвиж и Хохла Минского повета [5, с. 17]. Однако это были только единичные и, можно сказать, экспериментальные случаи.

Первая же волочная помера в границах административно-территориальной единицы — волости была проведена Радзивиллами в 1530 г. в Кнышинской волости. Вероятно, что позже и Бона Сфорца, и Жигимонт II Август перед проведением волочных помер в своих владениях пользовались опытом и методами Радзивиллов. Так, известно, что в 1554 г. Жигимонт II Август знакомил князя Радзивилла со своими планами по проведению померы и, скорее всего, Радзивилл дал королю некоторые советы по проведению реформы [6, с. 44].

В основе новой системы землепользования лежала новая земельная единица — *волока*. Она пришла на наши земли из Польши, где имела название «лан». Следует отметить, что реорганизация сельского хозяйства и возникновение фольварковых хозяйств в Короне Польской произошло значительно раньше — в середине XV в. В определенной ступени это связано с получением Польшей выхода к Балтийскому морю. Основное отличие литовской волоки от лана было в размерах. Как правило на территории Великого княжества Литовского встречались два вида волок: в 30 и 33 морга [7, с. 216].

Земельная единица «морг» пришла к нам из Германии и первоначально означала площадь земли, которую крестьянин мог обработать с утра до полудня. Существовало много разновидностей морга как единицы подсчета земли: магдебургский, ганноверский, хелмский, венский и т. д. На территории Беларуси, как правило, использовался морг равный 3 × 1 шнур или 30 × 10 локтей, что в современной метрической системе соответствует 0,7123 гектара.

Таким образом стандартная литовская волока была равна 21,369 или 23,5059 гектара. Кроме того, в тех случаях, когда в состав волоки входили «неудобицы» (земли по тем или иным причинам непригодные к ведению сельского хозяйства), к участку давалась надбавка — дополнительная земля, которая не учитывалась при налогообложении.

Таким образом, следует отметить, что связи экономики Великого княжества Литовского с европейской экономической системой имели значительное влияние на развитие сельского хозяйства на беларуских землях. Вследствии удачно сложившихся экономических условий, землевладельцы были заинтересованы в переориентации своих имений на экспорт продукции. Оптимальным же решением проблемы был перемер земли на волоки и организация в своих владениях фольварково-панщинной системы, которая позволяла ориентировать деятельность хозяйства на рынок.

Список литературы

1. Грушевський, М.С. Історія Украіні—Русі / М.С. Грушевский — Т. 6. — Київ: «Наукова думка», 1995.
2. Jezierski, A. Historia gospodarcza Polski / A. Jezierski, C. Leszczynska. — Warszawa, 2003.
3. Szelagowski, A. Pieniadz i przewrot cen w XVI i XVII wieku w Polsce / A. Szelagowski. — Lwow, 1902.
4. Topolski, J. Narodziny kapitalizmu w Europie XIV—XVII wieku / J. Topolski. — Poznan, 2003.
5. Скарына і яго эпоха / Пад рэд. В. А. Чамярыцкага. — Минск., 1990.
6. Голубеў, В.Ф. Сялянскае землеўладанне і землекарыстанне на Беларусі XVI—XVIII стст. / В.Ф. Голубев. — Минск, 1992.
7. Пичета, В.И. Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-Русском государстве / В.И. Пичета. — М., 1958.

Левшун Л.В.

КУЛЬТУРА ЗАПАДНОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В УСЛОВИЯХ УНИЙ XIV–XVII вв.

В белорусской исторической науке весьма распространено мнение, согласно которому национальная белорусская культура рассматривается как сформировавшаяся в лоне унии (имеется в виду церковная уния 1596 г.). Положение это следует признать одновременно и бесспорно очевидным, и очевидно спорным.

Очевидным — в том отношении, что *современная* культура белорусов бесспорно является плодом униальных процессов, завершившихся Брестским униатским синодом 1596 г. А спорным в том смысле, что оно очевидно не охватывает и не учитывает *всей* истории развития белорусских земель — от самого момента возникновения тут письменной культуры (как свидетельства перехода от «дикости» к «цивилизации»). Антиномии, однако, тут нет, если помнить, что вся история социально-культурного развития белорусских земель XIV–XVII веков проходила в условиях противостояния многочисленным навязываемым «русинам»[1] униям, «в обстановке религиозной, а следовательно и культурной дискриминации со стороны государственной власти» [1, с. 120, 126], а порой и прямого геноцида по отношению к «русинам», «русской» культуре и «руской вере» — Православию, которое воспринималось «русинами» Великого княжества Литовского как исток, основание и гарант этнокультурной самоидентичности.

«Въсточныя Церкве, яко дьневи начало,
и действы богоподобными изрядно сіяло.
Западныя же Церкве, яко начало нощи,
И поразумели древо по его овощи» [2, с. 64],

— читаем в одном их «виршей», сопровождающих тексты Острожской Библии.

Как видится, мало осознанным остается тот факт, что долгое и упорное сопротивление чужой культуре возможно было только благодаря

---

[1] Термин «русины» употребляется здесь для определения православного, в основной своей массе восточнославянского по этнической принадлежности, населения Великого княжества Литовского.

устойчивости местной культурной традиции, наследницы древнерусской и общеславянской — *Slavia orthodoxa* — культуры во всех формах ее бытия. Когда силы этой традиции иссякли, западнорусская этнокультурная общность отпала (была насильственно оторвана) от своего истока и прекратила свое самобытно «русское» развитие, но не исчезла, продолжая в новых условиях и на новых основаниях формировать свою историю и культуру. Поэтому культурогенез белорусских земель в XIV—XVII веках правильнее рассматривать, называя вещи своими именами, как процесс постепенного насильственного *уничтожения* сложившихся в раннем Средневековье культурных основ нарождавшейся белорусской этнической общности. Это — во-первых. А во-вторых и вместе с тем — как процесс замены этих исконных основ другими, чужими и чуждыми «русинам», однако явившимися в той же мере культуротворческими (но уже *в ином культурном коде*), что и уничтоженные.

Таким образом, чтобы адекватно описывать культурогенез западных земель Руси, необходимо учитывать то, что здесь постоянно, причем «объективно-исторически», сталкивались и вынужденно взаимодействовали разные этнокультурные общности, принадлежавшие разным цивилизационным алгоритмам. Именно эта особенность порождала перманентное стремление к заключению разного рода уний, призванных политически объединить в общем-то несоединимое органически.

Прежде всего нужно, думается, иметь в виду унию, на которую меньше всего обращается внимание, но, как видится, оказавшую едва ли не решающее влияние на все последующее развитие культуры в этом регионе. Речь идет об объединении в литовско-русском государстве языческой балтской «литвы» и православной славянской «руси», *Lithvania pagana* и *Slavia orthodoxa*.

Традиционно XIII — начало XIV в., то есть эпоха формирования государственности Великого княжества Литовского, считается временем «цивилизующего влияния» на литовское меньшинство русского большинства. «Литовские князья сознавали преимущество русских перед литовцами, признавали пользу культурного воздействия русского населения на последних и старались всячески поддерживать его. Литовцы перенимали от русских ремесла и искусства, их обычаи и нравы, право, и даже язык. *Христианское православное вероисповедание славян*, никогда не отличавшихся миссионерской экспансивностью, *воспринималось литовцами как составляющая славянской культуры* и не вызыва-

ло противодействия, кроме тех принципиальных случаев, когда в православие решались переходить представители ближайшего окружения великого князя (см., например, «Родство о блаженнем и приснопамятнем князе Вышелеге литовъском, брате Домантове» в средней редакции «Жития Довмонта-Тимофея Псковского», «Житие Иоанна, Антония и Евстафия Виленских», заметку в «Синопсисе» об отношении великого князя Ольгерда к старшим — крещеным! — сыновьям и др. — *Л.Л.*). Со вступлением на великокняжеский престол Витеня (1293—1315) русский элемент окончательно получает перевес над литовским и обрусение литовцев прогрессирует быстрыми шагами», чему весьма способствовали браки между литовскими князьями и русскими православными княжнами [3, с. 13].

Однако так ли прямолинеен и прост был этот процесс на деле?

В.А. Беднов весьма проницательно заметил, что «христианское православное вероисповедание славян... воспринималось литовцами как *составляющая* славянской культуры», в то время как для самих «русинов» оно было основой, генератором и идентификационным фактором в их культурном развитии. К тому же, усвоение части не изменяет существо культуры-восприемницы, но лишь привносит в нее новый «декор», иной этикет; утрата составляющей не нарушает идентичности. Литовцы восприняли Православие именно как *часть* культуры славян, причем, чисто внешнюю — бытовую и обрядовую; и к тому же, сам этот процесс имел характер не столько культурогенеза, сколько государствообразующей стратегии. «Тые три княжата (Ердвил/Радивил, Викент и Тентил/Феофил, «сыновцы» Миндовга — *Л.Л.*), угрунтовавшися в пречоных князствах (Полоцком, Витебском, Смоленском — *Л.Л.*) веру святую грецкую, або русскую, приняли, *абы тым прихилнейше подданых собе зъеднали*» [4, л. 434 об.]. Это — во-первых.

Во-вторых, так ли уж безусловно и быстро «русский элемент окончательно получил перевес над литовским»? Ведь если «обрусение литовцев прогрессировало быстрыми шагами» еще при Витене, то как им вообще удалось сохранить до сих пор свой язык и свою этническую физиономию?

К примеру, Войшелк, которого отец (Миндовг) и лаской, и угрозами принуждал вернуться к «поганой вере» предков, «не хоте слышати ласкы отца своего, ни прещениа его не убояся, нь изъшед от отца, съгради собе монастырь *въ крестианех...* на реце Немне, межи Литвою и Новгородкомъ»

[5, л. 179 об.], то есть вынужден был уйти именно в литовскую Русь, населенную «крестианами» — православными «русинами» [6, л. 295].

Другой литовский князь, Тройден, правда, в отличие от Миндовга, ничего не имел против «христианской веры», но ни сам, ни его окружение, не знали «русского» языка, так что его сын, летописный Лавримонт/Римонт/Лавриш был отправлен отцом ко двору Льва Даниловича Галицкого «для науки языка русского» [7, л. 238 об.].

В окружении нальшанского князя Довмонта, который «от племени литовского, прьвее имеа ко идолом служение по отцю преданию», было, как сообщает во всех ее редакциях «Повесть о Довмонте-Тимофее», «триста семей съ женами и детми» [8, с. 200], крестившихся только после переселения их в Псков (ок. 1265), — то есть «весь дом» его «з боляры и со отроки» во главе с самим князем были язычниками, когда жили рядом с «русью», и лишь переселение в землю «крестьян» подвигло их принять Православие; и не исключено, что по тем же самым причинам, по каким переменили веру летописные «сыновцы» Миндовга — «абы тым прихилнейше подданых собе зъеднали».

Весьма показательным — в плане отражения процессов «русификации» и «охристианивания» литовцев — является «Житие Иоанна, Антония и Евфстафия Виленских». Зафиксированное литературным памятником (причем, как в сербской, так и в русской его редакциях) взаимодействие культур *Lithvania pagana* и *Slavia orthodoxa* отнюдь не подтверждает представления о скором обрусении «литвы» в условиях литовско-русского государства.

1) Даже и на бытовом уровне ассимиляция литовцев за уже столетие совместного их проживания с «русинами» в одной державе не была такой полной и всеобщей, как мы привыкли думать. Крестившиеся Иоанн и Антоний «служаста же князю литовскому Олгерду и таяста пред ним христїанскую свою веру, обаче не возмогосте оутаити, понеже разнствоваху от инех изменївш(оу?) оуставом своего житїя и обычая. Не хотяста бо ни инем подобитися, ни стрищи тако главу и браду, яко нечестивыи остригаху, ни ясти в постныя дни мяс, ниже ино что нечестиво, христїаству противное творить. И вопрошены некогда бывше от князя, *почто не последуете литовским древним обычаем*, исповедастася дерзновенно христїане бытии» [9, л. 320 об.].

2) Не только в конце XIII (как следует из «Повести о князе Довмонте-Тимофее Псковском»), но и в середине XIV в. в Великом княже-

стве Литовском бояре славянского происхождения [ср.: 10, с. 140] или русо-литовские метисы в ближайшем окружении великого князя литовского были в абсолютном большинстве некрещеными и происходили из нехристианских семей: «Огню и ти служаще подобно и другым съплеменнымъ своимъ» [11, Чуд. мон., с. 26]. Напомню также известие из «Синопсиса»: «...сыны Олгердовы: Андрей, князь Полоцкїй и Демитрїй, князь Брянский, суще окрещены въ православную веру... *чего ради отец их Олгерд поганин ненавидел*, но Бог любил их...» [12, л. 83 об.].

3) На всю великокняжескую столицу (пусть и совсем еще молодую) был только один священник Нестор, который и крестил будущих мучеников. А судя по контексту, составитель жития виленских мучеников полагал, что он был один даже на всю Литву (т.е. собственно этнические литовские земли): «Пришьдше презвитероу некоемоу достоинствомь, Нестороу именемь, от негоже божественомоу сподобляютсе крьщению» [11, Белгр., с. 26]; «Егда некїй пресвитер, именем Нестор, *в Литву прейде*, от того (Круглец и Нежило – *Л.Л.*) Божественное прїяста крещенїе» [9, л. 320 об.]. Причем, за время, прошедшее между крещением братьев и после их гибели и «сродника их» Евстафия, а вслед за тем и крещением сыновей Ольгерда Андрея и Дмитрия, священников в Вильне, как свидетельствует текст Жития (во всех его редакциях), не прибавилось: всех их крестил, а казнимых за веру готовил к мученической смерти священник Нестор (по-видимому, духовник княгини Марии Ярославны Витебской, жены князя Ольгерда с 1318 г.).

4) В ранних списках «Жития Виленских мучеников» всех редакций не упоминаются христианские храмы Вильни: «честныя же ихъ мощи нецыи от верныхъ вземше честне погребоша» [11, Чуд. мон., с. 28]; «чьстние же их мощи предреченныи множицею священник сь некыими благочьстивыими, отаи нощию сьньмь, чьстне погребе» [11, Белгр., с. 28]; «телеса казненных мучеником въкупе *в едином месте* (а не при церкви, как того можно было бы ожидать – *Л.Л.*) от верных честно погребена беста» [9, л. 321 об.]. Позднее там же было положено и тело мученика - Евстафия.

Сам Евстафий также христианства «вседушно вожделев, крещается от прежереченнаго іерея Нестера» [11, Чуд.мон., с. 29], а после крещения «пребываше... заповеди Христовы оусердно деия и въ Божїю любовь преспевая, постяся до вечера і иных добродетелех поучаяся» [11, Чуд.мон., с. 29]. Заметим, что опять-таки ничего не сказано об участии Евстафия

в церковных богослужениях, о его уважении к священническому и иноческому чинам, о вкладах в церкви и т.п. — то есть обо всем том, что полагалось сообщить в житии святого (ведь составление жития относится к эпохе распространения в славянских землях «нового агеографического стиля» — стиля «извития словес», как определил его Епифаний Премудрый). А после мученической кончины «отаи новопросвещенныи сынове мучителя (Андрей и Димитрий Ольгердовичи — *Л.Л.*) нощию чьстнїе его мощи вьзьмше, отаи проводише сь некыими верныими *триемь днемь путь* (уж не в «крестьянскую» ли землю? — *Л.Л.*), чьстне положише вькоупе сь предреченными святими мученикы» [11, Белгр., с. 31].

Такое впечатление, что автор жития был уверен в полном отсутствии общедоступных христианских храмов в столице Литвы в XIV в. (исключение могли составлять лишь домовые церкви православных княгинь, на которых в разное время был женат великий князь Ольгерд). И лишь после мученической смерти Иоанна и Антония (в большинстве списков — Иоанна, Антония и Евстафия) «христїаномь оубо сьбравшимсе, елици от различных странь пленени приведени бехоу (то есть опять-таки речь идет не об этнических литовцах, а о пленных христианах — *Л.Л.*), прошахоу от кнеза, молещесе призрети кь прошению их и даровати имь место некое, на немже вьздвигноут храмь священь, вь еже сьбиратисе имь» [11, Белгр., с. 29]; «по некоем же времени, оумножающимся христїаном в том граде и вере святой день от дне растущей и возмагающей, собрашася верныи и шедше молиша князя, да даст им то место, на немже святыи оны трїе мученики за Христа оумроша. Князь же преклонився къ моленїю их, Богу тако оустрояющу, даде имъ просимое место. Христїане оубо, посекши того дуба, создаша церков въ имя Пресвятыя Троицы — Отца и Сына и Святого Духа. А идеже бе дуб, тамо Божественный престол оустроиша и внесоша в ту церков мощи святых мучеников христовых, Антонїа, Іоанна и Евстафїа» [9, л. 322 об.]. Заметим, что даже и упоминания нет о том, что жена-христианка (Иулиания Тверская) умолила Ольгерда покаяться и в знак покаяния построить храм на месте мученичества святых бояр, как доносит до нас более поздняя легенда о начале Виленского Свято-Троицкого храма. Из контекста очевидно, что «место виселичное» было отдано христианам не в знак покаяния, а как самое никчемное — нечистое для язычников: «место же то общо бе казнем, яко на нем вси достойныи казни смерт прїемлях» [9, л. 322 об.].

5) Князь, который на всех славянских землях всегда являлся главным радетелем о Православии, тут предстает противником Христовой веры, мучителем и убийцей христиан, что опять таки абсолютно немыслимо для русских земель, не подпавших под литовское владычество.

Итак, очевидно, что еще в последней четверти XIV в. (когда, скорее всего, было составлено житие трех виленских мучеников) на собственно литовских землях «обрусение» и «охристианивание» этнических литовцев и приближенных великого князя только начиналось и не приветствовалось верховной властью[2]. Но для нашей темы важнее другое, а именно то, что в литовско-русском государстве воздействие языческого менталитета «литвы» на менталитет христианский «руси» было едва ли не сильнее, чем «цивилизирующее» влияние «руси» на «литву» — «расхристианивание руси» шло едва ли не быстрее, чем «христианизация литвы». Например, упомянутый уже Войшелк, создав монастырь «в крестьянех», то есть на территории, заселенной православными «русинами», между тем жил в нем «з килканадватцатю чернцов» [6, л. 295]. При весьма небольшом количестве монастырей в литовской Руси столь небольшая численность насельников «княжеской» обители представляется весьма показательной.

Чуть более, чем через сотню лет со времен Войшелка, о той же земле и состоянии Православия на ней свидетельствует митрополит Киприан. В своем послании преподобным Сергию Радонежскому и Феодору Симоновскому в 1378 г. он, в частности, сообщает: «в Літве (причем именно в литовской Руси — *Л.Л.*) ... *места церковная, запустошена давными леты*... Новый Городок литовсьскый *давно отпал*... В Велыньской же земли тако же: колько лет стояла Володимерьская епископиа безъ владыки, *запустошала*... Буде вам сведомо, что брату нашему [Алексию-митрополиту] *не волно было сласти*... в Велыньскую землю... Святительским недозираніем которыйждо владыко, не блюдася, по своей воли ходил как хотел. А попове и черньци и вси христиане — *как животина бес пасту-*

[2] Кстати заметить, что обещание в 1385 г. великого князя Ягайло Ольгердовича в обмен на польскую корону крестить языческую «литву» по римо-католическому обряду и возвести Католицизм в ранг государственной религии Великого княжества убедительно свидетельствует о весьма малой степени «оправославливания» литовцев за полтора столетия совместного их бытия в одном государстве с православными «русинами».

ха» [13, с. 438, 440]. Обратившись же, в частности, к Волоколамскому патерику или описаниям монастырских книгохранилищ, увидим отражение устойчивой, по-видимому, тенденции: с территории Великого княжества Литовского подвижники уходили в ближайшие монастыри Северо-Восточной Руси и подвизались именно там: то ли потому, что в Великом княжестве Литовском было немного монастырей[3], то ли потому, что монахи там действительно жили, «как животина бес пастуха»...

А вот иного рода примеры: можно ли себе вообразить, чтобы кто-нибудь из русских князей, облекшись в «ангельский образ», потом на время оставил монастырь, чтобы жестоко отомстить своим семейным врагам, после чего вновь вернулся к исполнению монашеских обетов, как это сделал князь Войшелк в 1265—1268 гг., а после него — летописный Лавримонт/Римонт/Лавриш в 1292—1293 гг.? Мыслимо ли, чтобы кто-нибудь из русских князей (даже «Святополков Окаянных») мог когда-нибудь выступить мучителем и палачом христиан именно за то, что они христиане, как это сделал великий князь Ольгерд в отношении своих крестившихся бояр в 1347 г.? Или чтобы кто-нибудь из русских князей устроил публичное аутодафе над митрополитом, поставленным Константинопольским патриархом, как это сделал князь Свидригайло с митрополитом Герасимом в 1435 г.? Все эти беспрецедентные факты доказывают, что литовские князья относились к Православию именно как к *форме* культуры и/или внутренней политики государства, а не их (и культуры, и государства) онтологической и генетической основе, тем более — не как к благовестию о спасении.

Причиной такого положения могло быть именно то, что христианизация «литвы» шла, в основном, через быт (не столь важно, государственный или частный). Учение же как таковое, то есть духовная основа христианского быта, оставалась неведомой литовцам, даже князьям, женатым на православных княжнах. Сам великий князь «до конца XIV в. всегда оставался язычником и лишь иногда принимал христианство на смертном одре» [1, с. 68]. Для литовских князей Православие представлялось не более чем значимым геополитическим и стратегическим фактором, которым, при определенных обстоятельствах, можно было пожер-

[3] Тут нужно помнить, что многие из известных монастырей на землях ВКЛ были полностью разрушены татаро-монголами, как, например, неоднократно разрушался Киево-Печерский.

твовать, чтобы сохранить личную власть и государственный суверенитет. Та легкость, с которой литовские князья меняли конфессиональную принадлежность (иногда — по несколько раз за жизнь), более чем красноречиво подтверждает этот тезис.

В общем, Православие не было для литовских князей сознательным *цивилизационным* выбором, как некогда для князя Владимира (таковым стал для них Католицизм); оно было осознанной необходимостью, фактором не духовной жизни, а политической стратегии и конъюнктуры. И это значит, что, принимая *формы* восточнославянской христианской культуры (язык, быт, обряд, отчасти государственное устройство, право и т.д.), литовско-русское государство *по сути* своей, *в основании* своем, создавалось как нехристианское. А значит, нехристианской постепенно становилась и культура «русинов», живших в этом государстве. Не осознав Православие как духовную *основу* и гарант государственной целостности, литовские князья тем самым, пусть неосознанно и ненамеренно, поставили православную культуру славянских земель в условия *выживания*, затормозив ее духовное (не материальное, с которым как раз все было благополучно!) *развитие*. И уже одного этого было бы достаточно для постепенной внутренней (часто при гипертрофированном внешнем благополучии!) деградации Православия в Великом княжестве Литовском, с непредсказуемым ныне итогом.

Однако к языческому литовскому фактору, уже существенно модифицировавшему этноконфессиональную идентификацию «русинов», скоро добавился гораздо более мощный — католический польский, весьма усложнивший культурогенетические и этноидентификационные процессы на западнорусских землях: теперь здесь столкнулись две не сказать, чтобы совсем чужеродные, но исторически весьма по-разному развивавшиеся христианские культуры, сложившиеся в итоге в две противостоящие друг другу этнокультурные общности, которые Р. Пиккио определил как *Slavia orthodoxa* и *Slavia romana* [см.: 14, с. 3—121], что привело к еще одному вынужденному взаимодействию *несовместимо* разных культурных стереотипов. Столкновение «в одной отдельно взятой стране» и последующее «прорастание» друг в друге культур *Lithvania pagana*, *Slavia orthodoxa* и *Slavia romana* привело в итоге (каковым можно считать этнокультурную ситуацию в литовской Руси второй половины XVII — XVIII в.) к утрате «русинами» былых четких критериев этнокультурной самоидентичности. Искусственная «прививка»

чужих культур постепенно размывала самоидентификационные ориентиры, прежде всего — конфессиональные.

Так, Кревская уния 1386 г. была встречена волной протестов и восстаний со стороны православных, понимавших, чем грозит римо-католический диктат. Во главе сопротивления встал свидетель мученической кончины Евстафия Виленского и участник Куликовской битвы князь Андрей Ольгердович Полоцкий. Но уже сам характер этого сопротивления выдавал происшедшие изменения в менталитете православных Западной Руси: летописи отмечают странную для православного мировосприятия жестокость, которую князь Андрей и его соратники проявили по отношению к крещенным в католичество литовцам: «Князь Святослав Смоленьскыи... с княземь Андреемь Полоцкым... миру много зла учини, *хрестианы не человечьскы мучиша, ниже ни на поганых ратех слышахом такых мук*. И збираху бо их и запираху у своих избах и зажигаху, а другыи великыи хра[м]ы очапы поднимаху и христиане под стену главами кладаху и зажигаху, а иныи жоны и дети на колье тыкаху, и иных мук над хрестианы, их же срама ради не писаху, яко же ни Антиох сирскыи, ни Улиан преступник такых мук не сътворил над хрестианы... *акы сверепии зверие, яко не хрестиане*» [15, л. 445]. «Тыи *поганцы* (то есть «Онтиох сиръскыи» и «Ульян законопреступныи») таких мук над хрестьяны не чинили» [16, л. 78 об.].

Нельзя исключать того, что, скажем, частный и исключительный случай был представлен как повсеместные действия восставших; или же то была умелая провокация-инсценировка со стороны латинян; или же — «политический заказ» писавшему об этих событиях, и менталитет православных Литовского княжества оставался таки «в пределах допустимого» вероучением. Однако, в любом случае, сам факт фиксации и характер изложения этих событий в летописи свидетельствует о начале осознанной жесткой конфронтации в Великом княжестве Литовском разных этноконфессиональных общностей, где православным сразу же отведена роль «свирепых зверей» хуже «поганцев», которых, как читается между строк, следует «очеловечить» через приобщение к «истинной вере» — римо-католичеству. В этом свете скорейшее окатоличивание православных выглядит не только оправданным, но и необходимым для спокойствия «христианского государства».

То, что в течении долгого времени попытки, предпринимаемые в этом направлении, оставались малоэффективными, объясняется, ду-

мается, тем, что при вынужденном противостоянии двух равно сильных этнокультурных общностей борьба между ними некоторое время может идти без заметного перевеса в ту или иную сторону. Однако необходимое для этой борьбы перераспределение сил запускает такие процессы, которые рано или поздно деформируют обе эти общности — отрицают старые, самобытные, и вырабатывают новые, то есть на новых, «примиряющих», основаниях, критерии этнокультурной самоидентификации. На уровне бытия социума можно предполагать разнонаправленные процессы «растождествления» с одной стороны и метисации/аккомодации с другой. В первом случае все более явственным становится внутреннее, по разным основаниям, разделение изначального этнокультурного единства, постепенное размывание критериев этнокультурной самоидентификации; во втором — появление черт и стереотипов поведения, ранее не свойственных данной общности. Результатом этих процессов следует ожидать появление в некогда единой (в смысле: ощущающей себя как единая) этнокультурной общности как минимум трех основных (переходные исчислить не представляется возможным) групп адептов, сначала мирно (поскольку еще не осознаны различия?) сосуществующих, а потом (по мере осознания возникшей неидентичности?) — все более противостоящих друг другу: 1) «*традиционалисты-консерваторы*», воинственно охраняющие «старые» устои и принципы социального бытия; 2) «*прогрессисты-новаторы*», рассматривающие инородные этнокультурные воздействия как способствующие социальному и культурному прогрессу данной этнической общности; 3) наконец, «*индивидуалисты-индифференты*», блюдущие лишь собственные (корпоративные и/или индивидуальные) интересы и ратующие лишь за собственное (социальное и/или материальное) благополучие.

На уровне бытия культуры можно соответственно наблюдать: превалирование воинственно-консервационных тенденций над творческо-охранительными — в первой группе; глобальную смену культуротворческой парадигмы, то есть переход в иную культурную традицию — во второй; пассивный отказ от социально значимого культуротворчества и/или «камерный», приватный его характер — в третьей.

Указанные процессы сказались, в частности, в том, что с включением сначала языческого литовского, а потом католического польского факторов самобытное культурное развитие литовской Руси резко затормозилось, приняв пассивную, консервационно-охранительную, форму.

«Мы не находим тогда в Литовской митрополии никаких следов оригинальной духовной литературы, если не относить к ней местных летописей, в которых говорилось и о событиях Церкви (однако необходимо заметить, что и местное летописание очень скоро и решительно отошло от принципов канонической восточнохристианской агиоисториографии, или «исторической теологии», как охарактеризовал его В.О. Ключевский — *Л.Л.*). Довольствовались списыванием и употреблением готовых книг и сочинений, которые употреблялись и в Руси Восточной» [17, 4001.V].

Началом «конца» для Православия в Великом княжестве Литовском, думается, было административное отделение от Московской митрополии (1458), когда православные «русины» в литовско-русско-польском государстве оказались в подчиненном меньшинстве и, отчасти, в культурной изоляции. Консерватизм как основная (если не единственно возможная в данных условиях) форма бытия православной культуры не предполагал творческого отношения к Традиции. Отсутствие же живого богословского творчества в лоне Традиции выхолащивало, умерщвляло, «мумифицировало» и искажало ее. «Видим, — писал в «Изложении о православней истинней нашей вере» митрополит Спиридон, — многа св. правилы отвержена творятся в православии нашего христианства, ихже не подобает; сего ради исписахом от правил Св. Апостол и Св. Отец 7-ми Собор свидетели» [17, 4001.III].

Поскольку противостояние двух несовместимых этнокультурных общностей в одном государстве оставалось и усиливалось, то и культурогенез в этих условиях шел по известным законам: аккомодация/метисация и «растождествление» некогда единой «руси» нарастали и неуклонно вели к глубочайшему этнокультурному и шире — цивилизационному кризису. Но пока основание культуры — Православие — оставалось незыблемым, самоидентификационные критерии западных русов, не смотря ни на что, оставались, так сказать, в пределах узнаваемости и верифицируемости. Когда же усилиями власть предержащих представителей *Slavia romana* в литовско-руско-польском государстве авторитет Православной церкви был подорван (напомню, в частности, о так называемом «праве патроната», весьма своеобразно действовавшем в Великом княжестве Литовском) и начались серьезные внутрицерковные конфликты на всех уровнях иерархии: клирики судились с митрополитом, церковные братства — с местным епископом, епископы — друг

с другом и т.д. — то процесс этнокультурного «угасания» православного социума принял необратимый характер. Погрешающая против Предания и канонов Церкви, стремительно теряющая доверие своей паствы церковная администрация была бессильна противостоять очередным униальным натискам католиков. Но новым униальным натискам не могло уже противостоять и гражданское общество «русинов», также расколотое к этому времени процессами этнокультурного «растождествления» и аккомодации. Целенаправленная государственная политика дискриминации православных привела к тому, что православная магнатерия постепенно «порывала со своим народом и переходила в состав другого этноса — польского. Ее творческий потенциал стал работать в польской культурной системе, а не просто на польском языке» [1, с. 124; ср.: 18, с. 706—707, 723 и др.]. А потому, когда случилась следующая уния, Люблинская государственная (1569), она уже не встретила серьезного отпора, как некогда Кревская. И уже на самом Люблинском сейме король Сигизмунд II заявил о необходимости унии церковной.

Условия, в которых готовилась новая церковная уния, кардинально отличались от тех, в каких строились все предыдущие униальные «мосты». Во-первых, процессы этнокультурной аккомодации существенно сузили цивилизационный «разлом»; во-вторых, на восточной стороне «разлома» стояла уже не цельная в полноте своей социальной структуры, сильная своей культурной памятью, цементированная единой конфессиональной самоидентификацией православная общность «русинов», а раздробленное на несколько социальных групп, утратившее единую четкую самоидентификацию общество православных граждан Великого княжества Литовского, почти полностью потерявшее свою культурную элиту. «*Все опровerглося и упало,* со всех сторон скорбь, ситование и беда...», — подытожил многовековой процесс «унификации» князь К.К. Острожский в письме Ипатею Потею [19. 4. № 45.I]. Таков был для православной культуры Великого княжества Литовского результат борьбы за выживание в условиях литовско-польского «ига». Хранителями Православия и созданной им культуры стали к этому времени церковные братства, взявшие на себя обязанность надзора за деятельностью своих архипастырей, что, конечно, вызывало резкое недовольство со стороны владык. Для этих последних готовящаяся церковная уния стала желанным и единственным способом избавиться от ненавистного им контроля со стороны православных мещан. А потому Брестское со-

глашение 1596 г. было неизбежным. И теперь цивилизационый «разлом» прошел по самому телу Православной церкви Великого княжества Литовского — по самому основанию «русинской» культуры и выразился в противостоянии православного «простого люда» (при участии весьма небольшой доли оставшейся в Православии «русской» шляхты) и изменившей вере предков, перешедшей в состав иной этнической общности церковной иерархии.

Это последнее сопротивление было отчаянным, но, в силу указанных выше причин, не могло длиться долго — к середине XVII в. все было в общем-то окончено. Утратив, путем мирной аккомодации/метисации, культурную элиту и потеряв физически уничтоженными своих наиболее активных деятелей из «простого люда», православная этнокультурная общность ВКЛ (точнее, ее остатки) закономерно была вытеснена на маргиналию культуры: культура «русинов» могла существовать теперь лишь на этнографическом уровне, что закономерно вело к постепенному ее отмиранию.

В истории белорусской культуры эта последняя уния была в собственном смысле слова культурной катастрофой, в результате которой были до неузнаваемости искажены или же вовсе утрачены: вера и связанные с ней традиции предков, культурная элита, литературно-письменный язык и, следовательно, сами критерии этнокультурной самоидентификации. Культура «русинов» Великого княжества Литовского превратилась, по сути, в «кресовый», второсортный вариант польской культуры — эрзац, который сами корунные поляки, равно как и ополяченные «русины», считали культурой «быдла», «хлопов», «псов русинов»[4]. Вынужденная занять маргиналию культурного ареала *Slavia romana*, она утратила генетическую связь с Традицией *Slavia orthodoxa* и должна была бесследно исчезнуть, чему отчасти помешали разделы Речи Посполитой и воссоединение украинских и белорусских «русинов» с русскими Российской империи. Однако это уже другая история...

Таким образом, литовско-польское «иго», проявившееся в многочисленных униях, несмотря на то, что не принесло с собой столь явных и впечатляющих, как то было при монголо-татарском иге, материаль-

[4] См., напр. противопоставление обычаев «Польши панской» и «Руси сельской» в «Inventores rerum» (1608) Яна Бенедикта Протасовича, или характеристику русина в «Concio ruthena». См.: 20, с. 687; 847—851, и др.

ных утрат и физических разрушений, оказалось для культуры белорусских земель гораздо более серьезным испытанием, чем татарское иго — для культуры Северо-Восточной Руси. Татарское иго «не произвело при всей своей тяжести и продолжительности никакого существенного переворота во внутреннем устройстве государства и Церкви», хотя и «имело... ощутительное и, большею частию, пагубное влияние на все отрасли как государственной, так и церковной жизни» [17, с. 310]. В нем возросла и из него вышла могущественная Московская Русь, у которой хватило потенциала стать вскоре царством, а потом и империей.

Из литовско-польского «ига», разрушившего именно *внутреннее* устройство государства и Церкви «русинов», размывшего самоидентификационные критерии их этнокультурной общности, вышли (не без помощи Российской империи) Украина и Беларусь, которые лишь в новейшей истории смогли организоваться в самостоятельные национальные государства и которым понадобится еще немало времени, чтобы избавиться от внушенного им в Великом княжестве Литовском, и особенно в Речи Посполитой, ложного чувства культурной неполноценности — трагического наследия истории уний.

Список литературы

1. Трещенок, Я.И. История Беларуси: В 2 ч. — Ч. 1. Досоветский период: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Я.И. Трещенок; Науч. ред. М.И. Матюшевская. — 2-е изд. — Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2004. — 296 с.
2. Всякого чина православный читателю... (Біблія... Острог, 1580—1581, л. 50) // Українська поезія. Кінец XVI — початок XVII ст. / Упор. В.П. Колосова, В.І. Крекотень. — Київ: Наук. думка, 1978. — 431 с.
3. Беднов, В. А. Православная Церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum) / В.А. Беднов. — Минск: Лучи Софии, 2002. — 432 с.
4. «О плюндрованю руского панства от литвы и поражце их». [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov13.htm. — Дата доступа: 10.02.2007
5. Новгородская первая летопись старшего извода. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://litopys.org.ua/novglet/novg.htm. — Дата доступа: 10.02.2007
6. Хроника Феодосия Софоновича. — Режим доступа: http://litopys.org.ua/sofon/sof.htm. [Электронный ресурс] — Дата доступа: 10.02.2007
7. Летопись Рачинского. — Режим доступа: http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov24.htm. [Электронный ресурс] — Дата доступа: 10.02.2007

8. Охотникова, В.И. Повесть о Довмонте (Исследования и тексты) / В.И. Охотникова. — Ленинград: Наука, 1985. — 232 с.

9. Книга житий святых (март, апрель, май). — Киево-Печерская лавра, 1700.

10. Карский, Е.Ф. Белорусы: в 3 т. / Е.Ф. Карский. — Т. 3: Очерки словесности белорусского племени. — [Вып.] 2: Старая западно-русская письменность. — Петроград: Тип. АН, 1921. — 246 с.

11. Сперанский, М.Н. Сербское житие Литовских мучеников / М.Н. Сперанский. — Москва: Синод. тип., 1909. — 47 с.

12. ΣΥΝΟΨΙΣЪ или краткое собраніе от различных летописцев о начале славяно-російского народа и первоначалных князех богоспасаемаго града Кїева, о житїи святаго благовернаго великаго кн. Кіевскаго и всея Россіи, первейшаго самодержца Владимира... по благословениїю Їннокентїа Гїзїеля. — Киево-Печерская лавра, 1680.

13. Послание митрополита Киприана игуменам Сергию и Феодору // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. / Вступ. статья Д.С. Лихачева; Сост. и общая ред. Л.А. Дмитиева и Д.С. Лихачева. — Москва: Худож. лит., 1981. — с. 430—443.

14. Пиккио, Р. Slavia orthodoxa: Литература и язык / Риккардо Пиккио / Отв. ред. Н.Н. Запольская, В.В. Калугин; предисл. В.В. Калугина. — Москва: Знак, 2003. — 720 с. — (Studia Philologica).

15. Виленская летопись. — Режим доступа: http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov18.htm. [Электронный ресурс] — Дата доступа: 10.02.2007

16. Летопись Красинского. — Режим доступа: http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov23.htm. [Электронный ресурс] — Дата доступа: 10.02.2007

17. Макарий (Булгаков) митр. История русской Церкви (электронная версия).

18. Гісторыя беларускай літаратуры XI—XIX стагоддзяў: у 2 т. / рэдкал.: У.В. Гніламёдаў, Г.В. Кісялёў [і інш.]. — Мінск: Бел. навука, 2006. — Т. 1: Даўняя літаратура XI — першая палова XVIII стагоддзя. — 910 с.

19. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. — Т. 4. — СПб., 1851; Т.5. — 1853.

20. Анталогія даўняй беларускай літаратуры. XI — першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я.Купалы; Падрыхт. А.І. Богдан і інш. Навук. рэд. В.А. Чамярыцкі. — Мінск: Бел. навука, 2003. — 1015 с.

Дзянісава А.Р.

ПРАВА ПАТРАНАТУ Ў ПРАВАВЫМ СТАНОВІШЧЫ ПРАВАСЛАЎНАЙ ЦАРКВЫ БЕЛАРУСКІХ ЗЯМЕЛЬ Ў КАНЦЫ XV–XVI ст.

З канца XV ст. прававы статус праваслаўнай царквы атрымаў пашыраную заканадаўчую аснову. У 1499 г. кіеўскі мітрапаліт Іосіф Балгарынавіч прадставіў вялікаму князю Аляксандру «свиток прав великого князя Ярослава Володимеровича», г. зн. царкоўны статут Ярослава Мудрага. Мітрапаліт скардзіўся, што некаторыя «князи и панове, воеводы, старосты, наместники и тивунове... митрополиту и епископом кривду чинивали, в доходы их церковные и суды духовные вступывалися...» Мітрапаліт Іосіф прасіў князя пацвердзіць «Свиток Ярослава». Аляксандр пацвердзіў гэты «Свиток» спецыяльным прывілеем ад 20 сакавіка 1499 г. [1, с. 189-192]. Грамата перадавала ў суд мітрапаліта справы «хрестиянства Греческого закону», забараняючы ўраднікам, незалежна ад іх веравызнання, умешвацца ў царкоўнае судаводства, не дазваляла вяльможам здымаць з пасадаў святароў без дазволу мітрапаліта і аберагала маёмасць царквы. Ніхто не мог чыніць праваслаўнай царкве «крывды» і ўмешвацца ў яе справы. Віленскі сабор 1509 г. пацвердзіў прынцыпы цалкам незалежнай юрысдыкцыі мітрапаліта і епіскапата. Прывілей Аляксандра праваслаўным іерархам быў паўтораны вялікім князем Жыгімонтам I у 1511 г. [2, с. 81-83].

Больш канкрэтна правы царквы вызначаліся ў прывілеях ці асобных актах, што выдаваліся праваслаўным іерархам, непасрэдна ці ўскосна закраналіся ў агульназемскіх прывілеях і статутах Вялікага княства Літоўскага. Заканадаўча праваслаўная царква была ўраўнавана ў правах з каталіцкай. Аднак рэальнае жыццё сведчыла аб тым, што ў канцы XV–XVI ст. першая з'яўлялася царквой цярпімай у дзяржаве, а другая – прывілеяванай. Сярод фактараў, што вызначалі становішча праваслаўнай царквы, можна выдзяліць ўплыў свецкага чынніка на кананічныя справы, які ажыццяўляўся на аснове, так званага, права патранату (jus patronatus).

Патранацкае права – права удзелу свецкіх асоб у царкоўным будаўніцтве і забеспячэнні [11, с. 566]. Юрыдычнай асновай патранацкага права было агульнае феадальнае права ўладальнікаў распараджацца

сваімі маёнткамі з усімі ўстановамі і маёмасцю, якія на іх знаходзіліся.

І. Чыстовіч выдзяляе наступныя формы патранацкага права: *права апекі* (jus patronatus) пэўных устаноў ці забеспячэння іх усім неабходным і аховы іх ва ўсялякіх выпадках; *права падавання* (jus donandi) ці перадачы манастыроў і цэркваў вызначаным асобам; *права прэзенты* (jus praebendi, jus praesentationis) ці рэкамендацыі пэўных асоб на пасады святароў і настаяцеляў манастыроў; *права кіравання і ўдзелу* ў царкоўным судзе [18, с. 196-197].

Найбольш прывілася і шырока выкарыстоўвалася ў межах ВКЛ права падавання. Згодна з меркаваннем М.Ф. Уладзімірскага-Буданава, у заходне-рускай царкве гэта права сумяшчала рысы візантыйскага кцітарскага права з уласцівасцямі права «ново-европейскихъ народовъ», у тым ліку, заходняга jus patronatus: «Согласно съ византийскимъ ктиторствомъ здесь строятся некоторые отношения частного патрона («подавцы») къ церковному учреждению и его имуществу; по ново-европейскому праву образуются отношения церковныхъ учреждений къ государству (верховной власти и подчиненнымъ органамъ, въ особенности относительно основныхъ источниковъ права поданья)» [10, с. 54].

Згаданае права вызначалася феадальным дзяржаўным ладам, калі вялікі князь прызнаваўся вярхоўным гаспадаром усіх зямель княства, у тым ліку і царкоўных. Амаль усе асобы, якія займалі тую ці іншую царкоўную пасаду, надзяляліся правам распараджэння царкоўнай маёмасцю, часта вельмі значнай. Таму, пры абранні на мітрапаліцкую ці архірэйскую кафедры, на месцы ігуменаў значных манастыроў і святароў некаторых цэркваў, патрабавалася зацвярджэнне кандыдата вялікім князем. Дадзенае зацвярджэнне і называлася падаваннем. Так, у грамаце Казіміра IV ад 2 мая 1447 г. адзначалася: «Которая ж то церква головная, зборная, кляштырная,... иж бы пуста была, а пастыря не держала, которое ж поданье к нам и к нашим наместником пригодило бы ся, тогда им с полного права, не иного, а любо не иных, пастыря, а любо пастырев давати имаем...» [9, с. 42].

З цягам часу, па меры надзялення гасударамі Вялікага княства Літоўскага служылых людзей зямельнымі ўладаннямі і пераходу гэтых уладанняў у прыватную ўласнасць, новыя ўладальнікі здабывалі і права падавання ў адносінах да цэркваў і манастыроў, якія знаходзіліся на іх землях. Такое права набывалі яны і тады, калі засноўвалі ў сваіх маёнтках новыя абіцелі ці цэрквы. Уладальнікі надзелаў маглі перадаваць гэта

права іншым асобам праз дарэнне, продаж, залог, арэнду зямель, а таксама па тэстаментах. Такім чынам, права падавання, якое першапачаткова належала аднаму толькі вярхоўнаму гаспадару, паступова раздрабілася паміж значнай колькасцю асоб. Вялікі князь выкарыстоўваў гэта права толькі ў адносінах да епіскапскіх кафедраў і тых манастыроў і цэркваў, якія знаходзіліся ці ва ўласных каралеўскіх уладаннях, ці на дзяржаўных землях. Па меркаванні М.Ф. Уладзімірскага-Буданава, акрамя вялікага князя і прыватных асоб, патранацкімі правамі карысталіся гарадскія і прыходскія абшчыны, брацтвы, саслоўныя супольнасці і земствы [10, с. 71].

Першапачаткова і самі вялікія князі, і іншыя прыватныя асобы памяркоўна карысталіся правам падавання. Таму яго ўплыў на ўзаемаадносіны царквы і грамадства быў амаль непрыметны. Да пачатку XVI ст. у праваслаўнай царкве мітрапаліты, епіскапы і святары выбіраліся па ранейшых звычаях. Гаспадарскае ж права падавання праяўлялася ў тым, што, па-першае, без княскага дазволу нельга было распачаць выбары, а, па-другое, князю пакідалася зацвярджэнне новаабранага. Хутчэй і лягчэй прывілася права падавання ў адносінах да ніжэйшых царкоўных пасад. Але і тут яно не адразу выцясніла традыцыйны парадак, а ўвайшло ў пэўнае з ім пагадненне.

У XV ст. значная частка знаці беларускіх зямель з'яўлялася праваслаўнай. Сярод іх былі князі Астрожскія, Друцкія, Слуцкія, Пінскія, Мсціслаўскія і інш. Яны будавалі цэрквы і засноўвалі манастыры ў сваіх уладаннях. Яны ж надзялялі іх зямлёй і іншымі крыніцамі пастаянных даходаў, утрымлівалі пры іх «шпіталі» для бедных, забяспечвалі царкоўны прычт, абаранялі духавенства ад крыўд. Гэтай клапатлівасцю аб царкоўных патрэбах і інтарэсах апраўдвалася іх права падавання.

Згаданае права было зацверджана даравальнымі граматамі вялікіх князёў Аляксандра і Жыгімонта I у 1499 г. і 1511 г.: «...если бы ж которая церковь была в подании здавна державцы того именья, ино и теперь нехай тот державца подает з благословеньем митропольим» [1, с. 190; 2, с. 82].

Аб'ектамі падавання былі, у першую чаргу, цэрквы з іх маёмасцю і манастыры. Крыніцы дадзенага права вельмі часта называліся «хлебам духоўным». На думку І. Чыстовіча, манастыры і цэрквы падзяляліся на тры разрады — на тыя, што належалі: 1) мітрапаліту і епіскапам; 2) панам; 3) каралю [18, с. 197].

І. Бяляеў выдзяляе сярод праваслаўных абіцеляў ВКЛ, і, ў прыватнасці, ў Полацкай зямлі, прывілеяваныя і непрывеліяваныя [7, с. 120.]. Па яго дзяленні, манастыры, пабудаваныя прыватнымі асобамі ў сваіх вотчынах, звычайна належалі да прывілеяваных абіцеляў і знаходзіліся пад патранатам сваіх будаўнікоў і іх нашчадкаў. У эканамічных адносінах яны былі цалкам незалежнымі ад духоўнага ўладыкі. Ды і ў адносінах царкоўных іх залежнасць ад епіскапа была самая нязначная: яны не плацілі даніны епіскапу і не падлягалі яго суду.

І. Бяляеў адзначаў, што прывілеяваныя абіцелі, вызваленныя ад епіскапскай улады, цалкам былі падпарадкаваны сваім патронам: яны складалі іх прыватную ўласнасць [7, с. 122.]. Усе справаздачы па кіраванні манастыром настаяцель падаваў апекуну. Нават выбар настаяцеля амаль цалкам залежаў ад волі патрона. Па сваім меркаванні ён мог зачыніць абіцель і зноў адчыніць, перадаць каму захоча. Пры продажы ці перадачы вотчыны і патранат над манастыром пераходзіў да новага ўладальніка. Абіцелі, што знаходзіліся ва ўладаннях вялікага князя, таксама цалкам залежалі ад волі гасудара: ён перадаваў іх каму хацеў як памесці.

Непрывілеяваныя манастыры падпарадкоўваліся епіскапам і мітрапаліту. Яны мелі права кіраваць і распараджацца маёмасцю падапечных абіцеляў, маглі пераводзіць настаяцеляў і манахаў з адной абіцелі ў другую, накладаць на іх розныя пакаранні. У той жа грамаце Жыгімонта І 1511 г. адзначалася наступнае: «Митрополит и епископы имеют право управлять и распоряжаться монастырями и церквями, состоящими в их ведении, назначать и ставить архимандритов, игуменов, священников, диаконов и всякий священнический сан греческого закона, как духовных так и светских судить и рядить, и всякие дела духовные справлять и благославлять, а непослушных и выступных встягать и карать, по их праву и уставам Соборной Восточной Церкви никем невозбранено» [2, с. 82].

Мітрапаліт ці епіскап абаранялі непрывілеяваныя абіцелі ад крыўд і ўціскаў. У прыведзенай вышэй грамаце Жыгімонта І сказана: «... приказываем, чтобы все князья и паны нашего римскаго закона, как духовные, так и светские, а также воеводы, старосты и наместники, как римского, так и греческаго закона, и тивуны и все заказники и державцы по городам нашим, а также по местам нашим войты, бурмистры и радцы, кривды церкви Божий и митрополиту и епископам не чинили и в доходы церковные и во все справы и суды духовные не вступались» [2, с. 82-83].

Дзяленне І. Бяляева праваслаўных манастыроў ВКЛ на прывілеяваныя і непрывілеяваныя азначае тое, што кожная абіцель мела апекуна ў грамадстве. Гэта меркаванне супадае па сутнасці з класіфікацыяй І. Чыстовіча, які падзяляў манастыры на тыя, што належалі мітрапаліту і епіскапам, панам і каралю. Згаданыя меркаванні сапраўды падмацоўваюцца фактамі з жыццядзейнасці праваслаўных цэркваў і манастыроў Турава-Пінскай епархіі.

Пінскія епіскапы мелі непасрэднае дачыненне да спраў Лешчанскага манастыра. Яны час ад часу пражывалі пры абіцелі, а некаторыя з’яўляліся яе настаяцелямі. Дзейсны ўдзел у яго жыцці прымалі свецкія асобы, пры чым вельмі ўплывовыя. Сярод яго апекуноў — князь Фёдар Іванавіч Яраславіч і яго жонка Алена Алелька, каралева Бона [12, с. 6].

У апецы тых жа Яраславічаў знаходзіўся і пінскі Варварынскі манастыр. Яны выдзялялі сродкі на яго ўтрыманне і будаўніцтва [14, с. 71]. Абіцель у 20-я г. XVI ст. перайшла пад патранат каралевы Боны, а потым і яе нашчадкаў. Неаднаразова ў XVI ст. ігуменні ў манастыр прызначаліся каралеўскімі граматамі. У 1580 г. такі дакумент атрымала «землянка» Раіна Вайнянка [3, с. 252-253]. Пасля яе смерці ў манастыр была прызначана Людміла Сноўская [4, с. 93-94].

Слуцкі Троіцкі манастыр да канца XVIII ст. быў уласнасцю слуцкіх князёў. Яны — князі Алелькі, а пазней іх спадкаемцы князі Радзівілы — былі апекунамі абіцелі. Настаяцелі заўсёды мелі адказнасць перад імі за захаванне і памнажэнне манастырскай маёмасці. Так, у вопісе маёмасці абіцелі за 1494 г. архімандрыт Іосіф піша: «Я архимандрит Иосиф, наречённый епискуп Смоленский, здаю твоей милости государыни моей кнегине манастыр святое Троици, со всим с тым, с чим ми твоя милость подала, а над то прибавил за мое держанье» [1, с. 136]. Архімандрыт Іосіф кіраваў манастыром з дазволу княгіні і рабіў справаздачу менавіта ёй.

У завяшчанні слуцкага князя Юрыя Юр‘евіча Алелькі, паводле якога горад і княства дзяліліся паміж яко трыма сынамі, гаварылася, што Троіцкі манастыр «должен был оставаться в общем подаваньи всех трех братьев...» [13, арк. 33 адв.; 16, с. 4]. Пасля смерці настаяцеля «наследники втроем подадут монастырь новому архимандриту закону греческого, и так должно продолжаться вечно». У далейшым так і адбывалася: настаяцель абіцелі зацвярджаўся кіеўскім мітрапалітам толькі пасля згоды слуцкіх князёў [17, с. 28].

Слуцкі Ільінскі, Грозаўскі Мікалаеўскі і Морацкі Мікалаеўскі манастыры таксама знаходзіліся пад апекай князёў Алелькаў і былі падпарадкаваны Трайчанскай абіцелі ў Слуцку [17, с. 26-27; 19, с. 186]. Так, па «разделу» паміж Юрыем, Янам-Сымонам і Аляксандрам Алелькамі, які адбыўся 6 ліпеня 1582 г. , «право подаванья монастыря святаго Илии и соборной замковой церкви принадлежит Юрию...» [13, арк. 33 адв.; 16, с. 4]. Да ліку дабрачынцаў Мікалаеўскай абіцелі ў Грозаве «принадлежат князья Слуцкие Олельковичи, от которых он имел свои угодья...» [15, с. 121].

Той факт, што Морацкі манастыр быў пад патранатам слуцкіх князёў і з‘яўляўся іх маёмасцю, падмацоўваецца наступным. У 1589 г. Аляксандр і Ян-Сымон Слуцкія даюць грамату архімандрыту Троіцкага манастыра Міхаілу Рагозе з такім зместам: «...и водлуг сего листу нашего тот манастыр Мороцкий к манастыру Троицкому Слуцкому прилучаем, в справу и во владзу теперешнему архимондрыту нашому Слуцкому Троецкому отцу Михаилу Рогозе, до его смерти, а по нем архимондрытом, на манастыр Троецкий от нас альбо от потомков наших поданым» [4, с. 19]. У 1627 г. такую ж грамату на Морацкі манастыр, але ўжо ад Крыштафа Радзівіла, атрымаў троіцкі архімандрыт Міхаіл Загароўскі [15, с. 114, 162].

Прыведзеныя факты паказваюць характар адносін патронаў да духоўных установаў, якія знаходзіліся ў іх апецы. Зразумела, падобныя адносіны маглі мець дабрачынны і ахоўны характар. Але незаўсёды апекаванне вычэрпвалася адной дабрачыннасцю. Асноўныя паўнамоцтвы патронаў ў адносінах да духоўных установаў былі наступныя: 1) судовая ўлада і судовае прадстаўніцтва; 2) права прызначэння на іерархічныя пасады; 3) права вызначаць статуты царкоўным установам; 4) правамоцтвы адносна царкоўнай маёмасці (як правіла, матэрыяльнае забеспячэнне і кантроль за цэласнасцю царкоўнай маёмасці; а таксама права карыстання даходамі і царкоўнай маёмасцю з боку патронаў-духавенства) [10, с. 107; 20, с. 49]. Значныя паўнамоцтвы патронаў у адносінах да падапечных цэркваў і манастыроў сталі глебай для злоўжыванняў, якія прывялі да крызісных з‘яў у праваслаўнай царкве ў XVI ст.

Найбольш ранняе сведчанне аб гэтых з‘явах можна знайсці ў актах вядомага Віленскага сабора 1509 г. Удзельнікі сабора скардзіліся: «Якоже нецыи и въ нашомъ законе, славы ради мирскыя и властельства, еще живу сущу епископу и здраву, прежде преставлениа его, на тое епископъство подъкупаютъся и берутъ, безъ съвета и воли митрополии и еписко-

повъ и безъ осмотрениа и събраниа князей и пановъ нашого закону Греческого» [8, с. 8].

З тэксту дакумента бачна, якім шляхам здабываліся іерархічныя пасады. Па сведчанні сабарнага акта, часам такім жа чынам набываліся і настаяцельскія месцы ў манастырах, і святарскія ў прыходах. Цяжка было змагацца супраць такіх з'яў, таму што падаўцом царкоўных пасад з'яуляўся сам кароль - «вярхоўны падаўца хлябоў духоўных». Супраць гэтага злоўжывання на саборы было выказана наступнае: «...подъ живыми епископы и архимандриты и священникы, не подъкупатися никому на божественныя престолы, безъ съвета-воли митрополиего... Аще ли хто самоволиемъ своимъ на таковое дело дръзнетъ - архимандритъ, или игуменъ, или священникъ, или мирский человекъ - таковии да въсприймутъ на ся неблагословение и церковное отлучение... Къ симъ же еще таковыхъ на епископъство и на всякий священнический санъ никакоже не поставляти намъ. Аще будетъ чистъ отъ всехъ винъ недостойныхъ, такого намъ и по насъ будучимъ епископомъ ставити у епископы и въ всякий степень священъства, а недостойныхъ никакоже не ставити. Аще и господаръ присылати будетъ за недостойнымъ, намъ всемъ зъ митрополитомъ до господаря пойти и недостоинъство того объявити, и никакоже дръзнути имамы его поставити» [8, с. 9-10].

Гаспадар, аб якім ішла гаворка ў дакуменце, быў Жыгімонт І Стары. Польскія каралі, таксама як іншыя гасудары Еўропы, вялі барацьбу супраць злоўжыванняў у каталіцкай царкве — розных відаў сіманіі, подкупаў, якімі суправаджалася набыццё ад рымскага двара духоўных санаў, бенефіцыяў, пасвячэнняў, бул. Яны дабіліся таго, што ўзялі ў свае рукі назначэнне духоўных саноўнікаў і раздачу царкоўнай маёмасці. Яны звярнулі ў даходы дзяржаўнай казны і ўсе грашовыя ўзносы, што раней атрымліваў рымскі двор за набыццё царкоўных пасад.

Карыстаючыся правам раздачы духоўных пасад і бенефіцыяў служыцелям каталіцкай царквы, Жыгімонт І выкарыстоўваў сваё права падавання і ў адносінах да праваслаўнай царквы. Выпадкі «подкупательства под живыми епископами, архимандритами и священниками», супраць якіх выступалі праваслаўныя іерархі, не толькі не знікалі, але сталі хутка павялічвацца. Замест ранейшага звычаю выбару кандыдатаў на вакантныя царкоўныя пасады ўводзілася непасрэднае прызначэнне іх самім каралём па рэкамендацыі якіх-небудзь уплывовых асоб [6, с. 79].

Так, напрыклад, у 1552 г. каралева Бона выдае грамату пінскаму лешчанскаму архімандрыту Макарыю на Тураўскую і Пінскую епіскопію [5, с. 134-135]. Пасля яго смерці ў 1558 г. Жыгімонт Аўгуст перадае кафедру новаму епіскапу Макарыю [3, с. 95-96]. А ў 1576 г. Стэфан Баторый прызначае на тую ж кафедру Кірыла Цярлецкага. Пры гэтым ён піша мітрапаліту Іоне ліст, дзе загадвае, каб ён названага кандыдата на епіскопію «водлуг обряду закону Греческого постановил и совершил» [3, с. 188-189]. Такая ж грамата была выдадзена ў 1585 г. епіскапу Лявонцію Пялчыцкаму [3, с. 299-301]. Граматы 1588 і 1595 г. дазвалялі названаму епіскапу Лявонцію і зямяніну Аляксандру Плецянецкаму адпаведна стаць архімандрытамі Лешчанскага манастыра [4, с. 10-11, 114-115].

Іерархічныя пасады раздаваліся каралямі як духоўным, так і свецкім асобам. У 1568 г. кіеўскі мітрапаліт Іона прасіў караля Жыгімонта II Аўгуста, «чтобы достоинства духовныя людям светским не были даваны, а кому бы светскому вряд духовный дано, а он далей в трех месяцех стану и вряду духовнаго на себе приняти не хотел, у тако абы епископы в своих епископиях, а архиепископы в своей архиепископии оныя достоинства и хлебы духовныя отбирали и людем духовным подавали». На гэтую просьбу кароль адказаў, што ні мітрапаліт, ні епіскапы не маюць права адбіраць «вряды и достоинства духовные». Ён загадаў даносіць аб такіх выпадках сабе: «а его королевская милость отдавати будет иным, кому ся годити» [3, с. 144-146]. І тут у дадзенай справе кароль па сваім меркаванні адных абавязваў уступаць у манаства, іншых вызваляў ад гэтага.

Некаторыя асобы імкнуліся атрымаць як мага больш «хлябоў духоўных». Яны глядзелі на манастыр ці царкву, атрыманыя бенефіцыяльным парадкам, як на крыніцу даходаў. Так, на Віленскім сойме 1551 г. паны-рады Вялікага княства Літоўскага прасілі, «абы каждая персона стану духовнаго как римскаго, яко и греческаго закону двух альбо трех костелов не держали». Гаспадар адказваў, што «тая речь принадлежит до ведома епископов, от которых и зависит установление добраго в этом порядка» [3, с. 29]. Аднак духоўныя ўлады так і не здолелі ўсталяваць «добрый порядок».

Такім чынам, у канцы XV—XVI ст. вызначальным фактарам ва ўзаемаадносінах паміж праваслаўнай царквой і дзяржавай з'яўлялася права патранату, якое у Вялікім княстве Літоўскім праяўлялася, перш за ўсё, у форме права падавання. Згаданае права, па сваёй ідэі, павінна было

абмяжоўвацца такімі чыннікамі, як дабрачыннасць і клопат з боку свецкага грамадства аб царкоўным дабрабыце і забеспячэнні. Аднак у рэчаіснасці права патранату ператварылася у права свецкіх асоб прызначаць на іерархічныя пасады і распараджацца царкоўнай маёмасцю. Гэта стала глебай для з'яўлення шматлікіх злоўжыванняў, калі на царкоўныя пасады маглі прызначацца свецкія асобы, а цэрквы і манастыры з іх маёмасцю разглядаліся як крыніцы даходаў. Крызісныя тэндэнцыі ў становішчы праваслаўнай царквы Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. не былі пераадолены ні царкоўнымі саборамі, ні вальнымі соймамі. Факты злоўжыванняў дыскрэдытавалі духавенства ў вачах грамадства, наносілі значную шкоду прававому становішчу праваслаўнай царквы.

Спіс літаратуры

1. Акты, относящиеся к истории Западной России: в 5 т. — СПб.: Тип. II отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846—1853. — Т. 1. — 1846. — 419 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России: в 5 т. — СПб.: Тип. II отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846—1853. — Т. 2. — 1848. — 437 с.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России: в 5 т. — СПб.: Тип. II отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846—1853. — Т. 3. — 1848. — 356 с.
4. Акты, относящиеся к истории Западной России: в 5 т. — СПб.: Тип. II отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846—1853. — Т. 4. — 1851. — 582 с.
5. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России: в 15 т. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1863—1892. — Т.1. — 1863. — 318 с.
6. Беднов, В.А. Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum) / В.А. Беднов. — Минск: Лучи Софии, 2002. — 432 с.
7. Беляев, И. Полоцкая православная церковь до Брестской унии: монастыри / И. Беляев // Православное обозрение. — 1870. — № 1. — С. 116—125.
8. Виленский собор 1509 года // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою Комиссиею: в 33 т. — СПб., 1872—1915. — Т. 4. — СПб.: Тип. А. Траншеля, 1878. — С. 5—18.
9. Вішнеўскі, А.Ф., Юхо, Я.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзён) / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо. — Мінск: Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. — 320 с.
10. Владимирский-Буданов, М.Ф. Церковныя имущества в Юго-Западной России XVI века / М.Ф. Владимирский-Буданов // Архив Юго-Западной России: в 8 ч. — Киев, 1859—1911. — Ч. 8. Т. 4: Акты о землевладении в Юго-Западной России XV—XVIII вв. — Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1907. — С. 3—224.
11. Карташев, А.В. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. / А.В. Карташёв. — Т.1. — СПб.: Изд-во О. Абышко, 2004. — 718 с.

12. Миловидов, А.И. Архив упраздненного Пинского Лещинского монастыря / А.И. Миловидов. — Москва: Изд-е. Императорского общества истории и древностей Российских при Москов. университете, 1900. — 33 с.

13. Нацыянальны музей гісторыі і культуры Беларусі. — Архіў Слуцкага Трайчанскага Свята-Траецкага манастыра. — КП 45733/10. — Арк. 31-36 адв.

14. Наши духовные ценности: в 12 вып. / редкол.: Л.Ф. Анцух (гл. ред.) [и др.] — Минск: Четыре четверти, 1995—2003. — Вып. 5: Православные монастыри Беларуси / сост.: С.Э. Сомов [и др.]. — 2003. — 200 с.

15. Николай, архимандрит. Историко-статистическое описание Минской Епархии / Николай. - СПб.: Журн. «Странник», 1864. — 315 с.

16. Тройчанский архив // Минская старина. — Минск: Губернская типография, 1913. — Вып. 4. — IV, 200, 39 с.

17. Ціткоўскі, І. Слуцкі Свята-Троіцкі манастыр / І. Ціткоўскі // Праваслаўе. — 1999. — № 8. — С. 26-37.

18. Чистович, И. Очерк истории западно-русской церкви: в 2 ч. / И. Чистович. — СПб.: Тип. Департамента уделов, 1882—1884. — Ч.1. — 1882. — 221 с.

19. Чистович, И. Очерк истории западно-русской церкви: в 2 ч. / И. Чистович. — СПб.: Тип. Департамента уделов , 1882—1884. — Ч. 2. — 1884. — 423 с.

20. Шукан, М.Г. Правовое положение имущества православной в Великом княжестве Литовском в конце XVI — первой половине XVII вв.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / М.Г. Шукан. — Минск, 2007. — 119 с.

Теплова В.А.

БРЕСТСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ СОБОР И БРЕСТСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ СИНОД 1596 г. В СВЕТЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЭККЛЕЗИОЛОГИИ

Говоря о влиянии церковной унии на социокультурную и этноконфессиональную ситуацию, сложившуюся на белорусско-украинских землях Речи Посполитой после ее утверждения, исследователи чаще всего отмечают благотворное влияние униатства на синтез новых западноевропейских и исторически устоявшихся византийских религиозных и культурных тенденций, существенно обогативших местную традицию [7, с. 256—259]. Гораздо реже упоминается о трансформациях и необратимых утратах в культурно-историческом развитии восточнославянских земель, связанных с столкновением этих диаметрально противоположных культурных и конфессиональных процессов, в основе которых лежат кардинальные вероучительные разногласия, имеющиее место в Православии и Католицизме [3, с. 540; 5]. Именно они и сформировавшийся на их основе менталитет населения белоруско-украинских земель отразились на настроениях участников православного собора 1596 г. и предопределили сопротивление введению унии.

Церковь кафолична в каждой из своих частей. Всякий из ее членов — и клирик, и мирянин, получивший дары Святого Духа в таинстве Миропомазания, — не может не быть сознательным в своей вере. Он всегда ответственен за Церковь и призывается исповедовать и защищать истину. Именно этот принцип имели в виду участники и руководители православного собора в Бресте, проходившего 6—10 октября 1596 г. Присутствие на нем послов от патриарха константинопольского — Никифора и александрийского — Кирилла еще более отчетливо подчеркнуло подлинно кафолический характер этого соборного присутствия.

Для того, чтобы понять смысл событий, происходящих в Бресте в октябре 1596 г., обратимся к ситуации, сложившейся в Киевской митрополии в 90-е гг. XVI века, суть которых состояла в том, что все до единого епископы, в том числе и митрополит Михаил Рагоза, вступили в тайные переговоры с Католической церковью и правительством Речи Посполитой с целью перейти в юрисдикцию Рима. Фактически Православная церковь осталась без епископского возглавления. Когда создав-

шаяся ситуация стала очевидной, начались народные волнения, ответом на которые стало послание князя Константина Острожского к православному народу от 24 июня 1595 г. В нем говорилось: «Я научен и убежден благодатию Божией, что кроме единой истинной веры, насажденной в Иерусалиме, нет другой веры истинной, но в нынешние времена, злохитрыми кознями вселукавого диавола, сами главные участники нашей истинной веры, прельстившись славою света сего, и помрачившись тьмою сластолюбия, наши мнимые пастыри, митрополит с епископами претворились в волков, и, отвергшись единой истинной веры святой восточной Церкви, отступили от наших вселенских пастырей и учителей и приложились к западным, прикрывая только в себе внутреннего волка кожею своего лицемерия, как овчиною. Они тайно согласились между собой, окаянные, как христопродавец Иуда с жидами, отторгнуть благочестивых христиан здешней области без их ведома и принудить с собою в погибель, как и сами сокровенные писания их объявляют.

Дело идет не о тленном имении и погибающем богатстве, но о вечной жизни, о бессмертной душе, которой дороже ничего быть не может. Потому, опасаясь, как бы не остаться виновным перед Богом и перед вами, и, узнав достоверно о таких отступниках и явных предателях Церкви Христовой, извещаю о них всех вас, как возлюбленную мою о Христе братию. И хочу вместе с вами стоять заодно против врагов нашего спасения. В самом деле, что может быть постыднее и беззаконнее? Шесть или семь злонравных человек злодейски согласились между собою и, отвергшись пастырей своих, святейших Патриархов, из которых поставлены, осмеливаются властию, по своей воле, отторгнуть всех нас, православных, будто бессловесных, от истины и низвергнуть в пагубу...» [11, с. 95—102].

Согласно этому документу князь Константин Острожский от имени церковного народа, со ссылкой на святейших патриархов, отвергает епископов, объявляет их «врагами нашего спасения», и призывает весь православный народ объединиться и выступить против них, как и против прочих врагов православия. Свершился исключительно редкий в истории Церкви случай, когда мирянин противостоит целой группе иерархов, справедливо обличая их в неправославии.

По всей вероятности, в составлении этого воззвания принимали участие православные богословы острожской школы, однако всю ответ-

ственность князь Острожский взял на себя. Встает вопрос: имел ли право князь поступать таким образом? С католической токи зрения протест князя Острожского по существу не имел никакого значения, поскольку вопросы веры должны решать иерархи, и судить действия епископов может только папа. Именно так понимал создавшуюся ситуацию король Сигизмунд III [11, с. 147].

Но, согласно православному учению о соборности, действия князя Константина являлись не только оправданными, но и необходимыми. Это был голос церковного самосознания. По словам современного богослова протоиерея Николая Афанасьева: «Народу Божьему принадлежит рассуждение и испытание того, что совершается в Церкви. Это есть особое служение свидетельствования, вытекающее из царственно-священнического служения народа Божьего. Согласие народа на то, что происходит в Церкви, указывает, что предстоятели действовали в среде народа, а неотделимо от него... Народ управляется епископом не пассивно, а активно, через полное ведение того, что совершается в Церкви» [2, с. 35—37, 60].

Но Церковь не может существовать без епископата. И что бы ни утверждал князь Константин Острожский, чего бы ни требовал народ — вопрос иерархии является решающим. Отсутствие православных епископов среди противников унии на самом деле означало бы победу католической политики и могло бы быть расценено как свидетельство утраты благодати в Православной церкви Киевской митрополии.

Однако произошло событие, которое можно считать историческим чудом: два епископа — Гедеон Львовский и Михаил Перемышльский — вернулись в Церковь. Казалось, что Православная церковь Киевской митрополии целиком лишилась своих епископов, в полном составе изъявивших согласие на заключение унии, и тем самым потеряла свою каноническую полноту. Но решительный протест мирян, возглавляемый князем Острожским, против униатского решения епископов показал, что Православие живо, и, следовательно, Православная церковь не может уйти в небытие. Заслуга в том, что епископы, первыми подавшими идею церковной унии, решительно отказались от нее, перейдя на сторону Православия, принадлежит К.К. Острожскому: именно князь примирил епископа Гедеона Балабана с братством и инициировал переговоры с епископом перемышльским Михаилом. В каноническом плане возвращение двух епископов в лоно Православной церкви означало, что Цер-

ковь в Киевской митрополии сохранена во всей полноте. Даже, если бы князь Острожский ничего не успел сделать в своей жизни кроме этого дела, его заслуга перед Церковью была бы неоценимой. Окружное послание князя Острожского в итоге определило радикальное размежевание православных Речи Посполитой на сторонников и противников Брестской унии.

Хочу подчеркнуть особо, что еще до Брестского собора на генеральном сейме в начале 1596 г. православные депутаты Киевского, Волынского, Минского, Новогрудского, Полоцкого и других воеводств просили короля, чтобы епископы Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий были лишены духовного сана, так как они без ведома православного населения и своих духовных начальников — патриархов самовольно отдались под власть папы. Кроме того, депутаты требовали, чтобы король, в силу решений Варшавской конфедерации 28 января 1573 г., «благоволил дать» православным епископов православной веры, а не вероотступников. И только в последний день работы сейма, разуверившись в возможности дождаться от короля выполнения своих требований, православные депутаты во главе с князем К.К. Острожским торжественно сообщили королю и всему сейму, что «они и весь народ Русский не будут признавать Кирилла Терлецкого и Ипатия Потея своими епископами, не будут признавать их власти в своих имениях и не будут подчиняться их духовной юрисдикции» [6, с. 348].

В ответ на это король демонстративно провозгласил себя защитником епископов, подписавших соглашения в Риме, и высказал намерение «привести в унию всех своих православных подданных». Для выполнения своего намерения король просил митрополита Михаила Рагозу назначить дату церковного собора в Бресте [11, с.133].

В подтверждении своего решения, Сигизмунд III 29 мая 1596 г. издал универсал «ко всем своим подданным греческого закона» о созвании собора и объявил церковную унию фактом свершившимся. Именно на основании королевского универсала митрополит 21 августа подписал окружную грамоту о созыве собора, а самый собор назначил на 6 октября [11, с. 135].

Несмотря на то, что окончательно вопрос об унии должен был решиться только на соборе, епископы Потей и Терлецкий уже летом 1596 г. приступили к ее реализации. Полагая в основу своего вхождения в состав римско-католической церковной иерархии не вероучительное един-

ство, а лишь сохранение внешнего богослужебного обряда и приобретение православными епископами общественных привилегий, которыми обладали в Речи Посполитой римско-католические иерархи, два западнорусских епископа выдвигали прагматическую необходимость обрести внешнее сходство христианского мира под эгидой римского первосвященника. Способы, которые владыки использовали для привлечения сторонников, хорошо известны и описаны историками церкви в классической литературе [6, с. 351—352].

Православное шляхетство и магнатерия, отправляя депутатов в Брест, давали им инструкции и наказы, прямо противоположные. В основном, они сводились к трем пунктам: 1) епископы, самовольно возложившие на себя власть патриархов и подчинившиеся чужой папской власти, должны были быть лишены духовного сана; 2) Брестский собор, созванный митрополитом Михаилом Рагозой, является собором поместным, а потому не имеет полномочий для принятия решения о соединении Православной церкви с Римским костелом, тем более, что догматические вопросы обходились молчанием, или упоминались как уже разрешенные. Кроме того, статус Православной церкви в Речи Посполитой был подтвержден законами, привилеями, конфедерациями и королевскими присягами, которые никто не отменял; 3) не принимать нового (католического) календаря, но заботиться о сохранении старого, согласно указам короля Стефана Батория.

Таким образом, еще до открытия собора обозначились фундаментальное расхождение между епископами, отпавшими в унию, и православным миром, представленным его депутатами, между Католичеством и Православием, расхождение, которое имело экклезиологическое значение и которое не могло не проявиться на заседаниях собора [9].

Весьма показательной особенностью Брестского униатского собора было стремление принимать во внимание лишь позицию епископата Киевской митрополии, когда иерархическое начало, восходящее к «сверх-епископской» власти папы римского, постепенно начинает подменять собой начало соборности. Однако поскольку при объявлении унии соборной процедуры избежать было невозможно, то собор, открывшийся 6 октября, предназначен был лишь озвучить уже состоявшееся в тайне решение епископов для всего православного населения Речи Посполитой. Таким образом, собор, проходивший под омофором митрополита Михаила Рагозы, правильнее назвать *Брестским церковным сино-*

дом иерархических чинов Киевской митрополии, которые совместно с представителями католической иерархии и светских властей собрались для объявления церковной унии.

Поведение отпавших в унию епископов и митрополита заставило большую часть православных делегатов врасплох. Многие просто не могли поверить в то, что на этот раз решили обойтись без них. Два дня было потрачено на безрезультатные переговоры. Председательствующий на православном *Брестском церковном соборе* патриарший экзарх Никифор, появление которого могло состояться только благодаря усилиям К.К. Острожского, исполнил в точности требования канонического права, трижды приглашая митрополита и епископов явиться и дать ответ, и все три иерарха послам экзарха отказали. Тем самым с самого начала собору православных был придан строго канонический характер. Именно Никифор предложил: для того, чтобы упорядочить ход собора, разделить прибывших на два «кола» — духовенство и мирян. Во главе светского, совещательного церковно-народного собора, «кола мирян», были киевский воевода, сенатор князь Константин Острожский с сыном Александром, воеводой волынским, и несколько вельмож, главным образом представители волынской знати. Кроме того, было много мирян, представлявших такие города и области, как: Вильно, Киев, Минск, Пинск, Слуцк, Бельск, Каменец-Подольский, Владимир-Волынский, Браслав, Перемышль, Галицию, Волынь и ряд других, а также православные братства Вильно и Львова. Таким образом, православный собор стал собранием клира и мирян, объединенных сознанием того, что они образуют единое церковное тело. В этом и проявился соборный дух Православия. При этом он руководствовался обычаем, издавна существовавшим в Константинополе. Экзарх Никифор выступил перед собравшимися с речью, в которой обрисовал тяжелое положение православных земель, приведшее в конечном итоге к отпадению в унию православных епископов. Он предложил обсудить на соборе несколько вопросов: о перешедших в унию иерархах; о принятой ими унии и ее каноничности; о восстановлении порядка в Православной церкви. Все эти вопросы находились в компетенции собора. Экзарх имел все полномочия вместе с собором низложить митрополита и епископов, но поставить нового митрополита не мог. Чего и не было сделано.

Королевская власть была встревожена таким поворотом событий. К князю Острожскому были направлены послы с требованием снять

вооруженную охрану и выдать Никифора, т.к. он якобы являлся турецким шпионом. На эти угрозы Константин Острожский ответил отказом, а на предложение принять унию, сказал, что сделает это только после созыва Вселенского собора и согласия всех патриархов Православного Востока на соединение с Римом. Убедившись в бесперспективности переговоров с православными, униатские иерархи 10 октября провозгласили соединение с Римской церковью и отлучение всех, кто противился этому.

В этот же день собор православных слушал дело о принявших унию православных иерархах. Признав, что они изменили Православию, самовольно, без участия патриарха и Вселенского собора, попытались ввести унию на землях Речи Посполитой и пренебрегли троекратным вызовом на суд, собор постановил лишить их сана и предать отлучению от Православной церкви. Вслед за этим было составлено обращение к королю с просьбой лишить низверженных епископов их мест и открыть вакансии для новых кандидатов. После этого собор поклялся твердо стоять в православной вере и сохранять верность православным патриархам:

«Мы даем обет веры, совести и чести за себя и за наших потомков не слушать осужденных соборным приговором митрополита и владык, не повиноваться им, не допускать их власти над нами... и стоять твердо в нашей святой вере и при истинных пастырях нашей святой Церкви, особенно при наших патриархах, не оставляя старого календаря, тщательно охраняя огражденное законами общее спокойствие и сопротивление всем притеснениям, насилиям и новизнам, которые бы стали препятствовать целостности и свободе нашего богослужения» [1, с. 526—532].

Все понимали важность принятых решений. Презрение к отщепенцам со стороны православных нашло выражение в «листах», вкратце оповещавших о решении собора и, вероятно, развезенных в разные края членами этого собора. В частности, в них сообщалось, что «митрополит Рагоза и владыки полоцкий Германко, володимерский Потейко, луцкий Кривилко, холмский Збиражко, пинский Ионище как сначала тайком и скрытно бегали к Римскому папе, отступив от святого православия греческого, так и теперь явно приложились (к папе)... За что от латынян в замке (Берестейском?) были чествованы и как медведи музыкой скоморошескою и тарарушками утешаны, или, вернее, осмеяны... Они только сами одни отдались волку; а стадо, хвала Богу, в православии давнем

вкупе осталось» [4, с.495—496]. Последние слова выражали, конечно, надежды православных, а не действительность. Но, тем не менее, униатам не удалось увести за собой население православных земель Речи Посполитой. Униатская церковь, едва появившись на свет, оказалась в изоляции, а униатские иерархи — отлученными в глазах православных.

Большую роль в этих событиях сыграли патриарший экзарх Никифор и князь Константин Острожский. Они фактически предопределили ход и решения собора православных. Экзарх Никифор, с его громадным опытом и умом, сумел организовать православных и провести заседания православной стороны так, что решения православного собора получили законную силу, а униаты были осуждены. Он вывел собор из растерянности и придал ему канонический характер. Князь Константин Острожский, возглавив «коло мирян», действовал целиком в духе православной экклезиологии как свидетель того, что совершается в Церкви. Именно отсутствие согласия мирян на то, что определили епископы-униаты, свидетельствовало о том, что иерархи действовали отдельно от народа церковного, нарушая принцип соборности. Таким образом, в деле организации унии самым радикальным образом столкнулись две экклезиологии — католическая и православная. С католической точки зрения все в Церкви решают исключительно римский папа и епископы, которым он как бы делегирует часть своих полномочий «наместника Христа». Поэтому, с позиций Католицизма, решение епископата перейти в унию означает, что их паства должна принять это как должное и следовать за своими пастырями [8]. Но такая точка зрения неприемлема для православного понимания Церкви. Известно множество примеров того, как соборные деяния не принимались народом церковным, и в результате тот или иной собор входил в историю Церкви как *лжесобор*, как это было, например, с монофизитским «Разбойничьим» собором в Эфесе или иконоборческим «Безглавым» собором в Константинополе.

На Брестском соборе произошло и еще одно малозаметное, но очень важное событие, которое, думается, следует также связывать с позицией экзарха Никифора и князя Острожского. Стефана Зизания и двух священников виленского братства, отлученных от церкви Михаилом Рагозой «за ересь», объявили невиновными: «Так как сам митрополит в послушании у церкви восточной не хотел быть, то и клятву свою на этих священников положил ни за что другое, как только за книжку, сочиненную на костел римский» [10, с. 416]. Такое решение позволило этому

яркому проповеднику продолжить свою деятельность. В то же время происшедшее свидетельствовало о примирении церковной иерархии с братствами.

Именно усилия экзарха Никифора и князя Острожского практически нейтрализовали успех унии, несмотря на всю мощь соединенных усилий папы и короля. Благодаря стойкости православных, а также последовательным действиям председателя собора экзарха Никифора, а также бескомпромиссной позиции Константина Острожского православный Брестский собор прошел в строгом соответствии с канонами Православной церкви.

Естественно, что король и Католическая церковь были раздражены деятельностью экзарха и его покровителя. Сразу после собора начались гонения на православных. Сигизмунд III не замедлил издать указ о том, чтобы в кратчайшие сроки страну покинули все греки, не являющиеся гражданами Речи Посполитой. Вскоре ее оставили александрийский экзарх Кирилл Лукарис, белградский митрополит Лука и афонские архимандриты. Никифор продолжал вести себя независимо и бесстрашно, пребывая в землях князя К. Острожского и ведя занятия в Острожской академии. Однако ему было ясно, что власти не оставят его в покое. Как известно, Никифор был обвинен в шпионаже в пользу Турции. И хотя суд закончился полным провалом обвинителей, Никифор не был выпущен на свободу. Без всякого приговора он был отправлен в Мариенбугский замок, из которого так и не вышел. Думается, что отдавая экзарха константинопольского патриарха Никифора на суд, князь Острожский не верил в расправу над своим соратником. В деле Никифора князь Острожский видел выпады и против себя. Хорошо известны слова Острожского, произнесенные перед королем: «На старости лет затронули у меня самые дорогие сокровища: совесть и веру православную. Видя смерть пред глазами, напоминаю вашей королевской милости: остерегитесь; поручаю вам отца Никифора, а крови его на страшном суде божием искать буду; прошу бога, чтоб уже больше не видать мне такого ломанья прав» [10, с. 423]. И после этих страшных событий Константин Острожский не изменил своего поведения. Когда архимандрит Киево-Печерской лавры Никифор Тур отказался содержать униатского митрополита Рагозу за счет монастыря, как было решено ранее в Бресте, король потребовал от киевского воеводы отстранить Тура от архимандрии, но князь Острожский, наоборот, морально и материально поддержал

последнего. Известно, что 4 августа 1597 года александрийский патриарх Мелетий Пигас назначил львовского епископа Гедеона Балабана экзархом Киевской митрополии. Балабан окормлял свою митрополию только под охраной отряда князя Острожского и рукополагал новых кандидатов на пустовавшие приходы. С именем Константина Острожского связано и еще чрезвычайно важное для Православной церкви событие: князь не допустил перехода Софийского собора и Выдубицкого монастыря в Киеве в руки митрополита Потея.

Таким образом, в ходе драматических событий в Бресте в октябре 1596 г. столкнулись две экклезиологии — католическая и православная. С католической точки зрения все в Церкви решают исключительно папа и епископы, которым он как бы делегирует часть своих полномочий «наместника Христа». Поэтому, с точки зрения Католицизма, решение епископов на *Брестском церковном синоде* перейти в унию означало, что их паства должна была принять это как должное и следовать за своими пастырями. Но такая точка зрения неприемлема для православного понимания церкви.

Напротив, православный *Брестский церковный собор*, благодаря действиям экзарха Никифора и князя Константина Острожского, прошел в строгом соответствии с церковным каноническим правом. Его решения были хорошо известны православному населению Речи Посполитой. Незаконными и противоправными в понимании его участников были поступки короля и епископов, подписавших унию. Именно этим объясняется стойкое стояние православных в вере и пренебрежение к перешедшему в унию духовенству.

Список литературы

1. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов. — Киев: Унив. тип., 1859. — Ч.1, т.1. — 555 с.
2. Афанасьев, Н., прот. Церковь Духа Святого / Н. Афанасьев, прот. — Рига: Балто-славянское общество культурного развития и сотрудничества, 1994. — 327 с.
3. Гісторыя Беларусі: у 6 тамах / рэдкал.: М. Касцюк (гал рэд.) [і інш.]. — Мінск: Современная школа; Экоперспектива, 2008. — Т. 2. — 685 с.
4. Иловайский, Д. Царская Русь / Д. Иловайский — М.: Чарли, 1996. — 633 с.
5. Левшун, Л.В. К вопросу о почитании православных святых на землях Беларуси в XII—XVII вв. / Л.В. Левшун // Православие в духовной жизни Бе-

ларуси: Сб. матер-в междун. научно-практ. конф., Брест, 25—26 апреля 2007 г. / редкол.: М.Э. Чесновский [и др.]; — Брест: Изд-во БрГУ, 2008.— С. 256—266.

6. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви / Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. — М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. — Кн. V. — Т. 9. — 559 с.

7. Марозава, С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596—1839 гады) / С.В. Морозава. — Гродна: Гродзенскі дзяржаўны універсітэт імя Янкі Купалы, 2001.— 352 с.

8. Пері, Вітторіо. Берестейская унія у рімському баченні / Вітторіо Пері // Історичний контекст укладення упіі і перше поунійне покоління: Матеріяли «Перших Берестейських читань», Львів, Івано-Франківськ, Кипв, 1—6 жовтня 1994 р. / Редактор Боріс Гудзяк, співредактор Олег Турій; Інститут Історіі Церкви Львівськоі Богословськоі Академіі.— Львів, 1995. — С.7—24.

9. Салтыков, Александр, прот. Два собора в Бресте 1596 года — две экклезиологии / Александр Салтыков, прот. // Материалы научно-богословской конференции, посвященной памяти преподобномученика Афанасия, игумена Брестского, Брест, 16—19 сентября 1996 г. / Православное братство во имя Архистратига Божия Михаила. — Минск, 1997. — С. 30—35.

10. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961. — Кн. V. — 755 с.

11. Уния в документах / Сост. В.А. Теплова, З.И. Зуева.— Минск: Лучи Софии, 1997. — 518 с.

Бортник И.А.

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПРАВОСЛАВНОЙ ПОЛЕМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В 1596–1632 гг.

Заключение Брестской церковной унии обусловило начало специфического этапа в деятельности православной церкви в Речи Посполитой, продолжавшегося до 1632 г. В этот период православная церковь не имела определенного правового статуса; все ее прежние права и привилегии были переданы униатской церкви. Несмотря на признание de facto двух церквей греческого обряда на сеймах 1607 и 1609 гг., деятельность православной церкви не имела четких правовых гарантий. Вопрос «успокоения греческой веры» часто становился предметом обсуждения на заседаниях сеймов, однако он постоянно оттягивался до следующего сейма. Враждебность в отношениях между православными и униатами нередко приобретала форму острых конфликтов с применением насильственных методов. Усилению напряженности в отношениях между православными и униатами способствовало установление в 1620 г. иерусалимским патриархом Феофаном новой церковной иерархии, не признанной государственными властями. Данная ситуация претерпела изменения лишь после смерти короля Сигизмунда III Вазы и принятия на элекционном сейме 1632 г. «Пунктов успокоения греческой веры», согласно которым православная церковь в Речи Посполитой получила официальное признание. Специфика конфессиональной ситуации в 1596–1632 гг. содействовала росту внимания к проблеме толерантности в рамках православной полемической литературы. Если до конца XVI в. названная проблема проявлялась почти исключительно на теологическом уровне, то на протяжении рассматриваемого периода она также нашла отражение в качестве проблемы общественно-политической. Особенно активно указанная проблематика обсуждалась в периоды всплеска православно-униатской полемики после заключения унии в 1596–1610 гг., а также после установления новой церковной иерархии в 1620–1623 гг.

Вопросам, связанным с изучением православной полемической мысли в период 1596–1632 гг., в исторической литературе посвящены многочисленные исследования. В рамках данной статьи можно указать

лишь на крупнейшие из данных исследований труды российских историков А.С. Архангельского, С. Голубева, П. Жуковича, В. Завитневича, П. Подвысоцкого, И.А. Чистовича [1—6]; польских — Я. Былиньского, К. Левицкого, Э. Ликовского, А. Мироновича, В. Урбана, К. Ходыницкого, Т. Хынчевской-Хеннель [7—13]; украинских — М. Возняка, М. Грушевского, П. Загайко, Я. Исаевича, С. Плохия, И. Пославского, И. Франко, П. Яременко, [14—20]; белорусских — Н.А. Кутузовой, С.В. Морозовой, С.А. Подокшина, Е.С. Прокошиной [21—24]. Однако, несмотря на наличие столь обширной литературы, проблема толерантности в рамках православной полемической мысли не становилась до этого времени предметом специального научного исследования; имело место лишь рассмотрение отдельных аспектов вопроса о толерантности в рамках анализа других проблем или творчества отдельных мыслителей. Необходимость системного анализа выделенной проблемой требует дальнейших научных исследований, попыткой чего выступает данная статья.

Следует отметить, что в рамках интеллектуального дискурса в период 1596—1632 гг. отсутствовало единство. Часть его представителей ориентировалась на господствующие в рамках православной мысли идеи доунионного периода. Характерными чертами этого направления выступают изоляционизм, враждебное отношение к культуре других конфессий, консерватизм. Главным выразителем идей указанного течения интеллектуальной мысли является Иван Вышенский. Также к нему относятся анонимные произведения, появившиеся в начале XVII в. «О образех, о кресте, о хвале и молитве святых, и о инных артикулех веры единое правдивое Церкве Христовы», «О Пресвятей Тройци і о иных артикулех веры единое правдивое Церкве Христовы», «Зачапка мудраго латынника с глупым русином», «Краткословный ответ Феодула». С определенными оговорками к данному течению можно отнести творчество Захарии Копыстенского. Другое направление можно определить как «либеральное». Для него характерным выступает тенденция к культурному взаимодействию с протестантскими конфессиями, адаптация некоторых протестантских идей. Данное направление репрезентируется в полемических трудах Христофора Филалета, Клирика Острожского, Мелетия Смотрицкого (в православный период его деятельности), Иова Борецкого, в ряде анонимных произведений.

Можно выделить следующие основные направления православной полемической мысли в период 1596—1632 гг.: утверждение истинности

православного вероучения; защита прав и привилегий православной церкви, переданных униатской церкви; обоснование незаконности и нелегитимности унии; жалобы на насильственные действия противников православия, а также обвинения их в антиправовой деятельности; призывы к властям Речи Посполитой с просьбой о восстановлении доунионного правового статуса православной церкви. Проблема толерантности рассматривалась в контексте указанных направлений. Труды, специально посвященные данной проблеме, отсутствовали.

Существенное значение для православной полемической мысли имело православно-протестантское сближение в данный период, представленное в политическом контексте в виде союза православной и протестантской шляхты в органах сословного представительства[1]. В протестантской мысли Речи Посполитой уже с конца XVI в. проблема толерантности становится предметом глубокого анализа. Выработанный в ее рамках концептуальный подход в значительной степени стал моделью для формирования представлений о толерантности в православной мысли после Брестской унии.

Если рассматривать православную полемическую мысль в 1596–1632 гг. на теологическом уровне, то здесь наиболее отчетливо проявляется преемственная связь с идеями предыдущего периода. Главной целью выступает обоснование истинности вероучения православной церкви. Согласно принципам общехристианской полемической традиции того времени главными задачами на пути формирования идеи истинной церкви становилось обоснование таких ее элементов как единство, святость, всеобщность, преемственность с апостольской церковью. Связь церкви с апостольской традицией выявлялась в преемственности духовной власти, транслировавшейся от апостолов пяти вселенским патриархам. В этом пункте сходятся представители как «консервативного», так и «либерального» направлений православной мысли. Так, характеризуя православную конфессию, православный полемист из окружения главного светского покровителя православной церкви в Речи Посполитой в конце XVI – начале XVII в. киевского воеводы Константина Острожского Клирик Острожский утверждает, «же тая вера и церков над все

[1] Этот вопрос становился предметом ряда научных исследований. Наиболее полно он нашел свое отражение в монографии польского историка Т. Кемпы [25].

веры правдивша и справедливша» [26, с. 425—426]. По мнению автора анонимного труда «Краткословный ответ Феодула», познание истинной веры возможно только на основе познания истинной церкви, вне которой не может быть спасения [27, с. 119].

Если в доунионный период подобное обоснование имело преимущественно общий абстрактный характер, то в 1596—1632 гг. оно выступало главным образом как антитезис в полемике с католической концепцией единства церкви. Униатские полемисты доказывали, что древняя восточная церковь признавала власть римского папы и поэтому якобы сохраняла правоверие вплоть до раскола христианской церкви на католическую и православную; и только отход православия от покровительства Рима содействовал деформации вероучения и культа. В православном теологическом дискурсе в противовес этому отрицалась идея папской власти в церкви и утверждался тезис о Христе как единственном господине в церкви.

Основным аргументом обоснования истинности православного вероучения являлось обращение к церковной традиции. В то же время в некоторых трудах акцентировалось внимание на авторитете Священного Писания, что можно считать в некоторой степени результатом протестантского влияния. Так, Мелетий Смотрицкий в работе «Тренос», изданной в 1608 г., отвечая на вопрос о том, какое вероисповедание является истинным, утверждает, что главным фактором определения истинности должно стать Священное Писание [28, k. [4]]. В 1620-е гг. в православной теологической полемике закрепляется обоснование истинности вероучения на основе одновременно церковной традиции и Священного Писания, что характерно в первую очередь для трудов Захарии Копыстенского.

Острая конфронтация между православными и униатами в рассматриваемый период обусловила частые обращения православных полемистов к общественно-политической ситуации и анализ проблемы религиозной терпимости как политико-правового феномена. В качестве фундаментальной идеи при этом выступала защита незыблемости прав и привилегий, дарованных религиозным конфессиям на государственном уровне. Существенным моментом в данном контексте выступали также характеристика унии как главного инспиратора религиозных конфликтов в обществе Речи Посполитой. В экспрессивном стиле описывались факты притеснения православных со стороны униатов; при этом бруталь-

ность действий последних описывалась на фоне христианской покорности и готовности к мученичеству со стороны православных. Таким образом, если еще во второй половине XVI в. православная мысль индифферентно относилась к вопросу о религиозной терпимости в политической жизни, то в 1596—1632 гг. выступает в защиту последней в качестве формы борьбы за восстановление утерянных церковных прав и привилегий.

Обсуждение принципов религиозной толерантности в православной мысли можно проанализировать в трех основных аспектах: легитимистском, политико-прагматическом и морально-религиозном. В дискурсе православных полемистов преобладала легитимистская аргументация в пользу толерантности, которая апеллировала к политико-правовым актам и традициям взаимоотношений православной церкви с государственными властями Великого княжества Литовского и Королевства Польского. Постоянно упоминаются грамоты польских королей и великих князей литовских, сеймовые постановления, гарантировавшие права православной церкви. Наиболее полное перечисление документов подобного рода содержится в работе «Синопсис» («Synopsis»), специально подготовленной Виленским братством к конвокационному сейму 1632 г., а также в примыкающем к нему труде «Супплементум Синопсис» («Supplementum Synopsis»), подготовленной тем же братством на элекционный сейм 1632 г. [29, с. 577-649; 30, с. 537-573].

Наряду с апелляцией к прежней правовой традиции во взаимоотношениях православной церкви и государственной власти в Речи Посполитой в качестве легитимистского аргумента использовалось также обращение к акту Варшавской конфедерации 1573 г. и обоснование ее юридической силы, что было в это время главным аргументом в рамках протестантской концепции толерантности. Наиболее последовательная защита акта Варшавской конфедерации содержится в работе Христофора Филалета «Апокрисис», изданной в 1597 г. [31, с. 1087—1094]. Это в свою очередь вызвало жесткую критику со стороны униатов в вышедшем в качестве ответа «Апокрисису» анонимном труде «Антиризис», авторство которого принадлежит униатскому владимирско-брестскому епископу, а позднее митрополиту, Ипатию Потею. В данном произведении Варшавская конфедерация отвергается как путь, ведущий к развитию различных ересей и оскорблению Бога, что было привычным штампом контрреформационной критики конфедерации [32, с. 663—674, 841—842, 851—862, 967—968].

В работе, подготовленной православным духовенством к сейму 1622 г., «Юстификация невинности» («Justyficacia niewinności») представлена апология идеи свободы, которая предусматривает апологию правовой системы Речи Посполитой, в которой реализованы принципы шляхетской демократии. При этом указывается на права и привилегии «русского народа», под которым понимается совокупность представителей «политического народа» (шляхты) православного вероисповедания [33, s. 512—516].

Обращение к праву тесно связано с подчеркиванием лояльности представителей православного вероисповедания по отношению к государственной власти. Так, в анонимном полемическом произведении «Вопросы и ответы православного с папежником. 1603 г.» специально подвергаются критике представления о светской власти как о «проклятом ярме», обосновывается божественное происхождение государственных институтов [34, с. 30—34]. Акцентирование данного тезиса служило своего рода контраргументом в полемике с контрреформационной пропагандой, обвинявшей православных в антигосударственной деятельности и связях с внешними врагами, особенно после посвящения в 1620 г. новой церковной иерархии патриархом Феофаном, объявленным властями турецким шпионом [32, с. 545—546; 35, с. 1065—1066; 36, с. 725—726; 37, s. 443—444]. В начале 1620-х гг. главные усилия православных полемистов были направлены на обоснование канонической и правовой легитимности новой иерархии, опровержение обвинений в адрес Феофана и непризнанных иерархов по поводу шпионажа и подстрекательства к бунтам. Сами руководители новой иерархии — митрополит И. Борецкий и полоцкий архиепископ М. Смотрицкий в своих трудах данного периода акцентировали внимание на своей верности в отношении государственной системы Речи Посполитой, подчеркивали недопустимость широко распространенного в контрреформационной литературе отождествления противников унии с «наливайками» — движениями мятежного казачества [33, s. 515—517; 38, с. 325—326; 39, с. 608—610, 615; 40, k. [4]; 41, s. 39—43; 42, с. 323—326]. В противовес этому православные полемисты указывали, что агрессивные и фанатичные действия сторонников унии являются бунтом против основ общественно-политического строя Речи Посполитой, гарантирующих свободу вероисповедания [38, с. 326; 39, s. 605, 609, 613; 43, с. 277—278; 44, с. 1114; 45, с. 210; 46, s. 12—13].

Существенная роль в православной полемической мысли принадлежит также политико-прагматической аргументации. Х. Филалет в этой связи формулирует три тезиса:

— неэффективность механизмов насильственного принуждения в сфере совести; их использование ведет к формализации веры, когда представители запрещенных исповеданий из-за боязни репрессий вынуждены маскировать свои религиозные чувства внешним конформизмом;

— религиозное насилие вызывает общественную нестабильность и гражданские войны, отличающиеся особой бескомпромиссностью;

— межконфессиональная борьба негативно влияет на состояние обороноспособности государства [31, с.1797—1802].

В том же духе Клирик Острожский критикует контрреформационную концепцию «согласия» («zgody»), под которым понималось всеобщее признание единого мировоззрения, постулированного в качестве универсального и единственно истинного. По мнению православного полемиста, реализация «согласия» в таком виде способна только усилить напряженность в обществе. Критика названной концепции направлена прежде всего против насильственного введения унии под лозунгом «согласия»: «Повадили есте свет, потурбовали люде, высушили в людех зопоболную милость, поваснили родичов з детми, поятрили брата з братом, побудили одного против другому, роспорошили братерство, прогнали пріязнь, впровадили заятренье» [26, с.405—406]. Согласно Клирику Острожскому, стратегия интолерантности способна привести к возрастанию социальных конфликтов, распаду традиционных связей и ценностей, примером чего выступают религиозные войны во Франции [26, с.406, 409].

М. Смотрицкий в своих трудах указывает на зависимость благосостояния государства от наличия в его пределах гражданского мира. В связи с этим он провозглашает, что введение унии явилось причиной срыва длительного периода мирных отношений между православной и римско-католической церквями в Речи Посполитой, катализатором межконфессиональной ненависти: «Что нас Русь наиболее рассорило с Римлянами, если не эта лицемерная уния?» [41, s. 79]. Кроме того М. Смотрицкий подобно Х. Филалету указывает на неэффективность насилия в отношении совести как идеального феномена в отличие от насилия в сфере материальных отношений: «(Пан) может властвовать над телом, проливать кровь, но забрать веру не может никогда» [47, с. 253—256].

Возникновение мученичества, по мнению М. Смотрицкого, способно только усилить позиции религиозных диссидентов. Данные идеи во многом совпадали с основными положениями протестантской концепции толерантности в политико-прагматическом аспекте.

С целью восстановления доунионного правового статуса православной церкви полемисты предлагали преимущественно легальные средства: обращения к королю, протестации на сеймах и т.д. Вместе с тем значительное внимание уделялось также надеждам на поддержку православных сообществ со стороны крупных магнатов — представителей православия. Им посвящалась большая часть полемических произведений. В первое десятилетие XVII в. наибольшие надежды связывались с киевским воеводой Константином Острожским. После его смерти и перехода большей части знатных православных родов в католичество деятели православной церкви находили опеку у многих протестантских магнатов. В 1620-е гг. фактическим опекуном православных в ВКЛ становится князь Криштоф II Радзивилл.[2] Существенные надежды возлагались православными деятелями также на казаков, заслуги которых перед православием и государством превозносились в трудах М. Смотрицкого и И. Борецкого [38, с. 317; 39, с. 611, 617].

Наиболее противоречиво трактуется в рамках православной полемической мысли морально-религиозный аспект толерантности. В трудах православных полемистов ересь рассматривалась как результат сатанинского вмешательства, как плод ума, охваченного гордыней и не способного к почитанию Бога. Захария Копыстенский в своем труде «Палинодия» 1621 г., несмотря на признание веротерпимости, утверждает, указывая на преимущества православного вероисповедания, что наилучшей является та церковь, которая способна дать отпор ересям. При перечислении негативных признаков унии в первую очередь выделено отступничество от «святой веры кафолической» [44, с. 931, 1112]. В работе иеродиакона Киево-Печерского монастыря Леонтия отступничество от юрисдикции восточной православной церкви, отрицание сакрализованной в ее рамках традиции рассматривается как ересь [49, с. 271—286]. Так же как и протестантские полемисты, идеологи православия подчеркивают недопустимость преследования своего вероиспо-

[2] Сотрудничество представителей биржанской линии Радзивиллов с православным духовенством ВКЛ отражено в монографии польского историка Р. Дегеля [48].

ведания в первую очередь по причине его догматической истинности и ортодоксальности. Критика притеснений в отношении православных сопровождается возмущением по поводу того, что отношение к православным в Речи Посполитой хуже, чем к иудеям и протестантам [38, с. 321; 45, с. 216]. Это свидетельствует о существенных элементах религиозной нетерпимости в трудах православных полемистов.

В наибольшей степени элементы интолерантности содержатся в трудах представителей «консервативного» направления полемической мысли. Так, Иван Вышенский подчеркивает исключительность православной вероучительной доктрины, коренным образом отличающейся от всех других вероучений, в рамках которых априори не может содержаться никакой истины: «...нашея веры таинства увесь мир вместити не может, иншіе же веры суть прелести» [50, с. 207—209, 220, 254—257]. И. Вышенский и автор анонимного произведения «Зачапка...» рассматривают философию и светские науки как источник ереси [50, с. 210, 219; 51, с. 68—70, 73, 76—79].

В то же время в рассматриваемый период возникают более «либеральные» трактовки иноверия в контексте морально-религиозного аспекта толерантности. Наиболее последовательно данная тенденция проявилась в «Апокрисисе» Х. Филалета, в котором акцентируется этический аспект религии. В данном труде в ответ на обвинения со стороны римских католиков и униатов в сотрудничестве православных с «еретиками»-протестантами автор говорит: «Примовки з стороны еретиков што ся тычет, — вера каждого же толко самому Господу Богу досконале есть ведома, прожно есмо мы, Греческой релеи люде, в Берестю на синоде розсудок о том, яко кто с тых, што до нас приходили, верил, привлащати собе мели, милости той ведаючи быти власность, же есть людская, же ничим ся не бридит, же всему лацно верит, же всего ся сподевает, не здало ся нам с тых, которые ся до нас отзывали и горнули, никого с посродку себе выпихати, и догажалисмы тому, аза бы пріательское а людское их до себе припущенье вонтпливость албо блуды в вере, если якіе мелі, з сердц их выняти могло» [31, с. 1332]. Из данной цитаты следует, что центральной темой при рассмотрении взаимоотношений представителей различных вероисповеданий становится акцент на христианских моральных ценностях, в свете чего снижается значение доктринальных проблем. Такая позиция дает возможность реинтерпретации понятия ереси в качестве определения иной религиозной ориентации, без традицион-

ного аксиологического элемента. Однако вместе с тем необходимо понимать, что автором данной цитаты является протестант Мартин Броневский, скрывающийся за псевдонимом Х. Филалета, который защищает по просьбе К. Острожского интересы православия в условиях союза некатолической шляхты в борьбе против Контрреформации. Поэтому при составлении произведения он руководствовался, очевидно, не только православными, но и протестантскими интересами.

Рассмотрение проблемы толерантности в православной полемической литературе требует также анализа отношения к отдельным неправославным конфессиям. В связи с этим главным объектом критики становятся римско-католическая и униатская церкви. Характерно, что в своем отношении к католицизму православная полемическая мысль данного периода существенно отличается от предыдущего. Так, в анонимном произведении второй половины XVI в. «Против повести нынешних безбожных еретиков» указывается на значительно большую близость католицизма к учению и практике православной церкви по сравнению с протестантизмом: «римская церква, аще и отлучися от грек, однако ж закон и уставы предних своих, им положенные, держат» [52, с. 18]. Однако уже, начиная с 1590-х гг., в условиях подготовки и заключения унии католицизм начинает рассматриваться как учение, кардинально несовместимое с православным. Еще накануне заключения Брестской унии известный православный проповедник Стефан Зизаний в труде «Казанье святого Кирила, патріархи іерусалимского, о антіхристе и знаках его» 1596 г. заимствовал из протестантского дискурса идею папы как предвестника Антихриста, которая затем повторялась в ряде других православных полемических произведений [43, с. 273—274; 51, с. 100—105; 53, с. 31—39; 54, с. 512—513, 531—532]. Исключительно негативно оценивались католическая догматика и культ, в черных тонах описывалась история римской церкви. По мнению автора «Краткословного ответа Феодула», католическое вероучение является настолько переполненным различными еретическими заблуждениями, что оно может рассматриваться как наихудший вид ереси [27, с. 143].

Наиболее ярко элементы религиозной нетерпимости в православной мысли выступают при рассмотрении отношения к униатской церкви. Данное отношение характеризуется открытой враждебностью и агрессивностью. Язык антиуниатской литературы в духе религиозной полемики того времени широко использует такие оскорбительные эпитеты

в адрес оппонентов, как «проклятая уния», «лицемерная уния», «баламутня» и т.д. Одновременно акцентируется внимание на репрессивные действия униатов против представителей православия. Главное обвинение в адрес унии при этом заключалось не в методах ее введения, а в совершенном акте отступничества от «истинной веры». Униаты рассматриваются как «апостаты» (отступники), поскольку отступили от принятого древними вселенскими соборами Символа веры, а также отступили от признания верховной власти в церкви Иисуса Христа в форме признания таковой в лице римского папы. «Апостазия» выступает также как определение отступничества от основ церковного и государственного права Речи Посполитой, согласно которым духовным руководителем восточной церкви провозглашается константинопольский патриарх. «Апостазия» униатов, по мнению православных полемистов, заключается кроме того в отступничестве от королевской власти, так как подрывает определенный в законодательстве порядок номинации и посвящения православных епископов. Наконец, униатская «апостазия» включает в себя отказ от христианского смирения, что выражается в религиозной ненависти униатов по отношению к православным, провоцировании погромов и репрессий [2, с. 262—263 (Приложения); 39, s. 629—651]. В ответ на обвинение с католической стороны в «схизме» (расколе) православные полемисты выдвигали соответствующее обвинение в адрес униатов. Так, М. Смотрицкий в работе «Эленхус» («Elenchus»), изданной в 1622 г., анализируя категорию «схизмы», понимает под ней отрыв членов от головы в сфере религиозно-духовных отношений. Однако, в отличие от униатов, под головой здесь имеется в виду Иисус Христос, а не римский епископ. Отрыв униатов от Иисуса Христа, по мнению М. Смотрицкого, является свершившимся фактом, на что указывает отрицание ими «истинной веры» [39, с. 622—623]. Резко негативно освещается история возникновения и заключения унии. Инициаторы унии рассматриваются как корыстолюбивые, амбициозные и аморальные деятели. Уния нередко рассматривается как результат сатанинского влияния на принявших ее епископов [28, k. [12—13]; 44, с. 1113—1114; 45, с. 207, 209—211; 54, с. 555—561; 55, с. 31; 56, с. 331—334].

Православные полемисты, как правило, требовали в своих трудах от светских властей Речи Посполитой полной ликвидации унии и возвращения всех прав и привилегий православной церкви, которые на тот момент принадлежали униатам. Вместе с тем иногда содержались и бо-

лее умеренные взгляды по вопросу о существовании унии. М. Смотрицкий в труде «Оборона Верификации» («Obrona Verificatiey»), изданном в 1621 г., отрицает обвинения противников в том, что православные стремятся к ликвидации унии: «Не требуем так сильно того, чтобы уния была упразднена, поскольку в наших государствах каждый может свободно в то, во что хочет». Затем автор указывает на общие корни православной и униатской церквей [41, s. 81—84]. Подобная интенция может свидетельствовать, с одной стороны, об оборонительной тактике в неблагоприятных социально-политических условиях, с другой, о наличии определенной тенденции к сближению с унией у М. Смотрицкого, которая затем актуализировалась в его переходе в униатство в конце 1620-х гг.

Отношение к протестантизму православная полемическая мысль рассматриваемого периода, как правило, обходит стороной. Это во многом объясняется стремлением избежать полемики с протестантами в условиях политического союза православной и евангелической шляхты. С другой стороны, православные полемисты стремились избежать и указаний на позитивные аспекты постреформационных учений, чтобы, таким образом, ослабить тезис противников о сотрудничестве православных с «еретиками». Данный тезис выступал одним из центральных в антиправославной полемике. Характерно, что указанная тема активно использовалась М. Смотрицким после перехода в униатство; при этом он даже признает еретическими свои прежние труды. Союз с «еретиками» отождествляется им с самой «ересью»: «Кто исповедует ересь, тот еретик; кто защищает ересь, тот тоже еретик» [57, s. [3—5]]. Подобные обвинения, как правило, игнорировались православными полемистами. Иногда, однако, фиксировалось одобрение союза с еретиками, как, например, в анонимном труде «Перестрога», созданном в среде Львовского братства около 1605 г.: «А віленськое [братство] вкупі зостало, маючи при собі геретиков, которих ім господь бог заступцями дав» [45, с. 115]. В то же время в рамках «консервативного» направления православной полемики репрезентируется нетерпимое отношении к протестантам. Так, автор «Краткословного ответа Феодула» полностью поддерживает контрреформационную критику протестантизма; единственное, в чем он с нею не согласен — в отождествлении с протестантами православных [27, с. 141—142]. Автор анонимного труда начала XVII в. «О образех, о кресте...» в агрессивном тоне, критикуя противников почитания икон, к единому лагерю «еретиков» относил Ария, Уильяма

Виклефа, Яна Гуса, Жана Кальвина, Мигеля Сервета, Павла Альтиатуса, Лелия Социна, Мартина Чеховица, Симона Будного [58, с. 68—69].

Наибольшие проблемы для православной полемической мысли составляло указание фактов нетерпимости православных в общественной практике Речи Посполитой того времени. Во всех православных трудах 1596—1632 гг. представители православной церкви представляются как «кроткие последователи Христа», готовые к мученичеству. При этом широко описываются притеснения, причиняемые православным их противниками. Во многом эти факты соответствовали действительности. Но вместе с тем имели место и факты насилия православных в отношении римских католиков и униатов. Впервые в униатской полемике на это было обращено внимание в произведении «Антиризис» [32, с. 861—862]. М. Смотрицкий после перехода в униатство обвиняет «схизматиков» в «братоубийстве», указывая на факт насилия в отношении полоцкого архиепископа Иосафата Кунцевича в Витебске в 1623 г. [59, k. 4]. В труде униатского деятеля Антония Селявы «Антиэленхус» («Antelenchus») указывается на то, что ненависть православных относительно католиков превышает ненависть со стороны «еретиков» [36, s. 722]. Данные обвинения православная полемическая литература обходила стороной или в качестве ответа приводила факты большей нетерпимости со стороны униатов и римских католиков. Отмеченный фактор дает повод к сомнению насчет искренности защиты феномена толерантности в православной литературе; скорее свидетельствует о его ситуативном использовании.

Таким образом, в период 1596—1632 гг. проблема толерантности выходит в рамках православной полемической мысли из сферы исключительно теологической и активно артикулируется на уровне социально-политической проблемы. В данный период для православной мысли характерно позитивное восприятие толерантности как социально-политического феномена, что связано с борьбой за восстановление правового статуса православной церкви после Брестской унии. Вместе с тем исследование морально-религиозного аспекта толерантности в ее рамках позволяет выделить существенные элементы нетерпимости в отношении представителей иных вероисповеданий. В целом можно утверждать, что подхода к толерантности в православной полемической мысли указанного периода имел преимущественно ситуативный характер.

Список лтитературы

1. Архангельский, А.С. Очерки из истории западно-русской литературы XVI—XVII вв. Борьба с католичеством и западно-русская литература конца XVI — первой половины XVII вв.: в 2 т. / А.С. Архангельский. — М.: Унив. тип., 1888. — Т. 1. — 1888. — 137 с.

2. Голубев, С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники (Опыт исторического исследования): в 2 т. / С. Голубев. — Киев: Типогр. Г.Т. Корчак-Новицкаго, 1883—1898. — Т. 1. — 1883. — 559, 576 с.

3. Жукович, П. Сеймовая борьба православнаго западнорусскаго дворянства с церковной унiей (до 1609 г.) / П. Жукович. — СПб: Типогр. гл. управ. уделов, 1901. — [21], 608 с.

4. Завитневич, В.З. Палинодія Захаріи Копыстенскаго и ея место в исторіи западно-русской полемики XVI и XVII вв. / В.З. Завитневич. — Варшава: Типогр. Варшавского ученого округа, 1883. — 400, [75] с.

5. Подвысоцкий, П. Западнорусские полемические сочинения по вопросу о восстановлении православной иерархии в Западной Руси в 1620 г. / П. Подвысоцкий. — Могилев: Типогр. І.Б. Клаза и М.Л. Кагана, 1915. — 337 с.

6. Чистович, И.А. Очерк исторіи западнорусской церкви: в 2 ч. / И.А. Чистович. — СПб: Типогр. Департамента уделов, 1882—1884. — Ч. 2. — 1884. — 419 с.

7. Byliński J. Marcin Broniewski — trybun szlachty wielkopolskiej w czasach Zygmunta III / J. Byliński. — Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. — 195 s.

8. Chodynicki, K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny 1370—1632 / K. Chodynicki. — Warszawa: Kasa im. Mianowskiego — Instytut popierania nauki, 1934. — 632 s.

9. Chynczewska-Hennel, T. Świadomość narodowa szlachty ukraińskiej i kozaczyzny od schyłku XVI do połowy XVII w. / T. Chynczewska-Hennel. — Warszawa: PWN, 1985. — 189 s.

10. Lewicki, K. Książe Konstanty Ostrogski a unia brzeska 1596 r. / K. Lewicki — Lwów: Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie, 1933. — 224 s.

11. Likowski, E. Unia brzeska (r. 1596) / E. Likowski. — Poznań: Dr. Kuryera Poznańskiego, 1896. — [20], 424 s.

12. Mironowicz A. Kościół prawosławny w dziejach dawnej Rzeczypospolitej / A. Mironowicz. — Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2001. — 352 s.

13. Urban, W. Konwersja Melecjusza Smotryckiego, polemisty i dyzunickiego arcybiskupa połockiego w latach 1620—1627. Przyczynek do dziejów polemiki religijnej XVII wieku / W. Urban. — Kraków: Nasza Przeszłość, 1957. — 91 s.

14. Возняк, М. Історія украiньскої літератури: в 3 т. / М. Возняк. — Львів: «Просвіта», 1920—1921. — Т. 2: Віки XVI—XVIII. Ч. 1. — 1921. — 416 с.

15. Грушевський, М. З історії релігійної думки на Україні / М. Грушевський. — Львів: Друк. Наук. Т-ва ім. Шевченка, 1935. — 160 с.

16. Исаєвич, Я.Д. Братства та іх роль в розвитку украиньської культури XVI—XVIII стст. / Я.Д. Исаєвич. — Київ: Наукова думка, 1966. — 248 с.

17. Паславський, І.В. З історії розвитку філософських ідей на Україні в кінці XVI — першій третині XVII ст. / І.В. Паславський. — Київ: Наукова думка, 1984. — 127 с.

18. Плохій, С. Наливайкова віра. Козацтво та релігія в ранньомодерної Україні / С. Плохій. — Київ: Критика, 2005. — 496 с.

19. Франко, І. Іван Вишенський та його твори / І. Франко. — Львів: б.в., 1895. — [10], 536 с.

20. Яременко П.К. «Перестрога» — український антиуніатський памфлет початку XVII ст. / П.К. Яременко. — Київ: Вид-во АН УРСР, 1963. — 164 с.

21. Кутузова, Н.А. Нация, религия и государственность в полемической литературе Беларуси конца XVI — первой половины XVII вв. / Н.А. Кутузова. — 2-е доп. изд. — Минск: Право и экономика, 2005. — 98 с.

22. Марозава, С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596—1839 гады) / С.В. Марозава. — Гродна: ГрДУ, 2001. — 352 с.

23. Падокшын, С.А. Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры / С.А. Падокшын. — Мінск: Бел. навука, 2003. — 316 с.

24. Прокошина, Е.С. Мелетий Смотрицкий / Е.С. Прокошина. — Минск: Наука и техника, 1966. — 159 с.

25. Kempa, T. Wobec kontrreformacji. Protestanci i prawosławni w obronie swobód wyznaniowych w Rzeczypospolitej w końcu XVI i w pierwszej połowie XVII wieku / T. Kempa. — Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2007. — 624 s.

26. Ответ клирика Острожского Ипатию Потею 1598 г. // Русская историческая библиотека, издаваемая Постоянной исторической археографической комиссией Российской Академии Наук (АН СССР): в 39 т. — СПб., 1872—1927. — Т.19: Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 3. / под ред. П. Гильтебрандта. — СПб.: Типогр. А. Траншеля, 1903. — С. 377—432.

27. Краткословный ответ Феодула // Голубев, С. Пётр Могила и его сподвижники (Опыт исторического исследования): в 2 т. / С. Голубев. — Киев: Типогр. Г. Т. Корчак-Новицкаго, 1883. — Т. 1. — Приложения. — С. 109—143.

28. Smotrycki, M. ΘΡΗΝΟΣ to iest lament iedyney s. powszechney apostolskiej wschodniey cerkwie, z obiasnieniem dogmat wiary / M. Smotrycki. — Wilno: Druk. Bractwa Św. Ducha, 1610. — [15], 218, [1] k.

29. Supplementum Synopsis, сочиненіе, изданное Виленским православным братством ко времени избирательного сейма по смерти короля Сигизмунда III. 1632. // Архив Юго-Западной Россіи, издаваемый Временною коммиссіею для разбора древних актов: в 8 ч. — Кіев: Унив. тип, 1859—1914. — Ч. 1, т. 7: Памят-

ники литературной полемики православных южно-руссцев с латино-униатами. — 1887 — С. 577—649.

30. Synopsis, albo krótkie spisanie praw, przywileiów, swiebod y wolności od naiaśnieyszych św. Pamięci Krolów Ich Miłości Polskich y Wielkich Xiążat Wielkiego Xięstwa Litewskiego y Ruskiego (...) Przezacnemu starowiecznemu narodowi Ruskiemu, pod posłuszeństwem św. Oyca Patriarchy Konstantynopolskiego stale y nieodmienne od okrzczenia się swoiego trwaiącemu nadanych y poprzysiężonych // Архив Юго-Западной Россiи, издаваемый Временною коммиссiею для разбора древних актов: в 8 ч. — Кiев: Унив. тип, 1859—1914. — Ч. 1, т. 7: Памятники литературной полемики православных южно-руссцев с латино-униатами. — 1887 — С. 532—576.

31. Апокрисис. Сочинение Христофора Филалета в двух текстах Польском и Западно-Русском 1597—1599 года. // Русская историческая библиотека, издаваемая Постоянной исторической археографической комиссией Российской Академии Наук (АН СССР): в 39 т. — СПб., 1872—1927. — Т. 7: Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 2 / под ред. П. Гильтебрандта. — СПб.: Типография А.М. Котомина и К°, 1882. — С. 1003—1820.

32. Антиризис, или Апологiя против Христофора Филалета. В 2-х текстах: Западно-Русском (1599) и Польском (1600) // Русская историческая библиотека, издаваемая Постоянной исторической археографической комиссией Российской Академии Наук (АН СССР): в 39 т. — СПб., 1872—1927. — Т.19: Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 3 / под ред. П. Гильтебрандта. — СПб.: Типогр. А. Траншеля, 1903. — С. 477—982.

33. Justificacia niewinności. 1622. // Архив Юго-Западной Россiи, издаваемый Временною коммиссiею для разбора древних актов: в 8 ч. — Кiев: Унив. тип, 1859—1914. — Ч. 1, т. 7: Памятники литературной полемики православных южно-русцев с латино-униатами. — 1887. — С. 511—532.

34. Вопросы и ответы православному с папежником, 1603 г. // Русская историческая библиотека, издаваемая Постоянной исторической археографической комиссией Российской Академии Наук (АН СССР): в 39 т. — СПб., 1872—1927. — Т. 7: Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 2 / под ред. П. Гильтебрандта. — СПб.: Типография А.М. Котомина и К°, 1882. — С. 2—110.

35. Ответ Ипатiя Потея клирику Острожскому // Русская историческая библиотека, издаваемая Постоянной исторической археографической комиссией Российской Академии Наук (АН СССР): в 39 т. — СПб., 1872—1927. — Т.19: Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 3 / под ред. П. Гильтебрандта. — СПб.: Типогр. А. Траншеля, 1903. — С. 1041—1122.

36. Antelenchus to iest odpis na skrypt uszczupliwy zakonników Cerkwie odstępney S. Ducha Elenchus nazwany, napisany prez oyca Anastazego Sielawę, przełożonego monastyra Wileńskiego S. Troyce zakony s. Bazylego. W Wilnie, r. pan.

1622. // Архив Юго-Западной Россіи, издаваемый Временною коммиссіею для разбора древних актов: в 8 ч. — Кіев: Унив. тип, 1859—1914. — Ч. 1, т. 8, вып 1: Памятники литературной полемики православных с протестантами и латино-униатами в Юго-Западной Руси за XVI и XVII стол. — Кіев. — 1914. — С. 674—731.

37. Sowita wina — сочиненіе, изданное латино-уніятами в 1621 г. // Архив Юго-Западной Россіи, изд. Временною коммиссіею для разбора древних актов. Ч. 1, т. 7: Памятники литературной полемики православных южно-руссцев с латино-униатами. — Кіев: Типогр. Г.Т. Корчак-Новицкаго, 1887. — С. 443—510.

38. Йов Борецький та інші. Протестація / Йов Борецький та інші // Пам'ятки філософської культури українського народу. Пам'ятки братських шкіл на Україні. Кінец XVI — початок XVII стст. Тексти і дослідження / редкол.: В. І. Шинкарук, В. М. Нічик, А. Д. Сухов. — Київ: Наукова думка, 1988. — С. 313—327.

39. Smotrycki, M. Elenchus pism uszczupliwych, przez zakonniki zgromadzenia Wileńskiego Św. Troyce wydanych (...) w Wilnie r. P. 1622 / M. Smotrycki // Архив Юго-Западной Россіи, издаваемый Временною коммиссіею для разбора древних актов: в 8 ч. — Кіев: Унив. тип, 1859—1914. — Ч. 1, т. 8, вып. 1: Памятники литературной полемики православных с протестантами и латино-униатами в Юго-западной Руси за XVI и XVII стол. — 1914. — С. 597—673.

40. Smotrycki, M. Kazanie na znamienity pogrzeb przezacnego (...) Leontego Karpowicza, nomina episkopa włodzimierskogo y brzeskiego (...) / M. Smotrycki. — Wilno: b. m. dr., [1621]. — [28] k.

41. Smotrycki, M. Obrona Verificaciey od obrazy Maiestatu króla Jego Miłości (...) od zgromadzenia Cerkwie S. Troycy wydany (...) / M. Smotrycki — Wilno: b. m. dr., 1621. — 127 s.

42. Smotrycki, M. Verificatia niewinności (...) / M. Smotrycki // Архив Юго-Западной Россіи, издаваемый Временною коммиссіею для разбора древних актов: в 8 ч. — Кіев: Унив. тип, 1859—1914. — Ч. 1, т. 7: Памятники литературной полемики православных южно-руссцев с латино-униатами. — 1883. — С. 279—344.

43. Отпис на лист униатов Виленских, которые усиловали свое лестное отступленіе от Восточное Церкве к Западнему Костелу слушное показати которым к воли сей лист з Слуцка стался худшим во презвитерох Андреем // Архив Юго-Западной Россіи, издаваемый Временною коммиссіею для разбора древних актов: в 8 ч. — Кіев: Унив. тип, 1859—1914. — Ч. 1, т. 7: Памятники литературной полемики православных южно-руссцев с латино-униатами. — Кіев. — 1887. — С. 266—278.

44. Палінодія. Сочинение Захаріи Копыстенскаго 1621 года // Русская историческая библиотека, издаваемая Постоянной исторической археографической комиссией Российской Академии Наук (АН СССР): в 39 т. — СПб., 1872—

1927. — Т. 4: Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн.1 / под ред. П. Гильтебрандта. — СПб.: Типография А. Траншеля, 1878. — С. 312—1200.

45. Пересторога (...) // Акты, относящіеся к исторіи Западной Россіи, собр. и изд. археогр. Коммиссіею: в 5 т. — СПб.: Типогр. Э. Праца, 1846—1853. — Т. 4: 1588—1632. — 1851. — С. 203—236.

46. Smotrycki, M. ΑΝΤΙΓΡΑΦΗ albo Odpowiedź na script uszczypliwy przeciwko ludziom starożytney Religiey Graeckiey od Apostatów Cerkwie Wschodniey wydany, któremu tituł Heresiae, Ignoranciae y Politika Popów y Mieszczan Bractwa Wileńskiego / M. Smotrycki. — Wilno: b. m. dr., 1608. — 57 k.

47. Supplicatia do przeoswieconego i jasnie wielmoznego przezacnej korony Polskiej y W. X. Litowskiey oboiego stanu duchownego i swieckiego senatu (...) // Документы, объясняющие исторію Западно-Русскаго края и его отношенія к Россіи и к Польше. — СПб.: Типогр. Э. Праца, 1865. — С. 230—311.

48. Degiel R. Protestanci a prawosławni. Patronat wyznaniowy Radziwiłłów birżańskich nad cerkwą prawosławnąw księstwie słuckim w XVII w. / R. Degiel. — Warszawa: NERITON, 2000. — 153 s.

49. Сочиненіе іеродіакона Печерскаго монастыря Леонтія о ересях в Юго-Западной Руси и в православіи, по поводу явленія Уніи, или соединенія Православія с Римскою церковію // Акты, относящіеся к исторіи Южной и Западной Россіи, собр. и изд. археогр. Коммиссіею: в 14 т. — СПб.: Типогр. Э. Праца, 1861—1889. — Т. 2: 1599—1637 / под ред. Н.И. Костомарова. — 1863. — С. 271—287.

50. Четыре сочиненія Афонского монаха Іоанна из Вишни по поводу возникшей в Южной и Западной Руси Уніи или соединения Восточной Православной церкви с Западною Римскою // Акты, относящіеся к исторіи Южной и Западной Россіи, собр. и изд. археогр. Коммиссіею: в 14 т. — СПб.: Типогр. Э. Праца, 1861—1889. — Т. 2: 1599—1637 / под ред. Н.И. Костомарова. — 1863. — С. 205—270.

51. Зачапка мудраго латынника с глупым русином // Голубев, С. Петр Могила и его сподвижники (Опыт исторического исследования): в 2 т. / С. Голубев. — Киев: Типогр. Г. Т. Корчак-Новицкаго, 1883. — Т. 1. — Приложения. — С. 67—105.

52. Против повести нынешних безбожных еретиков (...) // Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною коммиссіею для разбора древних актов: в 8 ч. — Кіев: Унив. тип, 1859—1914. — Ч. 1, т. 8, вып. 1: Памятники литературной полемики православных с протестантами и латино-униатами в Юго-западной Руси за XVI и XVII стол. — 1914. — С. 3—44.

53. Зізаній, С. Казанье святого Кирила, патріархи ієрусалимского, о антіхристе и знаках его. З розширеніем науки против ересей розных. Вільно, 1596 / С. Зізаній // Памятники украинско-русского языка и литературы. Издание археографической комиссии научного об-ва им. Шевченко. — Т. 5: Пам’ятки по-

лемічного письменства кінця XVI і поч. XVII ст. Т. 1 / видав К. Студинський. — Львів: Друк. Наук. Т-ва ім. Шевченка, 1906. — С. 31—200.

54. Полемическое сочинение против латино-уніатов 1597 г. // Архив Юго-Западной Россіи, издаваемый Временною коммиссіею для разбора древних актов: в 8 ч. — Кіев: Унив. тип, 1859—1914. — Ч. 1, т. 8, вып. 1: Памятники литературной полемики православных с протестантами и латино-униатами в Юго-западной Руси за XVI и XVII стол. — 1914. — С. 507—561.

55. Неизданныя сочиненія и посланія Іоанна Вишенскаго // Архив Юго-Западной Россіи, издаваемый Временною коммиссіею для разбора древних актов: в 8 ч. — Кіев: Унив. тип, 1859—1914. — Ч. 1, т. 6: Памятники литературной полемики православных южно-руссцев с латино-униатами. — 1883. — С. 19—48.

56. Ekthesis, albo Krótkie zebranie spraw, które się działy na partykularnym, to iest, pomiastnym synodzie w Brześciu Litewskim. Православное полемическое сочинение 1597 года // Русская историческая библиотека, издаваемая Постоянной исторической археографической комиссией Российской Академии Наук (АН СССР): в 39 т. — СПб., 1872—1927. — Т.19: Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 3 / под ред. П. Гильтебрандта. — СПб.: Типогр. А. Траншеля, 1903. — С. 329—376.

57. Smotrycki M. Apologia peregrinatiey do kraiow wschodnich (...) / M. Smotrycki. — Lwów: Dr. I. Szeligi, 1628. — [8], 201, [3] s.

58. О образех, о кресте, о хвале и молитве святых, и о инных артикулех веры единое правдивое Церкве Христовы // Архив Юго-Западной Россіи, издаваемый Временною коммиссіею для разбора древних актов: в 8 ч. — Кіев: Унив. тип, 1859—1914. — Ч. 1, т. 8, вып. 1: Памятники литературной полемики православных с протестантами и латино-униатами в Юго-Западной Руси за XVI и XVII стол. — 1914. — С. 59—123.

59. Smotrycki, M. Ex[a]ethesis abo Expostulatia toiest Rosprawa między apologią a antidotem o ostanek błędów y kłamstw Zizaniowych, Philaletowych, Orthologowych y Klerykowych / M. Smotrycki. — Lwów: Dr. I. Szeligi. — [po 1629]. — [6], 102, [1] s.

Гаркович Н.В.

ИЗ ИСТОРИИ БРАТСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ВОЛЫНИ И В ЛИТВЕ В КОНЦЕ XVI в.: СТЕФАН ЗИЗАНИЙ

Во многом благодаря князю Константину Острожскому, в конце XVI – начале XVII вв. на украинских и белорусских землях Речи Посполитой происходило пусть короткое, но спасительное для будущего местной культуры *Православное возрождение* [14, с. 271]. В то время, когда Православие оказалось в беспомощной ситуации перед католической экспансией, поддержанной государственной властью, благоверный князь встал на защиту своей Матери-Церкви [см., напр. 2, с. 147]. Заботясь не только о политической и юридической защите Православия, но и о духовном просвещении, князь Константин-Василий опекал на Волыни в своем Остроге книгоиздательский кружок, а потом и школу [13, с. 15]. С благоверным князем работало много замечательных личностей, которые помогали ему организовывать нелегкое дело православного просвещения. Одним из них был Стефан Зизаний.

Стефан Зизаний[1] (1550-е гг. – 1600) был сыном мещанина-ремесленника Ивана Куколя, жителя села Потеличи Львовской области [1, с. 8, прим. № 24; 16, с. 3]. Существует мнение, что Стефан и сам получил образование в одной из острожских школ, поэтому с самых ранних лет он мог быть лично знаком с князем Константином. В своей преподавательской и просветительско-издательской деятельности Стефан, несомненно, имел тесные связи с острожским кружком, руководствовался выработанными острожскими книжниками принципами [14, с. 274]. Стефан Зизаний, наследуя и продолжая просветительские мероприятия и усилия князя Острожского, как и вдохновленного им кружка острожских книжников, заботился об образовании, о моральном возрождении православных, о том, чтобы донести до людей «русской веры» истинные знания об основах Православия. Стефан много преподавал в братских школах сначала во Львове (с 1577 г. или с 1586 г. [см. 9, с. 267; 3, с. 65]), а потом – в Вильно, когда его, специально для борьбы с латинством,

---

[1] Зизаний – прозвище и литературный псевдоним Стефана, образованный при переводе просторечного «куколь/кукиль» (плевела) на греческий – «τα ζιζανια».

пригласили виленские братчики — «на поратунок, як чоловека навчоного» [5, с. 57; 15, с. 257].

Зизаний являлся одним из самых активных, образованных и авторитетных деятелей Львовского братства: в 1591 г. он был утвержден православными духовными властями на должность братского проповедника («казнодея») [4, № 7, с. 201; 15, с. 257]. Ему было доверено и духовное воспитание, и катехизация, и вообще православное просвещение братчиков. Эту деятельность Стефан Зизаний продолжил в столице ВКЛ. Зная по опыту острожского книжного кружка, что полноценное просвещение невозможно без соответствующей литературы, Стефан особенно заботится об издательской деятельности. Так, при Стефане Зизании самым активным образом работает виленская братская типография: в 1595 г. издаются «Молитвы повседневные», «Псаломница»; в 1596 г. — «Казанье», «Грамматика славянская» Лаврентия Зизания, «Азбука» братьев Зизаниев, «Молитвы повседневные», «Псаломница», «Часовник и азбука», «Книга о вере», «Новый Завет с Псалтирью». Прервавшее активную просветительскую деятельность православных братчиков положение о диссидентстве православных в решении униатского собора в Бресте (1596) [1, № 115, с. 157] стало причиной «исчезновения» с общественной арены (до 1599 г.) и возглавлявшего их Стефана Зизания. Следующее издание виленской братской «друкарни» — «Молитвы повседневные» — последовало лишь в 1611 г. [см.: 11, соотв. № 32, 33, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 70].

Лично Стефан Зизаний готовил к изданию произведения катехизического характера, что также свидетельствует о том, что его деятельность осуществлялась в том просветительском русле, которое обозначил и во многом разработал князь Константин Острожский. Прежде всего здесь нужно вспомнить написанный Стефаном «Катехизис»[2] (не позже 1595 г.) [4, № 8, с. 229; 12, с. 245]. По мнению М.А. Корзо, братья Зиза-

---

[2] Аутентичное название — «Объяснение изложения Никейского, и Константинопольского Символу, двунадесяти артыкулов Веры Хр(и)стиянское». Это произведение, считавшееся неизвестным библиографии, было напечатано, — как об этом говорит М.А. Корзо [12, с. 225—251], — в составе сборника «Собрание вкратце словес от Божественнаго Писания. И з объяснением изложения святых апостол двунадесяти артыкулов Православнои Веры». — Угорцы: Типография Павла Домжив Лютковича, 1618 (нами был использован дефектный экземпляр Национальной библиотеки Республики Беларусь, содержащий только 1-ю, катехизическую часть сборника).

нии были первыми, кто начал писать подобного рода тексты в собственном смысле слова [12, с. 216].

Время действительно требовало срочного выхода подобного произведения, поскольку «благодаря деятельности иезуитов и поддерживающему их Сигизмунду III, мысль об унии с Римом начинает распространяться, хоть и очень медленно, среди православных» [4, № 6, с. 142]. В 1590 году вышло второе издание сочинения известного иезуита Петра Скарги «O iedności kościoła Bożego...» [4, № 6, с. 142]. В ситуации, когда существовало великое множество слухов об объединении Католической церкви с Православной, появилась острая необходимость осветить и объяснить сущность их догматических и обрядовых отличий. Было важно обозначить рамки православного вероучения еще и потому, что в ВКЛ достаточно ативно издавались катехизисы, далеко не соответствующие сущности Православия и учению святых отцов. Например, «Катехизис» известного антитринитария Симона Будного [см. подробнее 12, с. 104—195].

Стефан Зизаний составлял свой «Катехизис» (1595 г.) в качестве учебной книги, чтобы с ее помощью воспитывать в молодом поколении именно православное мировоззрение [4, № 8, с. 232]. Книга Стефана Зизания, основным содержанием и целью которой было объяснение Никейского исповедания веры [там же, № 8, с. 230], явилась последовательным, точным и определенным изложением православного вероучения. Кроме того, в ней подробно разъяснялась разница догматики и обрядов Православия и Католичества.

В «Катехизисе» Стефан обащает внимание на самые актуальные в то время вероучительные ошибки. В нем, например, говорится: Святой Дух «исходит от Отца, но на Сыне почивает» [8, л. 18 об.]; «осуждает (Церковь — *Н.Г.*) заблуждение тех, которые утверждают, что уже был суд, и будто грешники уже мучаются, а праведные воздаяние получили совершенное, что противоречит самому разуму» [там же, л. 17 об.]; «Господь Тело и Кровь Свою вкушать всем обязательно заповедал... (Ин. 6[3])... ввиду этого научения, и заповеди Христовой будем учиться, чтоб наблюдали тех, кто простой народ не допускают, чтоб пили Кровь Его Святую во спасение...» [там же, л. 15 об. — 16]. Подобные высказывания, а тем более их разъяснение, очевидно, были направлены против утверждений

[3] Имеется в виду стих 53.

Петра Скарги о большой схожести, чуть ли не идентичности православного и католического исповедания веры. Сразу после издания произведения Стефана некто Феликс Жебровский, иезуит, издал брошюру «Kąkol[4] ktory rozsievwa Stephanek Zizania w cerkwiach ruskich w Wilne», чтобы своими обвинениями Зизания в ереси подорвать авторитет автора в глазах православных верующих [4, № 8, с. 229]. «Ересью» Жебровский именовал все, что не соответствовало католическому вероучению. С той же целью «возводил на Зизания обвинения в злодеяниях против Церкви и государства» [там же, № 7, с. 205] настроенный проуниатски митрополит Михаил Рагоза.

Следующее произведение Зизания, о котором следует вспомнить — «Изложение о православной вере» (в составе издания «Наука ко читанию и розумению письма словенского», 1596 г. [11, № 43]), которое Стефан и Лаврентий Зизании подготовили, следуя просветительским традициям и издательским принципам, заложенным Константином Острожским. «Изложение» было первым опытом объяснения для детей главных православных догматов и таинств (Крещения и Евхаристии). К «Изложению» прилагались статьи: «О знамении крестном», разъясняющая начертание креста согласно восточному обряду, и «О Вочеловечении Господни», где излагалось святоотеческое учение о двух естествах и одной ипостаси Христа. Книга была в широком употреблении у жителей «русской веры» Речи Посполитой. И если первое издание «Катехизиса», вероятнее всего, было почти полностью уничтожено, то хотя бы это небольшое произведение давало детям «русской веры» основу православного образования и воспитания в самое сложное для Православия время. Очевидно, что и «Наука» Зизания писалась как своеобразный отклик, или даже выполнение задачи, поставленной перед просветителями ВКЛ тем же Константином Острожским, который с болью наблюдал плачевное состояние образования среди «руских» верующих и вообще в «Руской церкви». «Иж устали (исчезли — *Г.Н.*) учители... устали науки, устали казанья; а за тым наступило знищенье и уменьшенье хвалы Божое в церкве Его, наступил голод слуханья слова Божого, наступило за тым отступленье от веры и закону... Иж наук нет, великое

---

[4] «Kąkol» здесь — еретическая наука. Куколь — славянский вариант прозвища Стефана (см. об этом выше).

грубиянство в наших духовных умножилося...», — писал, в частности, Константин Острожский в одном из писем к Ипатию Потею в 1593 году [1, № 45, с. 65, см. также 10, с. 631].

Очевидно, что и князь Острожский, и Зизаний всю жизнь активно боролись против вероучительной неграмотности и защищали Православие от католической и униатской культурной и богословской экспансии. Только средства у каждого были разные. Князь Константин обращался к военной силе, не жалел для дела денег, использовал свое политическое и общественное влияние в государстве, чтобы защитить веру отцов, оружием же Стефана было слово. И если Острожский своими вооруженными отрядами охранял православных в 1596 г. во время православного собора в Бресте, Зизаний в том же году издал в Вильно произведение «Казанье святого Кирилла патриарха иерусалимского, о антихристе и знаках его. З розширением науки против ересей розных» как своеобразную «духовную защиту» православного вероучения от готовящейся унии [4, № 13, с. 362]. Это произведение Стефана являлось, по сути, наиболее основательным и точным учебником своего времени по сравнительному богословию. Стефан объяснял самые спорные в то время вероучительные положения, разоблачал несправедливость утверждений названных выше Петра Скарги и Ипатия Потея по поводу мнимой идентичности православной и католической догматики. К примеру, епископ Ипатий в июне 1595 г. писал Константину Острожскому: «не обрушивайся гневом, але с спокойным и умиленным умыслом прочитай тые артыкулы (т.е. догматы римско-католического вероисповедания — *Н.Г.*); обачиш, иж ничого нового иле з стороны веры нашое нет, опроч (кроме — *Н.Г.*) только единого календара; и тот не есть артыкул веры, але церемони (обряды — *Н.Г.*), которую без нарушенья сумненья (совести — *Н.Г.*) Церковь Божая отменити может» [цит. по: 17, с. 97]. Иезуит Петр Скарга также убеждал своих читателей в том, что «русским» остается принять только небольшие и незначительные исправления [10, с. 595]. Конечно, это была неправда. Константин Острожский в своем окружном послании православным верующим от 24 июня 1595 г. выступил против католических догматических утверждений. Он, например, писал, что праведники «не приняли совершенныя заплаты з труды и подвиги своя обещаныя, но с радостью ожидают в день судный воздаяния комуждо по делом его» [цит. по: 14, с. 100]. Зизаний — как богослов, преподаватель и «казнодей» — посвятил проблеме, связанной с католиче-

ским вероучением о «чистцу» (Чистилище), целый раздел своего «Казанья» [см. 7, л. 4 об. — 17]. Заметим, что только в этом разделе, кроме ссылок на Священное Писание, Стефан не менее 14-ти раз цитировал святых отцов — Феофилакта Болгарского, Кирилла Александрийского, Иустина Мученика, Дионисия Ареопагита, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Василия Великого, блаженного Феодорита и других, на основе учения которых дал основательное разъяснение всех отличий католического вероучения от православного, продемонстрировав тем самую широкую богословскую эрудицию, преподавательское мастерство, глубокое понимание проблемы...

После издания Скаргой книги «O iedności kościoła Bożego...» в 1577 г. Константин Острожский, чтоб опровергнуть красноречивые аргументы иезуита, был вынужден обратиться за помощью к протестанту Мотовиле, т.к. среди православных не было «к тому способных» [10, с. 595]. Но, как видим, буквально через десятилетие из просветительского центра князя Острожского вышли такие замечательные православные деятели как клирик острожский Василий («Клирик Острожский»), Стефан и Лаврентий Зизании, Иов Княгининский, немного позднее — Леонтий Карпович, которые смогли не только успешно противостоять лучшим католическим (иезуитским) полемистам, но и превосходить их в глубине и точности богословской мысли.

Список литературы

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. — СПб.: Типогр. 2-го отдл. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1851. — Т. IV. — 928 с.

2. Беднов, В.А. Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum) / В.А. Беднов. — Минск: Лучи Софии, 2002. — 432 с.

3. Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. — Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1998. — Т.7. — 604 с.

4. Беляновский, А.Д. Стефанъ Зизаній // Волынския Епархиальные ведомости за 1887 г. № 1—18. Типография Почаевской Лавры, 1887. — 613 с.

5. Боркулабовская летопись [Электронный ресурс]. — 1660. — Режим доступа: http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov01.htm#barkul. — Дата доступа: 25.10.2007.

6. Жебровский, Ф. «Куколь...» (отрывки) // Из истории философии и общественно-политической мысли Белоруссии. Избранные произведения XVI — начала XIX вв. — Минск.: Изд. АН БССР, 1962. — 523 с.

7. Зизаний, Стефан. Казанье святого Кирилла патриарха иерусалимского о антихристе и знаках его, з росширеньем науки против ересей разных / Стефан Зизаний. — Вильно, 1596.

8. Зизаний, Стефан. Объяснение Изложения Никейского, и Константинопольского Символу, двунадесяти артыкулов веры Християнское / Стефан Зизаний // Собрание вкратце словес от Божественнаго Писания. И з объяснением изложения святых апостол двунадесяти артыкулов Православнои Веры. — Угорцы: Типография Павла Домжив Лютковича, 1618. — Л. 12 об. — 19 об.

9. Ісаевіч, Я.Д. Зизаний Стефан / Я.Д. Ісаевіч // Українська літературна енциклопедія: В 4 т. — Т.2. — Київ: УРЕ, 1990. — 545 с.

10. Карташев, А.В. Очерки по истории Русской церкви: в 2 т. / А.В. Карташев. — 2-е изд. — М.: «Терра»—«Terra», 1997. — Т.1.— 685 с.

11. Кніга Беларусі. 1517—1917: Зводны каталог / Джярж. б-ка БССР імя У.І. Леніна, БелСЭ; Склад. Г.Я. Галенчанка, Т.В. Непарожная, Т.К. Радзевіч. — Мінск: БелСЭ, 1986. — 615 с.

12. Корзо, М.А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI—XVII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований / М.А. Корзо. — М.: «Канон+», 2007. — 671 с.

13. Котлярчук, А. Православие в Великом княжестве Литовском и деятельность князя Константина-Василия Острожского / А. Котлярчук // Вестник Белорусского Экзархата: Альманах. — Т.1: Благоверный князь Острожский / Под ред. А.А. Петрашкевича. — Минск: Изд-во Бел. Экзархата, 1998. — С. 7—24.

14. Левшун, Л.В. История восточнославянского книжного слова XI—XVII вв. / Л.В. Левшун. — Минск: Экономпресс, 2001. — 352 с.

15. Лукашова, С.С. Миряне и Церковь: религиозные братства Киевской Митрополии в конце XVI века / С.С. Лукашова. — М.: Институт славяноведения РАН, 2006. — 319 с.

16. Старовойт, О. Ст. Зизаній / О. Старовойт. — Львів: б.изд., 1996. — 160 с.

17. Уния в документах / Сост. В.А. Теплова, З.И. Зуева. — Минск: Лучи Софии, 1997. — 520 с.

Нікалаеў М.В.

УЗДЫМ І КРАХ «ЛІТОЎСКАЙ» КУЛЬТУРЫ (1501—1648 гг.): КУЛЬТУРНА-ГІСТАРЫЧНЫ КАНТЭКСТ

Да пачатку XVI ст. замкнёная ў сабе арганізацыя асобных земляў Літоўска-Рускай дзяржавы пасля падпарадкавання іх уладзе вялікага князя віленскага цалкам захавалася. Кожная з земляў была не толькі адміністрацыйнай адзінкай. Пры поўнай адсутнасці агульнага заканадаўства яна жыла «па сваіх мясцовых правах, па сваёй «старыне» і раўніва ахоўвала непарушнасць сваёй тэрыторыі...» [1, с. 129].

Ці была ў гэты час агульная для ВКЛ культурная прастора? Адназначнага адказу няма. Самастойнасць асобных земляў замацоўвала іх культурныя асаблівасці. У розных частках дзяржавы карысталіся сваімі дыялектамі «рускай» ці «літоўскай» мовы (асабліва адрозніваліся дыялекты балтыйскія: прусы і жмудзіны разумелі летувіскія гаворкі з-пад Ліды і Крэва не больш, чым палачане палякаў). Хрысціянства не забараняла «тутэйшай» мовы ці дыялекту, але прывучала маліцца на мове агульнацаркоўнай. Адным з важных і да сёння нявывучаных пытанняў культурнай гісторыі ВКЛ з'яўляецца пытанне аб ужыванні «рускай» мовы ў каталіцкім храме. Ахрышчаная ў каталіцызм Літва стала дзвюхмоўнай — нават ведаючы свой родны (балтыйскі) дыялект, прадстаўнікі пануючых класаў усё часцей для грамадскіх зносін, а таксама і ў побыце карысталіся старабеларускай мовай — асабліва тыя, хто атрымаў маёнткі на рускіх землях, хто парадніўся з польскімі шляхціцамі, рускімі баярамі і князямі, а такіх за два мінулыя стагоддзі была большасць. Касцельнае набажэнства на лацінскай мове вымагала ад святароў ведання лаціны, але не больш таго. Якая мова будзе абслугоўваць унутрыкасцельнае жыццё (пропаведзь, дакументацыя і да т. п.), павінны былі вырашаць самі новаахрышчаныя. Рымска-каталіцкі касцёл у дачыненнях культуры (мастацтва, мовы, музыкі) быў сістэмай гнуткай і адкрытай на ўсход (пра гэта сведчаць, напрыклад, кірылічныя надпісы і візантыйскага стылю фрэскі ў касцёлах Кракава і Любліна часоў Ягайлы). Захаваныя шматлікія касцельныя паперы на старабеларускай мове розных, прынамсі віленскіх і наваградскіх, касцёлаў, пратэкцыя каталіцкага епіскапа першадрукару Францыску Скарыне гавораць пра тое, што на пачатку XVI ст. у касцёле ВКЛ адбывалася ваганне паміж «пальшчызнай» і «рус-

чызнай» на карысць апошняй. Н. Мячкоўская тлумачыць адзін з абаротаў у выдавецкім адрасе Скарыны *(«рускими словы а мовай славенскай»)* як падкрэсленае ўказанне на новы шрыфт, аўтарам якога быў Скарына [2, с. 5—6]. У гэтым ёсць рацыя, але справа не столькі ў малюнку шрыфта, колькі ў яго прынцыповым адрозненні ад лацінскіх шрыфтоў.

Нязменны альбо амаль нязменны жыццёвы лад вызначаў, акрамя ўсяго, і ўстойлівасць ужытковага кніжнага рэпертуару. З другога боку, падзеі штодзённага жыцця ўвесь час стваралі прычыны для ўзрушэння грамадства. Будаваліся шматлікія хрысціянскія храмы — касцёлы для неафітаў і цэрквы для паслядоўнікаў традыцыйнага, грэцкага дабрачэсця. Найбольш значныя сярод іх — познегатычны касцёл Св. Ганны ў Вільні і мітрапаліцкі Наваградскі Барысаглебскі сабор, узведзены на фундаментах старажытнай царквы XII ст. Многім новабудаваным храмам дойліды надалі абарончыя якасці — з такіх захаваліся Сынковіцкая, Маламажэйкаўская, Супрасльская цэрквы і Камайскі касцёл. Грамадства ВКЛ моцна ўзрушыў напад крымскіх татараў 1506 г., калі былі ўзяты і разбураны Наваградак і Мінск: «Року 1506... сам Магмет Герей солтан подъишол под замок Минский, а под Слуцко послал двох братов своих... пустил загоны под Вилню, также до Витебска, Полоцка и Друцка, и на все стороны... А тые два брата его царевичи отступивши от Слуцка пошли до Новгородка, а на той час в Новгородку все панове сеймовали, которые видячи, же зле, выехали з Новгородка за Немен, а татаре за ними гонили. Взявши перше Новгородок, запалили его, а перешедши Немен, в Литовской земли великии починили шкоды, а з вязнями и здобытками назад вернулися... людей самых над 100000 христиан вязнев з Руси и Литвы, кром инших добытков, вывели так, иж на кождого татарина по 25 вязнев доставало, кром побитых» [3, с. 101]. Пасля гэтай катастрофы пачалося інтэнсіўнае абарончае будаўніцтва на наваградскім Замку і ўзвядзенне новай гарадской сцяны ў Вільні: «Того ж року вилняне и панове литовские, тым страхом стрвожены, мур около Вилня обвели и замки обмуровали» [3, с. 101], — знешняя пагроза падштурхоўвала будаўніцтва ў дзяржаве. Не паспелі прызвычаіцца да адных архітэктурных дасягненняў — як закладаліся падмуркі новых. Саборы будавалі гараджане і багатыя паны, магнаты і дзяржава стваралі сістэму абарончых замкаў і гарадоў [4; 5]. Людзі напружана працуюць на будаўніцтве, ствараюць новыя кнігі, нябачныя дагэтуль абразы і фрэскі, пішуць музычныя творы. Важнымі падзеямі робяцца новыя думкі (найперш у нетрах

хрысціянскіх канфесій) і публічныя дыспуты аб іх. Тысячы праваслаўных становяцца пратэстантамі, каб ужо ў наступным пакаленні быць правільнымі каталікамі. Небываласць — гэтую неадменную прыкмету культурнай падзеі — грамадства не толькі заўсёды чакае, але штодня стварае; сукупнасць культурных падзей дае няспынную плынь «навіны» — рух эвалюцыі. Можна ўбачыць пэўны парадокс у тым, што жыццё і грамадскі статус новым дасягненням — новабудоўлям, заканадаўству, парадку судаводства альбо арганізацыі войска — забяспечвалі каралі і вялікія князі праз тое, што, прымаючы ўладу, давалі абяцанне «старыну не рушыці, навіны не ўводзіці».

Паколькі гаспадары больш часу жылі за мяжой, у Польшчы (Кракаве, а потым Варшаве; выключэнне складалі Аляксандр Ягелончык ды Жыгімонт Аўгуст), гарант захавання «старыны» аказваўся далёка, і «навіна» даволі лёгка з'яўлялася ў межах ВКЛ, не сустракаючы кансерватыўнага адпору вышэйшай улады. Для нас тут найбольш важна, як адбываўся працэс назапашвання кніжнай «навіны», якая роля ў гэтым розных слаёў грамадства ВКЛ — ад вялікіх князёў да простых друкароў, кнігапісцаў і пераплётчыкаў. Пасля смерці Аляксандра Ягелончыка ў каралеўскім скарбцы ў Кракаве (інвентар спісаны 24 і 25 ліпеня 1506 г.) знайшлося 12 кодэксаў і 18 аздобленых малітоўнікаў, сярод якіх і адна руская кніжка [6, s. 114]. Але гэта былі не ўсе ягоныя кнігі — віленская частка каралеўскай бібліятэкі тут не апісана. Пры яго панаванні між Масквой і Вільняй, Смаленскам і Ноўгарадам, Бранскам на Падляшшы і Бранскам на Дзясне існавала адзіная прастора — частку кніг прывозілі з Масквы, частку спісвалі на месцы; для гэтага ў ВКЛ меліся адукаваныя пісцы і патрэбныя тэксты. У гэты ж перыяд у Вялікім княстве Літоўскім закладаліся падмуркі «кніжнай талеранцыі» — у адной сям'і збіраліся кнігі розных па веравызнанні аўтараў. Мець іх у сваёй хаце і чытаць было не заганна.

За кароткае праўленне Аляксандра многія тэндэнцыі новай эпохі проста не паспелі выявіцца. Першы значны яе перыяд прыпадае на княжанне Жыгімонта Старога (1506—1548 гг.). Пад час яго валадарства ўзнікла некалькі буйных кніжных прадпрыемстваў: актыўна дзейнічалі мітрапаліцкі і вялікакняскі скрыпторыі, пад пратэкцыяй членаў віленскага магістрата і каталіцкага епіскапа Яна «з княжат літоўскіх» (пазашлюбнага сына Жыгімонта) пачалася кнігадрукарская дзейнасць Францыска Скарыны ў Празе (1517—1519). На шматлікіх пражскіх вы-

даннях ёсць запіс: «А то ся стало накладом Богдана Онкова сына радци места виленского» альбо, як на тытуле Кнігі Іова: «а накладом Богдановым Онкович з виленского места». Выдавецкая творчасць Скарыны нават знешне ўяўляла сабой сімвал новага. Перакладчык, каментатар і друкар Бібліі надаў пры ёй свой партрэт на фоне атрыбутаў вучонага (сфера, ліхтар і пчала) і кнігаў (сваёй бібліятэкі?) — з'ява для таго часу унікальная [7, с. 83][1]. Гуманістычныя ўплывы прыкметныя і ў падкрэсленай талерантнасці прадмоваў і пасляслоўяў Скарыны, дзе як заказчыкі не ўпамінаюцца царкоўныя іерархі.

Мастацкая аздоба выданняў Скарыны вылучае яго кнігі з шэрагу сучасных яму рукапісных. Навіна была ў малюнку шрыфта, у аздобе — пераважна чорна-белыя гравіраваныя ілюстрацыі (замест звыклых каляровых заставак і шматколерных мініяцюраў), адмысловы тытульны аркуш. Але шматлікія, адносна велічыні саміх кнігаў, застаўкі-арнаменты і іншую аздобу, а таксама нячорныя (часцей за ўсё рознага тону карычневыя) чарнілы часта ўжывалі ў гэты час і кнігапісцы. Што да колеру, то тут Скарына мяняе традыцыю і робіць кнігі больш строгімі. Цяпер, праз колькі стагоддзяў, мастацтвазнаўцы і гісторыкі выказваюць больш ці менш абгрунтаваныя меркаванні пра тое, якія нямецкія, італьянскія ці чэшскія кнігі Скарына ўзяў за ўзор для аздобы сваіх, якія гравюры купіў гатовыя, а якія заказаў (ці, можа, зрабіў сам). Пад час выдання Бібліі Скарыны і ўваходу яе ў прастору кніжнасці ВКЛ гэтае пытанне не было актуальнае. Галоўнае ў тым, што патроны Скарыны — тыя ж віленскія бургамістры і радцы, епіскап Ян — напэўна ж бачылі заходнія друкаваныя кнігі і хацелі мець свае не горшыя.

На развіццё кірылічнай кніжнасці ВКЛ адмоўна паўплывала страта (у 1514 г.) такога значнага кніжна-летапіснага цэнтра, якім быў Смаленск; непрыйшоўшыя з усходу кнігі замяніліся на тыя, што прывезлі з захаду — у Кракаве была створана цэлая карпарацыя перапісчыкаў кнігаў. Галоўнымі заказчыкамі сталі касцёлы Вялікага княства. Прыняцце ў 1529 г. першага збору законаў — Статута ВКЛ — стала прычынай масавай вытворчасці яго спісаў у дзяржаўным скрыпторыі — вяліка-

[1] З некалькіх соцень выданняў Бібліі XV і першай чвэрці XVI ст. партрэт перакладчыка ці выдаўца знаходзіцца, апроч скарынінскай, толькі ў венецыянскай Бібліі Н. дэ Малермі 1490 г.

княскай канцылярыі. За год да смерці Жыгімонта Старога пры падтрымцы прускага герцага Альбрэхта, супрацiўніка (хоць і пляменніка) Жыгімонта, Марцін Мажвідас выдаў «Простыя словы катэхізіса» — першую кнігу на літоўскай мове. Народ, які не меў рукапіснай кніжнасці, дый ніякага пісьменства на сваёй мове, атрымаў адразу высокую форму кніжнай культуры. Імплантацыя сталася ўдалай, хоць асноўная мэта літоўскамоўнай кніжнасці — пашырэнне пратэстантызму — не была дасягнута. Няма сумневу, што ў Вялікім княстве стала вядома аб выдавецкай дзейнасці Мажвідаса: Катэхізіс меў прысвячэнне «Ad Magnum Ducatum Lituaniae» («Вялікаму княству Літоўскаму»); усяго ж Мажвідас быў аўтарам пяці кнігаў, дзве з іх выйшлі ўжо пасля ягонай смерці, у 1566 і 1589 гг. [8, с. 16—19] Кнігі Мажвідаса не шмат дадалі новага да рэпертуару пратэстантаў у ВКЛ, бо ад сярэдзіны XVI ст. тут ужо наладзілася вытворчасць сваіх кнігаў на польскай, нямецкай і старабеларускай мовах. Аднак кёнігсбергскія выданні несумненна паўплывалі на з'яўленне літоўскамоўных кнігаў у Вільні: фактам свайго існавання яны сцвярджалі годнасць гэтай непрызнанай у дзяржаве мовы. У выніку сфера ўжытку літоўскай мовы пашырылася: яе выкарыстала і контррэфармацыя, першым атрадам якой былі езуіты. Невыпадкова нават сучасная літоўская мова нясе на сабе выразны адбітак мовы насельнікаў Малой (Прускай) Летувы. У XVIII ст., да прыкладу, друкаваных цалкам ці часткова па-літоўску выданняў было 167 у ВКЛ і 243 у Прусіі [9, с. 29].

Княжанне наступнага (і апошняга) Ягелона — Жыгімонта Аўгуста — цесна і складана пераплятаецца з панаваннем Жыгімонта Старога, які дамогся абрання сына вялікім князем, а неўзабаве і каралём, яшчэ ў 1529 г., калі той меў дзевяць гадоў ад роду. Гэта не была ні адмова ад улады, ні парушэнне ўмоў Мельніцкай уніі — хутчэй прамая лагічная выснова з іх, спроба ўстанавіць хоць нейкае падабенства спадчыннай манархіі, дапоўніць асабістую унію замацаваннем абедзвюх дзяржаў за сваёй дынастыяй. У 1544 г., яшчэ пры жыцці бацькі, Жыгімонт Аўгуст фактычна садзіцца на вялікакняскі стол у Вільні — пераход улады адбыўся амаль непрыкметна. Адпаведна і культурная гісторыя таго часу шмат у чым уяўляе працяг і развіццё тых напрамкаў і з'яў, што выспявалі ў першай палове стагоддзя. Рэлігійная талерантнасць, узведзеная ў палітычны прынцып, выклікала моцны ўздым кнігавыдавецкай актыўнасці. Але ж пры гэтым віленскі ваявода Мікалай Радзівіл Чорны ў 1559 г. быў запісаны, як непажаданы аўтар, у «Індэкс забароненых кніг»

папы Паўла IV. Падставай стала яго палеміка з папскім легатам Алаізіем Ліпаманам [10, s. 206—207]. Энергічныя адэпты пратэстантызму, сярод якіх былі высокія дзяржаўныя чыноўнікі ВКЛ, аказвалі моцную дапамогу сваёй новай канфесіі. Важнай падзеяй для будучыні культуры стала пратэстанцкая Біблія на польскай мове, якую выдае ў 1563 г. Брэсцкая друкарня Мікалая Радзівіла Чорнага. Пальшчызна ад двара вялікага князя і караля Польшчы так шырока распаўсюдзілася, што ў 1566 г. Другі Статут ВКЛ ужо мусіў стаць на абарону традыцыі — замацаваць дзяржаўную «рускую» мову як абавязковую для канцылярыі.

Беспатомны Жыгімонт Аўгуст адправіў сваю дзяржаву ў будучыню без Ягелонаў, але злітую з кароннай Польшчай. «І ўжо Карона Польская і Вялікае княства Літоўскае ёсць адно непадзельнае цела, а таксама не паасобная, але сумесная Рэч Паспалітая, якая сябе з дзвюх дзяржаў і народаў у адзін народ знесла і злучыла» [11, p. 89], — гэта, аднак, не цалкам адпавядала асноўным пастановам новай уніі, што была зацверджана ў Любліне 1 ліпеня 1569 г. Да супольнай выканаўчай улады (кароль, ён жа вялікі князь) дадалася толькі супольная заканадаўчая — вальны сойм. Асобнымі засталіся цэнтральныя органы і суды. Сам акт уніі змяшчаў адну ўмову, якую можна лічыць дыскрымінацыяй Вялікага княства Літоўскага, — палажэнне аб каранацыі караля і вялікага князя выключна ў Кракаве. Істотным чыннікам змены балансу сілаў на карысць Кароны стала спыненне, са смерцю Жыгімонта Аўгуста (прапрапраўнука Гедыміна), нацыянальнай літоўскай дынастыі. Паралельнае выданне на славянскай і беларускай мовах Евангелля (Васілём Цяпінскім) супала па часе з прыняццем уніі.

Нядоўгі прамежак часу 1572—1587 гг., які ахапіў, тым не менш, тры «бескаралеўі» і два панаванні «недынастычных» каралёў (Генрыха Валуа і Стэфана Баторыя), стаўся ў пэўных дачыненнях вельмі цэласным і выніковым. Апошні Жыгімонт з Ягелонаў пакінуў Вялікае княства свабоднай, можна сказаць, дэмакратычнай краінай ў братэрскай федэрацыі з Польшчай — праз 15 гадоў яго цёзка са шведскай дынастыі Вазаў атрымаў каталіцкую ваенную дзяржаву, нацэленую на распаўсюджанне рымскага прававер'я і звонку, і ўнутры сябе. Каталіцызм з пануючай рэлігіі ператварыўся ў дзяржаўную ідэалогію — перыферыйнае і нават падпарадкаванае становішча Літвы рабілася відавочным само па сабе: што яна магла супрацьпаставіць Кракаву, арцыбіскупу-прымасу? І справа тут не ў занядбанні ці няўвазе — каралі, як, да прыкладу, Баторы альбо пазней

Уладзіслаў IV, маглі любіць Літву і жыць там — сама логіка ідэйнага развіцця выштурхоўвала Вялікае княства на крэсы дзяржаўнасці і культуры Рэчы Паспалітай. Галоўны змест культурнай эвалюцыі непазбежна пераходзіў у галіну рэлігіі, рэлігійнай барацьбы. У 1584 г. у Франкфурце-на-Майне выйшла ў трох тамах «Гісторыя Польшчы» Аляксандра Гваніна [12]. У другім томе гэтай кнігі ёсць асобны раздзел з апісаннем Вялікага княства Літоўскага: «Magni Ducatus Litvaniae cum suis Provinciis, palatinatibus, civitatibus et castris praecipius compendiosa descriptio». Для нас зараз важна, якія абшары ў гэтай кнізе (што пазней шмат разоў перавыдавалася) падаваліся еўрапейскаму чытачу як ВКЛ. Гэта увогуле Літва, Віленскае ваяводства, Троцкае ваяводства, Мінскае ваяводства, Навагрудскае ваяводства, Брэсцкае ваяводства, Валынь (Volinia Regio), Кіеўскае ваяводства, Мсціслаўскае ваяводства, Віцебскае ваяводства, Полацкае ваяводства, Княства Самагіція (Жмудзь — *М. Н.*).

Моцным ударам па праваслаўнай культуры ВКЛ пры Баторыі стала прымусовае ўвядзенне для дзяржаўнага карыстання грыгарыянскага календара. Гэтая «навіна» (яе неадназначна сустрэлі і ў такіх чыста каталіцкіх краінах, як Італія) выклікала, як сведчыць летапіс, «великое замешание промежи панами и промеж людми духовными, также и людми простыми было плачу великого, нареканя силнаго, похвалки, посварки, забуйство, грабежи, заклинания, видячи яко новые свята установляли, празники отменяли, купцом торги албо ярмарки поотменяли, праве было начало пристья антихристова, у таком великом замешанью» [3, с. 177]. Колькасць аргументаў прыхільнікаў новага календара, як і колькасць спецыяльна напісаных на гэтую тэму кнігаў, павялічвалася, але не вельмі пераконвала апанентаў. Праваслаўныя каляндар не прынялі

Як форма грамадскага адказу на ўмяшанне дзяржавы ў сферу прыватнага рэлігійнага побыту ўзніклі брацтвы — пратэстанцкія і праваслаўныя хаўрусы з уласнай палітычнай, гаспадарчай і культурнай дзейнасцю. Брацтвы арганізоўвалі школы і друкарні: «Того ж часу почали у во Львове, у месте Виленском, у Берестью школы науку выдавати, братерство якоесь установляти и тым закон и веру утверждати», — апавядае Баркулабаўскі летапіс пад 1583 г. [3, с. 177].

Істотна ўплывала на вытворчасць, спажыванне і гандаль кнігамі ў Вільні каталіцкая семінарыя папы Грыгорыя XIII, якая дзейнічала ў сталіцы ВКЛ (з перапынкамі) у 1582—1798 гг. Тут навучаліся студэнты (*алюмны*) з розных краін Еўропы, яны былі пастаяннымі спажыў-

цамі кнігаў, у тым ліку прывазных. Іх пярэсты нацыянальны склад паказваюць захаваныя спісы студэнтаў за 1585—1602 гг.: па адным чалавеку з Аўстрыі, Бельгіі, Багеміі, Далмацыі, Гамбурга, Гесена, Ілірыі, Італіі, Лапландыі, Любека, Масковіі, Мазураў, Нарвегіі; па два з Фінляндыі, Сілезіі, Жамойці, Швабіі; па тры з Падляшша і Трансільваніі; па чатыры з Германіі, Саксоніі і Вестфаліі; па пяць з Брандэнбурга, Англіі, Венгрыі і Шатландыі; шэсць з Польшчы, сем з Даніі, 15 з Русі, 19 з Літвы, 24 з Лівоніі, 31 з Прусіі, 35 са Швецыі [13, с. 61—65]. Чаму маглі навучыцца іншаземныя і мясцовыя студэнты ў Вялікім княстве? Хто былі іх настаўнікі? — адказ на гэтыя пытанні патрабуе асобнага даследвання. Пры тым наяўнасць у нашым рэгіёне па-еўрапейску адукаваных асобаў, якія маглі навучаць моладзь і самі плённа працавалі ў розных галінах ведаў, відавочная.

Доўгае (да 1632 г.) панаванне Жыгімонта III Вазы было больш складанае і разнастайнае, чым проста перыяд змрочнай езуіцкай рэакцыі, як яго часта паказваюць. У 1588 г. быў прыняты Трэці Статут ВКЛ і ў тым жа годзе надрукаваны ў створанай дзяржаўнымі чыноўнікамі друкарні. Рознае з Польшчай судовае права і розны парадак судаводства замацаваў адрозненні ў правазнаўстве абедзвюх частак манархіі Вазы. Магчымасць прадстаўнікам ВКЛ не паступацца сваімі інтарэсамі на агульным (вальным) сойме павінна было забяспечыць права «liberum veto» хоць для аднаго голасу. Гэтая юрыдычная «бомба запаволенага дзеяння» была закладзена на будучыню, а пакуль ВКЛ карысталася выгодамі ад унармаванага права: аб ступені дасканаласці і распрацаванасці Трэцяга Статута сведчыць той факт, што ён заставаўся дзейным законам нават Расійскай імперыі да 1840 г., а ў юрыдычнай практыцы ўжываўся да канца XIX ст. [14, с. 142][2] Патрэбы дзяржавы спрыялі развіццю кніжнай вытворчасці. Выдаваліся кнігі, неабходныя для справаводства і судоў, у прыватнасці спісы Статутаў. Праз год пасля прыняцця Статута Жыгімонт III першы раз наведаў сталіцу Вялікага княства (пад час паездкі ў Рэвель для сустрэчы з бацькам, каралём Швецыі Юханам III), і няма сумневу, што канцлер Леў Сапега і друкары Мамонічы падаравалі каралю паасобнік Статута «свайго» друку з ягоным партрэтам. На той жа выпа-

[2] У 1897 г. расійскі Сенат, па прыватнай судовай справе, прызнаў за афіцыйны тэкст Статута беларускі, паводле выдання 1588 г.

дак было падрыхтавана вельмі важнае для гісторыі мастацтва кнігі выданне — панегірыкі віленскіх «акадэмікаў» (так называлі і выкладчыкаў, і студэнтаў універсітэта) А. Крэўскага і А. Раецкага; тут упершыню гербы вялікага князя і караля (на пачатку кнігі), а таксама аўтараў (на канцы) надрукаваны не з драўлянай, а з меднай дошкі. Пачынаецца эра медзярыту ў кніжнай ілюстрацыі.

Першыя гады панавання Жыгімонта III прайшлі ў Кракаве. Але ад'ехаўшы ў 1609 г. на вайну пад Смаленск, кароль вярнуўся ў 1611 г. ужо ў Варшаву, якая і стала надалей рэзідэнцыяй манарха. Час панавання Жыгімонта III стаў часам росквіту мастацтваў: пры двары працавалі шматлікія мастакі, архітэктары, музыканты і спевакі. У адрозненне ад апошніх Ягелонаў Жыгімонт Ваза запрашаў людзей мастацтва не на акрэслены тэрмін, а пажыццёва, прызначаючы невялікі пансіён. Збіраў калекцыі ўсходняй зброі, дываноў, карцін. У вольныя хвіліны браў урокі ў прыдворных мастакоў. Большасць яго вялікіх архітэктурных праектаў выконваліся ў Варшаве і Кракаве; у ВКЛ кароль фінансаваў аздобу віленскага касцёла Св. Казіміра і пабудову маста на Нёмане: «драўляны, праўда, але так паводле правілаў мастацтва збудаваны, што падобнага Польшча не мае», — пісаў Сымон Старавольскі. Езуіты наблізіліся да Жыгімонта III пасля ўвядзення новай пасады пры двары — каралеўскага прапаведніка. Першым заняў гэты «урад» у 1588 г. рэктар Віленскага універсітэта Пётр Скарга, зрабіўшыся праз гэта адным з бліжэйшых дарадцаў караля (да сваёй смерці ў 1612 г.).

Характэрная рыса мастацтва кнігі перыяду першых Вазаў — эмблематыка з трохчасткавым тыпам эмблемы: надпісам (дэвізам), выявай, подпісам (каментарам). Дэвізамі эмблем рабілі сентэнцыі антычных аўтараў, вытрымкі з Бібліі, выказванні сучаснікаў. Подпісы ў залежнасці ад мэты стварэння эмблемы былі дыдактычныя, панегірычныя ці метафізічныя, разнастайныя не толькі па змесце, але і па аб'ёме. Выразнымі прыкладамі эмблематыкі ў графічнай аздобе кнігі пачатку XVII ст. з'яўляюцца «Алегорыя» К. Халецкага (1613) і панегірык А. Мафона Льву Сапегу на ўступленне яго на пасаду віленскага ваяводы ў выданні Лявона Мамоніча (1623), а таксама панегірык Яну Каралю Хадкевічу «з нагоды закладкі першага каменя ў падмурак касцёла Ўнебаўзяцця Маці Божай у Крожах на Жмудзі» [15, с. 237—238].

У Вільні кароль-каталік быў найперш вялікім князем пярэстага ў рэлігійных дачыненнях Вялікага княства. Абразок з жыцця тагачас-

най Вільні ў апавяданні сучасніка — добрае таму сведчанне: аднойчы наваградскі падсудак Фёдар Еўлашоўскі гасціў у свайго прыяцеля, віленскага каноніка Балтрамея Нядзвіцкага. Калі італьянцы, слугі каноніка, што сядзелі разам з ім за сталом, даведаліся, што Еўлашоўскі — пратэстант, то вельмі здзівіліся, «як мяне смеў ксёнз канонік на абед свой паклікаць». На гэта канонік ім адказаў, што «в нас з того жадна ненавист не быва и милуемы се яко з добрыми приятелы» [16, с. 18].

У тым жа 1589 г. сваю паству ў ВКЛ наведаў канстанцінопальскі патрыярх Іярэмія. Мамонічы друкавалі ліст караля з абвесткай аб яго візіце, а таксама ўпамянулі пра гэта ў пасляслоўі да выдання «Апостала» 1591 г. На сустрэчы ў Вільні патрыярх, мітрапаліт Міхаіл Рагоза, наваградскі ваявода Фёдар Скумін і іншыя паны і князі разам з народам «мели намову и обмышленъе друкованъя книг до церквеи Божих». Тады ж Іярэмія наведаў Львоў і даў прывілей на кнігадрукаванне львоўскаму праваслаўнаму брацтву Успення Багародзіцы. Дакумент гэты цікавы для знаёмства з рэпертуарам кнігаў праваслаўнай друкарні на той час, бо падрабязна іх пералічвае: «... мають волность братство успеніа Богородица друковати не возбранно священныя книги церковныя прилежно и з великим опатренем, не токмо часословцы, псалтыры, апостолы, минеи и треоди, требникы, синаксары, еуангеліе, метафрасты, торж[естве]ники, хроникы си реч, летописцы, и прочая книгы богословов церкви нашея христовы, но училищу потребные и нужные, си реч, грамматику, пеитику, реторику и философію» [17, с. 64].

Для характарыстыкі супрацьстаяння Польшчы і ВКЛ найбольш выразнай (і працяглай) палітычнай падзеяй 1590-х гг. была спрэчка каталікоў за Віленскае біскупства. Жыгімонт III, мяркуючы, верагодна, узмацніць адзінства сваёй дзяржавы, намінаваў на кракаўскую кафедру ліцвіна Юрыя Радзівіла, а на віленскую — паляка Бернарда Мацэёўскага. Аднак у Вялікім княстве, спасылаючыся на Статут, не прынялі на вышэйшую царкоўную пасаду іншаземца. Справа вырашылася толькі ў 1600 г., сама па сабе: памёр Юры Радзівіл, і кароль перавёў Мацэёўскага ў Кракаў, а Віленскае біскупства было аддадзена ураджэнцу ВКЛ Бенядыкту Войне (блізкаму сваяку Мамонічаў).

Актуальным палітычным пытаннем заставалася злучэнне заходнерускай праваслаўнай царквы з царквой рымска-каталіцкай. Заключаная ў 1596 г. Брэсцкая царкоўная унія не вырашыла, як паказала будучыня, пытання, але шмат што змяніла як для праваслаўнай, так і для каталіц-

кай цэркваў. Уніяцкая іерархія неўзабаве зразумела, што ў правах з каталіцкай так і не зраўняецца, а нязгодная з уніяй частка праваслаўнага духавенства не была прызнаная ў сваіх правах. Унія, як і супраціўленне ёй, нарадзіла не толькі арыгінальную літаратуру (багаслужбовую, багаслоўскую, чэццю), але і стварыла адметныя тыпы кнігаў — двухмоўныя службоўнікі, памяннікі і г.д. Самае ж важнае, што Брэсцкая унія выклікала да жыцця унікальную для таго часу, прынамсі ў межах адной дзяржавы, з'яву — адкрытую літаратурную палеміку вакол злучэння цэркваў і ходу гэтага працэсу на праваслаўных землях Кароны і Вялікага княства. Палеміка, якая працягвалася, толькі ў найбольш актыўнай сваёй фазе, практычна паўстагоддзя (з 1590-х да 1640-х гг.), яскрава адлюстравала цэнтральную, магчыма, палітычную супярэчнасць Рэчы Паспалітай гэтых часоў — надзвычайную бескампраміснасць, нават бязлітаснасць уласна рэлігійных узаемадачыненняў і барацьбы, а з другога боку — выкарыстанне такой жа надзвычайнай свабоды слова і друку і, што не менш істотна, разуменне высокай каштоўнасці гэтых інстытутаў для грамадства, разуменне, якое даходзіла часам да ўзаемнай падтрымкі розных канфесій у справе забеспячэння гэтых свабод, напрыклад паміж праваслаўнымі і пратэстантамі. Як піша сучасны даследчык, «пастановы Варшаўскай канфедэрацыі (1573 г. аб верацярплівасці — *М. Н.*) прадухілілі ў Польшчы кровапралітныя рэлігійныя войны, якія ахапілі Захад Еўропы... Пазней — на працягу XVII ст. — контррэфармацыя ўзяла верх у польска-літоўскай дзяржаве не ў братазабойчай вайне, а шляхам пераконвання і выкарыстання легальных формаў барацьбы» [18, с. 17]. Думка гэтая выказана, можа, занадта катэгарычна, не без пэўнай ідэалізацыі «шляхецкай дэмакратыі» (ці не контррэфармацыя ў яе спецыфічна польскім варыянце прывяла да войнаў Багдана Хмяльніцкага і расійска-шведскага «патопу»?), але па сутнасці аўтар мае рацыю. Толькі не варта забываць і пра іншы бок праблемы: каталіцызм пачатку XVII ст., які свядома вырашаў задачу аднаўлення свайго татальнага панавання ў Еўропе [19, с. 9—56], мог ужываць дэмакратычныя формы, але ніколі не пагадзіўся б ім падпарадкавацца. «Шлях пераконвання», росквіт палемічнай літаратуры хавалі за сабой нарастанне небывалага крызісу, і Вялікае княства апынулася ўбаку ад яго. У 1620 г. іерусалімскі патрыярх Феафан, вяртаючыся з Масквы праз Кіеў, без дазволу дзяржаўных улад паставіў там праваслаўнага мітрапаліта і епіскапаў. Узнікненне гэтай «новай іерархіі» поруч са «старой» — кіеўскім мітрапалітам-унія-

там у Вільні і яго епіскапамі на тых самых епархіях — пераводзіла ўсё пытанне ў рэчышча ўзброенага супрацьстаяння, бо дзяржава не дапускала «новых» епіскапаў да епархій і саступала альбо пагрозам казацкай ваеннай сілы, як у Кіеве, альбо шырокім грамадскім рухам і настроям, як у Луцку ці Перамышлі. Ужо адзін гэты факт яскрава сведчыў, што унія праваліласа — насуперак самому сэнсу слова яна прывяла не да аб'яднання, а да з'яўлення, замест дзвюх, трох царкоўных арганізацый з адпаведным ростам напружанасці ва ўзаемных дачыненнях у грамадстве. Для Літвы ж гэтае нечаканае аднаўленне сапраўднай Кіеўскай мітраполіі азначала новы, першы пасля 1458 г., выхад рэальнага цэнтра праваслаўя за межы яе дзяржаўнай тэрыторыі і, як вынік у сучасных умовах, неабходнасць яшчэ цяснейшага злучэння з Польшчай, якая адна магла абараніць уніяцкую іерархію.

Унія, прынятая ў Брэсце, лагічна закончылася праз 28 гадоў — у студзені 1624 г., на царкоўным саборы ў Наваградку. Пяць епіскапаў (уладзімірскі Іякім Марахоўскі, холмскі Афанасій Пакоста, луцкі Іярэмія, полацкі Антоні Сялява, тураўскі Рыгор Міхалоўскі) і мітрапаліт Іосіф Вельямін Руцкі пастанавілі дамовіцца з кіеўскім духавенствам аб тым, «абы был новофундованый в наших краях, яко и в московских, патріярха на добрах певных духовных, который бы на добрах тых на вси потомные часы пребывал, и по благословеніе нигде не посылал» [20, с. 513—514]. Не пасылаў ні ў Канстанцінопаль, ні ў Рым...

Гэты дакумент, саборнае рашэнне 1624 г., адназначна сведчыць: тыя, хто прыняў унію, гатовыя былі дзеля задзіночання царквы і большай духоўнай свабоды адмовіцца ад яе. Аднак так, як хацелі — «щырым сердцемъ, откинувши приваты свои на сторону» — не стала. Толькі змяніліся на некаторы час колькасныя судачыненні праваслаўных і каталікоў...

Унія, прынятая ў Любліне ў 1569 г., закончылася ў 1655 г. скасаваннем саюза ВКЛ і Кароны. Вялікім князем літоўскім был абраны шведскі кароль Карл Х Густаў. Новую унію падпісалі 1100 чалавек шляхты, жмудскі біскуп і пяцёра сенатараў ВКЛ (сярод іх ініцыятар уніі Януш Радзівіл). Гэта кульмінацыя палітычнага лёсу Януша Радзівіла, а пачыналася ўсё яшчэ ў 1641 г., калі багаты магнат-пратэстант браў шлюб з праваслаўнай — дачкой малдаўскага дэспата Васіля Лупула Марыяй. Дзеля таго вяселля па загадзе кіеўскага мітрапаліта Пятра Магілы на лацінскай і польскай мовах быў складзены панегірык, упрыгожаны шматлікімі гравюрамі і шыкоўна выдадзены лаўрскай друкарняй у Кіе-

ве. Сярод ілюстрацый — гравюры з варыяцыямі на тэмы гербаў Радзівілаў (арол і тры трубы) і малдаўскіх гаспадароў (галава вала). У канцы змешчана гравюра з партрэтамі Радзівілаў, гербамі ВКЛ і Малдовы[3].

Аднак ілюзіі самастойнасці ВКЛ адразу разбурыліся: віленскаму ваяводзе і вялікаму гетману Янушу Радзівілу маскоўскі цар (праз свайго пасла, двараніна Васіля Ліхарава) пагардліва нагадвае: «А ты великий гетман полского короля и ВКЛ вилинский воевода был по милости полского короля. А город Вилна была полского ж короля, а не твоя. Волно было королю на твое место и иново гетмана вилинским воеводою учинить, ныне ты, а завтра иной бы был воевода. А ныне город Вилна и городы Княжства Литовского великого государя нашего, а не свийского короля. А ты свийскому королю пишеш ВКЛ напрасно.. » [21, с. 25].

Драматычны лёс Януша Радзівіла — віленскага ваяводы і найвышэйшага гетмана ВКЛ, князя Свяшчэннай Рымскай імперыі на Біржах і Дубінках, графа на Невелі і Себежы і мсціслаўскага старасты — прыводзіць яго ў падляскі гарадок Тыкоцін, дзе ён раптоўна памёр 30 снежня 1655 г. Сярод яго маёмасці ў Тыкоціне знаходзіліся, між іншым, і ўзятыя ім з сабой кнігі: «6. Skrzynia wozowa z ksiegami staremi pisanemi... 9. Skrzynka dluga zelazna z ksiegami drukowanemi... 11. Szuflada z ksiegami... 12 i 13. Dwie szuflady wielkie z biblioteka» [22, с. 420].

Унія ВКЛ і Кароны Польскай вярнулася на кругі свая...

Часы праўлення Уладзіслава IV (1632—1648) яшчэ раз паказалі глыбока аб'ектыўны, незалежны ад якіх-небудзь палітычных паваротаў характар падзей. Новы кароль, далёкі ад фанатычнага каталіцызму Жыгімонта III (яшчэ ў 1624—1625 гг. каралевіч Уладзіслаў ездзіў у падарожжа ў Заходнюю Еўропу ў суправаджэнні Альбрэхта Станіслава Радзівіла, і кантакты з адукаваным ліцвінам значна паўплывалі на маладога чалавека), афіцыйна прызнаў «новую іерархію» — вынікам стала кансалідацыя ваяўнічага праваслаўя, якое абапіралася на казацтва. Прапаведнікамі Уладзіслава былі не толькі езуіты, як у Жыгімонта III, але і дамініканцы — спачатку (у 1612—1634 гг.) прафесар рымскай і грэцкай літаратуры з Кракаўскага універсітэта Фабіян Біркоўскі (быў з Уладзіславам і пры войску), ад 1635 г. — грамадзянін ВКЛ, віленскі езуіт, пра-

[3] Панегірык гэты — адна з самых прыгожых кнігаў свайго часу — надрукаваны ў Кіеве; мы карысталіся паасобнікам РНБ, шыфр: 6.4.1.281.

фесар Віленскага універсітэта і славуты паэт Мацей Казімір Сарбеўскі, кнігі якога выходзілі як у ВКЛ, так і ў Еўропе. Сарбеўскі карыстаўся вялікай сімпатыяй караля і суправаджаў яго нават на паляваннях. Пакаёвымі дваранамі Уладзіслава IV былі браслаўскія шляхціцы Геранім і Уладзіслаў Камары.

У часы Уладзіслава IV былі зроблены спробы ўлагодзіць міжканфесіянальныя супярэчнасці. Адной з такіх супярэчнасцяў быў стары каляндар, якім карысталіся не толькі праваслаўныя, але і уніяты. У верасні 1640 г. у Вільні выйшла кніга дубенскага архімандрыта, уніята Касіяна Саковіча, прысвечаная праблеме календара. Аўтар паказаў шматлікія нязручнасці ад карыстання дзвюма рознымі сістэмамі лічэння часу і ўгаворваў адмовіцца ад старога календара на карысць новага: «Сам тады змілуйся над сабой зацны народзе рускі і скінь той непатрэбны табе ценжар Старога Календара з каркаў сваіх, дзеля прыняцця Новага Календара. Бо то вельмі не гжэчна, што ў аднаго будзе «Хрыстос Васкрэс», а ў другога аж праз пяць тыдняў будзе «Воісціну Васкрэс», і прыяцель твой каталік будзе весяліцца і скакаць, а ты над селядцом і сырам сядзець будзеш... » [23, с. 4]. Тут жа падаецца прапанова — як прыняць новы каляндар праваслаўным жыхарам Кароны і ВКЛ: «... калі б у першых гарадох, напрыклад на Літве ў Вільні, а на Русі ў Львове, на Валыні ў Астрогу і Луцку, а на Украіне ў Кіеве каляндар прынялі, тады б і іншыя меншыя гарады за імі пайшлі...» [23, с. 2]. Праблема календара, як бачым, засталася нявырашанай да сёння.

Спіс літаратуры

1. Пресняков, А.Е. Лекции по русской истории / А.Е. Пресняков. — Т. 2. — вып. 1. — М., 1939.
2. Мечковская, Н.Б. Кирилло-мефодиевское наследие в филологии Slavia Orthodoxa и языковые вопросы в русском православии XX века / Н.Б. Мечковская // Славяноведение. — 2000. — № 2.
3. Полное собрание русских летописей. — М.: Наука, 1975. — Т. 32: Хроники: Литовская и Жомойтская и Быховца; летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного / Отв. ред. акад. Б.А. Рыбаков, составитель и ред. тома д.и.н. Н.Н. Улащик.
4. Трусаў, А.А. Старонкі мураванай кнігі / А.А. Трусаў. — Мінск, 1989.
5. Ткачоў, М.А. Замкі Беларусі / М.А. Ткачоў. — Мінск, 1987.
6. Papée, F. Aleksander Jagiełłończyk / F. Papée. — Kraków: Polska Akad. Umiejętności, 1949.

7. Шматов, В.Ф. Искусство книги Франциска Скорины / В.Ф. Шматов. — М., 1990.

8. Жукас, С. Первая литовская книга в культурном контексте эпохи. Катехизис Мартинаса Мажвидаса (1547) / С. Жукас. — Vilnius, 1997.

9. Топоров, В.Н. Мартинас Мажвидас в контексте его времени: (к 450-летию со дня выхода в свет первой литовской книги) / В.Н. Топоров // Балтославянские исследования. — 1997.

10. Buchwald-Pelcoma, P. Cenzura w dawnej Polsce: między prasą drukarską a stosem / P. Buchwald-Pelcoma. — Warszawa, 1997.

11. Volumina legum. — T. 2. — Petersburg, 1859.

12. БАН СПб. — Gvagnino F. Rerum Polonicarum. Tomi tres. Francofurti. 1584. — 11456.o/4629R.

13. Litwin, H. Przynaleznosc narodowa alumnow Seminarium Papieskiego w Wilnie 1582— 1798 / H. Litwin // Miedzy Wschodem a Zachodem. — Warszawa, 1993.

14. Нольде, А.Э. К истории перевода Литовского Статута на русский язык / А.Э. Нольде // Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко от сослуживцев по Императорской Публичной библиотеке. — СПб., 1913.

15. Ткачэнка, М.I. Эмблематычныя рысы ў гравюрным партрэце пачатку XVII ст. / I.М. Ткачэнка // Барока ў беларускай культуры і мастацтве. — Мінск, 1998.

16. Свяжынскі, У.М. «Гістарычныя запіскі» Ф. Еўлашоўскага / У.М. Свяржынскі. — Мінск, 1990.

17. Diplomata statutaria a patriarchis orientalibus confraternitati stauropigianae Leopoliensi a. 1589 — 1592 data, cum aliis litteris coaevis et appendice. — T. 2. — Leopoli, 1895.

18. Липатов, А.В. Литература в кругу шляхетской демократии (Позднее барокко. Просвещение. Предромантизм) / А.В. Липатов. — М., 1993.

19. Поршнев, Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства / Б. Ф. Поршнев. — М., 1976.

20. Акты Западной России. — Т. 4. — СПб., 1851.

21. Заборовский, Л.В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655—1656 гг.): Документы, исследование / Л.В. Заборовский. — М., 1994.

22. Kotlubaj, E. Zycie Janusza Radziwilla / E. Kotlubaj. — Wilno — Witebsk, 1859.

23. Sakowicz, K. Kalendarz stary w ktorym jawny y oczywisty blqd ukazuie sie okolo swiecenia Paschi y responsa na zarzuty Starokalendarzan y co za pozytki Ruskiemu Narodowi z przyięcia Nowego Kalendarza, a iakie szkody z trzymania sie Starego, y iako sie ma rozumiec Poprawa Kalendarza. Wydany przez wielebnego oyca Kassiana Sakowicza, archimandrite Dubieńskiego unita. W Wilnie Roku Pańskiego 1640 dnia 13 Septembra Za dozwoleniem Starszych.

СООБЩЕНИЯ

Стебурако А.Н.

«РОЗМОВА/БЕСЕДА» (К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУКОПИСИ И. УЖЕВИЧА «РОЗМОВА/БЕСЕДА. RECUEIL DES DIFFÉRENS USAGES ENTRES ENTRE LA DIALECTE VULGAIRE POUR LA PARFAITE CONNAISSANCE DE LA LANGUE»)

Департамент рукописей Национальной библиотеки Франции хранит значительную коллекцию документов, связанных с историей белорусской земли. Часть рукописей из «латинской» либо «греческой» части собрания затрагивают многие аспекты жизни Великого княжества Литовского, что достаточно подробно описано в журнале «Athenaeum» И. Лельковым [1]. Множество документов сохранилось со времен элекции Генриха Валуа на престол Речи Посполитой в 1574 г., в которых даются достаточно подробные описания положения дел в ВКЛ [2, с. 61–62]. В славянской части коллекции находятся такие известные памятники, как, например, одна из первых восточнославянских грамматик — «Grammatica sclavonica scripta per Joannem Useviciu sclavonum...» («Грамматика словенская, написана преж Иоанна Ужевича, славянина, славной Академии Парижской в теологии студента, в Парижу, року от нарождения сына Божаго 1643»), или «Лексикон словяно-латинский, трудолюбием иноков Арсения и Епифания в богоспасаемом граде Москве составленный» [3].

Для белорусского исследователя весьма интересна рукопись «Розмова/Беседа. Recueil des différens usages entres entre la dialecte vulgaire pour la parfaite connaissance de la langue» (MS. Slave 7) [4]. До последнего времени рукопись считалась анонимной, и в справочной литературе ее описание оставалось несовершенным и во многом спорным. Наиболее дискуссионными представлялись вопросы об авторстве, языке и времени создания рукописи.

Разговорник имеет размеры 290 на 200 мм и состоит из 72 листов. Текст написан скорописью в два столбика. Слева — на старобелорусском языке (в рукописи он обозначен как *«populiaris»*), а справа — на церковнославянском (*«sacra»*). Разговорник начинается с предисловия, в котором рассказывается о предназначении и структуре книги *«Чительнику ласкавый тая книга так есть пожитечная... / Любимый читателю*

сия книга тако есть полезная... Тая книга бардзо пожитечна есть до читання, писання и теж мовення». Разговорник разделяется на ряд тематических рубрик: *«Розмовы посполиты с гостем» / «Беседы прилежащии гостем», «О мовенню с должниками» / «О глаголании с должниками», «О способе писанния листов обликгов и хронографов» / «Имамы дщицы, отвечования и рукописания»* и др.

В рукопись вклеен лист (вероятно, XIX в.) с описанием содержания рукописи на французском языке. Можно предположить, что именно он и стал источником неточного понимания документа. Там утверждается, что эта рукопись — русско-украинский словарь, являющийся составной частью большего многоязычного справочника. Последующие исследователи часто пользовались этим описанием, что и отразилось во многих справочниках и статьях:

«[Рукопись] параллельно на двух языках. На славянском русском и славянском украинском в форме диалога. Первая колонка на украинском, вторая — на славянском. Одновременно является частью словаря из восьми языков: фламандского, английского, немецкого, латинского, французского, испанского, влошского и португальского. Вместе с двумя [вышеупомянутыми] языками составляют — десять. Этот словарь состоит из двух частей, первая — состоит из множества диалогов между семью собеседниками на семейные и коммерческие темы. Вторая часть состоит из слов, употребляемых в народном языке и расположенных в алфавитном порядке. Этой второй части не хватает здесь. Эта часть предусмотрена в содержании — на обороте листов 4 и 5» [перевод с французского языка автора — *А.С.*].

Обратимся к указанным страницам рукописи. Действительно, там упоминается и о восьмиязычном словаре (*«восьми языков в той книзе написаных»*) и о второй недостающей части (*«Вторая книги часть замыкает много простых слов в повседневных розмовах положоных порядком азбучным»*) [4, л. 4 об. — л. 5 об.]. В рукописи нет упомянутого словаря «простых слов», расположенных в алфавитном порядке. Лишь на последнем листе рукописи мы встречаем краткий перечень обращений к королю, воеводе, князю и шляхте на «populiaris» (*«Tituli Sclavonice usurpati soliti»* и *«Linguae Sacrae Tituli»*) и их перевод на латынь (*«Найяснейшому Кролеви / Sevenissimo Regi»*) [4, л. 72 об.].

В каталоге славянских рукописей Национальной библиотеки Франции, опубликованном в 1858 г. И.М. Мартыновым, также высказывает-

ся мнение о том, что это фрагмент большего по размерам произведения, и говорится о ее незначительной ценности [5, с. 41; 6, с. 83]. Скромные данные о «Розмове» мы встречаем и в каталоге русских и славянских рукописей, изданном в 1908 г. [7, p. 4].

Л.В. Черепнин в одной из статей анализирует структуру рукописи и склоняется к мысли, что она написана скорописью XVIII века на русском и украинском языках, приводит названия некоторых из разделов. «Розмова» регулярно упоминается в различных описаниях славянской коллекции рукописей Национальной библиотеки Франции, но там мы встречаемся с уже известными ранее нам оценками [8, с. 232].

Украинские историки И.К. Билодид и М.А. Жовтобрюх в 1970 гг. написали ряд статей о «Розмове». Они ее рассматривали исключительно как украинский памятник и датировали XVI столетием. Однако они не могли не отметить и «влияние, главным образом в орфографии, старобелорусского языка; оно, прослеживается, в частности, в написании отдельных слов...» [9, с. 197]. И.К. Билодид в своем исследовании демонстрирует изображение титульного листа «Розмовы», приводит отрывок из текста, и акцентирует внимание на смысловой связи рукописи с более поздней, по его мнению, «Грамматикой» И. Ужевича [10, с. 34].

В белорусской историографии «Розмова» долгое время не была отдельным обьектом исследования. В 1990-х гг. белорусский историк И. Лельков поставил вопрос о возможном белорусском происхождении рукописи и высказал сомнение в правдивости предшествующих ее описаний [2, с. 62].

Лишь несколько лет назад появилось фундаментальное исследование немецких славистов Г. Кайперта и Д. Бунчича, посвященное анализу содержания и исследовнию происхождения рукописи [11]. Они дали ответы на многие вопросы, которые до них оставались открытыми. Сенсационным стало доказательство авторства И. Ужевича путем сравнения рукописи «Grammatica sclavonica» и анонимной «Розмова/Беседа». Был определен и образец, по которому И. Ужевич составил разговорник. Это весьма популярный в Европе в XVI—XVII вв. многоязычный разговорник Берлемонта «Colloquia et dictionariolum ... lingvarum», выдержавший более 100 переизданий. Изучение разных вариантов разговорника позволило выявить издание, которым пользовался И. Ужевич. Это была латинская версия разговорника, причем латинская версия была переведена И. Ужевичем на старобелорусский язык

полностью, а перевод на церковнославянский язык осуществлялся без обращения к латинскому оригиналу [12, с. 145]. Введение, в котором говорилось о восьми языках и о словаре в конце разговорника, оказалось дословным переводом вступительного слова к изданию Берлемонта. Возможно, И. Ужевич и не собирался полностью воспроизводить традиционную структуру разговорника. А вот содержащиеся на последней странице титулы и эпитеты к ним — это оригинальное добавление самого И. Ужевича, так как оно отсутствует в традиционных изданиях разговорника [13, с. 275].

Время создания рукописи было определено не только благодаря установлению авторства. На титульном листе документа есть шифр коллекции Жана-Батиста Кольбера (*Code Colbert 2290*), в чью библиотеку рукопись в свое время входила и откуда она после смерти владельца перешла в Королевскую библиотеку. Кольбер умер в 1683 г., и, соответственно, рукопись не могла быть создана позднее. Круглая печать Королевской библиотеки с надписью «Bibiliothecae Regnie», которая стоит на первом и последнем листе манускрипта, использовалась в первой трети XVIII века. Это хронологически совпадает со временем покупки коллекции Кольбера Королевской библиотекой (1732 г.) [14, с. 268].

Определенную информацию дало изучение водяных знаков на бумаге рукописи. Филигрань имеет размеры 40 на 48 мм. Состоит из буквенной части и изображения символа ордена иезуитов. Изображение вписано в круг: «I H S», крест находится на середине перекладины буквы «H», под эмблемой расположены три лепестка. Буквенная часть: «ARAMAL». Авторы книги проанализировали водяные знаки и пришли к выводу, что бумага с подобными изображениями использовалась во Франции в 1643—1647 гг.

Таким образом, «Розмова» была создана в 1640-х гг. И. Ужевичем вместе с «Grammatica sclavonica». По мнению немецких исследователей, грамматика и разговорник создавались для французской аудитории, желающей познакомиться с языком Великого княжества Литовского [12, с. 145].

В 2005 г. вышла книга Д. Бунчича «Розмова/Беседа. Западнорусский (староукраинский/старобелорусский) и церковнославянский берлемонтовский разговорник Ивана Ужевича», в которой автор утверждает следующее: «... при описании этого языка в западной филологической традиции принято пользоваться термином «рутенский» (нем. *Ruthenisch*,

англ. *Ruthenian*, фр. *ruthene*), в русскоязычной — *простая мова*. Новые, национальные, языки — белорусский и украинский — были образованы на основе народных диалектов только после того, как вышла из употребления простая мова (т.е. окончательно к концу XVIII в.), в период романтизма» [15]. Для белорусских исследователей остается актуальным вопрос языка рукописи, так как едва ли можно согласиться с приведенным выше тезисом.

«Розмова» красноречиво демонстрирует, что белорусская научная мысль развивалась в общеевропейском контексте и использовала лучшие достижения образования Европы. Этот разговорник, безусловно, займет свое место среди произведений, ставших первыми попытками создания азбук для изучения грамоты конца XVI — первой половины XVII в. Вероятно, в ближайшее время произойдет переоценка данного памятника, как одного из важных элементов, отражающего процесс становления белорусской учебной литературы в Новое время.

Для более детального изучения «Розмовы» И. Ужевича белорусскими учеными было бы целесообразно подготовить ее факсимильное издание и произвести анализ текста с точки зрения национальной истории, педагогики и филологии.

Список литературы

1. Лялькоў, І. Рукапісныя крыніцы Нацыянальнай бібліятэкі Францыі па гісторыі зносінаў паміж Францыяй і Вялікім княствам Літоўскім у новы час (XVI—XVIII стагоддзі) / І. Лялькоў // Athenaeum. Альманах гісторыі і культуры. — Мінск, 1998 — Т. І. — 90 с.

2. Лялькоў, І. Матэрыялы па гісторыі Беларусі ў Рукапісным зборы Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі / І. Лялькоў // Замежная архіўная Беларусіка. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канф. — Мінск, 1998. — С. 60—64.

3. Граматика слов'янська І. Ужевича. — Київ: Наукова думка, 1970. — XXVI, 112 с.

4. Национальная библиотека Франции, департамент западных рукописей. — Ms. Slave 7. — Розмова/Беседа. Recueil des différens usages entres entre la dialecte vulgaire pour la parfaite connaissance de la langue — 72 p.

5. Martinoff, I. Les manuscrits slaves de la bibliothèque impériale de Paris / I. Martinoff. — Paris, 1858. — 111 p.

6. Булгаков, Ф. Славяно-русские рукописи Парижской библиотеки с выписками из них сообщенные И. Мартыновым / Ф. Булгаков // Памятники древней письменности. — СПб, 1879. — Т. IV. — С. 75—95.

7. Test, P. Catalogue des manuscrits russes et slavons de la Bibliothèque Nationale / P. Test. — Paris: Imremerie contemporaine, 1908. — 26 p.

8. Черепнин, Л.В. Славянские и русские рукописи Парижской национальной библиотеки (краткий обзор) / Л.В. Черепнин // Археографический ежегодник за 1961 год. — Москва, 1962. — С. 215—235.

9. Жовтобрюх, М.А. Украинский разговорник XVI века / М.А. Жовтобрюх // Восточнославянское и общее языкознание. — Москва: Наука. — 1978. — С. 185—191.

10. Білодід, І.К. Киево-Могилянська академія в історії східнослов'янських літературних мов / І.К. Білодід — Київ: Наукова думка, 1979. — 198 с.

11. Bunčić, D. Die ruthenische Schriftsprache bei Ivan Uževyč unter besonderer Berucksichtigung der Lexik seines Gesprachsbuchs Rozmova/Besěda / D. Bunčić. — München: Otto Sagner, 2006 — 592 s.

12. Запольская, Н.Н. Размова беседа / Н.Н. Запольская // Вопросы языкознания. — 2007. — № 1. — С. 143—145. — Рец. на кн.: Bunčić, D. Rozmova/Beseda. Das ruthenische und kirchenslavische Berlaimont-Gesprächsbuch des Ivan Uzevyc / D. Buncic, H. Keipert. — München: Verlag Otto Sagner, 2005. — 287 s.

13. Клімаў, І.П. Навуковая публікацыя новага твора Івана Ужэвіча / І.П. Клімаў // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск, 2006 — Вып. 7. — С. 273—280. — Рец. на кн.: Bunčić, D. Rozmova/Beseda. Das ruthenische und kirchenslavische Berlaimont-Gesprächsbuch des Ivan Uzevyc / D. Buncic, H. Keipert. — München: Verlag Otto Sagner, 2005. — 287 s.

14. Colot, F. Mélanges d'histoire du livres et des bibliothèques / F. Colot. — Paris: Librairie d'Argences, 1960. — 338 p.

15. Bunčić, D. Rozmova/Beseda. Das ruthenische und kirchenslavische Berlaimont-Gesprächsbuch des Ivan Uzevyc / D. Bunčić, H. Keipert. — München: Verlag Otto Sagner, 2005. — 287 s.

Приложение
(фрагмент рукописи «Розмова/Беседа» [л. 43 об. — 44])

«populiaris»	***«sacra»***
Откуль	*Откуда*
идешъ	*идешъ*
з за моря	*не изъ заморския ли страны*
не: иду	*нъ: изъ иду*
з Франции	- - - - -
з Англии	- - - - -
и з Немецъ	- - - - -
што нового слыхати	*что новаго слышал еси*
ве Франции	- - - -
вправде ничого доброго	
чемуже такъ	*почты убо*
тамъ палают	*тако гарятъ*
взаимною ненавистию	*ненавистию*
иже страшно	*яко со страхом*
об тым мовити	*о семъ глаголати*
боже заховай нас	*господи спаси насъ*
от внутрной войны	- - - -
...	...
великое нещасте	*велиа беда*
лечъ намъ	*на мы*
терпливе потреба зносить	*терпети имамы*
мы покож будем мети	- - - -
кгды ся богу подобаетъ	*аще кого благоволит*
што нового есть	*что новаго есть*
в томъ месте	*в семъ месте*
што доброго слыхати	*что благо слышится*
все добре	*вся благая*
а ничого нового неслыхалем	*азъ ничго нового неслыхать*
Пане мой	*господине мой*
нехай вамъ небудет прикро	
го ниякого	

Рассадин С.Е.

О НЕКОТОРЫХ НАХОДКАХ 2008 г. НА ШАТИЛИНСКОМ ОСТРОВЕ[1]

Историю белорусского города Светлогорска на Березине принято отсчитывать от издания Указа Президиума Верховного Совета БССР 29 июля 1961 г. Но ведь в этом Указе сказано, буквально, следующее: «Преобразовать городской поселок Шатилки Паричского района Гомельской области в город районного подчинения, присвоив ему наименование — город Светлогорск». Таким образом, речь шла лишь о переименовании уже существовавших Шатилок. Еще в 1990 г. был сделан следующий целиком обоснованный вывод: «Такім чынам, ва ўзрост Светлагорска ўваходзіць і ўзрост Шацілак...» [1]. Позднее этот возраст предложено было отсчитывать от 15 июля 1560 г., — соответственно дате привилея Сигизмунда II Августа, где упоминается земянин Роман Шатила, первый известный по имени владелец усадьбы Шатилинский Остров [2, с. 47]. Привилей сохранился в поздней копии, заверенной 10 января 1798 г. [3, с. 85—86].

Проблема была в том, что локализация Шатилинского Острова в этом привилее весьма расплывчатая: «na Trakcie Horwalskom nad Rekoi Berezynoi». Кроме того, принято было считать этот Остров исчезнувшим. В частности, А.Ф. Рогалевым утверждалось, буквально, следующее: «Гэтая гара (з прычыны паступовага перамяшчэння рэчышча Бярэзіны прыбярэжнае ўзвышша было змыта вадой, цяпер на яго месцы — звычайная нізіна, зарослая вербалозам) і была тым «востравам», які мы бачым у складзе геаграфічнай назвы Востраў Шатыліскі» [4, с. 126]. Автором, однако, предполагалось, что Шатилинский Остров скорее мог быть уничтожен в 1950-е гг., во премя строительства канала для забора вод р. Березины на нужды Василевичской ТЭЦ, расположенной как раз в окрестностях Шатилок, в недавнем историческом прошлом шляхетской «околицы», а ныне одного из городских микрорайонов Светлогорска. Оба предположения оказались не соответствующими действительности, и в 2006 г. археологические остатки Шатилинского Острова были, наконец, обнаружены.

В течение полевого сезона 2008 г. на памятнике исследовано 100 м^2 и получено несколько тысяч находок. Среди массы обломков бытовой керамики XVI—XVII вв. попадаются курительные трубки (рис. 1). Вме-

[1] Изучение материалов Шатилинского Острова производится в рамках проекта № Г08–266 Белорусского фонда фундаментальных исследований.

сте с ними найдена также действующая глиняная свистковая флейта-окарина. Выдувного отверстия у нее нет, но имеются отверстия для изменения ладов звучания (рис. 2).

Железные изделия конкурируют по численности с фрагментами и целыми экземплярами костей различных животных. Из кости какого-то животного изготовлен, например, отполированный в процессе долгого употребления кочедык, или специальное приспособление для плетения лаптей (рис. 3). Но из кости именно слоновой рукоятка железной вилки (рис. 4). Вилка трехзубая, а такие принято относить, в основном, уже к XVIII в. [5, с. 296].

Другая костяная находка — позвонок крупного экземпляра Silurus glanis, или сома обыкновенного (определение И.А. Ляшкевич). По размерам и форме он очень напоминает найденное там же древнерусское пряслице из розового овручского сланца, или, иначе, шифера (рис. 5—6). Для Шатилинского Острова находка шиферного пряслица имеет примерно такое же значение, как аналогичная для Балахны. При раскопках этого старинного волжского города также был найден один-единственный экземпляр, значение которого, однако сразу было признано исключительным. Согласно Т.В. Гусевой, это бесспорное доказательство существования Балахны, как минимум, в XIII в., тогда как письменные источники упоминают о ней лишь с века XV [6]. Керамика древнерусского типа в значительном количестве представлена также и на Шатилинском Острове, упоминаемом впервые, как сказано выше, лишь в 1560 г. Теперь для датировки этого памятника придется учесть, что производство пряслиц на базе близлежащего месторождения розового шифера, единственного во всей Древней Руси, было налажено в Овруче еще XI в. и прекратилось после разгрома города монголо-татарами в 1240 г. В домонгольской Руси, согласно В.Л. Янину, овручские пряслица даже играли роль заменителя монеты [7, с. 229].

Имеется портрет-триптих Карла I Стюарта (1600—1649) работы А. Ван Дейка, на котором этот король изображен с серьгой в ухе. Бронзовая серьга точно такого же типа, с большей каплевидной и меньшей шаровидной бусами, нанизанными на дужку, обнаружена и на Шатилинском Острове (рис. 7). Гламурная мода достигала и шляхетской глубинки.

Из бронзы был ключ — по-видимому, от ларца или шкатулки (рис. 8). К корпусу подобного изделия крепилась, очевидно, также и обнаруженная неподалеку фигурная бронзовая же застежка. Сама шкатулка была, наверное, из железа, т.к. на «рожках»-креплениях застежки, как-то входивших в корпус, остались следы ржавчины (рис. 9). На обороте застежки имеются следы сработанности, но гораздо интереснее, конечно, лице-

вая ее сторона. Если сравнить ее с любым изображением В.С. Высоцкого — например, в фильме «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», 1976 г. — то нельзя не заметить очевидного портретного сходства. Между тем эта неожиданная находка датируется не позднее начала XVII в.

Итак, эти находки, безусловно, расширяют и уточняют наши представления об историческом предшественнике Светлогорска.

Список литературы

1. Маслюкоў, Т.В. Колькі гадоў Светлагорску? (Новыя даныя аб часе ўзнікнення Шацілак) / Т.В. Масюкоў // Агні камунізму. — 19.05.1990.
2. Памяць. Светлагорскі раён: у 2 кнігах. — Кн. 1. — Мінск, 2000.
3. Национальный исторический архив Беларуси — фонд 686. — оп. 1. — ед. хран. 9.
4. Рогалеў, А.Ф. Сцежкі ў даўніну. Геаграфічныя назвы Беларускага Палесся / А.Ф. Рогалеў. — Мінск, 1992.
5. Археалогія Беларусі: у 4 тамах. — Т. 4: Помнікі XIV—XVIII стст. — Мінск, 2001.
6. Гусева, Т.В. Археологический комментарий к балахнинской находке [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.opentextnn.ru/history/archaeology. — Дата доступа: 16.07.2005.
7. Янин, В.Л. Я послал тебе бересту / В.Л. Янин. — М., 1998.
8. Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981.

1 — трубки; *2* — окарина; *3*— кочедык; *4* — вилка; *5*— позвонок сома; *6*— пряслице; *7* — серьга и ее аналог; *8* — ключ; *9* —портретная застежка и ее аналог

ИСТОЧНИКИ

Любая А.А.

ТАТАРСКИЕ «ПОМИНКИ» В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПОЛЬСКОГО КОРОЛЕВСТВА И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО С КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ В XVI в.

«Реестр упоминок...», с этих слов начинается документ, который хранится в Главном архиве древних актов в Варшаве (*Archiwum Główny Act Dawnych*, AGAD) в коллекции «Архив коронной казны» (*Archiwum Skarby Koronnego*, ASK), отдел третий — «Счета королевского двора» (*Dział III. Rachunki nadworne królów*), сигнатура 4948 (*Sygn*. 4948). Данный фонд содержит документы, относящиеся к расходам королевского двора, включая различного рода подарки. Счета королевского двора собраны в книгу, где интересующий нас источник занимает 21 страницу, с листа 576 до листа 586. Он содержит перечень подарков татарам, так называемых «поминок», направленных в начале 1570-е годов польским королем и великим князем литовским Сигизмундом II Августом крымскому хану Девлет-Гирею. Напомним, что именно Девлет-Гирей в 1571 году совершил опустошительный набег на земли Русского государства, во время которого была сожжена Москва. Таким образом, публикуемый документ представляет большой интерес в контексте изучения московско-литовско-крымских взаимоотношений в период Ливонской войны. Прежде чем перейти к публикации самого источника, обратимся к предыстории возникновения этого документа.

Исследователи, которые занимаются историей внешней политики Великого княжества Литовского и Польского королевства, уже четверть века придерживаются тезиса относительно раздела сфер деятельности между посольскими службами этих государств. Согласно с ним, обязанности великокняжеской посольской службы заключались в обеспечении интересов обоих государств в отношениях с татарскими ордами и государствами, Великим княжеством Московским и чуть позднеей Молдавским княжеством. В свою очередь, коронная посольская служба представляла Великое княжество Литовское перед западноевропейскими монархами: в Священной Римской империи, при венгерском дворе и т.д. Этот тезис был сформулирован выдающимся литовским историком Э.Д. Баненисам в кандидаткой диссертации, посвященной организации

посольской службы Великого княжества Литовского с конца XV века и до 1569 года [1, с. 8—9]. В общем, если рассматривать проблему на уровне структуры внешнеполитических связей, данная мысль целиком оправдана. Но это не значит, что Польское королевство целиком избегало участия в татарских делах.

Специалисты, которые занимаются теорией международных отношений, среди прочих критериев внешней политики называют ее *экономическую эффективность*. Они имеют в виду соотношение результатов внешнеполитической деятельности к финансовым и экономическим затратам, которые понесло государство для их достижения [2, с. 8]. На протяжении всего XVI века Польское королевство несло материальные и денежные расходы, связанные с татарским направлением внешней политики.

Свидетельства о затратах польской стороны в связи с организацией татарской внешней политики обнаруживаются в Скарбовых книгах (Archiwum Skarbu Koronnego) Коронной метрики (Metryka Koronna), государственного архива Польского королевства, которые хранятся в Главном архиве древних актов в Варшаве. Материалы, касающиеся польской казны, делятся на два самостоятельных комплекса: счета посольств (Rachunki Poselstw) и счета королевского двора (Rachunki Nadworne Królów). В обоих содержаться интересные документы относительно польско-татарских взаимоотношений в XVI веке, но, к сожалению, эти фонды сохранились лишь частично.

Счета татарских посольств сохранились только с 40-х годов XVI века, но они свидетельствуют о достаточно интенсивных отношениях. Например, в 1542 году к королевскому двору, в Краков, приезжали два посольства от крымского хана Сахиб-Гирея. В марте 1544 года в Кракове находилось посольства казанского хана Сафы-Гирея к «королю старшему и королю младшему» [3, k. 89—91v, 95—96, 104—105]. Татарские властители, в том числе и крымские ханы, видели в посольствах дополнительный способ наградить своих людей. Ханские послы стремились взять с собой как можно больше родственников и слуг, для которых требовали подарков. Они не гнушались заниматься по дороге грабежом. Поэтому ничего удивительного нет в том, что и в Краков посольства из татарских государств прибывали достаточно часто.

Тот факт, что польский королевский двор принимал татарские посольства, противоречит мнению о строгом размежевании сфер влияния между коронной и великокняжеской дипломатиями. Во всяком случае,

сами татары не всегда действовали в контексте такого разделения и в более ранний период, отсылая свои посольства и в Вильно, и в Краков. Посольские книги (Libri legationum) Коронной метрики содержат реляции татарских посольств за период 1503—1505, 1535—1547 годов и т.д. [4, k. 14, 15, 16; 5, k. 97r—98a, 99r—99a, 101r—101a] Кроме этого польские государственные деятели самостоятельно решали повседневные вопросы, связанные с международными отношениями. Например, в одном из своих писем Менгли-Гирей обращается к коронному канцлеру, чтобы тот вернул деньги за выкуп некого еврея, одолженные у ханского слуги Ибрагима [6]. Определенная спецификация, характерная для дипломатии как Великого княжества Литовского, так и Польского королевства не означала, что принятие решений было прерогативой исключительно одной стороны. В 1506 году польские «можновладцы» — бискуп краковский, бискуп перемышельский, бискуп куявский, воевода познаньский, воевода камиискиий, воевода сирядский и коронный канцлер — давали советы польскому королю относительно отношений с татарами, причем как с крымскими, так и с казанскими [7, p. 53]. Таким образом, мы не можем отрицать существование двусторонних польско-татарских взаимоотношений, в которых не последнюю роль играли влиятельные польские государственные деятели.

Еще больше интриги в непростые польско-литовско-татарские взаимоотношения вносит проблема «поминок». В Великом княжестве Московском и в Великом княжестве Литовском поминками называли дипломатические дары, свидетельствующие о хороших отношениях между двумя монархами. В странах монголо-тюркской культурной традиции поминки воспринимались как знак зависимости. В связи с существенной разницей в восприятии поминок в татарских и славянских государствах, татарские ханы были вынуждены искать баланс между собственным достоинством и добрососедскими отношениями. Своеобразной *aurea mediocritas* в этой ситуации стала формула «тяжелый поклон с лехким поминком», которую использовали татарские дипломаты для сопровождения ханских дипломатических даров. Однако в практике отношений польско-литовских монархов с татарскими ханами существовали и подношения, в определенной мере соответствующие монголо-тюркскому пониманию слова «поминки».

В период войны 1512—1522 годов между Великим княжеством Литовским и Великим княжеством Московским, а именно в 1514 году, крым-

ский хан Менгли-Гирей и польский король Сигизмунд I Старый заключили соглашение. В соответствии с ним, Сигизмундом I обязывался выплачивать хану в виде подарка 15 000 злотых, причем половину из казны Великого княжества Литовского, а половину из казны Короны. Расчет должен был производиться в два этапа: первый — в большинстве товарами, такими как сукно — к празднику Богородицы, а второй — уже деньгами — к празднику св. Мартина [8]. С учетом того, что в Великом княжестве Литовском год начинался первого января, первый Богородичный праздник, Благовещение, попадает на начало апреля. День св. Мартина отмечался во второй половине года, 11 ноября. Чтобы понять относительный размер суммы, которую должен был потратить польско-литовская сторона, попробуем перевести деньги в товар. Стоимость серебрянной чаши с позолотой составляла в 70-е года XVI века 100 злотых, а стоимость самого дешового отреза сукна, который в это время использовался для подарка хану, его близким и окружению — 3 злотых. Таким образом, если исчислять первую половину такого подарка в суквах, то их количество могло состовлять до 5000 штук.

Именно с этим соглашением можно связать начало выплат крымскому хану более или менее регулярных поминок, которые в определенной степени можно истолковывать как «дань». Внешнеполитические бонусы, которые должен был получить Сигизмунд I Старый (та самая экономическая эффективность, о которой говорилось выше), представляются весьма сомнительными. Менгли-Гирей брал на себя обязательства помогать королю и великому князю в борьбе против всех его врагов. Дипломатичная формула «другу другом быть, а недругу недругом», в принципе, является наиболее распространенной в документах подобного рода. При этом ханы, особенно Менгли-Гирей, далеко не всегда исполняли взятые обязательства. Возникает вопрос, зачем было нужно платить такие деньги за не вполне надежную поддержку? Чтобы ответить на этот вопрос, обратим внимание на дату документа — 29 ноября 1514 года. Война 1512—1522 годов между Великим княжеством Литовским и Великим княжеством Московским находилась в самом разгаре. Несмотря на успех в битве под Оршей, войска Великого княжества Литовского не смогли вернуть Смоленск. Но дипломаты Сигизмунда I Старого добились ликвидации антиягеллонской коалиции, которая основывалась на союзе Габсбургов и великого князя московского Ивана III. Император Священной Римской империи Максимилиан I отказался от планов по созданию военного союза, направ-

ленного против Ягеллонов. На этом фоне татарский фактор, а именно урегулирование отношений с Крымским ханством, мог принести значительную выгоду и польской, и литовской стороне. Уверенность в безопасности своих южных земель позволяла отвести от этой границы войска и направить на другие театры боевых действий. За два года до заключения этого договора между Сигизмундом I Старым и Менгли-Гиреем, весной 1512 года, три татарских царевича с войском, насчитывающим около 20—24 тысяч татар, опустошили Волынь, Подолье и Галицию. Несмотря на победу битве под Вишневцом, которую одержали войска Великого княжества Литовского под руководством Константина Ивановича Острожского, угроза татарских наездов оставалась повседневной реальностью жизни в этих регионах. Поэтому было крайне важно исключить возможность использования татарского войска как военной силы на стороне Великого княжества Московского.

Сейчас трудно сказать, насколько регулярно отправлялись подобные подарки в Крымское ханство, и как соотносились их «литовская» и «польская» части. Однозначно можно сказать, что история поминков 1514 года имела продолжение. В фонде Радзивиллов AGAD хранится фрагмент реестра денежных выплат из коронной казны за 1543—1544 годы [9]. Он содержит следующую запись: «Сумма расходов ... Татарской орды ...», далее в строчку числа в трех столбцах: 6707/20/6. Интересно, что данные этого фрагмента соотносятся с испрашиваемой суммой документа 1514 года, так как каждое государство Сигизмунда I Старого (Польша и Литва) должно было платить примерно по 7500 злотых. В 1548 году Сагиб-Гирей заявил Сигизмунду II Августу, что тот посылает ему богатые дары «не по доброй воле», а «для паньства своего, коли б паньство вашо во впокою было» [10, с. 45]. А ко времени Ливонской войны относится публикуемый ниже реестр подарков крымскому хану. Он содержится в книге счетов королевского двора и озаглавлен «Regestr vpominkow iako przesz Pana Alexandra Vladike Czaru dawane» [11, k. 576—586]. Как уже говорилорсь, этот реестр поминок датируется началом 1570-х годов.

Некоторые факты позволяют связывать его с договором 1514 года между Сигизмундом I Старым и Менгли-Гиреем. В начале документа говорится, что «Е[*го милость*?] Алчи и сукнами и злотыми пятнадцать тысяч злотых червоных получил». Именно эту сумму зафиксировал договор 1514 г., причем часть выплаты производилась в товарах, а часть в деньгах. Публикуемый документ свидетельствует о сохранении дан-

ной системы расчета: «получил за сукна каждый постав по сорок злотых *положив* 9120 злотых а злотых червоных 7500 *что составляет* в монете 13 500» (курс злотого к червоному злотому на момент составления документа состовлял 1 к 1,8; поэтому 7500 червоных злотых конвертировались в 13 500 злотых).

Но самым примечательным в этом документе является перечисление *«девятных поминок»* для хана и царевича-калги. В культуре русско-татарских взаимоотношений «девятные поминки» выступают исключительно как знак подчинения русских князей татарским ханам. В конце XV—XVI «девятные поминки» являлись явным анахронизмом, не отражающим реального соотношения сил, но они по-прежнему отсылались крымским ханам, которые выступали историческими преемниками могущественных властителей Улуса Джучи. Глубокая традиционность и опора на «старину» были отличительной чертой дипломатического церемониала как в Москве, так и в Вильно, поэтому вдвойне интересно появление «девятных поминок» в практике польско-татарских взаимоотношений, где не существовало таких долгих подчеркнуто непаритетных традиций.

Все вышесказанное делает целесообразным публикацию данного документа, который является важным источником для изучения взаимоотношений Великого княжества Литовского и Речи Посполитой с Крымским ханством в XVI веке. Текст документа публикуется на языке оригинала, с сохранением всех особенностей написания. При подготовке текста к печати использовались некоторые условные обозначения. Так, знаком «#» обозначается символ злотого, который использовался составителем документа, и который, по техническим причинам, не может быть воспроизведен. Знаком «˚» обозначается сокращение в слове «его милости». Курсивом выделены графические знаки, буквы и слова, чтение которых неясно. Место нечитаемых слов и выражений обозначено соответствующей пометкой: [*слово не читается*]. Номер листа книги счетов королевского двора, в состав которой входит публикуемый документ, также выделен квадратными скобками, так как он не имеет прямого отношения к тексту источника. Публикация сопровождается глоссарием, в котором приведены, главным образом, наименования различных видов товаров, которые направлялись в виде поминок. Дальнейшее изучение источника, в частности, точная идентификация многочисленных упоминаемых в тексте ханских родственников, князей и служителей двора крымского хана, должно стать предметом отдельного исследования.

Список литературы

1. Баненис, Э.Д. Посольская служба Великого княжества Литовского (середина XV в. — 1596 г.): автореферат дис. ... канд. историч. наук: 07.00.02 / Э.Д. Баненис; Ин-т истории Акад. наук ЛССР. — Вильнюс, 1982. — 26 с.

2. Ткаченко, Б.И. Эффективность внешней политики. Препринт / Б.И. Ткаченко, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. — Владивосток, 1993. — 26 с.

3. Archiwum Główny Akt Dawnich. — Archiwum Skarbu Koronnego. — Rachunki Poselstw. — Sygn. 1. — № 30903.

4. Archiwum Główny Akt Dawnich. — Libri Legationum. — 1503.IV.16 — 1505.VIII.24. — Sygn. LL 2. — mf. 2.

5. Archiwum Główny Akt Dawnich. — Libri Legationum. — 1535—1547 — Sygn. LL 11. — mf. 11.

6. Archiwum Główny Akt Dawnich. — Archiwum Królewski Warszawski. — Dział Tatarski. — Sygn. 65—3. — № 579.

7. Lietuvos Metrika. Kn. 8 (1499—1514). — Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidyka, 1995. — 708 p.

8. Archiwum Główny Akt Dawnich. — Archiwum Królewski Warszawski. — Dział Tatarski. — Sygn. 65—1. — № 575.

9. Archiwum Główny Akt Dawnich. — Archiwum Radziwillów. — Dział II. Suplement. — Sygn. 8(8).

10. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. — Ч. 1. — М.: 1843.

11. Archiwum Główny Akt Dawnich. — Archiwum Skarbu Koronnego. — Rachunki Nadworne Królów. — Sygn. 4948. — № 200163.

РЕЕСТР ТАТАРСКИХ ПОМИНОК

[*л. 576*]

[*слово не читается*] Regestr [*слово не читается*]
Regestr vpominkow iako przesz Pana
Alexandra Vladike Czaru dawane
Tak sie wszobie ma
Naprzod

Czaru Je° Alczy samemu dano suk*na* Post*awo*w Lun—
skich Dwusczie Dwadziescza y osm [*слово не читается*] Ty—
siacza Zlothych a przy suknach [*слово не читается*] Tysiacza
Zlothych Czerwonych Tho Je° Alczy y szuknami
y zlothmy pietnasczie tysiacz zlothych czerwonich
dosto za suknia kazdy Postaw po Zlothych Cztere—

diesczy kladaczy zlothych 9120 a zlothych Czer—
wonych 7500 czynia wmoneczie # 13500

Je° Alczy Czaru trzy dziewiec Vpominkow
Naprzod Czaru Je° Alczy dziewiecz Vpomin—
kow pierwsych

Kubek srebrny pozloczysty za zlothich 100
Kosz srebrny za zlothich 70
Alisza srebrna za zlothich 80
Suba axamithu czerwonego na zloczie podsita sobolmy
za zlothich 350
Szuba axamithu czerwonego gladkiego fsobolmy pod—
sytha za # 300
Szuba adamasku bialego Kunami podsitha za # 100
Trzy soroky Kun za # 120

[*л. 576 об.*]

Czaru Je° Al druga dziewiecz Vpominkow

Ochopien zlothaglowy czerwonego za # 80
Ochopien axamithu Br*un*athnego za # 65
Ochopien Adamasku bialego za # 26
Trzy po*rt*yscza sukna Sthamethu za # 40
Trzy portyscza sukna Purpurianu za # 40

Czaru Je° Alczi trzecia dziewiec^z Vpominkow

Suba Liszia zawoikowa barzo dobra za # 90
Cztery suby zawoikowych za # 140
Dwie subie Bielinnich barzo dobrych za # 60
Dwie subie Bielinnich podleiszych za # 35
A nathzwysz tysz wyscy wsitkich mianowanych wpomin—
kow y dawanych dokonanich niewzad*nj* obyczay iedno sla—
ski Cro: Je°Al za prozb*oj*y piszaniem Czarskim piecz
Tysieczy zlothych czerwonich nathen ieden caszie°m*cu*
dano czo czini Zlothych Polskich 9000 Tego wliczbe nieklascz

Starszemu Czarewiczowy Alachmethgie—
reiu Kolze dwoya dziewiecz Vpominkow
Nap*irw*cy Je°Alczi dziewiecz vpominkow

Szuba axamithu czerwonego gladkie°Kunami podsytha
za # 120

Ochopien zlothoglowowy za # 80
Trzy Porczyscza sukna Lunskiego za # 40
Cztery Porczyscza sukna Koltryskie° za # 20

[*л. 577*]

Je°Alczy druga dziewiecz Vpominkow

Tysiacz zlothych Czerwonych czynia # 1800
Ochopien Adamaskowy za # 26
Trzy kozuchy zawoikowe za # 105
Cztery suby Bielynnich za # 60
Tho je°Alczy dokonczone vpominki ws*i*tki dosly
A nathzwysz tych wyszey mianowanich y danich dokonczo—
nych vpominkow niewzadny obyczai iedno slaski Cro ie°Al
siesczdziesiath postawow sukna Lunskiego na then ieden
czasz Je°Alczi dano za prosbam y piszamiu Je°Alczi Za
tho sukno czyni zlot 2400 Thego ulidzbe nieklascz

Vpominki ktore nadzwysz dokoncze—
nia dane Naprzod
Drugiemu czarewiczowy Aldigeireiu

Ohopien Adamaskowy za # 26
Kozuth liszy zawoikowy za # 35
Szuba Bielinna za # 15
Trzy sukien Lunskich za # 18
Dwoie sukna Koltryskie za # 7
Jedno sukno Kamburskie za # 4
Jescze Je°Alczy niewobyczay vpominkow ak*ie*
slasky Je°Krolews_ Alczi # 100 Czerwonych
y trzy Postawy sukna Lunskiego dano czo vczyni
300 Tego ulidz*be* nieklascz

[*л. 577 об.*]

Trzeciemu Czarewieczu *Is*lamgiereiu

Ochopien Adamaskowy za # 26
Kozuch Zawoikowy za # 35
Szuba Biel*ini*a za # 15
Szukno Lunskie za # 6
Sukno Koltryskie za # 3

Czwartemu Czarewiczu Alpkireiu

Ochopien Adamaskowy za # 26
Kozuch Zawoikowy za # 35
Subka Bielinna za # 15
Sukno Lunskie za # 6
Sukno Koltryskie za # 3

Piathemu Czarewiczu Kazigiru

Ochopien Adamaskowy za # 26
Kozuch zawoikowy za # 35
Subka Bielynna za # 15
Sukno Lunskie za # 6
Sukno Koltryskie za # 3

Szostemu Czarewiczu Alubareczkiereiu

Ochopien Adamaskowy za # 26
Kozuch Zawoikowy za # 35
Subka Bielynna za # 15
Sukno Lunskie za # 6
Sukno Koltryskie za # 3

[*л. 578*]

Siodmenu Czarewiczu Szala*nil*gereiu

Ochopien Adamaskowy za # 26
Kozuch Zawoikowy za # 35
Subka Bielynna za # 15
Sukno Lunskie za # 6
Sukno Koltryskie za # 3

Osmemu Czarewiczu Dzangireiu

Ochopien Adamaskowy za # 26
Kozuch Zawoikowy za # 35
Subka Bielynna za # 15
Sukno Lunskie za # 6
Sukno Koltryskie za # 3

Nowo Przislemu Czarewiczu Bitigireiu

Ochopien Adamaskowy # 26
Kozuch Zawoikowy # 35
Subka Bielynna # 15

Sukno Lunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

[*л. 578 об.*]

Nowo Przislemu *tesz* szynu Czarewicza Kolgi
Wnuku Czarskiemu ktori w Palaczu Czarskim

Ochopien Adamaskowy # 26
Kozuch Zawoikowy # 35
Subka Bielyna # 15
Sukno Lunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

*A*latcze Czarskiey

Zloth Czerwonych 30 vczyni polskich # 54
Ochopien Adamaskowy # 26
Kozuch Zawoikowy # 35
Subka Bielynna # 15
Sukno Lunskie # 6
Sukna Koltryskie°Portyscz trzy # 9
Sukna Kambarskie°portyscz dwa # 6

Starsey Zenie Czarskiey

Ochopien Adamaskowy # 26
Kozuch Zawoikowy # 35
Sube*k* Bielynnich 2 # 30
Sukien Koltryskich 2 # 6
Sukno Kambarskie 1 # 3

Drugiey Zenie Czarskiey

Ochopien Adamaskowy # 26
Kozuch Zawoikowy # 35
Subka Bielynna # 15
Sukno Lunskie # 6

[*л. 579*]

Sukno Koltryskie # 3
Sukno Kambarskie # 3

Trzecey Zenie Czarskiey

Ochopien Adamaskowy # 26
Kozuch Zawoikowy # 35
Subka Bielynna # 15
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3
Sukno Kamb*u*rskie # 3

Czwarthey Zenie Czarskiey

Ochopien Adamaskowy # 26
Kozuch Zawoikowy # 35
Subka Bielynna # 15
Sukno Lunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Starszey Doczcze Czarskiey Zenie

Kniazia Hadczilia *S*zyrinowskie °
Ochopien Adamaskowy # 26
Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Koltryskie # 3
Sukno Kambarskie # 3

Drugiey Doccze Czarskiey

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Koltryskie # 3
Sukno Kambarskie # 3

[*л. 579 об.*]

Trzeczey Doccze Czarskiey

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Koltryskie # 3
Sukno Kambarskie # 3

Czwarthey Doccze Czarskiey

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Koltryskie # 3
Sukno Kambarskie # 3

Starszey Zenie Czarewicza Golgi

Ochopien Adamaskowy # 35

Kozuch Zawoikowy # 26
Subka Bielynna # 15
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3
Sukno Kambarskie # 3

Drugiey Zenie tegosz Czarewicza

Ochopien Adamaskowy # 35
Kozuch Zawoikowi # 26
Subka Bielynna # 15
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3
Sukno Kambarskie # 3

Synu Czarewicza Galgi Sadilgireiu

Takze # 88

Drugiemu synu Czarewicza Sa*saf*ieiu takze # 88

Trzecienu takze # 88

[*л. 580*]

Dolccze Czarewicza Trzeciego Al*urat*kiereia
Dowlieth Soltan Cza*n*giey

Kozuch Zawoikowy # 26
Sukno Koltryskie # 3
Sukno Kambarskie # 3

Kniaziu Hatczeiu Szyrinowskiemu

Ochopien Adamaskowy # 35
Kozuch Zawoikowy # 26
Subka Bielinna # 15
Sukien Lunskie 3 # 18
Sukien Koltryskich 2 # 6
Sukno Kambarskie 1 # 3

Subka Bielinna czo na Panu sk*unie*nu z grabieniem wziol y na mnie pothemusz pierwsziu razem nizlim tego w Re—gestrze czarskim nieopiszowal isz tho nad obyczai dzie—wiaczy vpaminkow za niebosczyka wniosk sie

Alustapha Alurszie Omiathu Cro ie°Al

Zlothych Czerwonych 50 ktory czinia Polskich # 90
Ochopien Adamaskowy # 26
Kozuch Zawoikowy # 35
Subka Bielinna # 15
Sukno Lunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Drugiemu Omiathu Je°Kro: Al Kniazu

Zlothych Czerwonich 50 ktory czinia Polskich # 90
Ochopien Adamaskowy # 26

[*л. 580 об.*]
Kozuch Zawoikowy # 35
Subka Bielynna # 15
Sukno Lunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Trzecziemu Omiathu ie°Cro: Al Alustaphie Ogi

Zloth Czerwonich 50 ktory czynia Polskich # 90
Ochopien Adamaskowy # 26
Kozuch Zawoikowy # 35
Subka Bielynna # 15
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Czwartemu Omiatu Cro: ie°Al Derbisz machmeth

Zloth Czerwonich 30 ktory czinia polskich # 54
Ochopien Adamaskowy # 26
Kozuch Zawoykowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Piatemu Omiatu Cro: ie°Al Machmet Vlan

Zloth Czerwonich 30 ktory czinia polskich # 54
Ochopien Adamaskowy # 26
Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Lunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Kniazia Aliachatczyni Vpominki Synu Jego
Kaszym murzie dano bo oycza swe miescze osidl
Y Kniazem zostal

[*л. 581*]
Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Dzan Musczie Podskarbiemu Czarskiemu
Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Kaziagwu
Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Alachmet Vlanu Othaliliu Odilgiereia Czarewicza
Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Kababath Ogi
Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Tothman Otylaku
Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Bogusz Olalikon
Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

[*л. 581 об.*]

Kniazia Dziegielakowu Synu

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Piszarzowy Czarskiemu Obdusczie La*m* Czelebieyu

Ochopien Adamaskowy # 26
Kozuch Zawoykowy # 35
Sukno mocznie Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Akil Babie Syrynowskiemu

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno mocznie Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Konuszemu Czarskie kniaziu Bachraynu

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Chczyr Ogiu

Kozuch Zawoykowy # 35
Subka Bielyna # 15
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Asan Czauszu

Subka Bielinna # 15

[*л. 582*]
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Murat Alurzie

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Hatczyfer Sathu

Kozuch Zawoykowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Haliasz Bothaliku

Subka Bielyna # 15
Sukno Liunskie # 6

Otabierdey Alurzie Alangidzkiemu
Na mieisczu Kniazia Kotczetaya

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Lunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Kniaziu Obdusielamu Bachruiowskiemu

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Pisarzowi Czarskie Abrahnu Czelebieiu

Kozuch Zawoikowy # 35
Subka Bielynna # 15
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

[*л. 582 об.*]

Jemgurdzy Hadzieyu

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukien Liunskich 2 # 12

Voiewodzie Kierchersskiemu Kniaziu Sutlesiu

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3
Sukna Dimiskiego Postaw # 40

Kazieibiegu

Subka Bielynna #15
Sukno Liunskie # 6

Zenduzeiku

Subka Bielyna #15
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Alarsaku Czarskiemu Bayszareiu

Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Kniaziu Dziewieyu

Kozuch Zawoykowy # 35
Subka Bielinna # 15
Sukno Lunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Karaczy Ogiu

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Lunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

[*л. 583*]

Kniaziu Obdalie Kipezaczkiemu

Subka Bielynna # 15
Sukno Lunskie # 6

Dyczambuldzie Amendziesiu

Subka Bielyna # 15
Sukno Lunskie # 6
Suk*no* Koltryskie # 3

Kniaziu Jeszieiu Liusziuskiemu

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Woiewodzie Przekopskiemu Kniaziu Sullesiu

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Nowo Przybylim Slugom Czarskim

Naszipu Kopaczeyu
Subka Bielyna # 15
Sukno Liunskie # 6

Fieriuszu

Subka Bielynna # 15
Sukno Lunskie # 6

Aligardzieiaku Szymurzy Vpominki

Brathu iego Smoil Alurzie
Subka Bielyna # 15
Sukno Liunskie # 6

[*л. 583 об.*]

Slugom Machmeth Giereia Golgi
Otnimaj Alurzie

Kozuch Zawoikowy # 35
Subka Bielinna # 15
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Jeszey Alurzie

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

AlusliaOtaliku Goleg*m*u na mieisczu
Oycza iego Ochmeth Otaliku

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Derbisz murzie Otaliku

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Podskarbiemu Obdul alib Czelibliu

Kozuch Zawoikowy # 35

Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

[*л. 584*]

Piszarzu do Czau Aduniecziu

Kozuch Zawoikowy # 35
Subka Bielyna # 15
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Skarbmenu Czarewiczu Jemenszy

Dawano iemu Subke Bielyna Sukno Lunskie Koltryskie
A terasz na mieisze oney Subky Bielinni za dokuczi—
w*a* prozb*a* Czarewycza Je°Al dano iemu
Zawoikowy Kozuch # 35
Sukno Lunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Koniuszemu Taboldiku

Dawano iemu Subke Bielynna Sukno Lunskie Koltryskie
A terasz za dokuczn*a* prozb*a* Je°Al Czarewicza na miei—
scze oney subki Bielyney dano jemu
Kozuch Zawoykowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

*J*szman Alurzy zmarlego Vpominky

Kozuch Bielynny # 15
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie za Vszilowan*a* Prozb*a* *Kolgi...*
dano Brathu iego Ch*u*ranszy
Kozuch Bielyni # 15
Sukno Lunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

[*л. 584 об.*]

A czo dawano dwum oszobom po Szubcze Bielyney
y po suknu Liunskiemu tedy te vpominky przelo—
zil je°Al Czarewicz nadwuchze oszob

Alustaphie murzie

Subka Bielyna # 15
Sukno Liunskie # 6
A ku themu przyeto Szukno Koltryskie za # 3

Drugiemu Alurzie j taliku doniemu synu

Sukna Bielyna # 15
Sukno Liunskie # 6
Anazwysz Czarskiego kwitow pod pieczicziam
je°Alczy do iego Gol Alci dane°czo komu dano
Alianowiczie nizey tho opiszano jest

Napirwey Dziewcze Je°Alczi Czarsky
nowo przybeley

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Czarewicza Golg*ni*u synu nowo przy—
bielemu Azamethgier*e*iu

Ochopien Adamaskowy # 26
Subka Bielynna # 15
Sukno Lunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3
A na liatho ma bydz dano Kozuch Zawoikowy za # 35

[*л. 585*]

Czarewiczu Golgi Zonie *no*wo przybilej

Kozuch Zawoikowy # 35
Subka Bielinna # 15
Sukno Koltryskie # 3
Sukno Kambarskie # 3
Sukno Lunskie # 6

Czarowicza Adilgie*r*ey za roskazamiu
Czarskmi wzial

Za stoZlothych Czerwonych Kozuchow Krolikowich 15
A nad zwysz tego dwa postawy Liunskiego Sukna

A Zonie ie°Alczi dano

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3
Sukno Kambarskie # 3
A za Adamasek subka Bielinna za # 15

Skender Alurzie

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Lunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3
Sukno Kambarskie # 3
A za Adamasek subka Biel*inn*a # 15

Kniaziu Nuratkazko ordo Barskiemu

Subka Bielyna # 15
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

[*л. 585 об.*]

Alurtozie Ogi

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Syfer Alurzie

Subka Bielyna # 15
Sukno Liunskie # 6
Sukno Kambarskie # 3

Amaniszy Sokolniku Czarskiemu
Nowo Przibilemu

Subka Bylynna # 15
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3

Na dwadziesczia OsobCzarewicza
Golgi Kozdemu

Po Kozusku Krolikowemu po # 3
Po Suknie Koltryskiemu # 3

Po Suknu Sukno Kambarskiemu # 3

A trzeczim osobom slug Czarewicza
Odilgiereya La*ni*caiu

Kozuch Zawoikowy # 35
Sukno Liunskie # 6
Sukno Koltryskie # 3
A dwum osobom po subcze po Bielynney po suknu
Lunskie y po suknu Koltryskiemu

[*л. 586*]
Summa za thy wsytky vpominki wyszey
mianowane czyni szaczunkiem po gr 30
Zloth Polskich 43847

Alie czerwone Zlothe 5000 y # 100 y 63 postawy
Lunskiego Sukna czo slasky darowano vczyni tho summa
11000 y na monethe # 700 ktore odiawsy
zostanie summy # 32144

Глоссарий

Adamaska	Шелковая двусторонняя узорчатая ткань, название которой происходит от города Дамаск в Сирии
Axamith	Оксамит, бархатная ткань
Axamith Brunathny	В данном случае имеется в виду цвет ткани — коричневый
Kozuch Zawoikowy	Верхняя одежда из кожи, овчины
Ochopien	Охабень, кафтан с откидным меховым воротником и прорехами для рук
Subka Bielynna	Шубка беличья
Sukno Kambarskie	Камбарское сукно, сорт сукна, изготовленного в городе Камбре графства Геннегау
Sukno Koltryskie	Колтрыское сукно, сорт простого сукна, изготовленного в городе Колчестер (Англия)

Sukno Lunskie	Люньское/луньское сукно, сорт дорогостоящего сукна, изготовленного в Лондоне. Наиболее выстребованными были люнские сукна красного и зеленого цветов. Люньское сукно часто входило в состав поминок, отправляемых великими князьями московскими крымским ханам.
Sukno Purpurianu	Пурпурьян, близкий к багрецу и скорлату (дорогое сукно, изготавленное в городах Фландрии Гент и Брюгге) сорт импортной ткани. Скорлат отправлялся великими князьями московскими в качестве поминок в Крым.

ДИСКУССИЯ

Яновский О.А.

ВЛАСТЬ И ИНДИВИДУУМ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: РАССУЖДЕНИЯ ОБ ИХ ЕДИНСТВЕ

Всякое действо, которое предпринимает историк в ходе и научного исследования, и преподавания, неизбежно сопряжено с необходимостью системного восприятия и осмысления извечно сложной совместной жизни двух Начал человеческого бытия: человека и власти. И почти всякий раз исходной точкой рассуждений, неким побудительным импульсом становится расхожее выражение, так часто нами употребляемое с восхищением или же с горечью — «Мы все под Богом и властью ходим!» (а ведь не только «под», но и «вослед», «за», так или иначе сопровождая власть и т.д.). А определенная часть общества на протяжении многих столетий с гордостью о себе заявляет: «Мы — государевы люди!». В этой связи вполне целесообразно посмотреть на многостолетнюю российскую историю несколько с необычной стороны: как сотни архи известных и лишь слегка известных ее создателей контактировали с «власть предержащими», в каких связях и отношениях с ней были, как изменялись их взгляды и принципы. Отходя от канонических условностей написания научного текста, позволю представить в этой связи лишь размышления, которые возникли после многолетних «штудий» самых разных сюжетов российской истории.

Для начала наших рассуждений стоит только заглянуть в многочисленные и разнообразные по принципу составления биографические словари. Они составлялись и продолжают составляться по-разному. Авторский замысел может руководствоваться множеством подходов. Так, в 2003 г. была издана «Московская энциклопедия», и в ее 1-м томе «Лица Москвы» избран весьма простой и интересный критерий: отражение имени человека в московской топонимике. В данном случае для авторов не имело значения, кого именно запечатлели московские улицы, площади и т.п. в своих названиях — то ли князя или секретаря горкома, то ли благостного церковного архиерея или же злого упыря-чиновника. Представлена Москва через судьбы москвичей, запечатленных в топонимике города.

В целом, традиция написания подобных изданий имеет несколько сот лет истории. Однако очевидно, что в основе каждого биографического словаря лежит жизненный (творческий, чиновно-служебный, бун-

тарско-революционный и др.) путь, пройденный тем или иным человеком. А объединение на страницах издания биографий определенного круга людей — и есть воплощение того или иного авторского замысла. Это могут быть биографии деятелей науки, искусства, литературы, политиков и т.д. Словари могут быть пространные и лапидарные, историко-повествовательные и просто информационные, а могут быть и сборники биографий. Самое важное то, что столь частое обращение к этому жанру истории и литературы обусловлено возможностью проникнуть в «живую» историю, постичь большое через малое — внутренний мир, побудительные начала, что вели человека по хитросплетениям мирского бытия. И здесь вновь на ум приходит расхожее выражение, что именно «Человек творит историю». Вот почему так востребованы книги из серии «Жизнь замечательных людей», почему сотни и сотни биографических сборников всегда в библиотеках находятся в открытом доступе, почему архивы имеют специальные фонды персональных дел. А масштабность написания биословарей такова, что уже давно стали публиковаться объемные фолианты, их систематизирующие и подающие только некоторые их описания (для примера можно указать вышедшую в уже далеком 1955 году книгу И.М Кауфмана «Русские биографические и биобиблиографические словари»).

Подобный конкретный биографический материал для историка имеет важнейшее значение в исследовательской практике, так как позволяет конкретизировать буквально любую область его научных интересов. Только посредством изучения общих и малоизвестных сведений о личностях (зафиксированных в анналах древнерусской, российской, советской истории и в той или иной мере и по различным направлениям, функциям «обслуживавших» верховную политическую власть) возможно выйти на сколь-нибудь серьезные и масштабные обобщения: в области политической, социально-экономической и иной истории. Но для этого необходимо руководствоваться некой системообразующей дефиницией, которая позволяет в каждом конкретном случае сопрягать жизненный путь конкретного человека той или иной эпохи с функционированием власти самого высокого ранга в различных направлениях и проявлениях. Необходимо такое определение, которое бы позволяло не только подчеркнуть неразрывность бытия индивида и властных структур, но и одновременно подчеркивало бы весь комплекс противоречий, существующих между двумя этими субъектами нашего рассмотрения

(существующими и постоянно эволюционизирующими во времени и в пространстве своего существования).

Представляется в данном русле наших рассуждений достаточно интересной и многомерной дефиниция «кортеж», а точнее — «кортеж российской власти». Само слово «кортеж» в своем итальяно-французском происхождении означает просто «торжественное шествие», «выезд», «сопровождение». Как часто сегодня мы слышим и читаем в литературе и СМИ о том, что «кортеж императора (королевы, президента и т.д.) направился...». В математической же науке этот термин взят для обозначения совокупности точек (или векторов) некоего пространства, упорядоченных совокупностей и их координат. В лингвистике, а более всего в междисциплинарных областях гуманитарных наук (в том числе и истории) сегодня все шире используются термины «кортеж», «кортежное содержание» для обозначения процесса взаимодействия, коммуникативных отношений, когда каждый из их участников (коммуникантов) имеет свой «кортеж». Под ним подразумеваются те, кто формировал и формирует его (коммуниканта) в целом (в сложной совокупности черт, характеристик и т.п.), как и некоторые особенности его мировоззрения, поведения и т.д. Поэтому изучение (и представление даже широкому читателю) знаковых субъектов определенного исторического периода или в определенном сочетании позволяет лучше воспринимать сложную взаимосвязь между ними.

В данном нашем случае — связь между властителями и многочисленными представителями разных социальных групп. А также и то влияние, которое непосредственно или опосредованно оказывалось на политическое поведение (как и на психику, умственный кругозор, бытовое поведение) тех, кто на протяжении более чем 1000-летней истории восседал на княжеских и императорских тронах Руси-России, в креслах партийных генсеков и президентов. Такой подход в полной мере применим и в отношении властных элит и их окружения (узкого и самого пространного), имея ввиду тех, кто так или иначе сопрягал свою жизнь и деятельность с властью, ее запросами и установками, а в данном случае — и идеологией: периода существования государства — СССР, а затем государства — Российская Федерация (или — вновь Россия). Сегодня данная связь хорошо ощущается во время церемоний, выполненных в державных традициях, награждения «лучших людей России за заслуги перед Отечеством» Государственными премиями в Георгиевском зале

Кремля, когда президент и лауреаты представляют единое целое, хотя и разделенное функционально. Точно также помпезно свершалось действо проводов российских олимпийцев в Пекин. Ярким олицетворением подобной концептуально-смысловой парадигмы данного издания стала, хотя бы, и инаугурация нового президента РФ Дмитрия Медведева 7 мая 2008 г. В знаменитых царских и императорских залах, Георгиевском и Андреевском, московского Кремля собрались представители современного российского бомонда — от ближайшего президентского окружения, включая жен В.В. Путина и Д.А. Медведева, до лиц, олицетворявших собой то ли круги эстетов (Никита Михалков, Алла Пугачева и др.), то ли бизнеса (Владимир Потанин, Алексей Мордашев и др.), то ли как бы оппонентов власти (Григорий Явлинский, Андрей Богданов и др.), как и научные круги, круги спортивные, чиновников разного калибра и т.д. Телекамеры раз за разом высвечивали для зрителя восторженно-смиренные выражения их образов, проникнутых и исторической значимостью, торжеством события, и переполненных вопросами о судьбах не только своей великой родины, но и своей собственной в условиях очередного политического излома, переживаемого Россией. Смысловыми точками данного великолепия стали микропарад президентского полка, прошедший на Соборной площади Кремля и принятый только что вступившим в должность третьим президентом страны. И его благословение на труды праведные во имя великой России, прозвучавшее из уст патриарха Алексия II в домовой церкви московских великих князей и царей всея Руси — в Благовещенском соборе Кремля.

В этой инаугурации особо выпукло отразилась многозначимость смыслового содержания предлагаемой дефиниции. Кортеж — есть элита российского общества в совершенно расширенном формате. Представить его (кортеж) в неком однозначном количественном составе просто невозможно. При желании и необходимости можно сделать неограниченное число неких биографическо-личностных «нарезок» в связи с проведением анализа и самой власти, и той или иной личности. Как-никак за тысячу с гаком лет российской истории прошло подле власти столько сотен поколений, представители которых так или иначе проживали свои жизни в непосредственной и опосредованной связи с властью. В каждом конкретном случае (научный интерес или решение дидактических задач) количество и перечень участников «кортежа» могут быть разными. Разумеется, вряд ли возможно вообще представить максимально

широкий круг лиц, в той или иной степени «заангажированных» властью. Такое просто физически невозможно. Это тем более бесперспективный подход при обозрении современного «биографического поля». Только оно почти бескрайне. Даже политическая элита современной России очень многочисленна и крайне подвижна: перед обывателем каждодневно проходит калейдоскоп имен. Некоторые из них, без сомнения, прочно войдут в историю российской государственности. Но многие лишь зафиксируют в этой истории свое пребывание, хотя и даже на весьма высоких постах. Тем более, что сама Власть не терпит многоличия, так как всевластие элит предопределяет ее слабость, слабость государства. Ее (элиты) предназначение, как рассуждают современные представители идеолого-охранительных начал российской власти — быть дееспособным посредником между властью и народом, способствовать тому, чтобы государство являлось «крепостью, неуязвимой для чужих, комфортной для своих». В гипербализированной форме это соотношение выражено в словах, приписываемых императору Павлу I: «Влиятельным лицом, сударь, в нашей стране является только то лицо, с которым я разговариваю, и до тех пор, пока я с ним разговариваю».

Можно быть уверенным, что современные информационные технологии позволят сохранить в анналах всех, кто хоть каким-либо образом оказался в «кортеже», даже помимо своей воли и представления о своем предназначении. Это демонстрируют сегодня даже СМИ, которые взяли за правило предвозвещать или завершать то или иное сообщение о событиях государственной и общественной жизни краткими, но весьма информационными справками о «героях» этих событий, об их перемещениях по карьерной лестнице, даже не пренебрегая жесткими определениями — типа «...скептический либерал и умеренный циник» и т.п. А телеканал «Россия» затеял в 2008 г. масштабный проект «Имя России» для не только выбора «великого соотечественника», как гордости и славы нации, но и для возрождения исторической памяти о тех, кто внес значительный вклад в развитие и нации, и государства. А что говорить о наполнении интернет-ресурсов, которые позволяют получить подробнейшую информацию о ком угодно (чего стоит только Энциклопедия мировых биографий), о многочисленных объемных биосправочниках (например, из серии «Элита» — «Самые открытые люди», «Самые закрытые люди», где представлены сотни жизнеописаний и партийно-советских руководителей, и властной элиты «новой» России), о массе

книг, конкретно повествующих о тех, кто напрямую сопровождает верховную власть («История государства Российского. Жизнеописания знаменитых военных деятелей XVIII — начала XX века», «Энциклопедия знаменитых россиян», «Великая Отечественная война: Советские полководцы» и многие другие). В русле интеллигентоведения продолжается углубленное изучение проблемы под условным ее обозначением «интеллигенты и интеллектуалы в российской истории». Нива же СМИ активно произрастает разухабистыми проектами журналов, рассчитанных на всеядного потребителя «чтива». Журналов, типа тех, что встретишь даже в киоске самого заштатного городка — «Биография», «Имена» и т.п. В них пестрят в одном ряду «жизнеописания» и царя Алексея Михайловича, и Лаврентия Берия, и Карла Маркса, и Ирины Хакамады, а вслед идут повествования о жизни, творчестве и деяниях Ольги Аросевой, Игоря Моисеева, как и Дж. Рокфеллера и ему подобных.

Ко всему прочему данный подход просто позволит несколько с иной стороны, чем обычно, посмотреть на внутренний мир человека разного рода-звания, соединить побудительные начала, которые двигают человеком по жизни и его деятельности и в исторической перспективе, и в специфике профессии. Как бы, не побоявшись этого слова, предлагаемое понятие «кортеж» позволит актуализировать в истории государства человеческий фактор.

Например, весьма любопытно и выпукло это можно наблюдать через анализ биографий деятелей российской культуры и науки. И прежде, и в особенности сейчас среди деятелей культуры можно слышать мнение, что культура выступает некой доминантой для политики. И более того — мол, свобода, оказывается, скована не столько гнетом власти, а «диктатурой культуры», а само искусство «наполняется энергией в момент преодоления» (поэтому развал СССР и старой системы привел к испытанию свободой деятелей искусства, и не все его выдержали). С одной стороны, во все времена российской государственности «стелиться» перед властью в творческих кругах считалось занятием безнравственным и неприличным. Отсюда и развилось нонконформистское широкое движение, нашедшее свой апогей в диссидентах. Сложно было принять позицию верховного ценителя прекрасного Никита Хрущева, который назвал художников «педерастами» и «больными», как и его предшественника на властном «Олимпе» Иосифа Сталина, определившего горьковскую «Девушку и смерть» выше по литературным и иным

достоинствам «Фауста» Гете. Поэтому этапы советской культуры легко сопрягать с именами «верховных» правителей, хотя их «бесспорные» мнения складывались не без помощи главных идеологов, бдения которых нашли отражение в особых периодах: «андреевщины», «щербаковщины», «ждановщины», «маленковщины», «сусловщины», как в XIX веке приснопамятен период «уваровщины». В советские же годы эволюции российской государственности как бы завершилось сращение полей политики и искусства, а более того — они в принципе были уничтожены, замещены единым и тотальным полем идеологии. Свидетельством тому стал и соцреализм, и символическая оценка со стороны власти качественности его отображения: хотя бы в виде присуждения деятелям культуры (и иным прочим) Сталинских, Ленинских и Государственных премий. То есть, очевидно, что формула «диктатура культуры» хорошо усвоена властью, которая умело манипулирует ее носителями для удержания в надлежащих рамках самой этой «диктатуры». А ведь и сама власть в лице самых-самых ее представителей считает уместным подчеркнуть там, где это более всего надобно, свою принадлежность к среде носителей культуры. И, для усиления эффекта своей «культурности», постоянно привлекает на высокие чиновные посты ярких представителей интеллигенции, что на определенных временных отрезках побуждает некоторые слои интеллигенции и вовсе заполучить всю власть в свои руки (или головы?!). По этому поводу русский философ Николай Бердяев пессимистично замечал, что «Традиционная история русской интеллигенции кончена... Она побывала у власти, и на земле водворился ад». Ему как бы возражает современный писатель Лев Аннинский, определяя главную миссию российской интеллигенции «облагораживать вечный русский бунт против власти». Тем более, что сейчас в среде интеллигенции вновь крепнет убеждение, что «хорошо, когда у трона есть настоящий поэт», ибо «один хороший человек у престола власти может сделать больше, чем все революции». В особенности в настоящих условиях, когда, якобы, одним из языков «мировой дипломатии является язык науки и культуры». Блажен, кто верует... Вряд ли в данном случае убедительным доказательством будут пример творческой удачи композитора А.Ф. Львова, получившего за свое сотворение державного гимна (в соавторстве с поэтом В.А. Жуковским) «Боже, царя храни» не только «место в истории», но и всевозможные земные блага, почести и императорскую ласку. XX столетие ниспровергло и державу, и ее символы. Хотя,

правда, породило в нескольких модификациях не только нечто подобное, но и еще более изощренную «сопряженность» власти и интеллекта (на сей счет и научно убедительно, и по граждански эмоционально не раз высказывалась известный российский историк Анна Леонидовна Хорошкевич).

С другой стороны, очевидно, что интеллигенция и интеллектуалы во всех их проявлениях обладают весьма тонкой оболочкой — защитой от прямого воздействия властных установок и оценок, а, прежде всего, от мирских соблазнов, от тщеславия. Хотя одновременно утверждается, что «с изобилием справится только культура». Как, впрочем, и что «художественная интеллигенция ныне отдалась (власти и деньгам) с готовностью покупной девушки». И никого уже не удивляет, что некоторые лидеры нонконформистов, гонимые советской властью, вдруг влились в ряды классиков российской живописи или литературы, оправдывая свое новое состояние (помыслов?) тем, что «слава Богу, что власть приласкала, ибо в России сейчас нормальная жизнь». Правда, некоторые душевные муки остаются даже у представителей шоу-бизнеса («попсы»), которых иногда терзает вопрос, участвовать или не участвовать в агитмассовках (например, по поводу рекламирования президентских выборов или политамбиций «Единой России»). Одни всегда готовы, так как исходят из убеждения, что «любая власть нуждается в артистах, как и артисты во власти» и что в их деле нет места сентиментам там, где возможно «засветиться» перед широкой публикой и где можно «тупо» заработать большие деньги: там и следует петь и плясать. Другие же твердо решили «ни за оранжевых, ни за какие другие цвета не выступать», как бы солидаризируясь с известным французским актером Жаном Рено, заявляющим о своем предпочтении быть вне «политического стада».

Эту позицию по академически цельно выразил один из представителей РАН, сказав, что «У нас вызывает настороженность близость к власти». Хотя и ученый мир всегда был пестрым и в большинстве своем находился в «кортеже» власти: то ли по убеждению, то ли от безысходности бытия, то ли по принуждению (сталинско-бериевские «шарашки» как верх совершенства применения властного кнута). В данном случае пример «использования старой интеллигенции» в 20-е послереволюционные годы показателен. Как, например, и показательна биография одного из многих тогдашних интеллигентов — инженера-физика

Льва Сергеевича Термена: он состоялся в своей профессии уже при старой власти, а затем был востребован новой советской, смог заработать миллионы в Америке и вновь «отдать свой талант» родине (хотя она его и прогнала через лагеря, «шарашки», но и отметила Сталинской премией). А в целом, 30-е годы продемонстрировали, что «политическое лицо» интеллигенции для спокойствия власти должно быть идеально чистым, как и то, что от расположения власти к интеллигенции зависела сама жизнь «носителей культуры» и «яйцеголовых». Поэтому, как правило, чем сильнее и организованнее власть, тем слабее всякая оппозиция. И вполне убедительно сегодняшнее определение последней как «имитаторов борьбы с режимом» и даже «маргинальной». А нестройные ряды разного рода «идейных» борцов не только разбиваются о крепнущие властные устои, но все больше поглощаются «страшной, мучительной, наглой средой» обитания, где верх берут материальные интересы, прагматизм, истончающие «экологию человеческой души».

В подобном ракурсе возможно и рассмотрение жизни и деятельности тех, от кого напрямую всегда зависели и власть, и общество — финансовых воротил, предпринимателей-бизнесменов. В новой России они до последнего времени стыдливо-кокетливо, но одновременно и таинственно-гордо имели обозначение «олигархов». Мало кто вдумывался в коренной смысл этой дефиниции, однако всем было понятно (и остается), что это именно те люди, которые используют свои деньги для определения контуров политической жизни страны. Что, по сути, аномально, имея ввиду самодостаточность той власти, которая именуется верховной. Теперь слово стало выпадать из политического лексикона, будучи замененным на всем понятное «миллионер», а более того — «миллиардер». Россия преуспела своими толстосумами, выражаясь по старой русской традиции, и количественно (их уже многие тысячи) и качественно (капиталы некоторых просто «зашкаливают» в проводимых рейтингах среди всех прочих в мире). И кто теперь олигарх, сказать сложно, ибо даже в самом правительстве миллионеров достаточно, а публичная деятельность непосредственных воротил огромных капиталов все более преподносится в виде благотворительности, меценатства, «закрытия брешей в экономике страны» и т.п. Однако от этого следование в кортеже власти (и прямая зависимость от нее) еще очевиднее: время расставляет свои акценты в деятельности каждого, а тем более корпораций.

Вышеизложенные соображения и рассуждения можно было бы продолжить. Например, всегда актуальным был и остается вопрос о глубинных основах единства и противоречий двух начал власти — светской и духовной, государства и церкви. Для России этот сюжет, просмотренный через призму жизнеописаний некоторых церковнослужителей, весьма поучителен и любопытен. Однако хотелось бы обратить внимание на то, что в целом важное значение для познания истории имеет определение подхода (метода — ?) к осмыслению сущностных параметров в жизнедеятельности то ли смерда, то ли высокой сановной особы, то ли бесталанного проходимца, то ли гения. Власть всегда должна опираться на общество в многообразии его групп, сообществ, личностей. Она, так или иначе (в разное время в различной степени), но отображает их интересы. А общество через конкретных носителей знаний, умений, навыков, талантов, креативности сопровождает власть. Четко разделить людей, зафиксированных в истории России, по их функциональной принадлежности весьма сложно. Поэтому и само разделение всей имеющейся в распоряжении историка информации всегда достаточно условно. Военный зачастую был ревностным служакой по гражданской линии и преуспевал в науках, ученый находил себе место среди чиновного люда, госчиновник был прекрасным литератором, оппозиционер становился ревностным защитником власти, а в умах ближнего окружения государей не раз вызревали ниспровергающие порывы и т.д. Однако именно в этом пересечении помыслов и действий как раз и отображается стабильность и шатость как жизни индивидуума, так и власти любого уровня. Такое единство власти и кортежа — улица с двусторонним движением, но, как ни парадоксально, в одном направлении: прежде всего — временном. И любопытно и полезно ознакомиться с коллизиями жизни представителя властного кортежа века XVII и тут же найти повод для сравнения с его «собратом» века XX, а еще поучительнее — нашего XXI века. Например, продвижение по карьерной лестнице российских бюрократов прошлого весьма схоже с треволнениями их современных коллег. Тут и умение угодить властелину (то ли императору, то ли президенту), и пресловутая «волосатая лапа» сгодится, и взятки, и кумовство и т.д. Поэтому перемещения сановников и чиновной мелюзги по различным ведомствам было и остается непреложным правилом функционирования канцелярий, министерств, ведомств и всего госаппарата в целом. Для убедительности в этой связи можно ознакомиться, хотя бы, с «Записка-

ми сенатора», исполненными одним из высших бюрократов России XIX в. Константином Ивановичем Фишером (М.: Захаров, 2008).

Каждая отдельно взятая личность сыграла в истории страны не равнозначную роль. Однако имена конкретных людей отмечены в источниках, в той или иной степени они важны для цельного представления об истории на отдельных этапах ее развития. Изучение истории общества в целом немыслимо без определения роли более или менее узкого круга лиц и даже определенной личности. В процессе проведения конкретного исследования важно однозначно не противопоставить власть, общество и индивида один одному, а, наоборот, найти то, что их непременно, хотя бы в малой части, объединяет, в общей сумме исторических связей и коллизий составляет единое целое. Движение огромных людских масс обусловливает появление отдельных личностей, деятельность которых накладывает тот или иной отпечаток на власть.

Анализ и синтез в изучении этих процессов одинаково важны для приобретения всей полноты исторических знаний. Осмысление исторического процесса с позиций понимания побудительных начал в деятельности конкретных личностей, представляется, наиболее продуктивно в работе историка. В современных условиях и на современном уровне развития исторической науки этот подход весьма востребован, так как постоянен в своей актуальности вопрос о том, что историки утрачивают, так сказать, «вкус» к личности, хотя и часто обращаются к ней (сколь много в последние годы появилось и фундаментальных, и кратких биоисследований, далеко вышедших за рамки славной серии «ЖЗЛ»). Сведения о государственных и общественно-политических деятелях, военачальниках, ученых, дипломатах, деятелях культуры и других конкретных особах российской истории почти всегда позволяют отразить «включенность» человека в движение власти. Их систематизация, исходя из концепции того или иного исследования, краткая характеристика жизненного и карьерного пути конкретного россиянина (а также определенный круг иностранных «визави» российской власти), которые более всего «на слуху», чаще других встречаются на страницах учебной и популярной литературы — задача не из легких. Ведь приходится оперировать самой разноплановой информацией, без которой немыслима характеристика тех, кто оставил след в российской истории. Но это только видимая часть информационно-исторического «айсберга». Основная ее часть до сих пор сокрыта в архивных и иных фондах, а чаще всего

просто исчезла из исторической памяти. Огромный хронологический период, большие демографические и пространственные масштабы, терминологическая неразбериха — все это также усложняет работу историка. Однако такова ее сущность: среди информационного хаоса найти научное зерно, которое бы в сумме прочих позволило создать объективную картину как о жизни и деятельности конкретного человека, так и о развитии исторического процесса в целом. На данном пути вполне уместно стремление «уравновесить», невзирая на общепринятое восприятие, значимость и роль тех или иных личностей в истории. Ведь важно если не прямо определить, то хотя бы дать ощущение принадлежности личности к «сопровождению» власти — к ее «кортежу».

рецензии

Левшун Л.В.

ЧУДЕСНОЕ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО:
О КНИГЕ В.М. КИРИЛЛИНА «СКАЗАНИЕ О ТИХВИНСКОЙ ИКОНЕ БОГОМАТЕРИ “ОДИГИТРИЯ”». – М.: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР, 2007. – 310 С. – (STUDIA PHILOLOGICA).

Богородичные иконы почитаются в христианском мире с незапамятных времен – с тех пор, как, согласно преданию, евангелист Лука написал первые образа Богоматери еще при Ее жизни. Почитание Богородичных образов в восточнославянском регионе также имеет весьма древнюю историю. Традиция эта утвердилась здесь наверняка гораздо ранее крещения Руси, проведенного князем Владимиром, – в процессе развития русско-византийских отношений, истоки которых можно смутно различать в эпохе легендарных Аскольда и Дира. Белорусские земли не стали исключением. Преподобная Евфросиния Полоцкая, испросившая у константинопольского патриарха Эфесскую Одигитрию, следовала уже многовековой традиции.

Однако систематическое и системное изучение письменных свидетельств почитания Богородичных икон в восточнославянском культурном регионе начинается только сейчас, органично включаясь в процесс «возрождения» здесь христианства – по горькому замечанию дьякона Андрея (Кураева), самой неизвестной сегодня религии – и продуцируемой им христианской культуры. Главная сложность исследований в этой области, и собственно возрождения забытой Традиции заключается, несомненно, в том, что знание о предмете (каковым и является всякое научное знание) отнюдь не тождественно знанию предмета, особенно если этот «предмет» – вера, святыня. Алгеброй гармония поверяется, но создается чем-то, несомненно, иным. Впрочем, обнаруживаемая подчас в работах, посвященных христианским святыням, любого рода религиозная экзальтированность, уничижающая и уничтожающая научность, не дает даже и знаний о предмете...

Сложнейшее для исполнения сочетание научности и исповедности, без уклона как к «букве убивающей», так и к экзальтации искажающей – «царский путь» для исследователя религиозной культуры. Ведь только в этом случае святыня, становясь предметом научного исследования, остается святыней, а знания о ней способствуют более осмысленному и глубокому почитанию ее – жизни с нею и в ней.

Примером такового исследования, идущего «царским путем», представляется недавняя монография В.М. Кириллина «Сказание о Тихвинской иконе Богоматери “Одигитрия”», посвященная изучению книжно-литературных источников XVI—XVII вв., которые повествуют об одном из самых почитаемых на восточнославянских землях чудотворных богородичных образов. Являясь не первой в числе работ по этой проблематике, книга В.М. Кириллина, вместе с тем, представляется первой, где автором предлагаются (выявленные на основании аналитического обобщения опыта предшественников) и убедительно апробируются методологические принципы и собственно алгоритм исследования такого специфического предмета, как сказание о чудотворной иконе.

Владимир Михайлович начинает с того, что, с полным доверием компетентности читателя, вводит нас в Традицию почитания богородичных икон в христианской культуре, сосредоточивая внимание конкретно на двух — Одигитрии Влахернской и Одигитрии Лиддской, или Римской — то есть именно тех, с легендами о которых будут впоследствии взаимодействовать поздние редакции «Сказания» о Тихвинской Одигитрии. В таком контексте уже само церковно-историческое предание о тихвинской святыне вынуждает читателя задаться вопросами, к которым — опять же весьма мастерски — подводит нас В.М. Кириллин, излагая основные «сюжетные узлы» этой легенды так, что проблемное поле будущего исследования намечается как бы само собой. История изучения данного круга памятников, кратко и концептуально очерченная автором, утверждает нас в «догадке» о том, что исследование «Сказания» как «источника для знаний в области социально-экономической истории, искусствоведения и истории русской архитектуры» (с. 22) явно недостаточно для понимания его роли в истории Руси, а высказанная Ф.И. Буслаевым еще в позапрошлом веке и с тех пор неизменная в восточнославянской медиевистике гипотеза о проновгородском характере этого произведения явно устарела и требует серьезных корректировок, поскольку до сих пор «ни один из списков произведения не был специально рассмотрен как литературно-историческое явление...; не проведен даже поверхностный сравнительно-сопоставительный анализ известных списков, не выявлены редакции памятника, не обозначены этапы движения его текста; не получили достаточного освещения и такие проблемы, как идейно-стилистические особенности произведения, а также его типологическое и жанровое своеобразие» (с. 25—26), а главное, без от-

вета остается вопрос: почему это «проновгородское» произведение, вопреки элементарной исторической логике, было столь популярно в Московской Руси периода формирования централизованного государства?

Очертив проблемное поле и вместе с тем — «герменевтическое пространство» предстоящего исследования, В.М. Кириллин приступает к обстоятельному методичному анализу и начинает его, следуя лучшим традициям восточнославянской медиевистики, с текстологических штудий ранних редакций «Сказания о Тихвинской Одигитрии», ставя сначала задачу выявить историю формирования памятника на протяжении лишь XVI в. (с. 30—74). Но и эта задача представляется весьма нелегкой, поскольку «текст памятника в течение означенного времени активно развивался и в плане содержания, и в плане выражения; пополнялся состав воспроизводимых фактов, менялись идейная направленность, композиционная и стилистическая организации материала» (с. 31). Тем не менее, исследователю удается выявить 8 редакций «Сказания», не считая текста, помещенного в Воскресенской и Никоновской летописях и зависящего, как доказывает Кириллин, от самых ранних версий этого памятника. С рассмотрения этих двух редакций — обозначенных как *А* и *Б* — наиболее простых по составу и содержанию и отражающих древнейшие этапы литературной истории «Сказания о Тихвинской Одигитрии» и начинает ученый его («Сказания») текстологический анализ. В процессе этого анализа, в частности, уточняется время литературной обработки устного новгородского предания о прославленной иконе — не утвердившееся в научной литературе начало XVI в., когда новгородскую епархию духовно окормлял святитель Серапион, а самый конец XV, конкретно же — 7007 г., то есть еще в бытность новгородским архиепископом знаменитого своей литературно-общественной деятельностью святителя Геннадия (с. 39). Кроме того, убедительно показывается, что хотя редакция эта, несомненно, — «типично новгородское сочинение», однако «русские книжники первой половины XVI в. воспринимали текст последней достаточно отстраненно от новгородской литературы», в частности, «этот памятник осознавался как произведение, отвечающее идейно-эстетическим и литературным вкусам иосифлян» (с. 57).

Редакция *Б*, как выясняет исследователь, пусть и существенно отличается от *А* композиционной организацией изложения, составом фактических сведений и их временной привязанностью, более отвлеченным характером повествования, официальностью стиля, художественным

методом в целом и т.д. (с. 59, 64), но пользователями воспринималась также в контексте формирования единой в идеологическом отношении литературы (с. 61).

Текстологическое исследование В.М. Кириллиным двух наиболее ранних редакций «Сказания о тихвинской Одигитрии» убедительно доказывает, что обе они, вопреки утвердившемуся в научном обиходе мнению, «лишены так называемой проновгородской тенденциозности. В тексте нет ничего, что бы указывало на стремление автора подчеркнуть «духовное превосходство» Новгорода над Москвой; явленная на Тихвинке икона не отождествляется с римско-византийскими святынями, ее явление не связывается даже с падением Константинополя», а популярность «Сказания» «среди волоколамских книжников уже в первой половине XVI в. показывает, как на частную историю бытования в читательской среде какого-либо нового сочинения влияли общая тенденция и характер литературного процесса в целом; в каком сложном взаимодействии находились в первой половине XVI в. областная, в частности новгородская, и общерусская московская книжно-литературные традиции» (с. 54, 64).

Отодвинув время возникновения литературных версий «Сказания» к концу XV — первым десятилетиям XVI в. В.М. Кириллин осознает необходимость рассмотреть бытие этого памятника в контексте общественно-политической жизни Руси означенного периода, то есть эпохи, характерными чертами которой были борьба с ересью «жидовствующих», идейное противостояние «иосифлян» и «заволжских старцев», но и — чрезвычайное усиление в Москве культа Богоматери (с. 75—106). Герменевтическое соотнесение истории рукописного распространения «Сказания о Тихвинской Одигитрии» с культурно-исторической картиной жизни русского общества конца XV — начала XVI в. утверждает исследователя в выводе, что это произведение воспринималось современниками как соответствующее официальной идеологии Русской Церкви и формирующегося самодержавия, так что едва ли не «... сразу после литературной обработки местного устного предания об иконе на Руси — в соответствии с идеологическими установками крепнущего централизованного государства — возникла тенденция к утверждению ее общерусского культа» (с. 105).

Весьма любопытным видится своего рода «лирическое отступление» от основной темы исследования в область метафизики чисел и средневековой схоластической нумерологии, в частности, гематрии, сделанное

В.М. Кириллиным в главе «Хронология событий в “Сказании о Тихвинской Одигитрии” как предмет семантической экзегезы» (с. 107—144). Числовая символика — своего рода «конек» Владимира Михайловича. Нумерологический метод герменевтического анализа разработан и апробирован им еще в его докторской диссертации и монографии «Символика чисел в Древней Руси (XI—XVI вв.)», а затем блестяще применен в книге, посвященной исследованию «Сказания о Мамаевом побоище». С неподражаемым мастерством используя этот свой метод, объясняет исследователь и «несоответствия» или «ошибки» в датировке событий, обнаруживаемые в разных версиях «Сказания о Тихвинской Одигитрии».

Заметив, в частности, что тексты двух наиболее ранних редакций разнятся хронологическими показателями, ученый предпринимает пусть не абсолютно бесспорную, но захватывающе интересную и в целом убеждающую попытку объяснить таковые расхождения из специфики хронологического мышления человека Средневековья, верящего в сакральную магию чисел, из его представлений о времени как рефлексе исторического движения. Основные концепты, на которых ученый возводит свои доказательства, это — сознательная установка автора редакции *Б* на символико-прообразовательный параллелизм, основанный на теологическом понятии троичности, и ассоциативно-символическая связь между числом 15 и образом Богородицы, на основе чего книжник в своем повествовании о тихвинской святыне «попытался с помощью сакральной символики чисел донести до читателя невыразимую средствами простого языка идею о сокровенном смысле явления этой иконы и о последующих чудесах и событиях» (с. 140). Правда, для этого приходится допустить, что автор редакции *Б* действительно был знаком хотя бы с основами спекулятивно-мистической математики и владел методом теософского сокращения, а также — вероятность знакомства автора редакции *Б* со средневековой нумерологией и, кроме того — высокий уровень его литературно-идеологического сознания (с. 135). Однако «критическое» для верифицируемого вывода количество допущений, принимаемое (нужно заметить — весьма корректно и осторожно) В.М. Кириллиным, нивелируется приводимыми ученым примерами из других произведений древнерусской книжности — «Повести о Темир-Аксаке», «Повести о Луке Колочском», «Повести о Святогорских иконах» (с. 140—144), где наблюдается подобная «Сказанию о Тихвинской иконе» «мистико-нумерологическая редактура» хронологического ряда

и что вполне может быть отражением живого процесса закрепления за числом 15 определенных этикетно-смысловых функций в литературе и показателем довольно типичного для русского литературного творчества отношения ко времени. «Во всяком случае, — подытоживает исследователь (и тут с ним трудно не согласиться), — не следует квалифицировать нумерологическую искусственность рассмотренного текста как уникально-единичный факт, совершенно не свойственный древнерусской повествовательной практике» (с. 144).

Исследовав две наиболее ранние редакции «Сказания о Тихвинской Одигитрии» во всех возможных аспектах, Владимир Михайлович, по уже отработанному им алгоритму, анализирует оставшиеся 6 редакций, выявляя дальнейшее литературное развитие текста этого памятника — одного из самых популярных в XVI столетии (причем, не исключительно на землях Московского государства, но и среди православных Великого княжества Литовского!), а потому неоднократно перерабатывавшегося книжниками (с. 145—199). «Создатели данных литературных версий, — заключает ученый этот свой анализ, — с одной стороны, тщательно развивали историко-повествовательную основу предания, представленную еще в текстах *А* и *Б*...; а с другой — старательно разрабатывали идейное содержание новгородской легенды, усиливая прежде всего ее дидактико-нравоучительный и публицистический пафос. При этом, как очевидно, они исходили из интересов общегосударственной (а не местнической) церковной идеологии, рассматривая историю «Тихвинской Одигитрии» в свете учения о переходе, преемственности вселенской власти, но понимаемого ими в том смысле, что Русская земля после падения великих христианских империй — Рима и Византии — осталась последним и единственным в мире оплотом истинной веры, богоизбранной хранительницей апостольского благочестия, по праву приемлющей святыни и священные реликвии Запада и Востока, одной из которых была, в частности, Тихвинская икона Богоматери» (с. 202). Процесс оформления в «Сказании» доктрины о наследовании русским государством от Рима и Византии первенствующей всемирно-исторической роли происходил постепенно: от краткого, лишенного еще достаточной историко-фактологической конкретики и идейной полнозначности сообщения о константинопольском происхождении тихвинской святыни в редакции *В* (с. 209—210) до вполне обоснованной убежденности автора редакции *Е* в том, что Тихвинская Одигитрия — это чудесно перешедшая в Россию икона Богоматери Вла-

хернская (с. 213—214). Традиция отождествления Тихвинской иконы с Влахернским образом не только закрепилась во всех остальных редакциях «Сказания», относящихся к XVI в., но перешла и в произведения XVII в., хотя и не была общепринята на Руси. Однако, замечает, В.М. Кириллин, как бы не решался вопрос о происхождении этой иконы, важно, «что решался он в духе теории «преемственности власти», и, соответственно, Тихвинская Одигитрия оценивалась на фоне всемирной христианской истории (палестинской, римской, византийской), рассматривалась не только как общерусская святыня, но и как общехристианская, во всяком случае, равнозначная всепочитаемым — и в Православии, и в Католичестве — образам Богородицы» (с. 217).

Исследовав памятник в текстологическом, хронотопическом, историко-культурном, структурно-семантическом аспектах, В.М. Кириллин вполне логично и обоснованно подвел читателя к выявлению жанровой специфики «Сказания о Тихвинской Одигитрии» (с. 221—230) — проблеме чрезвычайно сложной из-за того, что, как видится, «концепция жанра» средневековой восточнославянской книжности, основания которой были намечены еще в трудах Н.К. Никольского («Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности», 1902), В.П. Виноградова («Уставные чтения (Проповедь книги)», 1914), Д.С. Лихачева, С.С. Аверинцева и др., до сих пор не получила глубокой разработки. Думается, именно из-за этой непроработанности и возникает в исследовании некоторая понятийно-терминологическая неустойчивость и неопределенность: «сказания об иконах» в отношении их жанровой дефиниции определяются исследователем то как «жанровая форма» (с. 9, 55, 224, 226, 227), то как «жанр» (с. 20, 195, 228, 230), то как «жанровая группа» (с. 226, 227). Так и не придя (как, впрочем, он и предполагал в самом начале главы, с. 223) к некоему удобоприемлемому жанровому определению, исследователь в качестве искомой «жанровой специфики» признает «разножанровость повествовательной структуры» «Сказания о Тихвинской Одигитрии» (во всяком случае, в поздних ее редакциях) при относительном «стилистическом единстве» (с. 227).

Отсутствие четко обозначенных в тексте исследования категориальных дефиниций жанра и стиля несколько мешает адекватно воспринимать, безусловно, интересные наблюдения В.М. Кириллина над «процессом развития жанра» сказания об иконах. Однако, вместе с тем, эти скрупулезно точные и весьма проницательные наблюдения исследова-

теля дают богатый материал для размышлений над природой жанра в средневековой восточнославянской книжной культуре. В частности, — о целесообразности использовать собственно христианскую святоотеческую традицию «жанрового определения», представленную, к примеру, еще в «Изборнике Святослава 1073 г.» в статье «От ап(осто)льскыих оуставъ» (л. 204), где четко обозначены три (воспользуемся удачным термином Д.С. Лихачева) «жанровые ассоциации»: *«повестьныя кънигы»* (куда отнесены библейские книги Царств, то есть повествующие о священных исторических событиях), *«хытростьныя и творитвьныя»* (пророки, Иов и книги Приточника, то есть доносящие и объясняющие волю Божию и способы жизни в согласии с этой волей) и *«песньныя»* (псалмы, то есть восхваляющие Господа и святых его). В полном соответствии с этой классификацией, четья программа Типикона, как заметил еще В.П. Виноградов (ук. соч., вып. 1, с. 37—79) также содержит три основные раздела, то есть те же три «жанровые ассоциации»: *агиография* (не агио[био]графия, включающая лишь житийную книжность, а «святописание» в целом, которое, пользуясь термином В.О. Ключевского, можно было бы назвать «исторической теологией»), *экзегеза* и *панегирик*. Очевидно, что принадлежность произведения к той или иной жанровой ассоциации никак не зависит ни от его темы, ни от его стиля, но в первую очередь — от функции, так что и «явление чудотворной иконы» может быть описано в произведении любой жанровой принадлежности (если исходить из данной концепции жанра), что блистательно показывается в исследовании В.М. Кириллина.

В качестве заключения в книге сообщается о масштабе почитания Тихвинского чудотворного образа Богоматери, о развитии литургической традиции почитания этой иконы на Руси, об обстоятельствах «эмиграции» Тихвинской Одигитрии из России и ее возвращения на родину.

В традициях отечественной историко-филологической науки монография сопровождается изданием текстов, наиболее значимых в процессе формирования предания о Тихвинской Одигитрии, а также — родственной «Сказанию» «Повести о святогорских иконах», так что читатель имеет возможность проверить адекватность наблюдений и выводов исследователя.

В целом, монография В.М. Кириллина, думается, имеет не только собственно историко-литературное, но и, даже в большей степени, — образцово-методологическое значение для всех последующих работ ана-

логичной проблематики. В этом ее безусловная непреходящая ценность. Особенно для белорусской агиологии, где планомерное изучение сказаний о чудотворных иконах (Купятицкой, Жировичской, Остробрамской, Супрасльской, Корсунской-Торопецкой, Минской, Крупецкой и др.) еще не начиналось и даже актуальность такого рода исследований пока, как видится, не осознана — в частности, не было серьезных попыток выявить хотя бы соответствующие корпусы текстов. Исследование В.М. Кириллина дает будущим белорусским агиологам и прочное основание для их будущих (хочется надеяться!) штудий подобного рода, и надежную путеводную нить. Автор не упускает из поля зрения ни одного значимого аспекта: общехристианская традиция почитания чудотворных икон, исторический, культурный и социо-политический контексты возникновения той или иной редакции «Сказания» о Тихвинской Одигитрии, текстология и литературная история памятника, художественная специфика текстов «Сказания» в соотнесенности с характером религиозности «списателя», его политических, этических и эстетических представлений и пристрастий, наконец, роль данного литературного памятника в формировании московской государственности. Для каждого аспекта исследования разрабатывается свой мотодологическо-методический алгоритм и инструментарий. Вместе с тем ученый ведет исследование так, что значимость и глубинная взаимосвязанность всех предлагаемых аспектов становится очевидной — игнорирование любого из них обеднило бы все остальные. А принятый в книге легкий для восприятия, непринужденный стиль неспешной научной беседы с компетентным в данном вопросе коллегой весьма импонирует читателю и делает процесс чтения не только полезным, но и увлекательным.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бортник Игорь Александрович — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Полоцкого государственного университета (Полоцк)

Гаркович Наталья Викторовна — аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск)

Голенченко Георгий Яковлевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

Голубев Олег Евгеньевич — аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск)

Демидович Елена Васильевна — аспирант кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков Белорусского государственного университета (Минск)

Денисова Елена Григорьевна — преподаватель кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков Белорусского государственного университета (Минск)

Дернович Олег Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

Казаков Александр Владимирович — аспирант кафедры истории и политологии Белорусского государственного технологического университета (Минск)

Казаков Леонид Юрьевич — аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета (Минск)

Левшун Любовь Викторовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск)

Любая Алена Александровна — преподаватель кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск)

Мартынюк Алексей Викторович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск)

Николаев Николай Викторович — доктор филологических наук, заведующий отделом редких книг Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

Подолинский Владимир Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета.

Полехов Сергей Владимирович — аспирант кафедры истории России до начала XIX в. Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва)

Рассадин Сергей Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Белорусского государственного технологического университета (Минск)

Стебурако Анатолий Николаевич — аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск)

Темушев Виктор Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

Теплова Валентина Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета (Минск)

Шимак Елена Казимировна — преподаватель кафедры истории России Белорусского государственного университета (Минск)

Якубов Виктор Владимирович — преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Полоцкого государственного университета (Полоцк)

Яновский Олег Антонович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории России Белорусского государственного университета (Минск)

SUMMARY

Halenchanka G.J. *To the question about ethnical and enthnoconfessional categories of the Grand Duchy of Lithuania in the XIV—XVI centuries: "Beloruscy", "Litvins" and "Rusins" in discourses of the contemporary investigators and written sources*

The author considers the question about enthnoconfessional categories, which were used in the Grand Duchy of Lithuania in the XIV—XVI centuries, on the wide circle of original sources. This problem is very controversial in modern historical literature. He comes to the conclusion that with respect to the most of inhabitants of the Grand Duchy of Lithuania in this period the term "Rusins" using is more correct.

Dziarnovich A.I. *Moscowitica—Ruthenica: the Riga archival complex on history of East and Central Europe in the XIII—XVII centuries*

Riga in the XIII—XVI centuries was actually at the head of Livonian cities, and the Riga city council operated Polotsk and Novgorod offices of German merchants and the relations with other Hansa cities. For this reason in the Riga city archive a plenty of trading and foreign policy documents was kept. The Riga archivists have included in the *Ruthenica* section the most ancient documents of the XIII—XV centuries and also documents under attitudes with the Grand Duchy of Lithuania (the central administration and cities). In the *Moscowitica* section have been concentrated materials on attitudes of Riga and Livonia with Novgorod, Pskov and the Russian state. But in the XVII century the *Ruthenica* section and the *Moscowitica* section have practically merged in one, inventories and registers of the XVIII century do not divide sections any more. Today the *Moscowitica-Ruthenica* as the uniform complex does not exist.

Golubev O.E. *Grand duke of Lithuania Olgerd: duke or tsar?*

The little known episode from history of the XIV century — attempt to use the title "tsar" in the correspondence between Olgerd, the ruler of the Grand Duchy of Lithuania, and Philophei, the patriarch of Constantinople. This episode is considered at the general context of the title evolution at the lands of Old Rus.

Polekhov S.V. *To the question about coup d'etat in the Grand Duchy of Lithuania in 1432*

The article analyses the events which led to the coup d'état in the Grand Duchy of Lithuania in 1432. Special attention is paid to the composition of the Grand Duchy of Lithuania ruling elite under Grand Duke Svidrigailo. The analysis of all published and some unpublished sources referring to that period shows that there are no reasons to speak of Svidrigailo's alleged pro-Orthodox/Russian policy and the Catholic/

Lithuanian reaction to it. According to the new explanation presented in this article the main tensions between Grand Duke Svidrigailo and a certain part of the Grand Duchy of Lithuania ruling elite concerned the Grand Duchy's relationships with Poland.

Temushev V.N. *Formation of the Moscow-Lithuanian border in the XV and at the beginning of the XVI centuries*

The article describes the process of formation of the border between Grand Duchy of Lithuania and Grand Duchy of Moscow in the XV and at the beginning of the XVI centuries. The opportunities of reconstruction of the Moscow-Lithuanian border have broadened thanks to new methodology, allowing usage of many more sources. As a result, dynamics of the territorial variations of both states during more than a century was revealed and the borderline between them was defined with better accuracy.

Kazakou A.U. *Prince Macvej Mikicinich: the origin and the emigration*

The article is devoted to the origin of the servitor of the grand duchess of Lithuania Alena Ivanauna — prince Macvej Mikicinich, and the way he emigrated from Moscow to Lithuania.

Padalinski U.A. *Attitude to the War in the Public Opinion of the Grand Duchy of Lithuania's szlachta in 1570—1580*

Public opinion of the Grand Duchy of Lithuania's szlachta towards the Livonian War is analyzed. The szlachta was ready to fight only for the interests of their country. Indispensable conditions were direct participation of the King and Grand Duke in the organization of the operations and provision of Polish military aid. Such factors as szlachta's patriotic spirit, justice of the war and its long-term results had been also influencing formation of the public opinion. The war had been enabling to make good political career, and to get new lands.

Shymak A.K. *The mediation of the Roman Curia at the time of the final phase of Livonian war*

In 1579 an armistice, concluded during Livonian war between Polish-Lithuanian Commonwealth and Russian Kingdom, was changed into the active military operations. The critical situation during the war forced tsar Ivan IV to look for the mediation of Rome. The pope Gregory XIII, who had triggered the organization of the next coalition against the Ottoman Empire, tried to reconcile the confronting sides and was ready to use the dubious initiative of Moscow. The final phase of Livonian war was characterized by diplomatic tensions in Moscow, Rome, Krakow and Vilnius.

Jakubau V.V. *The relationship between the Grand Duchy of Lithuania and the Polish Kingdom with respect to Inflants in 1582—1621*

The article is dedicated to the problems of the relations of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish Kingdom, which arose because of Inflants (Right-bank Livonia). The representatives of the great Duchy of Lithuania tried to overcome the resistance of the Polish feudals led by Y. Zamojskij at general seims, using all methods of political actions including blackmailing. The problems, which resulted from the control of Inflants by the Commonwealth, caused the ambassadors of the Grand Duchy of Lithuania to disrupt several general seims. The objective geopolitical interests and possibilities of the Grand Duchy of Lithuania and its active participation in the military operations during the war between the Commonwealth and Sweden in Inflants in 1600—1609 created the situation when by 1609 the province was under actual control of the Grand Duchy of Lithuania, while alternate and condominium turned out to be mere formality.

Dzemidovich E.U. *The relations between Grand Duchy of Lithuania and Swedish Kingdom at the end of the XVI — beginning of the XVII centuries in the light of Lublin Seym's decision*s

The article deals with the relations between the Grand Duchy of Lithuania and the Swedish Kingdom at the end of the XVI — beginning of the XVII centuries. The special attention is paid to the political activity of Grand Duchy of Lithuania in the sphere of its foreign policy which contradicted the terms of the Lublin union of 1569.

Kazakou L.Y. *The impact of the European economic process on the agricultural evolution of the Grand Duchy of Lithuania at the second part of the XVI — beginning of the XVII centuries*

This article is dedicated to the influence of trade of the Grand Duchy of Lithuania with European countries on the economic processes in the Grand Duchy of Lithuania. The main attention is given to the condition and the dynamic of development of agriculture of Belorussian land in the context of economic processes in the countries of Western Europe.

Levshun L.V. *Culture of the West Russian lands under conditions of the Union at the XIV—XVII centuries*

Considering the cultural origination of the "Rusin's" ethnical community in the Grand Duchy of Lithuania and Polish-Lithuanian Commonwealth , the author shows how in the culture of West-Russian territories, under influence of pagan Lithuanian and polish catholic factors, there were, on the one hand, the comple-

mentary processes of "back-assimilation" and stratification of the former ethno-cultural unity, on the other hand — there were also the processes of accommodation and subsequent assimilation (until the transition into the other cultural tradition). The result of these processes was "washing out" of the ethnocultural self-identification of the "Rusin's" community, which took place in the second half of the XVI century to the cultural smash — the loosing ancestor's tradition, cultural elite, literary-written language.

Dzianisava A.R. *The right of patronage in the lawful status of the orthodox church of Byelorussian lands at end of the XV—XVI centuries*

The article considers the problems of the lawful status of the orthodox church of Byelorussian lands at end of the XV—XVI centuries. It accentuates the considerable influence of the temporal society on the status of the church. It emphasizes that the relations between the church and the society were constructed on the foundation of the right of patronage. This circumstance created the best conditions for the beginning of abuses of different kinds. The abuses damaged the prestige and the lawful status of the Orthodox Church.

Teplova V.A. *The Brest Church Council and the Brest Church Synod in 1596 in the light of the Orthodox ecclesiologic*

The article deals with events in Brest in 1569, which led to creation of the Church union in the lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth. In compliance with the canon law, the author suggests to distinguish the Brest Church Episcopal Synod, which accepted the Union, and the Orthodox Brest Church Council. In particular the last went on t in compliance with the canon law and had the right to named "the Council".

Bortnik I.A. *The problem of tolerance in the orthodox polemic literature of the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1596—1632*

The article is dedicated to the problem of tolerance in the orthodox polemic literature of the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1596—1632. The legal, political-pragmatic and moral-religious aspects of this literature are analyzed in the article. In the given period it is natural to the orthodox thought to perceive tolerance as a social-political phenomenon, which is connected with the absence of legal guarantees of the status of the Orthodox Church after the Brest Union. Together with it the research of moral-religious aspect of tolerance in terms of the Brest Union allows to single out the most important elements of intolerance. In general it is possible to state the situational character of approach towards tolerance in the orthodox polemic thought.

Harkovich N.V. *From the history of brotherhood movement in Volhynia and in Lithuania in the end of XVI century: Stefan Zizanij*

In a context of general tendencies of educational activity of orthodox believers in Volhynia and in Lithuania in the end of XVI century, in article activity of Stefan Zizanij on education of "Rusins" in the Grand Duchy of Lithuanian is considered, the theological maintenance of known products of the brotherly apologist is short characterized. The author comes to the conclusion that up the time of peak of activity of Stefan Zizanij (90th of XVI century), orthodox believers had the developed theological school successfully resisting to opponents.

Nikolaev N.V. *The raising and the failure of the "Lithuanian" culture (1501—1648): the cultural historical context*

The fundamental milestones of the political and cultural development of the Grand Duchy of Lithuania in the XVI — the first half XVII century are considered in the article. The effective cooperation of different cultures, which represented in the Grand Duchy of Lithuania, was the characteristic of this period. However, all these progress were lost during critical national and confessional conflicts in the XVII centuries.

Stseburaka A.M. *"Rozmova/Beseda"* (*to the question about the origin of the I. Uzhevicz's manuscript "Rozmova/Beseda. Recueil des diffŭrens usages entres la dialecte vulgaire pour la parfaite connaissance de la langue"*)

This article deals with the little known monument of the XVII century — old Belarusian-Russian phrase-book, which is found in the French National library. The questions about authorship, language and manuscript creation time are considered in the article. This monument is the interest of the Belarusian historians and philologists.

Rassadin S.E. *About some finds of Shatilinski island in 2008*

The article is devoted to archaeological finds of Shatilinski island discovered in 2008. The facts permit to obtain more specific information about chronology of evolution of the settlement in modern Svetlogorsk place.

Liubaya A.A. *Tatar "pominki" at the context of relationship between the Polish kingdom, the Grand Duchy of Lithuania and the Crimean khanate at the XVI century*

This publication deal with a problem of pecuniary and material presents, which were sent by Polish-Lithuanian monarchs to Crimean khans at regular intervals during the XVI century. In a shot introduction, which anticipated the publication, the author considers reasons of beginnings of Polish-Lithuanian payments to Crimean khans, their intension and regularity. She also analysis their role in the

political culture of the Eastern Europe in the “post-Horde” epoch . The text of publication is accompanies by a glossary, where some exploitable words and terms are explained.

Yanovski O.A. *The power and the individual at the Russian history: reasoning about their unity*

This article is about relationship between the power and the individual in the Russian history. Regardless of the external conditions changes, this relationship remains rather constant in different times. The author invites to the discussion about relationship between the state and the society in Russia and in other countries of the post-Soviet space.

Научное издание

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Научный сборник

Выпуск 1

Ответственный за выпуск ***Т. Е. Янчук***

На обложке: Правители Восточной Европы. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в. Библиотека Академии наук, Санкт-Петербург.

Подписано в печать 15.12.2008. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Петербург. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,21. Уч.-изд. л. 15,77.
Тираж 100 экз. Заказ 1350.

Адрес редакции: ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.
Республиканский институт высшей школы,
кафедра историко-культурного наследия Беларуси.

Тел.: +375 (17) 219-06-68. E-mail: albaruthenica@mail.ru

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
ЛИ № 02330/0131748 от 01.04.2004. Ул. Красноармейская, 6, 220030, г. Минск.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в Республиканском унитарном предприятии
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
ЛП № 02330/0056850 от 30.04.2004. Ул. Красноармейская, 6, 220030, г. Минск.